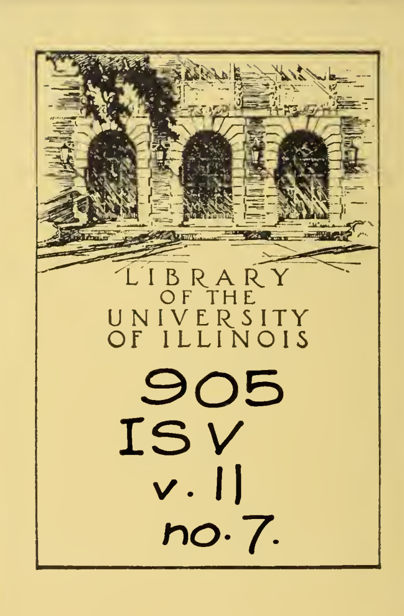
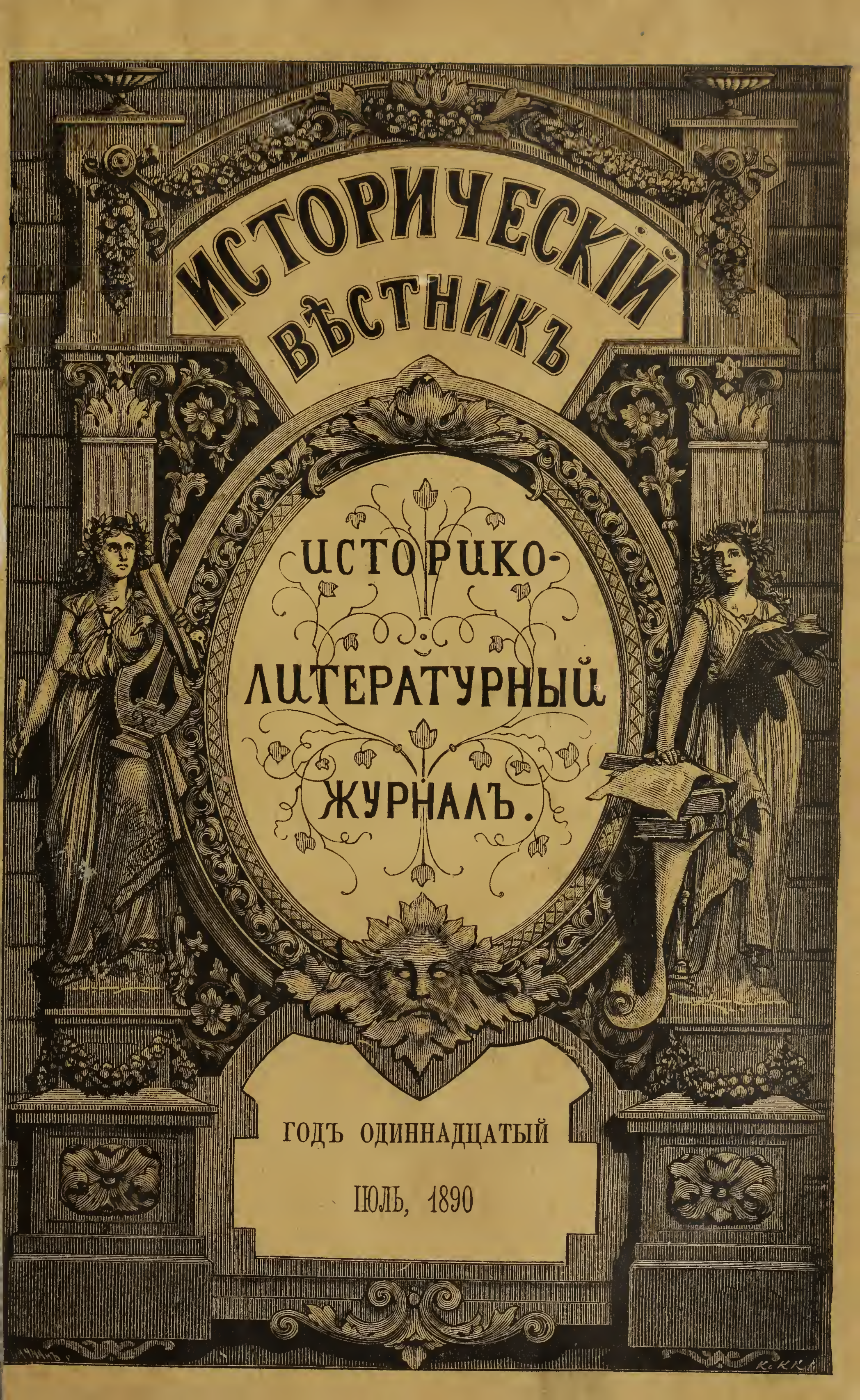

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
905
ISV
v. 11
no. 7.


ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ
ІЮЛЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1890 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLI

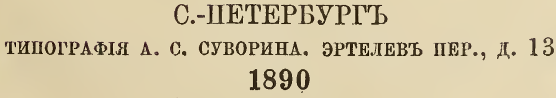
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLI

1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ


ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ

Съ весьма рѣдкаго литографированнаго портрета.

Дозв. ценз. Спб., 23 iюня 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ? [1])

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XXIV.

Въ куль да въ воду.

Въ ТО ВРЕМЯ, когда въ Астрахани и въ Москвѣ происходили описанныя нами событія, какъ извѣстно, заключенъ былъ съ Польшею Андрусовскій миръ.

Виновникомъ этого гибельнаго для Малороссіи мира былъ старый нашъ знакомый, Ординъ-Нащокинъ-отецъ. Этимъ постыднымъ миромъ Малороссія разрѣзывалась пополамъ, такъ сказать—по живому тѣлу: вся правобережная Украйна, Волынь и Подолія, отдавалась Польшѣ вмѣстѣ съ величайшею святынею русскаго народа—Кіевомъ!

Мало того! Ходили слухи—и не безосновательные—что Ординъ-Нащокинъ совѣтывалъ царю совсѣмъ уничтожить казачество, какъ корень всѣхъ смутъ внутри государства и какъ начало всѣхъ несогласій и недоразумѣній съ сосѣдними государствами: долой Запорожье! долой донское и яицкое войско!

Когда эти слухи проникли на Запорожье и на Донъ, тогда все казачество подняло голову.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 489.

— Лучше жить въ братствѣ съ турками, чѣмъ съ москалями!— крикнулъ на полковничьей радѣ Брюховецкій, потрясая въ воздухѣ гетманскою булавой.

Это онъ выкрикнулъ въ Гадячѣ. Подобный же возгласъ раздался и на Дону, на небольшомъ островѣ Кагальникѣ.

— Я вырѣжу до-ноги все московское боярство и всѣхъ господъ, и поставлю надъ Русской землею одинъ казацкій кругъ!—сказалъ Разинъ, когда къ нему на Донъ явились посланцы отъ Брюховецкаго.

Посланцы эти—наши старые знакомые, которыхъ мы видѣли, въ первой главѣ нашего повѣствованія, въ Столовой избѣ Грановитой палаты, на отпускѣ у царя Алексѣя Михайловича: это— Гарасимъ Яковенко или «Гараська-бугай», Павло Абраменко и Михайло Брейко, тотъ самый великанъ, который растянулся во весь ростъ на ступеняхъ державнаго мѣста и восклицаніемъ—«оцè лихо! николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!»—вызвалъ общій смѣхъ.

Посланцы привели отъ гетмана въ подарокъ Разину прекраснаго бѣлаго арабскаго коня подъ богатымъ чапракомъ, а для казацкаго круга пригнали сто превосходныхъ черкаскихъ воловъ, рога которыхъ перевиты были красными, голубыми, алыми и зелеными лентами.

— Ужъ и хохлы дошлые! словно красныхъ дѣвокъ воловъ своихъ лентами изнарядили!—удивлялись донцы, любуясь прекрасными волами.

Станъ Разина въ это время, какъ сказано выше, находился на островѣ Кагальникѣ. Станъ былъ обнесенъ высокимъ землянымъ валомъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ поставлены были пушки очень внушительныхъ размѣровъ. За валомъ вся площадь острова, т. е. внутренняя часть острова, состояла изъ массы небольшихъ кургановъ съ торчавшими изъ нихъ плетеными трубами: это были земляныя избы или «курени», въ которыхъ помѣщались казаки Разина и онъ самъ.

— Тебѣ бы, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, особый куренекъ срубить,—говорилъ ему есаулъ Ивашка Черноярецъ, когда рыли землянки для войска.

— У Христа и норы лисьей не было, а онъ былъ царь надъ царями,—отвѣчалъ Разинъ.

Гетманскихъ пословъ Разинъ принялъ безъ всякихъ излишнихъ церемоній, которыхъ онъ терпѣть не могъ, говоря, что они служатъ «для отводу глазъ дуракамъ», и только приказалъ стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ, когда послы съ берега садились въ лодки, чтобъ ѣхать на островъ, и когда пристали къ острову.

Присланныхъ гетманомъ воловъ оставили на берегу, конечно, на время, для корму, а коня перевезли на островъ и торжественно провели передъ выстроившимися казаками.

Разинъ тотчасъ же собралъ «кругъ». Въ кругу стояли: Разинъ съ своимъ есауломъ и три гетманскіе посла. Въ рукахъ у Разина была богатая атаманская «насѣка» или бунчукъ.

Гарасимъ Яковенко нѣсколько отступилъ отъ товарищей впередъ и подалъ Разину «листъ» отъ гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго къ господину атаману Степану Тимоѳеевичу Разину и всему вольному войску донскому. Разинъ взялъ «листъ»-пакетъ, поцѣловалъ печать, бережно разломалъ ее и, вынувъ изъ пакета бумагу, подалъ ее есаулу.

— Вычитай, что̀ пишетъ намъ ясновельможный гетманъ и все славное запорожское войско низовое,—сказалъ онъ, нѣсколько преклоняя бунчукъ въ знакъ почтенія къ посольству.

Въ посланіи говорилось о нестерпимыхъ утѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Москвою и ея воеводами Украинѣ, объ отдачѣ Кіева и всѣхъ печерскихъ угодниковъ полякамъ, о намѣреніи уничтожить все казачество.

Казаки не дали есаулу дочитать посланіе до конца.

— Не бывать этому!—кричали они, хватаясь за сабли, точно бы врагъ стоялъ передъ ними на лицо.

— На осину всѣхъ бояръ! въ куль да въ воду!—кричали другіе.

Посланцы Брюховецкаго объяснили, что заводчикомъ всего этого у царя—Аѳонька Ординъ-Нащокинъ.

— Онъ и сына свово, проклятаго Воинку, подсылалъ къ намъ лазутчикомъ,—пояснялъ великанъ Брейко.

— А наши казаки выкрали его у ляховъ. Мы думали, что оно что-нибудь доброе, а оно вонъ что̀! змѣиное отродье!—добавилъ «Гараська-бугай».

— Мы ево и въ Москвѣ найдемъ!—кричали казаки.

— И батюшку и сынка въ одинъ куль!—добавляли другіе.

«Майданъ» долго волновался, пока Разинъ не махнулъ бунчукомъ. Все утихло.

— Атаманы-молодцы и все вольное войско казацкое!—возвысилъ голосъ Разинъ:—Москва хочетъ утопить насъ въ ложкѣ воды, отобрать отъ насъ казацкія вольности...

— Этому не бывать!—опять послышались крики.

— Не бывать!—подтвердилъ и Разинъ.—Мы сами зажгемъ московское государство съ двухъ концовъ: мы съ Волги, запорожскіе казаки и татары—съ Днѣпра, и тогда посмотримъ, кто кого въ крови утопитъ!

— Любо! любо! Только не мы утонемъ!—кричали казаки.

Между тѣмъ на кострахъ, разведенныхъ еще съ утра, на пищальныхъ шомполахъ уже жарились огромные куски черкаской говядины, а изъ войскового подвала выкатывались бочки съ виномъ.

Скоро на майданѣ начался пиръ.

И донскіе, и запорожскіе казаки всѣ были горазды выпить, а потому гульня была жестокая.

Чей-то голосъ вдругъ затянулъ:

«Какъ у насъ на Дону́,
«Во Черкаскомъ городу́...»

— Къ бѣсу Черкаской городъ!—раздались другіе голоса:—тамъ Корнилка Яковлевъ за одно съ Москвою! Въ воду всѣхъ согласниковъ!

Тогда другой голосъ запѣлъ:

«Какъ у насъ на Дону́,
«Въ Кагальницкомъ городу́!»

— Любо! любо! въ Кагальницкомъ городу̀!

Пьяные голоса перебивали одинъ другого, никто никого не слушалъ. А какой-то казакъ съ вырванною ноздрей, взявшись въ боки, присѣдалъ пьяными ногами и приговаривалъ:

«А какъ нашъ-отъ козелъ
«Всегда пьянъ и веселъ,—
«Онъ шатается,
«Онъ валяется...»

Ему вторила другая пьяная, тоже вырванная ноздря—изъ «сибирныхъ», которая, приставивъ сложенныя ладони ко рту, дудѣла какъ на дудкѣ:

«А-бу-бу-бубу-бу-бу̀,
«Сидитъ воронъ на дубу̀,
«Онъ играетъ во трубу,—
«Труба точеная,
«Позолоченая!»

Между тѣмъ Разинъ, который въ это время разговаривалъ съ запорожскими послами, вспомнивъ что̀-то, всталъ на ноги (онъ сидѣлъ и пировалъ съ послами на разостланномъ персидскомъ коврѣ) и крикнулъ такимъ голосомъ, который всѣхъ заставилъ очнуться.

— Атаманы-молодцы! слушать дѣло!—поднялъ онъ бунчукъ.— Привести сюда бабника съ бабой!

Нѣсколько казаковъ бросились къ небольшой земляной тюрьмѣ и вывели оттуда рослаго, широкоплечаго и мускулистаго казака и молоденькую дѣвушку-казачку. За ними еще одинъ казакъ несъ длинный рогожный куль, въ которомъ отчаянно метался и мяукалъ котъ.

Приведенный изъ земляной тюрьмы молодой казакъ смотрѣлъ кругомъ смѣло, вызывающе, дерзко. Юная же подруга его была блѣдна, какъ мѣлъ, и едва стояла на ногахъ. Молодость и миловидность ея были таковы, что даже грубыя, зачерствѣлыя черты убійцъ при видѣ ея смягчались.

Несчастные обвинялись въ тяжкомъ для «казака въ полѣ» преступленіи. Тренька Порядинъ—такъ звали молодого казака—ны-

нѣшней ночью стерегъ на войсковомъ лугу казацкихъ коней. Когда же дозорные казаки обходили ночью войсковой табунъ и провѣряли варту, то застали Треньку Порядина съ этой дѣвушкой, съ Палагой Юдиной, съ сосѣдняго хутора. А по казацкому обычаю, «казакъ въ полѣ» за сношеніе съ бабой подвергался смертной казни: «въ куль да въ воду», притомъ вмѣстѣ съ бабой, если она поймана, и вдобавокъ — съ котомъ, который бы ихъ царапалъ въ кулѣ.

Когда вины несчастныхъ были сказаны есауломъ въ казацкомъ кругу передъ гетманскими послами, Разинъ сказалъ:

— Вершите, атаманы-молодцы! — въ куль да въ воду!

Говоря это, онъ не сводилъ глазъ съ трепетавшей дѣвушки. Въ его душѣ вдругъ всталъ другой милый образъ, такъ безчеловѣчно погубленный имъ. За что̀? за чью вину? И уже никогда, никогда этотъ милый образъ не явится ему на яву, какъ онъ часто является ему во снѣ и терзаетъ его душу позднимъ, напраснымъ раскаяньемъ. И его разомъ охватила такая тоска, такая душевная му̀ка, что онъ самъ, кажется, охотно бы пошелъ въ этотъ куль и въ воду...

— Въ куль да въ воду!—повторили голоса въ кругу, иные видимо не охотно.

Осужденный посмотрѣлъ въ глаза своему атаману такимъ взглядомъ, что даже Разинъ смутился.

— Тебя, вора, въ куль да въ воду!—глухо произнесъ осужденный.—Ты не по закону жилъ съ персицкою княжной, бусурманкой, а Палага — моя законная невѣста...

Глухой ропотъ пронесся какъ вѣтеръ по майдану. Разинъ страшно поблѣднѣлъ и пошатнулся, словно бы отъ удара. Слезы и судороги сдавили ему горло...

— Онъ правъ... онъ правъ, братцы! — рыдая говорилъ онъ: — вяжите меня въ куль... я не отецъ вамъ... я не жилецъ на этомъ свѣтѣ... Охъ, смерть моя!... вяжите! вяжите меня!...

Разинъ упалъ на колѣни и положилъ бунчукъ на землю.

— Простите меня, братцы!—и онъ кланялся въ землю.—А теперь вяжите — вотъ мои руки — въ куль, въ куль, да въ воду!...

Онъ говорилъ точно въ бреду. Весь майданъ онѣмѣлъ отъ ужаса...

Наконецъ, нѣкоторые изъ казаковъ опомнились, бросились къ своему атаману, подняли его...

— Батюшка! отецъ нашъ! не покидай насъ, сиротъ твоихъ!— умоляли они его: — безъ тебя мы пропали.

Стонъ прошелъ по всему майдану. Разина обступили, цѣловали его руки, плакали...

Плакалъ и онъ... Въ плачѣ этомъ слышалось глубокое отчаяніе.

Но потомъ онъ быстро подошелъ къ осужденному и горячо обнялъ его:

— Прости меня, Тренюшка! прости, родной мой! И ты меня прости, Палагеюшка!

Онъ поклонился дѣвушкѣ въ землю. Та, блѣдная, все еще растерянная и трепещущая отъ ужаснаго надъ нею и ея возлюбленнымъ приговора, силилась поднять валявшагося въ ея ногахъ страшнаго атамана.

— Прости! прости меня!—повторилъ Разинъ:—за твой дѣвичій стыдъ! за мое окаянство — прости!

— Богъ всѣхъ проститъ! Богъ всѣхъ проститъ!—раздались отдѣльные голоса на майданѣ, а за ними въ одинъ голосъ закричало все войско: — Богъ всѣхъ проститъ! Богъ всѣхъ проститъ!

Эта картина, полная глубокаго драматизма, произвела сильное впечатлѣніе на запорожцевъ.

Въ концѣ концовъ, осужденные были помилованы и какъ почетные гости посажены въ кругѣ, а ни въ чемъ неповинный котъ, выпущенный изъ куля, съ сердитымъ фырканьемъ вскочилъ на ближайшую развѣсистую вербу и злобно глядѣлъ оттуда своими круглыми, горѣвшими зеленымъ огнемъ глазами.

XXV.

Жена Разина.

Посольство Брюховецкаго къ Разину, какъ извѣстно, ни къ чему не привело. Гетманъ правобережной Украины, Дорошенко, въ нѣсколько недѣль покорилъ подъ свою власть всю лѣвобережную Украину, и Брюховецкій своею же черныо — «голотою» — въ нѣсколько минутъ былъ забитъ палками и ружейными прикладами, «какъ бѣшеная собака», по выраженію лѣтописца.

Разину предстояло дѣйствовать одному съ своими казаками.

Наступалъ 1669 годъ. Донъ вскрылся рано. Надо было думать о походѣ.

Вдругъ однажды подъ вечеръ разинскіе молодцы, которые ловили въ Дону, ниже Кагальника, рыбу, замѣтили лодку, которая осторожно, среди густыхъ тальниковъ и видимо крадучись, пробиралась къ казацкому стану. Ловцы настигли ее и увидѣли, что въ ней сидитъ женщина. На окликъ сначала отвѣта изъ лодки не послѣдовало и лодка продолжала спѣшить къ острову.

— Остановись, каюкъ, стрѣлять будемъ!—закричалъ одинъ изъ ловцовъ и выстрѣлилъ по подозрительному каюку̀.

Послѣ выстрѣла каюкъ остановился. Ловцы подплыли ближе: въ каюкѣ находилась только одна женщина среднихъ лѣтъ, повидимому казачка.

— Ты кто такая и откель?—спросили ловцы.

— Сами видите, атаманы-молодцы, что я казачка и ѣду изъ Черкаскова,—смѣло и даже гордо отвѣчала неизвѣстная женщина.

— Видимъ, что не татарка,—улыбнулся одинъ изъ ловцовъ,— а куда путь держишь?

— Къ атаману Степану Тимоѳеичу Разину,—былъ отвѣтъ.

— О-го-го!—покачалъ головой тотъ же ловецъ,—высоко, болѣзная, летаешь, а гдѣ-то сядешь!

— Сяду рядомъ съ вашимъ батюшкой атаманомъ!—гордо отвѣчала казачка.

— Не погнѣвайся, молода молодка,—замѣтилъ другой ловецъ, постарше,—въ нашъ городокъ вашъ братъ, баба, и ногой ступить не можетъ; а то заразъ кеси̂мъ башка!

— Што такъ строго?—презрительно улыбнулась смѣлая казачка.

— А такъ—у насъ законъ таковъ: чтобъ бабьятиной и не пахло,—отвѣчалъ младшій ловецъ.

— Чтожъ—али баба псиной пахнетъ?—презрительно пожала плечами казачка.

— Псиной не псиной, а припахиваетъ.

Этотъ дерзкій отзывъ взорвалъ казачку: она вспыхнула и замахнулась весломъ, чтобъ ударить обидчика. Тотъ едва увернулся.

— О! да она и въ самомъ дѣлѣ съ запашко̀мъ!—засмѣялся онъ.

— Прочь вислоухіе!—закричала внѣ себя казачка:—мнѣ не до васъ, сволочь!—мнѣ спѣшка видѣть атамана̀; а задѐржите меня—завтражъ васъ въ куль да въ воду!

Она торопливо сняла съ своей руки перстень съ бирюзой и подала старшему ловцу.

— На! заразъ же покажь этотъ перстень атаману,—мнѣ ждать нѐколи, а ему и тово меньше!—сказала она повелительно.

Все это говорилось такимъ тономъ, и вообще незнакомая женщина такъ вела себя, что казаки уступили ея требованію и поплыли къ острову. Незнакомка слѣдовала за ними. Она такъ сильно и умѣло работала весломъ, что ея легкій каючо̀къ не отставалъ отъ казацкой лодки.

Скоро они были у острова. Изъ-за земляного вала, которымъ былъ обнесенъ станъ Разина, кое-гдѣ поднимался синеватый дымокъ къ небу.

Лодка и каюкъ пристали къ берегу. Старшій ловецъ тотчасъ же отправился въ станъ, а младшій съ незнакомой казачкой остались на берегу.

— Чтожъ у васъ въ Черкаскомъ дѣлается?—спросилъ-было незнакомку оставшійся на берегу ловецъ.

— Это я скажу атаману,—былъ сухой отвѣтъ.

«Фу ты, ну ты!» подумалъ про себя ловецъ, и только пожалъ плечами.

Скоро воротился и тотъ казакъ, который ходилъ въ станъ съ перстнемъ.

— Иди за мной,—сказалъ онъ незнакомкѣ,—батюшка Степанъ Тимоѳеичъ приказалъ звать тебя.

Незнакомка повиновалась. По лицу ея видно было, что волненіе и страхъ боролись въ ней съ какимъ-то другимъ чувствомъ.

Разинъ ждалъ ее на майданѣ въ кругу нѣсколькихъ казаковъ. Выраженіе лица его было сурово.

Незнакомка робко подошла къ нему и опустилась на колѣни. Разинъ молча вглядывался въ ея черты.

— Степанушка! Стеня!—али ты не узналъ меня?—съ нѣжнымъ упрекомъ произнесла пришедшая.

— Нѣтъ, узналъ,—сухо отвѣтилъ Разинъ.

Но и на его холодномъ лицѣ отразилось волненіе и какое-то другое чувство.—Стоявшая передъ нимъ женщина была когда-то его женой.—Была!—Да она и теперь его жена: вотъ тотъ перстенекъ съ бирюзой, который когда-то, въ ту весеннюю ночку, онъ самъ надѣлъ ей на пальчикъ. Помнитъ онъ эту ночку — онѣ не забываются. Но чѣмъ-то другимъ, какою-то пеленою заслонились воспоминанія этой, давно минувшей ночи.—Послѣ нея были другія ночи—не здѣсь, не на Дону, а на морѣ...

— Встань, Авдотья, — болѣе мягкимъ голосомъ сказалъ атаманъ,—тебѣ сказали, что у насъ здѣсь нѣтъ женъ?

— Сказали,—отвѣтила жена Разина,—да я не къ мужу пришла, а къ атаману.

— Сказывай же, съ чѣмъ пришла?—спросилъ тотъ.

— Я при нихъ не скажу,—указала она на казаковъ.

— У меня отъ нихъ тайны нѣтъ,—возразилъ атаманъ.

— Такъ у меня есть,—съ своей стороны возразила жена атамана,—отойдемъ къ сторонѣ.

Разинъ нетерпѣливо пожалъ плечами, но исполнилъ то, чего требовала отъ него жена.

Когда она передала ему чтò-то на ухо. Разинъ сдѣлалъ движеніе не то удивленія, не то досады. Жена продолжала говорить чтò-то съ жаромъ. Глаза атамана сверкнули гнѣвомъ.

— А! дакъ они вотъ какъ!—глухо произнесъ онъ,—ладно же!—я имъ покажу!

— Атаманы-молодцы! — громко обратился онъ къ кругу,—нынче же въ Черкаской!—Слышите?

— Слышимъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ! любо!—гаркнули казаки.

— А тебѣ, Авдотья, спасибо за вѣсть,—сказалъ Разинъ женѣ.—А теперь уходи восвояси: тебѣ здѣсь не мѣсто.

— Не мѣсто!—А персицкой любовницѣ было мѣсто!—крикнула жена атамана.

Глаза оскорбленной женщины и жены сверкали негодованіемъ. Не такого пріема ожидала она отъ мужа послѣ стольких лѣтъ разлуки. А онъ словно царь какой принялъ свою—когда-то Кулю, желанную, суженую. Въ этотъ моментъ она забыла, что сама когда-то знать его не хотѣла, когда онъ былъ невѣдомымъ бродягой и шатался съ такими же бродягами... А теперь онъ—царь, настоящій царь!... «Спасибо за вѣсти, а намъ тебя не надо... тебѣ здѣсь не мѣсто!...» Безсильная злоба кипѣла въ ея душѣ...

И какъ на зло—бывшій ея мужъ сталъ теперь еще красивѣе: сѣдина въ курчавой головѣ такъ шла къ его черной бородѣ... А когда-то она ласкала эту бороду, эту буйную голову... Послѣ нея ласкала другая... Эта была милѣе, желаннѣе...

— Не мѣсто! женѣ не мѣсто, а любовницѣ—мѣсто!—повторила она злобнымъ шопотомъ.

— Авдотья!—тихо, сдержанно сказалъ ей мужъ,—уходи, если не хочешь сейчасъ же напиться донской воды.

— Хочу! утопи меня!—настаивала упрямая казачка.

— Ты не стоишь этого!—махнулъ рукою Разинъ, и началъ готовиться къ походу въ Черкаскъ.

Жена бросилась было за нимъ, но потомъ, закрывъ лицо руками, со слезами ушла съ майдана.

Скоро ея каючòкъ отчалилъ отъ берега и скрылся во мракѣ.

— Нè солоно хлебала,—сказалъ про себя провожавшій ее до каюка молодой ловецъ.

XXVI.

На Москву—шапокъ добывать!

Вѣсти, привезенныя изъ Черкаска женою Разина, были дѣйствительно тревожнаго свойства.

Изъ Москвы прибылъ на Донъ бывшій недавно въ «жильцахъ» стольникъ Еремѣй Сухово-Евдокимовъ, который такъ отличался въ прошломъ году, во время послѣдняго купанья стольниковъ и жильцовъ въ Коломенскомъ пруду, что Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ его двумя обѣдами разомъ. Еще тогда же дворскіе завистники говорили, что Еремѣй шибко пойдетъ въ гору послѣ такой «царствой ѣствы, о какой у него и на умѣ не было».

Дѣйствительно, въ Сухово-Евдокимовѣ учуяли ловкаго малаго, который въ одно ушко влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ, и раннею же весною ему уже дали серьезное порученіе: ѣхать на Донъ съ милостивою царскою гра[illegible]ою, а подъ рукою разузнать—не затѣваетъ ли вновь чего Раз[illegible]. Въ Москвѣ уже извѣстно было и о варварскомъ его поступкѣ съ дочерью хана Менеды—Заирою, и о томъ, что онъ не соединился съ прочими донскими казаками, а

основалъ свой особый станъ на Кагальникѣ. Все это очень безпокоило Алексѣя Михайловича.

Вотъ съ этимъ-то двойственнымъ порученіемъ и явился въ Черкаскъ Сухово-Евдокимовъ «съ товарищи».

— Я знаю, Еремѣй, твое усердіе: ты и тамъ сухъ изъ воды выдешь,—сказалъ ему на милостивомъ отпускѣ «тишайшій», остроумно намекая игрою словъ и на его «сухую» фамилію, и на его умѣнье плавать.

— Ну, какъ бы тамъ изъ «сухово» не вышло мокрѐнько,—процѣдилъ себѣ въ бороду Алмазъ Ивановъ, который лучше другихъ понималъ всю серьезность дѣлъ на Дону.

Эти-то вѣсти и сообщила Разину жена, которая оставалась все время въ Черкаскѣ, когда мужъ ея въ теченіе многихъ лѣтъ рыскалъ съ своею «голытьбой» то по Дону и Волгѣ, то по Яику и Каспійскому морю.

Въ ту же ночь Разинъ съ частью своихъ молодцовъ отправился въ Черкаскъ. Въ Дону въ это время начиналось весеннее половодье и потому удобнѣе было ѣхать въ Черкаскъ на лодкахъ. Столица донскихъ казаковъ, какъ извѣстно, въ половодье была не приступна ни съ луговой, ни съ нагорной стороны Дона, такъ какъ ее со всѣхъ сторонъ окружала вода, и весь Черкаскъ—его курени, сады и церкви—казалось, плавали на водѣ.

Утромъ флотилія Разина неожиданно окружила Черкаскъ. Въ станицѣ всѣ переполошились, когда услыхали три вѣстовыхъ пушечныхъ выстрѣла съ атаманскаго струга, и когда молодцы Разина стали высаживаться на берегъ и гурьбой, съ криками и угрозами по адресу Москвы, направляться къ соборной площади.

Разинъ тотчасъ же приказалъ бить «сполохъ», и соборный колоколъ оповѣстилъ всю станицу, что готовится что̀-то необычайное. Всѣ спѣшили на площадь—одни, чтобъ узнать въ чемъ дѣло, другіе—чтобы только взглянуть на Разина, имя котораго успѣло покрыться такъ быстро небывалою славою и который представлялся уже существомъ сверхъестественнымъ: его ни пуля не брала, ни огонь, ни вода, ни сабля; на Волгѣ, напримѣръ, онъ разстелетъ на водѣ войлочную кошму, сядетъ на нее и, точно въ лодкѣ, переплываетъ рѣку; когда въ него стрѣляютъ, онъ хватаетъ пули рукою и бросаетъ ихъ обратно въ непріятеля.

Но за то станичныя и войсковыя власти всѣ спѣшили прятаться отъ страшнаго гостя. Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ укрылся въ соборѣ, въ алтарѣ, думая, что нечистая сила, съ которой знается Разинъ, не посмѣетъ проникнуть въ храмъ божій.

На соборной площади, или на майданѣ, собрался между тѣмъ кругъ. Разинъ вышелъ на середину круга, махнулъ бунчукомъ на колокольню, и набатный колоколъ умолкъ. Тогда Степанъ Тимоѳеевичъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, съ глубокимъ зна-

ніемъ своего народа и его инстинктовъ, началъ говорить образнымъ, самымъ пламеннымъ языкомъ о томъ, какъ Москва посягаетъ на ихъ казацкія вольности, какъ бояре задумали обратить весь Донъ и все казачество въ своихъ холопей, сдѣлать холопками ихъ женъ и дочерей; напомнилъ имъ, какъ князь Долгорукій самовольно казнилъ ихъ атамана, а его родного брата Тимоѳея. Онъ говорилъ страстно, убѣжденно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ народныхъ ораторовъ, которые родятся вѣками и за которыми массы идутъ слѣпо. Онъ былъ грозенъ и прекрасенъ въ своемъ воодушевленіи, особенно когда говорилъ о томъ, что̀ онъ видѣлъ, исколесивъ русскую землю отъ Черкаска до Соловокъ,—что вездѣ страшная бѣдность, голодъ, болѣзни, притѣсненія, а за то на Москвѣ, въ царствѣ бояръ,—какія палаты, какая роскошь!—и все это награблено съ бѣдныхъ, съ подневольныхъ, съ голодныхъ. И вдругъ теперь тоже хотятъ сдѣлать съ вольнымъ Дономъ, съ вольными казаками.

Вся площадь, казалось, замерла, слушая страстныя рѣчи человѣка, въ которомъ видѣлась уже сверхъестественная сила.

Среди слушателей была и его жена. Она робко затерлась теперь въ толпѣ, и изъ-за широкихъ спинъ казаковъ жадно и благоговѣйно глядѣла на своего бывшаго мужа. Она теперь не узнавала его, но за то никогда и не любила такъ, какъ въ этотъ моментъ, хотя онъ вчера и смертельно обидѣлъ ее.

«Степанушка! Степанушка мой!» молитвенно, беззвучно шептали ея губы.

— Гдѣ этотъ московскій лазутчикъ, что хочетъ казаковъ въ дурни пошить?—вдругъ оборвалъ свою жгучую рѣчь Разинъ, обратившись къ своимъ молодцамъ.—Подать мнѣ ево сюда!

Казаки бросились исполнять приказаніе атамана.

Черезъ нѣсколько минутъ Сухово-Евдокимова и его товарищей, московскихъ жильцовъ, ввели въ казачій кругъ.

— Долой шапки!—крикнулъ Разинъ.—Здѣсь вамъ не кабакъ!

Оторопѣлые послы московскаго царя сняли шапки.

— Ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ?—спросилъ атаманъ, подступая къ Сухово-Евдокимову.

— Я пріѣхалъ съ царскою милостивою грамотою,—отвѣчалъ послѣдній.

— Не съ грамотою ты пріѣхалъ, а лазутчикомъ—за мною подсматривать и про насъ узнавать!—Такъ вотъ же тебѣ!

И Разинъ со всего размаху ударилъ царскаго посланца по щекѣ.

— Чево вамъ отъ насъ нужно?—продолжалъ атаманъ.—Али и безъ насъ мало вамъ съ кого кровь высасывать! Мало вамъ холопей вашихъ, да крестьянъ, да оброшниковъ, да ясашныхъ! Мало вамъ на Москвѣ палатъ, что на холопскихъ костяхъ сложены! У насъ вонъ нѣтъ каменныхъ палатъ—одни курени да мазанки.

Чевожъ вамъ надо? Нашихъ головъ? Такъ нѣтъ же! вотъ тебѣ грамота!

И онъ снова ударилъ посла.

— Въ воду ево!—махнулъ онъ бунчукомъ.

Казаки набросились на несчастнаго и избили его до полусмерти. Затѣмъ потащили къ Дону и, еще живого, бросили съ атаманскаго струга въ воду.

— Ну-ка, бояринъ, полови стерлядей у насъ во Дону! у васъ на Москвѣ ихъ, слышь, нѣту,—издѣвались казаки надъ своей жертвой.

— Пущай пловетъ къ туркамъ—они добрѣя Москвы!

Искусный пловецъ тотчасъ же пошелъ ко дну.

— Ишь—только ножкой дрыгнулъ...

— Постой, атаманы-молодцы! погоди!—не топи ево!—кричала съ берега голытьба.

— Што такъ, братцы?

— А цвѣтно платье зачѣмъ топить?—У насъ зипуновъ нѣту— сымемъ съ боярина цвѣтно платье.

Казаки согласились съ доводами голытьбы, и тотчасъ же бросились въ другія лодки, чтобъ баграми отыскивать утопленника.

Трупъ скоро былъ вытащенъ изъ воды, не успѣвъ еще окоченѣть. За то тѣмъ легче было его раздѣвать—и его дѣйствительно раздѣли до-нага̀.

— Эко зипунъ завидный! да и рубаха и порты знатныя!

— А то на! эко добро да въ воду! жирно будетъ.

— А сапоги-ту! сафьянъ рудожолтъ—заглядѣнье!

— Только чуръ, братцы:—и зипунъ, и рубаху, и порты, и онучи, и сапоги—все въ дуванъ!—по жеребью.

— А хрестъ тѣльной? и ево въ дуванъ?

— Знамо! мы не бусурманы: на насъ, чаю, тоже хресты.

И обнаженное тѣло московскаго посла снова бросили въ Донъ.

— Чать и ракамъ надо чѣмъ-нибудь кормиться.

— Вѣстимо...

— А шапка, братцы, боярска идѣ?—спохватилась голытьба,— шапки не видать!

— Да! шапка! шапка! идѣ шапка? неужто утопили?

— Шапка, должно, въ кругу осталась:—тамъ ево атаманы били.

Бросились въ кругъ искать шапку.

— Идѣ боярска шапка?—подавай шапку въ дуванъ!

Разинъ, увидѣвъ мечущуюся голытьбу, лукаво улыбнулся.

— Эхъ, братцы,—я вамъ на Москвѣ такихъ шапокъ добуду!— сказалъ онъ задорно.

— На Москву, братцы!—на Москву—шапокъ добывать!—закричала голытьба.

— На Москву!—за батюшкой Степаномъ Тимоѳеичемъ—шапки, зипуны добывать!—стоналъ майданъ.

И среди этой бушующей толпы только одни глаза съ любовью и тоскою слѣдили за каждымъ движеніемъ народнаго героя: то были глаза его жены съ навернувшимися на рѣсницы слезами. Но она не смѣла подойти къ нему.

Вечеромъ того же дня флотилія Разина возвращалась въ Кагальникъ. Но это была уже не прежняя маленькая флотилія: почти весь Черкаскъ ушелъ теперь за атаманомъ, захвативъ всѣ лодки, какія только были въ станицѣ.

Съ одного струга неслась заунывная пѣсня и грустная мелодія ея далеко разлегалась по водѣ. Одинъ голосъ особенно отчетливо выводилъ:

«Какъ во городѣ, во Черкаскіемъ,
«У одной-то вдовы было семь сыновъ,
«А восьмая—дочь несчастная.
«Возлелѣявъ-то сестру, всѣ въ разбой пошли,
«Своей матушкѣ все наказывали:
«Не давай-ка безъ насъ сестру въ за́мужье»...

Вечеръ былъ тихій и теплый. Полная луна серебрила и поверхность широко разлившагося Дона, и прибрежные кусты тальника, и развѣсистыя вершины тополей. Съ луговой стороны неслись по водѣ трели соловья...

Разинъ сидѣлъ на носу своего струга въ глубокой задумчивости: эта пѣсня напомнила ему дѣтство... А теперь?—онъ грустно покачалъ головой...

Еслибъ онъ поднялъ глаза къ нагорному берегу, подъ которымъ плылъ его стругъ, то увидѣлъ бы силуэтъ женщины, которая шла за стругомъ высокимъ берегомъ Дона и отъ времени до времени утирала глаза рукавомъ.

XXVII.

Васька-Усъ.

Весна и лѣто настоящаго года принесли Алексѣю Михайловичу много несчастій и огорченій. Тяжелъ былъ для него и предыдущій—1668 годъ; но то былъ годъ високосный—онъ и не ожидалъ отъ него ничего хорошаго.

А теперь такъ и повалила бѣда за бѣдою.

Въ началѣ марта, царица Марья Ильинишна, съ которою они прожили душа въ душу двадцать лѣтъ, умерла отъ родовъ. За нею черезъ два дня умерла и новорожденная царевна.

Изъ Малороссіи, съ Дона, съ Волги—отовсюду неутѣшительныя извѣстія. Малороссію раздираютъ смуты: тамъ разомъ борятся изъза власти семь гетмановъ—Многогрѣшный, Дорошенко, Ханенко, Суховіенко и Юрій Хмельницкій—и кровь льется рѣкою.

Разинъ, послѣ звѣрскаго убіенія въ Черкасскѣ Сухово-Евдокимова, уже двигается съ своими полками къ Волгѣ.

Вдоль всего средняго Поволжья волнуются татары и другіе инородцы, которыхъ поднимаютъ противъ царскихъ воеводъ Багай Кочюрентѣевъ да Шелмеско Шевоевъ.

«А еще бояре въ думѣ назвали челобитье ихъ непутевымъ—и ихъ же батоги бить велѣно нещадно»,—вспоминаетъ Алексѣй Михайловичъ свою оплошность:—«оплошка, точно оплошка».

И патріархъ Никонъ, сидя въ Ферапонтовѣ въ заточеніи, продолжаетъ гнѣваться—не шлетъ царю прощенія...

«Сердитуетъ святѣйшій патріархъ, сердитуетъ... И протопопъ Аввакумъ не шлетъ съ Пустозерска благословенія...»

«Охъ, быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!»—сокрушается Алексѣй Михайловичъ.

И бѣда дѣйствительно надвигалась.

Въ началѣ мая Разинъ съ своими толпищами уже приближался къ Вòлгѣ, нѣсколько выше Царицына. Безконечная панорама этой многоводной рѣки всегда воодушевляла этого необыкновеннаго разбойника. Онъ ѣхалъ впереди своего войска на бѣломъ конѣ, котораго прислалъ ему въ подарокъ покойный гетманъ Брюховецкій.

При видѣ величественной рѣки, раскинувшей здѣсь свои воды по затонамъ и вòложкамъ почти на необозримое пространство, Разинъ снялъ шапку точно передъ святыней. Поснимала шапки и ватага его. Разинъ воскликнулъ:

— Здравствуй, Волга-матушка, рѣка великая! жаловала ты насъ, сыновъ твоихъ, допрежь сево златомъ-сèребромъ и всякимъ добромъ: — чѣмъ-то теперь ты насъ, Волга-матушка, пожалуешь?

Но въ то же мгновенье онъ какъ будто вспомнилъ чтò-то и какъ-то загадочно посмотрѣлъ на своего есаула: въ душѣ атамана чтò-то давно назрѣвало противъ Ивашки Черноярца.

По Волгѣ между тѣмъ двигалась его флотилія съ пѣшею голытьбою. Вся Волга, казалось, стонала отъ пѣсни, которая неслась надъ водою. Голытьба пѣла:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...»

Въ это время изъ сосѣдняго оврага показалось нѣсколько всадниковъ. Передній изъ нихъ на поднятой надъ головою пикѣ держалъ какую-то бумагу.

Всадники эти при приближеніи Разина сошли съ коней и поклонились до земли.

— Встаньте! кто вы?—спросилъ Разинъ, останавливая коня.

Всадники поднялись съ земли. Это были повидимому татары—всѣхъ человѣкъ пятнадцать. Впереди ихъ были, какъ казалось, атаманъ и есаулъ: одинъ худой и высокій, другой приземистый.

— Кто вы? — повторилъ Разинъ.

— Мы синбирскіе татаровя, мурзишки, батушка Степанъ Тимоѳеичъ: я — мурзишка Багай Кочюрентѣевъ, а онъ — мурзишка Шелмеско Шевоевъ, — отвѣчалъ высокій татаринъ.—Мы къ тебѣ, батушка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Съ какимъ дѣломъ?

— Съ челамбитьямъ, батушка.

И Багай подалъ Разину бумагу. Разинъ передалъ ее есаулу.

— Вычитай,—сказалъ онъ.

Ивашка Черноярецъ развернулъ бумагу и сталъ читать:

«Славному и преславному атаману вольнаго войска донскаго, батюшкѣ Степану Тимоѳеевичю, бьютъ челомъ и плачются синбирскіе татаровя, а во всѣхъ ихъ мѣсто Багай Кочюрентѣевъ сынъ да Шелмеско Шевоевъ сынъ: жалоба намъ, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, на государевыхъ воеводъ да на подъячихъ да на служилыхъ людей: били мы, сироты твои, челомъ великому государю и плакались, что мы-де, сироты ево государевы, ево государеву пашню пашючи, лошаденка покупали и животишка свои и достальные истощали, а за ево государевою пашнею, ходячи, одежонко все придрали, и женишка и дѣтишка испроѣли, и нынѣче, государь, помираемъ голодною смертію; а одежонка намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, купити не на што и нечимъ, и мы-де, государь, сироты твои государевы погибаемъ нужною смертію, волочася съ наготы и босоты. И за то челобитье насъ, государь, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, сиротъ твоихъ, указано бить батоги нещадно. Атаманъ государь, смилуйся, пожалуй».

Разинъ внимательно прослушалъ все челобитье, и брови его сурово сдвинулись.

— Такъ за это челобитье васъ и драли?—спросилъ.

— За этамъ челамбитьямъ, батушка, нашъ войводъ сѣкилъ насъ батогамъ нещаднымъ,—отвѣчалъ смиренно Багай.

— Добро.—Я и до вашево воеводы доберусь,—сказалъ Разинъ.— А теперь поѣзжайте домой и ждите меня,—да и всѣмъ—и въ Саратовѣ, и въ Самарѣ, и въ Синбирскѣ скажите, чтобъ меня ждали! Я приду...

Татары усердно кланялись. Въ это время по дорогѣ изъ Царицына еще показались двое всадниковъ. Разинъ тотчасъ узналъ ихъ: то были казаки, его лазутчики, которыхъ онъ предварительно подослалъ въ Царицынъ, чтобъ они заранѣе предупредили въ городѣ своихъ единомышленниковъ о скоромъ прибытіи атамана съ войскомъ. Единомышленники должны были тайно, ночью, отворить городскія ворота для незванныхъ гостей.

Разинъ да и всѣ казаки съ удивленіемъ замѣтили, что у одного изъ лазутчиковъ на сѣдлѣ сидѣлъ какой-то ребенокъ, и казакъ-лазутчикъ бережно придерживалъ его рукой.

— Это что у тебя за проява?—спросилъ Разинъ.

— Да вотъ самъ видишь, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ,—калмычонокъ, отвѣчалъ казакъ:—дѣвочка-сиротка.

— Да гдѣ ты ее добылъ и зачѣмъ?—недоумѣвалъ Разинъ.

— Да вотъ видишь ли, атаманъ: повернули это мы ужо изъ Царицына—тамъ тебя ждутъ не дождутся!—коли смотримъ—идетъ назустрѣчь намъ калмычка съ ребенкомъ на рукахъ; да какъ увидала насъ—и ну улепетывать!—испужалась насъ должно быть.—Я кричу этто: стой! стой! не бойся!—А бѣжала она дура яромъ, да къ Волгѣ,—а яръ-отъ крутой: она возьми да и спотknись—и полетѣла внизъ съ кручи, да прямо въ Волгу.—Вода-то полая подошла къ самой кручѣ—глыбко тамъ—калмычка-ту и бултыхни въ воду—только пузыри пошли. А эта пигалица какъ-то зацѣпилась за коренья барыни-ягоды—застряла—оретъ.—Я и взялъ ее—жаль крошку. Калмычка, должно думать, нищенка—шла изъ Дербетевыхъ улусовъ въ городъ побираться; а какъ увидала насъ,—ну, знамо, заячій духъ напалъ—и бултыхъ въ воду: сказано—дура баба.

Маленькая калмычка, совсѣмъ голенькая, точно бронзовая, лѣтъ, можетъ, двухъ или немного больше, во время этого разсказа довѣрчиво глядѣла на Разина и усердно жевала изюмъ, сама доставая его изъ пазухи своего спасителя, а спаситель этотъ захватилъ малую толику изюмцу въ Царицынѣ у знакомаго армянина. Встрѣчая ласковый взглядъ своей бородатой няньки, дѣвочка весело улыбалась.

Разинъ также съ доброю улыбкою глядѣлъ на черненькое, косоглазое и косматое существо, и въ немъ заговорило хорошее чувство: онъ вспомнилъ, что судьба не дала ему дѣтей отъ его Дуни, съ которою онъ давно разстался; но, быть можетъ, она дала бы ему эту отраду въ жизни отъ другой, отъ той...

Онъ какъ-то машинально поманилъ къ себѣ маленькую калмычку, и она съ улыбкой потянулась къ нему, быть можетъ потому, что онъ былъ въ богатомъ съ золотными кистями кафтанѣ. Онъ взялъ ее и посадилъ къ себѣ на сѣдло, и дѣвочка тотчасъ же занялась кистями.

Казаки съ удивленіемъ, а татары просто съ умиленіемъ смотрѣли на эту невиданную сцену: страшный атаманъ съ ребенкомъ на рукахъ!

«Чортъ съ младенцемъ!»—не одному казаку пришло на умъ это присловье.

Но забавляться ребенкомъ не приходилось долго. Разинъ опять передалъ маленькую калмычку ея спасителю.

— Кудажъ мы ее дѣнемъ?—спросилъ онъ.

— Оставимъ у себя, атаманъ,—не бросать же ее какъ котенка,—отвѣчалъ казакъ.—Все равно—матери у нея нѣту, а тащиться

съ нею до Дербетевыхъ улусовъ—не рука, да и тамъ оно, поди, съ голоду околѣетъ; а у насъ, по крайности, забавочка будетъ.

— Ишь ты бабу въ казацкій станъ пущать!—улыбнулся есаулъ.

— Какая она баба?—козявка, одно слово—мразь.

Разинъ махнулъ рукой:

— Ну, инъ пущай!

Но едва они двинулись впередъ, какъ справа, по возвышенному сырту замелькали толпы народа—и пѣшіе, и конные.

— Кому бы это быть?—удивился Разинъ.—Царскія рати, такъ не ходятъ; да это и не воеводская высылка—не разъѣздъ.

И онъ тотчасъ же приказалъ казакамъ развѣдать—что̀ тамъ за люди. Нѣсколько казаковъ поскакали по направленію къ сырту. Издали видно было, какъ тамъ, въ невѣдомой толпѣ, при приближеніи казаковъ, стали поднимать на пикахъ шапки. Другіе просто махали шапками и бросали ихъ въ воздухъ.

— Кажись, нашъ братъ—вольная птица,—замѣтилъ Разинъ.

— Что̀-то гуторятъ, руками на насъ показываютъ,—съ своей стороны замѣтилъ есаулъ.—Не калмыки ли?

— Нѣтъ, не калмыки: ни колчановъ, ни стрѣлъ—ничево таково не видать.

Теперь посланные скакали уже назадъ. Они видимо чему-то были рады.

— Ну, что за люди?—окликнулъ ихъ Разинъ.

— Нашей станицы прибыли, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—кричали издали:—Васька-Усъ бьетъ тебѣ челомъ всею станицей!

— А! Вася-Усъ!—обрадовался Разинъ:—слыхомъ слышали—видна птица по полету!—Чтожъ—милости просимъ нашей каши отвѣдать: а ужъ заварить заваримъ!—Онъ раньше меня варить началъ.

— Раньше-то, раньше,—подтвердилъ Ивашка Черноярецъ,—да только каша ево пожиже нашей будетъ.

— Кулишъ, по-нашему, по-запорожски,—пояснилъ одинъ казакъ изъ бывшихъ запорожцевъ.

Скоро толпы Васьки-Уса стали сближаться съ толпами Разина. Голытьба обнималась и цѣловалась съ голытьбою и казаками. Шумъ, говоръ, возгласы, топотъ и ржаніе коней—картина становилась еще внушительнѣе.

Сошлись и атаманы обоихъ толпищъ. Васька-Усъ, проникнутый уваженіемъ къ славѣ Разина, хоть былъ и старше его и лѣтами, и подвигами, первый сошелъ съ коня и снялъ шапку. Это былъ маленькій, худенькій человѣчекъ, изъ дворовыхъ холопей, уже сѣдой, съ усами неровной величины: одинъ усъ былъ у него выщипанъ по приказанію его вотчинника за то, что онъ, будучи доѣзжачимъ, раньше своего господина затравилъ въ полѣ зайца.

За этотъ усъ Васька и мстилъ теперь всѣмъ боярамъ и вотченникамъ, и за этотъ выщипанный усъ онъ и получилъ свою кличку.

Разинъ тоже сошелъ съ коня, и оба атамана трижды поцѣловались.

— Батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—поклонился Усъ,—прими меня и мою голытьбу въ твое славное войско.

— Спасибо, Василей,—а какъ по отчеству величать—не знаю,—отвѣчалъ Разинъ.

— Трофимовъ,—подсказалъ Усъ.

— Спасибо, Василей Трофимычъ!..

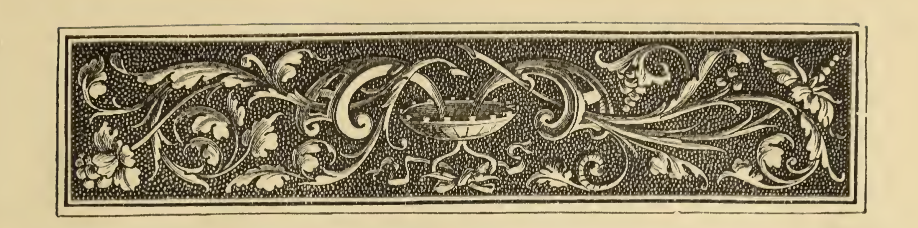
— А я съ тобой, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, и въ огонь, и въ воду.

— И на бояръ?—улыбнулся Разинъ.

— О! да на этихъ супостатовъ я какъ съ ковшомъ на брагу!

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ВОСПОМИНАНІЯ Н. Я. АѲАНАСЬЕВА.

I.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.—Его оркестры.— Происхожденіе моего отца.— Моя бабушка.— Ея замужество. — Отъѣздъ моего отца въ Тобольскъ.— Интрига вотчима противъ моего отца.— Семейство богачей Безсоновыхъ.—Увозъ моимъ отцомъ дочери Безсонова и женитьба на ней.— Переѣздъ отца въ Москву.—Переселеніе въ Пермь.—Тогдашняя жизнь въ Перми.—Губернаторъ Тюфяевъ.—Трагико-комическое приключеніе съ Тюфяевымъ.— Печальная участь молодого офицера.— Докторъ Граль.— Пермскіе балы.— Пермское общество.— Пермскій оригиналъ-ростовщикъ.—Гибель его самого и его богатства.

Въ КОНЦѢ прошлаго столѣтія, мѣсто губернатора во Владимірѣ на Клязьмѣ занималъ князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, извѣстный въ свое время писатель и поэтъ. Богатый человѣкъ, онъ жилъ на широкую ногу, подобно всѣмъ большимъ барамъ тогдашняго времени. Будучи хорошо образованнымъ по своему времени, онъ интересовался не одною только литературою, но и искусствами, преимущественно музыкою. У него былъ свой оркестръ, составленный, отчасти изъ крѣпостныхъ, отчасти изъ наемныхъ людей, для управленія которымъ онъ выписывалъ постоянно артистовъ изъ-за границы. Кромѣ этого, обыкновеннаго (симфоническаго) оркестра, у него былъ еще роговой. О послѣднемъ нынче почти не имѣютъ опредѣленнаго понятія, и ужъ, конечно, врядъ ли кто изъ лицъ современнаго поколѣнія слыхалъ его. Но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія роговые оркестры были въ большой

славѣ. Всякій инструментъ, входившій въ составъ этихъ оркестровъ, имѣлъ всего только одинъ звукъ; поэтому можно заключить какая трудность была для подобныхъ оркестровъ исполнять сложныя пьесы: музыканты должны были необыкновенно внимательно слѣдить за счетомъ, для того, чтобы взять во время свою ноту. Казалось бы, что вслѣдствіе этой ограниченности звуковъ и репертуаръ пьесъ долженъ быть ограниченнымъ и звуковой эфектъ сомнительнымъ. На дѣлѣ же было совершенно противное: роговые оркестры исполняли весьма разнообразныя пьесы, судя по нѣсколькимъ имѣющимся у меня партитурамъ, перешедшимъ ко мнѣ по наслѣдству изъ библіотеки князя Ивана Михайловича, а эфектъ исполненія былъ, по общимъ отзывамъ, поразительный. Въ запискахъ петербургскихъ старожиловъ и въ повременныхъ изданіяхъ начала нынѣшняго столѣтія можно встрѣтить отзывы полные восхищенія, напримѣръ, о знаменитомъ роговомъ оркестрѣ Нарышкиныхъ. Этихъ оркестровъ, разумѣется, было не много и собственники ихъ очень заботились о томъ, чтобы поддержать ихъ репутацію. Заботился о своемъ оркестрѣ и кн. Иванъ Михайловичъ: если Петербургъ имѣлъ нарышкинскій оркестръ, то и Владиміръ не отставалъ отъ столицы по этой части. Выше я упомянулъ о партитурахъ, принадлежавшихъ князю Долгорукому и перешедшихъ ко мнѣ по наслѣдству. Объяснюсь: у князя было три сына—Алексѣй, Павелъ и Александръ Ивановичи и, кромѣ нихъ, еще побочный сынъ, Яковъ Ивановичъ. Послѣдній былъ моимъ отцомъ. Ему, по дню его рожденія, пришедшагося на св. Аѳанасія, дали фамилію Аѳанасьевъ. Мальчикъ воспитывался въ домѣ князя Долгорукаго наравнѣ съ родными сыновьями. Неизвѣстно какъ бы обернулась его судьба, но князь Иванъ Михайловичъ умеръ, не оставивъ на его счетъ распоряженій, и, послѣ его смерти, моя бабушка взяла моего отца (своего сына) къ себѣ. Бабушка имѣла обезпеченныя средства и прекрасный домъ, настолько хорошо устроенный, что у нея преимущественно останавливались проѣзжіе черезъ Владиміръ сановники,—въ тѣ далекія времена въ провинціи было мало удобныхъ помѣщеній; между прочимъ, у нея стояло и посольство, которое посылалось въ Китай съ подарками отъ русскаго двора.

Матерьяльное состояніе бабушки заставило обратить на нее вниманіе искателей фортуны, между прочимъ, одного господина почтеннаго возроста, считавшагося принадлежавшимъ къ хорошему обществу. Онъ сталъ усердно ухаживать за моей бабушкой и, наконецъ, сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято. Собственно говоря, ему нужно было только одно: завладѣть состояніемъ бабушки. Чтобы лучше достигнуть этого, онъ постарался удалить моего отца. Подъ разными предлогами, онъ уговорилъ бабушку отправить ея сына въ Тобольскъ. Письма, посы-

лавшіеся отцомъ моимъ къ своей матери изъ Тобольска, онъ перехватывалъ и затѣмъ увѣрилъ жену, что сынъ ея неизвѣстно гдѣ пропалъ. Бѣдная женщина волновалась, плакала, но кончила тѣмъ, что примирилась съ потерею и забыла о сынѣ. Въ свою очередь, отецъ мой, не получая отъ матери ни извѣстій, ни денегъ, которыя сперва она ему посылала, рѣшилъ, что она не желаетъ ему болѣе писать, что она его кинула и зажилъ самостоятельною жизнью. Въ Тобольскѣ въ то время онъ былъ единственнымъ учителемъ, который могъ преподавать предметы входившіе въ курсъ тогдашней гимназіи. Нечего говорить, что время его было всегда на расхватъ, такъ что онъ жилъ не только безбѣдно, но даже роскошно, держалъ лошадей и т. д.

Въ числѣ тобольскихъ домовъ, гдѣ онъ давалъ уроки, находился купеческій домъ Безсонова, родственный тогдашнимъ извѣстнымъ сибирскимъ милліонерамъ Пеленковымъ. Безсоновы считались тоже милліонерами. Въ ихъ сундукахъ лежало не малое состояніе, такъ какъ въ то время не было еще ни процентныхъ бумагъ, ни банковъ и деньги держали дома. Люди они были благочестивые, стараго закала. Отецъ мой влюбился въ дочь Безсонова, которая въ свою очередь полюбила его. О согласіи родителей нечего было и думать. Не говоря уже о томъ, что учительское званіе не имѣло въ глазахъ сибирскаго общества никакаго значенія, мой отецъ еще занимался музыкой, страсть къ которой была имъ унаслѣдована и развилась въ домѣ князя Ивана Михайловича: въ глазахъ же Безсоновыхъ всякій музыкантъ былъ отверженное существо, нѣчто въ родѣ скомороха. Они смотрѣли на музыку совершенно такъ же, какъ смотрѣли на нее наши предки, приписывавшіе дѣйствіе музыки дьявольскому навожденію. Ему поэтому ничего не оставалось больше, какъ увезти свою возлюбленную. Она была довольно рѣшительнаго характера и согласилась на побѣгъ. Все было устроено какъ слѣдуетъ, и въ одинъ прекрасный день она исчезла изъ дома и обвѣнчалась съ моимъ отцомъ. Пожалуй, молодые могли бы разсчитывать на прощеніе родителей. Для этого требовалось повиниться и продѣлать цѣлую формальную процедуру: во-первыхъ нужно было бы, стоя на колѣняхъ передъ ними, слезно заявлять о своемъ раскаяніи. Если бы эти слезы тронули ихъ, то по старинному дѣдовскому обычаю, въ знакъ помилованія они прежде всего стали бы бить виновнаго плеткою. Наказавши, они объявили бы ему прощеніе, но подъ условіемъ, чтобы онъ совершенно бросилъ музыку. За прежнюю же музыку на него наложили бы епитимью: онъ долженъ былъ замаливать въ церкви свой грѣхъ и очиститься отъ дьявола.

На эту процедуру мой отецъ былъ не согласенъ. Если денегъ его новой родни ему было не надобно, то тѣмъ менѣе ихъ самихъ! Онъ зажилъ съ молодой женой весело и спокойно, не заботясь о ро-

дительскомъ гнѣвѣ. Я былъ вторымъ сыномъ и родился въ 1821 году (24-го декабря). Долго оставаться въ Тобольскѣ отцу моему, однако, не представлялось возможности. Въ этомъ городѣ было слишкомъ мало рессурсовъ для лицъ сколько-нибудь интелигентныхъ. Мой отецъ рѣшилъ переѣхать въ Москву, что и исполнилъ въ 1828 году. Проѣздомъ въ Москву, онъ остановился во Владимірѣ, чтобы узнать о судьбѣ своей матери. Онъ нашелъ ее уже не въ роскоши, а въ бѣдности и вдовой. Оказалось, что покойный вотчимъ его, постаравшійся сплавить своего пасынка въ Тобольскъ, быстро спустилъ все имѣніе своей жены. Можно себѣ представить изумленіе и радость моей бабушки, совершенно нежданно увидавшей того, кого она не считала уже въ живыхъ. Когда выяснились разныя подробности дѣла и отецъ разсказалъ бабушкѣ всю исторію, когда, наконецъ, она поняла обманъ своего мужа, то упала безъ чувствъ и пришлось потратить не мало усилій, чтобы привести ее въ себя. Отецъ желалъ, чтобы бабушка поѣхала съ нами въ Москву, но она не хотѣла обременять собою сына и наотрѣзъ отказалась.

Въ Москвѣ отецъ опредѣлился въ театръ, для вступленія въ который выдержалъ блистательно экзаменъ: онъ былъ хорошій скрипачъ. Характера онъ былъ, однако, не посѣдливаго, а самая Москва ему не особенно нравилась. Черезъ нѣсколько времени, довольно скоро, онъ оставилъ ее тѣмъ легче, что получилъ выгодное приглашеніе въ Пермь. Здѣсь онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и даже, думая совсѣмъ основаться въ этомъ городѣ, купилъ было домъ. Тогдашняя Пермь былъ небольшимъ городомъ, имѣвшимъ три или четыре улицы, выходившія прямо съ одной стороны въ поле, съ другой — въ лѣсъ. Каменныхъ домовъ было не болѣе 10 или 15: остальные были деревянные, маленькіе и жалкіе; большинство изъ нихъ принадлежало такъ называемымъ посельщикамъ изъ бывшихъ арестантовъ и ссыльныхъ, которыхъ при отправленіи въ Сибирь оставляли въ Перми, если они знали какія-нибудь ремесла. Такіе ссыльные, проживъ въ Перми извѣстное число лѣтъ безпорочно, получали полную свободу и приписывались къ городскому обществу въ мѣщане.

Нечего и говорить, что какихъ-либо удобствъ или благоустройства въ тогдашней Перми не было. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ собиралась мѣстная публика, была бесѣдка, родъ ротонды, похожей на ту, которая ставится въ Петербургѣ около Зимняго дворца при водосвятіи. Ротонда стояла на берегу Камы. Эта величественная рѣка собственно и составляла единственную красоту и роскошь города. Недалеко отъ ротонды помѣщалась каменная гауптвахта, гдѣ по вечерамъ военный оркестръ игралъ зорю. Публика собиралась слушать зорю и гулять по набережной между ротондою и гауптвахтою. Слушать, впрочемъ, было нечего, потому что

полковые музыканты, какъ всѣ вообще военные оркестры того времени, были очень плохи.

Губернаторомъ въ Перми былъ тогда Кириллъ Ивановичъ Тюфяевъ, большой любитель красоты, въ особенности женской. Въ качествѣ любителя изящнаго, онъ обращалъ преимущественно вниманіе на два женскія училища, существовавшія въ городѣ. Ради этого покровительства, отъ губернаторскаго дома были проложены деревянные тротуары къ обоимъ училищамъ, находившимся на противуположныхъ концахъ города, въ слободахъ, изъ которыхъ одна называлась Егошино, а другая—Слутка. Эти тротуары были единственными въ городѣ. Такимъ образомъ, склонность губернатора къ изящному не осталась безъ пользы для города, хотя находились и такіе мѣстные остряки, которымъ эта склонность дала поводъ къ юмористическому стихотворенію, начинавшемуся, сколько помню такъ:

«Ахъ, Кириллъ, Кириллъ
«Много пакостей творилъ:
«Отъ Егошина до Слутки
«Тротуары сдѣлалъ въ сутки».

Но у Тюфяева были склонности и менѣе платоническія. Онъ, напримѣръ, покровительствовалъ нѣкой г-жѣ Петровской, жившей въ сосѣднемъ съ нами домѣ. Кириллъ Ивановичъ часто навѣщалъ ее. Все шло благополучно, но одинъ разъ чуть было не разыгрегралась трагедія. Она, впрочемъ, и разыгралась, но только не для него. Братъ губернаторской возлюбленной, находившійся въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, въ военной службѣ, имѣлъ какое-то дѣло въ Перми. Желая сдѣлать сюрпризъ сестрѣ, которую давно не видалъ, онъ, не предваряя ее о своемъ пріѣздѣ, пріѣхалъ въ Пермь, вошелъ въ ея квартиру и—о ужасъ!—въ ея спальнѣ засталъ Кирилла Ивановича въ совершенномъ дезабилье. Внѣ себя отъ гнѣва, и, можетъ быть, не зная, съ какою особою имѣетъ дѣло, онъ выхватилъ свою саблю и хотѣлъ сдѣлать изъ губернатора котлетку. Кириллъ Ивановичъ вырвался, успѣвши захватить только свой фракъ со звѣздою и, выпрыгнувъ въ окно, добѣжалъ въ этомъ несложномъ костюмѣ до кареты, дожидавшейся его обыкновенно на углу улицы. Хотя онъ былъ страшно разгнѣванъ, но, однако, не потерялся и сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Братъ съ сестрой еще продолжали объясняться, какъ въ квартиру г-жи Петровской явились жандармы, схватили молодого офицера и отвезли безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ сумасшедшій домъ, гдѣ ему пришлось просидѣть ни больше ни меньше какъ шесть лѣтъ. Письма и жалобы его къ начальству и знакомымъ по адресу не доходили. Только послѣ этого долгого срока ему удалось какъ-то передать прошеніе жандармскому офицеру, присланному изъ Петербурга ревизовать тюремныя и иныя учрежденія въ городахъ

Восточной Россіи. Когда дѣло разъяснилось, бѣднаго заключеннаго немедленно освободили, а сестру его, продолжавшую попрежнему пользоваться расположеніемъ губернатора, послали въ дальній сѣверный монастырь; что же касается до Кирилла Ивановича, то его просто перевели въ другую губернію. Я видѣлъ, какъ пріѣхала кибитка съ жандармами за г-жей Петровской. Безъ дальнѣйшихъ проволочекъ ее усадили и увезли.

Среди пермскаго общества того времени было нѣсколько очень хорошихъ семействъ и интересныхъ для меня лицъ.

Между ними слѣдуетъ особенно отмѣтить доктора Ѳедора Христофоровича Граля, считавшагося всѣми въ городѣ отцомъ и благодѣтелемъ. Это былъ замѣчательный по добротѣ и сердечности, отличный медикъ, вообще прекрасно образованный человѣкъ. Такіе люди вездѣ встрѣчаются весьма рѣдко. Онъ былъ генералъ и имѣлъ много орденовъ, но генеральство въ противность прежнимъ понятіямъ объ этомъ санѣ — не мѣшало ему имѣть столь добродушное и всегда веселое лицо, что объ его чинѣ никому не приходило въ голову. Теперь, пожалуй, не рѣдкость встрѣтить генераловъ, по внѣшнему виду не отличающихся отъ обыкновенныхъ смертныхъ, но тогда генералъ одною своею наружностью показывалъ, какъ далеко стоятъ отъ него всѣ и каждый. Совсѣмъ инымъ былъ добрѣйшій Ѳедоръ Христофоровичъ. Однимъ своимъ веселымъ видомъ и простымъ обращеніемъ, онъ успокоивалъ и ободрялъ больныхъ. Жилъ онъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ. Съ 6-ти часовъ утра до 11-ти ночи онъ былъ занятъ посѣщеніями больныхъ. Бѣдныхъ, мало того, что лечилъ даромъ, но еще покупалъ имъ на свои деньги лекарства, и нерѣдко самъ ихъ приносилъ и подавалъ больнымъ. Я видѣлъ разъ, какъ онъ пришелъ въ избу, гдѣ лежала старая женщина. Домашнихъ никого не было: всѣ ушли на работу. Узнавъ, что больная ничего не ѣла, потому что не могла подняться съ постели, почтенный Ѳедоръ Христофоровичъ самъ полѣзъ въ печку и накормилъ ее. За то не только весь городъ, но весь Пермскій уѣздъ любилъ и уважалъ его отъ всей души. Меня уже не было въ Перми, когда онъ умеръ, но мнѣ сообщали, что гробъ его провожалъ весь городъ и народу собралось изъ окрестностей до 50-ти тысячъ. Это самая лучшая оцѣнка его жизни! Въ день его имянинъ, пермское дворянство всегда давало ему великолѣпный балъ. Танцовали до упаду. Танцы въ тѣ времена были не теперешнія: тогда танцовали экоссезъ, русскую кадриль, менуэтъ, гавотъ, матрадуръ, манемаско, гросъ-фатеръ; изъ теперешнихъ танцевъ въ ходу были: мазурка и котильонъ. Котильонъ (съ фигурами) танцовался передъ ужиномъ: имъ собственно кончался балъ. Начинали же балъ всегда польскимъ, который танцовался и послѣ ужина: этотъ польскій переходилъ въ попури, состояв-

шее изъ самыхъ разнообразныхъ танцевъ; иногда мужчины плясали тутъ даже въ присядку. Помню, что лучшими танцорами тогдашнихъ пермскихъ баловъ были два горныхъ инженера—Туманскій и В. В. Самойловъ. Самойловъ потомъ вышелъ въ отставку, поступилъ на императорскую сцену и былъ знаменитымъ актеромъ. Танцовала, разумѣется, молодежь, а болѣе пожилые люди играли въ карты, причемъ обыкновенно любимою игрою былъ банкъ. Такъ дѣлалось не только на балахъ, дававшихся Ѳедору Христофоровичу, но на всѣхъ собраніяхъ и вечерахъ пермскаго общества. Такъ какъ золота въ то время было не мало, то на всѣхъ игорныхъ столахъ виднѣлись кучи его или же груды ассигнацій, доходившія до нѣсколькихъ тысячъ и легко переходившія отъ одного къ другому.

Какъ-то на одномъ изъ этихъ баловъ, я подошелъ къ банкомету въ то время, когда онъ выигралъ. Выигрышъ былъ приписанъ моему счастію. Банкометъ загребъ кучу и изъ нея взялъ безъ счету цѣлую горсть ассигнацій и сунулъ мнѣ ее въ карманъ. Его примѣру послѣдовали и другіе игроки: всякій изъ выигравшихъ клалъ мнѣ деньги. Такимъ образомъ, у меня неожиданно очутилось 600 рублей, которые чуть не подали поводъ къ нѣкоторой непріятности у насъ. Именно, деньги я сосчиталъ уже дома, но такъ какъ окно не было закрыто сторой, а мы жили въ нижнемъ этажѣ, то вѣрно какой-нибудь прохожій, замѣтивши, какъ я считаю деньги, вздумалъ ими воспользоваться. Безъ дальнѣйшихъ околичностей, онъ выломалъ одну раму и хотѣлъ было приняться за другую, но произведенный имъ стукъ разбудилъ мою матушку. Воръ, замѣтя движеніе въ домѣ, скрылся и не безпокоилъ насъ болѣе.

Въ Перми, впрочемъ, занимались не одними картами: въ мое время пользовалась вниманіемъ и музыка. Музыкальные вечера были у Дягилевыхъ и Михаелисъ, у Девилье и у нѣкоторыхъ другихъ. Сынъ Девилье, Павелъ Александровичъ, предсѣдатель казенной палаты, прекрасно игралъ на скрипкѣ. Г-жа Михаелисъ была прекрасной піанисткою. Нѣкоего Саржинскаго слѣдовало считать также прекраснымъ скрипачемъ. Были и другіе, въ особенности изъ числа сосланныхъ поляковъ, которыхъ въ Перми было особенно много; всѣ они принадлежали къ людямъ хорошихъ фамилій и образованнымъ. Поляковъ, жившихъ въ Перми, было такъ много, что они устроивали даже спектакли на польскомъ языкѣ и балы. Особенно живо я помню одного польскаго графа, ходившаго къ намъ и игравшаго на нашемъ инструментѣ. Я всегда удивлялся его силѣ и техникѣ, но отецъ мой боялся, что его инструментъ не выдержитъ игры графа, а такъ какъ въ Перми не было никого, кто бы могъ не только исправить инструментъ, но даже настроить его, то отцу наконецъ пришлось отказать графу, чрезвычайно огорчившемуся запрещеніемъ.

Таково было высшее пермское общество. Среди мѣщанъ и низшаго класса были замѣчательные субъекты. Одинъ изъ нихъ жилъ рядомъ съ нами. Онъ имѣлъ оригинальную кличку «самовара», вѣроятно потому, что самоваръ служилъ ему рѣшительно всѣмъ: комнату свою онъ никогда не топилъ, а нагрѣвалась она самоваромъ; въ самоварѣ же онъ варилъ себѣ и кушанье. Столъ его нельзя было назвать разнообразнымъ, такъ какъ онъ ничего не ѣлъ, кромѣ картофеля, за который кстати никогда и не платилъ. Дѣлалъ онъ это такимъ образомъ: почти во всякомъ домѣ былъ огородъ, гдѣ росли капуста, картофель и проч. Онъ дожидался сбора овощей, и тогда просилъ позволенія перекопать гряды, собиралъ случайно оставшіяся овощи, складывалъ ихъ въ мѣшокъ и уносилъ домой. Такимъ путемъ онъ накоплялъ себѣ годовой запасъ провизіи. Жилъ онъ въ деревянной лачугѣ, состоявшей изъ трехъ маленькихъ комнатъ. Одна служила ему складомъ провизіи, собранныхъ щепокъ, палокъ, углей. Далѣе слѣдовала комната, двери которой были всегда заперты бревномъ; въ третьей же комнатѣ жилъ онъ самъ. Тамъ стоялъ его знаменитый самоваръ и большой желѣзный ящикъ. Эта комната вся была обита войлокомъ. Сюда онъ уже никого не пускалъ; посѣтители принимались только въ предыдущей комнатѣ. Къ нему приходили за деньгами, которыя онъ давалъ подъ большіе проценты и всякими суммами; у него можно было занять даже 10 копеекъ на нѣсколько дней, конечно, съ процентами. Кромѣ отдачи денегъ въ ростъ, онъ бралъ также и заклады, принимая ихъ опять-таки отъ всѣхъ и каждаго. Одѣвался онъ всегда въ заложенныя вещи и щеголялъ не рѣдко въ женскомъ салопѣ, спалъ на своемъ драгоцѣнномъ сундукѣ, постилая на немъ только войлокъ; изъ скупости даже не держалъ собаки, потому что ее надо было бы кормить, но для устрашенія воровъ онъ регулярно каждый вечеръ принимался нѣсколько разъ лаять по-собачьи. Однажды, послѣ скромнаго обѣда, онъ по обычаю заперъ дверь комнаты бревномъ и ушелъ, не замѣтя, что въ самоварѣ рѣшетка прогорѣла и угли вывалились на полъ. Полъ загорѣлся, а затѣмъ быстро вспыхнула хата. Сосѣди не могли отворить дверь, запертую толстымъ бревномъ; ударили въ набатъ. Начали сбѣгаться обыватели, кто съ багромъ, кто съ топоромъ, кто съ ведромъ, или веревкой: какой-нибудь правильной пожарной команды тогда въ провинціальныхъ городахъ еще не было. Вдругъ черезъ толпу какъ вихрь промчался весь растерянный блѣдный «самоваръ», узнавшій о пожарѣ своего дома. Когда онъ увидѣлъ, что горитъ комната, гдѣ стоялъ его драгоцѣнный сундукъ, онъ совсѣмъ обезумѣлъ и, воскликнувъ—«гори мое добро и я съ нимъ»—бросился въ огонь, изъ котораго его не хотѣли или не могли вытащить: такъ онъ и погибъ. Въ этомъ сундукѣ потомъ оказалось слишкомъ сто тысячъ рублей золотомъ, серебромъ и мѣдью. Эта катастрофа произвела на меня удручающее впечатлѣніе; я въ

первый разъ видѣлъ пожаръ и притомъ съ такимъ трагическимъ концомъ: ужасная картина долго рисовалась въ моемъ воображеніи.

Жизнь въ Перми была тогда очень дешева. Большой, напримѣръ, возъ березовыхъ дровъ стоилъ 10 копеекъ. За фунтъ самой лучшей черкаской говядины платили алтынъ, т. е. три копейки ассигнаціями; штофъ молока стоилъ 3 коп. Калачи и тогда существовали въ такой же формѣ, какъ теперь. О калачахъ я помню потому, что однажды баба, продававшая ихъ на базарѣ, на повалъ убила другую, поссорившись съ нею и ударивъ ее мерзлымъ калачемъ по виску.

И образованное общество Перми и необразованные пермяки того времени вѣрили въ домовыхъ, въ привидѣнія и во всѣ существа фантастическаго міра. Нечего и говорить, что поэтому почти не находилось дерзкаго, кто рѣшился бы отрицать сверхъестественную силу колдуновъ, колдуній, ворожей и знахарей.

Въ Перми этихъ кудесниковъ было много и объ ихъ дѣяніяхъ разсказывали всевозможныя чудеса. Напримѣръ, къ одной колдуньѣ, жившей на самомъ концѣ города, въ разрушенной хижинѣ, леталъ по ночамъ огненный змѣй. Почти весь городъ видѣлъ этого змѣя, его полетъ по небу, видѣлъ какъ онъ спускался именно надъ ея хижиной; даже моя матушка видала его. Вѣроятно, суевѣрные пермяки объясняли змѣемъ падавшіе метеоры. У насъ въ домѣ повадился было ходить по ночамъ домовой; всѣ въ квартирѣ слышали даже его походку, слышали какъ онъ, мягко ступая по полу, ѣстъ хлѣбъ, оставшійся въ кухнѣ и пьетъ. Утромъ находили, что хлѣбъ съѣденъ, а квасъ или пиво выпиты. Я ужасно боялся этого домового, боялся, чтобы онъ не пришелъ ко мнѣ. Къ моему счастью, наконецъ, загадка была разрѣшена самымъ прозаическимъ образомъ моимъ отцомъ. Домовымъ оказался деревенскій мальчикъ, Гаврила, жившій у насъ же въ услуженіи. Просыпаясь по деревенскому обычаю очень рано, совсѣмъ еще ночью, онъ слѣзалъ съ палатей, отправлялся къ столу, гдѣ лежалъ хлѣбъ и затѣмъ запивалъ свою трапезу квасомъ; потомъ снова ложился спать. Но и этому объясненію наши домашніе не хотѣли вѣрить и остались при своемъ убѣжденіи.

Свободнаго времени у меня въ Перми было достаточно — учился тогда я еще не много — и пользовался свободою, чтобы шататься по городу. На улицѣ было вездѣ много нищихъ. Они сидѣли или лежали на папертяхъ, площадяхъ, и вообще въ людныхъ мѣстахъ. Среди нихъ было не мало и воровъ, и настоящихъ разбойниковъ, притворявшихся изувѣченными, на самомъ же дѣлѣ высматривавшихъ гдѣ бы можно устроить какое-нибудь «дѣло». Были и калики-перехожіе, наши русскіе трубадуры. Калика обыкновенно садился на землю, поджавъ ноги и

поставя передъ собою деревянную, крашенную золотыми разводами чашку. Около него всегда можно было видѣть собравшійся кружокъ, который охотно слушалъ пѣніе; слушатели бросали въ чашку деньги. Мнѣ такимъ образомъ пришлось слышать не мало любопытныхъ легендъ и народныхъ преданій. Къ сожалѣнію, большинство ихъ смутно удержалось въ моей памяти, вытѣсненное другими впечатлѣніями. Да и въ народѣ, какъ извѣстно, далеко не всякій запоминаетъ эти былины и хорошихъ разсказчиковъ былинъ и духовныхъ стиховъ вообще встрѣчается не много.

II.

Пребываніе въ Екатеринбургѣ.—Заводчикъ Зотовъ.—Переселеніе въ Москву.—Первое публичное появленіе мое въ концертѣ.—Московскіе меломаны.—Фильдъ.—Иностранныя музыкальныя знаменитости въ Москвѣ.—Скрипачъ Арто.—Мое поступленіе въ московскій театръ первою скрипкою.—Тогдашній московскій театральный оркестръ.—Верстовскій и Загоскинъ.—Тогдашніе театральные нравы.—Мочаловъ.

Среди такихъ, довольно однообразныхъ, какъ видитъ читатель, но не лишенныхъ поэзіи впечатлѣній, проходило мое дѣтство. Я прилежно читалъ и любимымъ моимъ чтеніемъ были священныя книги — Четьи-Минеи, житія святыхъ. Подъ вліяніемъ этого чтенія, я собирался посвятить себя монашеской жизни, внѣ которой все казалось мнѣ не стоющимъ вниманія. Все, что̀ мнѣ дарили, все, что̀ я имѣлъ, я отдавалъ нищимъ: ихъ же было такъ много во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ намъ приходилось жить!

Мой отецъ, оставивъ Пермь, гдѣ мы провели нѣсколько лѣтъ, переѣхалъ сперва въ Кунгуръ, потомъ въ Камышловъ и Ирбитъ. Эти города у меня впрочемъ ничего не оставили въ памяти. Наоборотъ Екатеринбургъ, куда мой отецъ былъ приглашенъ извѣстными въ то время уральскими заводчиками, Харитоновымъ и Зотовымъ, представляется мнѣ такъ ясно, какъ будто я еще живу въ немъ. Изъ лицъ екатеринбургскаго общества особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня самъ Зотовъ, старикъ съ длинною сѣдою бородой и почтеннымъ видомъ. Онъ находился подъ судомъ и считался арестованнымъ, обвиненный въ убійствѣ, совершенномъ имъ звѣрскимъ образомъ надъ однимъ изъ его заводскихъ людей. У Зотова были чугунно-желѣзные заводы—Кыштымъ, Ураимъ и Касли, находившіеся за уральскимъ хребтомъ. Если и теперь на уральскихъ заводахъ не оберешься жалобъ на произволъ хозяевъ, то можно себѣ представить, что творилось тамъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, какую длинную лѣтопись несправедливостей и ужасовъ всякаго рода можно было бы представить, если бы кто далъ

себѣ трудъ составить ее. Не могу сказать въ точности выдавался ли Зотовъ суровостью среди другихъ заводчиковъ. Очень можетъ быть, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ у него на заводахъ дѣлалось не мало несправедливостей. Одинъ изъ его рабочихъ протестовалъ противъ нихъ; его протестъ сильно напугалъ владѣльца, тѣмъ болѣе, что недовольныхъ была масса: несчастный поплатился жизнью за свою рѣшимость. Но какъ-то этотъ случай не удалось замять и началось дѣло. Зотовъ былъ арестованъ, правда, домашнимъ арестомъ, а его домъ былъ чистый дворецъ. Да и арестъ обозначался только тѣмъ, что въ передней этого дворца помѣщался солдатъ съ ружьемъ. Солдаты, назначавшіеся сюда на дежурство, считали послѣднее праздникомъ для себя. Ихъ отлично поили, кормили; сидя въ теплой передней, они могли дѣлать что̀ имъ было угодно, преспокойно поставивъ свое ружье къ стѣнкѣ. Арестованный Зотовъ жилъ, ни мало не стѣсняя себя, дѣлалъ что̀ ему угодно, распоряжался своими дѣлами, приглашалъ къ себѣ кого хотѣлъ, слушалъ музыку — онъ былъ большой любитель ея,—тратилъ огромныя деньги на картины и т. д. По прошествіи десяти лѣтъ, за давностью срока, онъ былъ освобожденъ отъ суда; тѣмъ все и кончилось. Если не ошибаюсь, вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ конкурсъ надъ его дѣлами, продолжающійся до настоящаго времени. Заводы Зотова были очень велики, и расположены въ великолѣпной мѣстности. Громадныя озера и горы, заросшія вѣковымъ лѣсомъ, представляли картины одна живописнѣе другой. Дичи, птицъ и звѣрей, начиная отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, было множество. Въ изобиліи водились бурые медвѣди, дикія козы, словомъ всевозможная дичь, за которою тогда почти никто не охотился: въ этомъ отношеніи край былъ почти дѣвственный. О количествѣ дичи можно судить потому, что нашъ поваръ, ѣздившій иногда за 8 верстъ отъ города въ деревню, всегда возвращался съ 10, 15 штуками дичи, убитой имъ мимоходомъ на пути. На заводахъ мнѣ случалось проѣзжать совсѣмъ близко мимо утокъ и другихъ дикихъ птицъ, которыя оставались спокойными. Медвѣди были громадны. Я помню, что въ Ураимѣ охотникъ привезъ убитаго имъ бураго медвѣдя; онъ былъ величиною съ добрую корову. И на такихъ-то животныхъ въ ту пору охотились одинъ на одинъ, только съ винтовкою и обоюдоострымъ ножомъ.

Интелигентнаго общества въ Екатеринбургѣ того времени почти не было. Населеніе его состояло изъ чиновниковъ, немногихъ купцовъ и рабочаго люда, такъ что трудно даже было и поддерживать съ кѣмъ-либо знакомство. Между тѣмъ, я и братья подростали; приходилось думать о нашемъ воспитаніи. Школъ же въ Екатеринбургѣ было мало; если не ошибаюсь, не было даже и гимназіи.

Отецъ мой, зная что его братья, князья Павелъ и Александръ

Долгорукіе, живутъ постоянно въ Москвѣ, и разсчитывая на ихъ содѣйствіе, рѣшился вернуться снова въ первопрестольную столицу. Туда мы и переѣхали въ 1828 году. Устроившись кое-какъ, отецъ повезъ меня къ Павлу Ивановичу Долгорукому. Онъ меня поразилъ своимъ сходствомъ съ моимъ отцомъ. Князь и княгиня ласково меня приняли, но съ отцомъ не сближались. Мнѣ казалось, что они какъ будто тяготятся его присутствіемъ, да кажется оно такъ и было, потому что мой отецъ скоро пересталъ бывать у нихъ въ домѣ. Напротивъ, за мной они часто присылали экипажъ и праздники я всегда проводилъ у нихъ. Князь Павелъ Ивановичъ былъ большой любитель музыки, игралъ хорошо на фортепьяно; мы съ нимъ часто упражнялись въ четыре руки; дома же я преимущественно занимался скрипкою: идеи о монашеской жизни въ Москвѣ оставили меня. Второй мой братъ изучалъ віолончель и впослѣдствіи сдѣлалъ на ней большіе успѣхи. Такимъ образомъ, у насъ въ домѣ могли устроиваться тріо и квартеты, игрались произведенія камерной музыки. Можетъ быть однако изъ меня не вышло бы вовсе виртуоза, если бы не случайное обстоятельство. Въ это время пріѣхали въ Москву два брата Эйхгорнъ, малолѣтніе, но талантливые скрипачи. Они дали нѣсколько концертовъ съ большимъ успѣхомъ. Мой отецъ, прослушавъ ихъ, рѣшилъ, что и мы съ братомъ смѣло можемъ выступить публично. Мы разучили тѣ же пьесы что и Эйхгорны и дали концертъ, прошедшій вполнѣ успѣшно. Съ этого времени начались у меня и усиленныя артистическія занятія, и моя трудовая жизнь. Я началъ доставать деньги, играя квартеты, давая концерты, аккомпанируя пѣвцамъ и пѣвицамъ; моя репутація понемногу стала рости. Я даже могъ содержать всю нашу семью своими трудами, такъ какъ здоровье отца довольно скоро послѣ переѣзда нашего въ Москву стало слабѣть. Но работа мнѣ не была въ тягость; напротивъ, мнѣ все казалось легкимъ и доступнымъ. Безусловно всѣ музыкальные дома въ Москвѣ мнѣ были извѣстны, а такихъ домовъ, гдѣ собирались напримѣръ для игры квартетовъ, было не менѣе 15. Постоянные квартеты были еженедѣльно у Ивана Александровича Нарышкина, почему-то прозваннаго «пѣтушкомъ», у Бровцына, у князя Шаховскаго, у генерала Бутовскаго, у графа Гудовича, владѣльца знаменитаго віолончеля Страдиваріуса, который послѣ его смерти достался Маркевичу; другой подобный віолончель въ Россіи былъ только у графа Віельгорскаго, именно тотъ самый, который впослѣдствіи графомъ подаренъ К. Ю. Давыдову. Замѣчу здѣсь кстати, что за свой віолончель графъ Гудовичъ уплатилъ прекрасною каретою, четверкою вороныхъ лошадей, съ лакеемъ и кучеромъ съ ихъ семействами на придачу. У всѣхъ названныхъ выше лицъ собирались разъ въ недѣлю лучшіе московскіе артисты. Въ Москвѣ былъ въ то время прекрасный квартетъ, состоявшій изъ слѣдующихъ лицъ:

скрипача Грасси, альтиста Аматова, віолончелиста Шмидта; вторую скрипку иногда игралъ я. Если хотите, я долженъ сказать, что музыкою тогда, повидимому, занимались больше теперешняго; но какая разница во всемъ въ пользу нашихъ дней—и въ пониманіи сочиненій, и въ репертуарѣ, и въ уровнѣ музыкальной образованности и даже въ самой техникѣ! Репертуаръ московскихъ меломановъ былъ вполнѣ салонный. Въ фортепьянной литературѣ господствовали Штейбельтъ, Черни (этотъ особенно нравился москвичамъ), потомъ Герцъ, т. е. авторы безусловно безсодержательные, но съ раскатистою техникою. Въ камерной музыкѣ царилъ нѣкто Гебель, о которомъ теперь никто и понятія не имѣетъ: это была смѣсь Онслова съ замашками и претензіями на Бетховена. Затѣмъ игралась гайдновская и моцартовская музыка. Что касается Бетховена, то онъ вообще въ Москвѣ не признавался. Да и о какой серьезной музыкѣ можно было серьезно толковать московскимъ меценатамъ-меломанамъ, если у нихъ въ домѣ, на вечерахъ у Ивана Александровича Нарышкина напримѣръ, разыгрывались и пользовались огромнымъ успѣхомъ такія полуитальянскія, полумосковскія музыкальныя творенія какъ «Несчастье отъ кареты» и тому подобная чепуха?! Бетховенъ и въ Петербургѣ, уже въ болѣе позднее время, не пользовался сочувствіемъ музыкальнаго міра, по крайней мѣрѣ Бетховенъ послѣдняго періода. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ не шли далѣе «разумовскихъ» квартетовъ[1]). Я помню, что разъ какъ-то мы пробовали у А. Ѳ. Львова играть одинъ изъ «голицынскихъ» квартетовъ[2]) и Алексѣй Ѳеодоровичъ сказалъ мнѣ:

— Какъ вы, Николай Яковлевичъ, не видите, что это писалъ сумасшедшій?

По части скрипичной спеціальнымъ успѣхомъ въ Москвѣ пользовались варіаціи Роде; вообще же пріѣзжіе и мѣстные виртуозы угощали слушателей всякою чепухой, отъ которой слушатели были въ восторгѣ. Я забылъ назвать Фильда среди фортепьянныхъ героевъ Москвы. Фильдъ былъ спеціально московская знаменитость, нѣчто въ родѣ ея полубога: геній и отчаянный неряха, неряшество котораго подходило подстать Москвѣ, но не отвѣчало его англійскому происхожденію. Его на перерывъ приглашали всюду и его посѣщенія весьма цѣнились. За нимъ всюду слѣдовалъ одинъ изъ его учениковъ съ подушкою особаго рода, такъ какъ отъ сидячей жизни Фильдъ сильно страдалъ гемороемъ. На обѣдахъ для него обязательно подавалась гречневая каша и шампанское á discretion. Онъ игралъ въ самомъ дѣлѣ превосходно; техника его отличалась замѣчательною отчетливостью, а туше мягкостью; звуки его игры можно было бы сравнить съ колокольчиками или

---

[1]) Квартеты Бетховена, посвященные графу Разумовскому.

[2]) Квартеты Бетховена, посвященные князю Голицыну.

съ пересыпаніемъ жемчуга на блюдѣ. При его игрѣ можно было въ самомъ дѣлѣ воскликнуть:

«Точно сыплется жемчугъ
«На серебряное блюдо!»

При этомъ въ игрѣ его было дѣйствительно много вкуса. Объ общемъ характерѣ ея могутъ дать наилучшее понятіе его фортепьянные концерты и ноктюрны. Вообще съ нимъ ужъ не могло быть того, что случалось не рѣдко съ Листомъ въ его московскихъ концертахъ: это то, что Листъ путалъ напропалую и въ чужихъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ. Одинъ изъ концертовъ, гдѣ онъ игралъ фантазію на «Лукрецію Борджію», мнѣ остался особенно памятнымъ въ этомъ отношеніи. Но возвращаюсь къ московскому квартету и его любителямъ. Иванъ Александровичъ Нарышкинъ на своихъ вечерахъ игралъ обыкновенно первую скрипку въ квартетѣ. Но такъ какъ игралъ онъ отчаянно, то артисты втихомолку подсмѣивались надъ нимъ и толка выходило не много. Не лучше шло и у другихъ знатныхъ любителей. Находясь въ квартетѣ, о которомъ я сказалъ выше, мнѣ случалось играть со всевозможными знаменитостями, посѣщавшими Москву, съ Оле-Булемъ, Липинскимъ и др. Оле-Буль производилъ особенный фуроръ въ Москвѣ своею игрой. Затѣмъ я слышалъ всѣхъ, посѣщавшихъ тогда Москву иностранныхъ артистовъ,—Гаумана (скрипача), Вьетана, Леопольда Мейера, Тальберга, Листа, Берліоза и другихъ. Всѣ эти артисты пользовались самымъ лестнымъ вниманіемъ московскаго общества. За ними ухаживали, гонялись и московскіе салоны, отбивали ихъ одинъ отъ другого. Нѣкоторые изъ этихъ знаменитостей, пользуясь такимъ отношеніемъ къ нимъ общества, рѣшительно не стѣснялись. Помню, что на обѣдѣ въ одномъ домѣ скрипачъ Арто,—кажется отецъ извѣстной впослѣдствіи пѣвицы,—преспокойно бросился на диванъ между двумя дамами, графиней Гудовичъ и графиней Апраксиной; мало того, взявъ у одной изъ нихъ брильянтовую булавку, онъ началъ чистить зубы, потомъ отдалъ обратно,—и наши дамы остались вполнѣ довольны!

Въ 1838 году я поступилъ въ московскій театръ первою скрипкою. Оркестръ тогдашняго московскаго театра скорѣе можно было считать посредственнымъ чѣмъ хорошимъ; были нѣкоторые превосходные артисты между скрипачами, віолончелистами и среди деревянныхъ инструментовъ,—особенно между послѣдними выдавался кларнетистъ Титовъ, отличавшійся превосходнымъ мягкимъ тономъ,—но на вторыхъ пультахъ сидѣли плохіе и посредственности, а дирижеры не заботились о выправкѣ оркестра, о достиженіи ансамбля. Поэтому сплошь и рядомъ исполненіе было зауряднымъ и по просту не чистымъ. Нѣкоторые изъ музыкантовъ оркестра, получая не ахти какое жалованье, предпочитали какое угодно анятіе своему настоящему дѣлу. Очень нерѣдко они не являлись

на репетиціи, а иногда и къ спектаклю. Вообще дѣлали что хотѣли и играли небрежно. Нравственное развитіе ихъ было не особенное, такъ что у поссорившихся между собою музыкантовъ порою происходили въ антрактахъ оперы драки.

Репертуаръ оперный былъ по преимуществу иностранный, хотя давались и русскія оперы, въ особенности оперы Верстовскаго, бывшаго тогда инспекторомъ театра: «Аскольдова могила», производившая фуроръ, «Громобой», «Вадимъ» и т. д. Директоромъ театра былъ знаменитый романистъ М. Н. Загоскинъ, человѣкъ въ музыкѣ ничего не понимавшій. Помню, что когда только-что прибавили къ оркестру офиклеидъ, который прежде не входилъ въ его составъ, добродушный Загоскинъ хвастался новымъ инструментомъ и показывалъ его всѣмъ какъ какого звѣря. Онъ нарочно даже привезъ въ театръ министра двора, посѣтившаго Москву, чтобы показать ему «чудовище».

А. Н. Верстовскій былъ добрый человѣкъ, но страшный волокита, всегда находившійся подъ вліяніемъ одного изъ своихъ «предметовъ»; наиболѣе вліянія среди его возлюбленныхъ имѣла на него актриса Рѣпина. Вѣроятно, глядя на слабости начальства имъ подражали и подчиненные, включая учениковъ театральнаго училища. Парочки были всюду и никто не стѣснялся. Разъ при представленіи оперы «Водовозъ» поднявшаяся занавѣсь показала одну изъ этихъ парочекъ въ такомъ видѣ, что произошелъ дѣйствительно громадный скандалъ. Кого слѣдуетъ винить за подобное положеніе дѣла, предоставляю судить читателямъ. Помню, напримѣръ, что однажды, въ бытность мою на службѣ въ Петербургѣ, случилось всему оркестру во время полнаго хода репетиціи ожидать ровно четверть часа пѣвицу, удалившуюся съ Гедеоновымъ въ уборную. Да и вообще тотъ вѣкъ по части нравовъ былъ свободный. Достаточно вспомнить, напримѣръ, хотя бы безобразные кутежи Листа въ Петербургѣ и въ Москвѣ...

Театръ москвичи посѣщали усердно, въ особенности драматическій. Тогда еще былъ живъ знаменитый Мочаловъ. Купцы его любили до нельзя. Любовь ихъ и восторги къ таланту Мочалова, выражались, между прочимъ, неизбѣжными угощеніями, погубившими, наконецъ, этого артиста. Любопытна исторія его женитьбы. Въ кремлевскомъ Александровскомъ саду, въ среднемъ гротѣ, который существуетъ еще и теперь, находилась въ то время кофейная. Нашъ трагикъ, гуляя по саду, непремѣнно заходилъ въ кофейную и выпивалъ когда рюмку водки, а когда и больше. Въ теченіе извѣстнаго времени за нимъ было записано на 800 рублей выпитыхъ имъ рюмокъ! Расплатиться Мочалову было нечѣмъ, такъ какъ деньги у него не залеживались. У хозяина кофейной была дочь. Нравилась ли она Мочалову, или нѣтъ — я не знаю, но только, чтобъ расквитаться съ долгомъ, онъ предложилъ хо-

зяину выдать за него дочь и списать долгъ, что было принято и исполнено!

Когда Мочаловъ одно время собирался отправиться за границу для усовершенствованія, то московскіе купцы собрали ему на поѣздку 3,000 рублей. Были устроены торжественные проводы, вино лилось рѣкой. Оказалось, однако, что далеко проводить Мочалова не пришлось. Онъ отправился въ Троицкую лавру помолиться передъ поѣздкою и застрялъ въ мытищенскомъ трактирѣ, гдѣ пьянствовалъ и игралъ цѣлую недѣлю, спустивъ, разумѣется, всѣ деньги... Его такъ и нашли въ Мытищахъ подъ билліардомъ.

III.

Мое поступленіе капельмейстеромъ въ Шепелевскій оркестръ,—Иванъ Дмитріевичъ Шепелевъ.—Княгиня Голицына.—Приключеніе съ итальянскимъ маэстро.—Театръ на Выксѣ.— Выксенское общество. — Приключеніе со мной на охотѣ.— Апостолъ Тимошка. — Николай Дмитріевичъ Шепелевъ. — Выигрышъ мною у него на билліардѣ скрипки Гварнеріуса. — Разстройство дѣлъ Шепелевыхъ.— Вліяніе спиритизма.

Москва, однако, не удовлетворяла меня и я былъ не прочь оставить ее. Случай улыбнулся мнѣ. Черезъ князя Льва Константиновича Голицына, я получилъ приглашеніе поступить къ его шурину, И. Д. Шепелеву, капельмейстеромъ въ театръ, существовавшій у него во владимірскомъ имѣніи. Въ императорскомъ театрѣ я получалъ 800 р. жалованья, Шепелевъ мнѣ предложилъ 3,500 р. въ годъ, кромѣ квартиры; у него я долженъ былъ занять самостоятельное положеніе. Понятно, я не колебался и съ радостью принялъ приглашеніе.

Шепелевъ былъ высоко образованный человѣкъ. Онъ служилъ сперва въ гвардіи, потомъ, выйдя въ отставку, уѣхалъ въ свое имѣніе, состоявшее изъ 18-ти тысячъ душъ крестьянъ, приписанныхъ къ четыремъ чугунно-литейнымъ заводамъ, расположеннымъ въ одной смежной полосѣ, въ трехъ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской и Тамбовской. Всѣ эти заводы снабжались чугунной рудой, добывавшейся на собственныхъ же земляхъ. Главнымъ изъ заводовъ, сосредоточіемъ всего дѣла, былъ Выксинскій, находившійся около Мурома (Владимірской губерніи). Иванъ Димитріевичъ былъ большой любитель искусствъ вообще. Онъ цѣнилъ живопись, скульптуру и самъ рисовалъ весьма недурно, но предпочиталъ всему музыку. Самъ онъ опять-таки недурно пѣлъ: у него былъ хорошій баритонъ. Громадный трехъэтажный домъ его на Выксѣ представлялся рѣшительно дворцомъ; убранство его было роскошно. Въ домѣ находились особыя мастерскія для живописи,

скульптуры, салонъ для занятія музыкой; въ послѣднемъ помѣщеніи занимался самъ Шепелевъ и дѣлались спѣвки. Личные апартаменты Ив. Д. Шепелева были отдѣланы въ турецкомъ вкусѣ; всѣ его комнаты были убраны турецкими коврами, вся мебель отдѣлана тармаламой, повсюду стояли громадныя тропическія растенія и цвѣты, распространявшіе благовоніе. Самъ хозяинъ разгуливалъ въ турецкомъ халатѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, на которыя шло до 40 аршинъ канауса, въ бѣлой шелковой полосатой курточкѣ съ серебряными пуговицами, съ ермолкою на головѣ, шитою золотомъ, и въ туфляхъ.

Въ домѣ была великолѣпная библіотека, въ которой можно было найти все, что угодно; въ этой библіотекѣ я познакомился съ Шиллеромъ, Гете, Вальтеръ-Скоттомъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Вольтеромъ, Евгеніемъ Сю, Гюго, Диккенсомъ и многими другими писателями, остававшимися до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстными. Пріѣхавъ на Выксу, прежде всего я долженъ былъ играть передъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Моя игра такъ понравилась ему, что его расположеніе сразу было обезпечено мнѣ: я сдѣлался тотчасъ же домашнимъ человѣкомъ. Кромѣ Ивана Дмитріевича, на Выксѣ жилъ его младшій братъ, Николай Дмитріевичъ, съ которымъ я тоже близко сошелся. Сверхъ того, здѣсь же жила сестра Шепелевыхъ, бывшая замужемъ за княземъ Голицынымъ. Это была замѣчательная женщина, талантливая, какъ и вся семья Шепелевыхъ; рисовала она превосходно, и музыкальныя способности ея были громадныя. Сколько разъ случалось, что она мнѣ повторяла на память на фортепіано пьесу, игранную мною передъ нею всего только одинъ разъ! При большомъ умѣ, она была чрезвычайно любезна и внимательна ко всѣмъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы не находился ея собесѣдникъ; я просто благоговѣлъ передъ ней.

Я сказалъ, что былъ приглашенъ къ Шепелеву капельмейстеромъ. У Шепелева на Выксѣ былъ театръ, какъ у многихъ богатыхъ русскихъ помѣщиковъ стараго времени. Но тогда какъ эти театры у большинства, въ артистическомъ смыслѣ, ничего не представляли изъ себя, или мало чего стоили и по составу труппы и вообще по матеріальнымъ своимъ средствамъ,— у Шепелева наоборотъ, театръ былъ такой, который съ честью могъ бы занять мѣсто не только въ любомъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ, но могъ равняться съ тогдашними столичными нашими сценами, по крайней мѣрѣ, съ московскими. Въ нашихъ провинціяхъ еще не было оперныхъ театровъ,—кромѣ Одессы и Риги — и театръ Шепелева по праву занималъ единственное мѣсто во всей внутренней Россіи. Мнѣ былъ переданъ въ полное завѣдываніе оркестръ и хоръ. Иванъ же Дмитріевичъ оставилъ за собою балетную школу и, сверхъ того, часто занимался лично женскими хо-

рами. Я уже сказалъ, что нѣкогда онъ бралъ уроки въ Петербургѣ, и именно, у однаго итальянскаго маэстро, фамилію, котораго теперь не помню. Объ этомъ маэстро Иванъ Дмитріевичъ, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ такой случай. Въ одно прекрасное утро къ маэстро пришелъ его парикмахеръ, намылилъ ему бороду, потомъ, неожиданно взявъ за носъ, сказалъ: «прикажете сейчасъ же перерѣзать вамъ горло?» Маэстро страшно перепугался, но имѣлъ настолько присутствія духа, что сказалъ: «погоди немного, я забылъ свой платокъ, я сейчасъ его возьму». Парикмахеръ выпустилъ его носъ, а маэстро, выйдя спокойно въ другую комнату, опрометью побѣжалъ на улицу, какъ былъ въ рубашкѣ, въ халатѣ и туфляхъ съ подвязанною салфеткою, съ намыленными щеками и началъ звать на помощь. Полицейскіе хотѣли было тащить его въ участокъ, предполагая въ немъ сумасшедшаго. Ему едва удалось убѣдить ихъ, что настояшій сумасшедшій сидитъ у него на верху. Когда поднялись въ его квартиру, цирульникъ стоялъ еще съ бритвою въ рукахъ, ожидая возвращенія маэстро. По справкамъ оказалось, что онъ сидѣлъ долгое время въ сумасшедшемъ домѣ, но такъ какъ былъ всегда скроменъ и тихъ, разсуждалъ здраво, то его и порѣшили выпустить. Послѣ вновь обнаруженнаго сумасшедствія его, конечно, опять засадили въ желтый домъ. Но я отвлекся въ сторону. Свое управленіе театромъ Шепелева, я началъ съ того, что избавилъ моихъ подчиненныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, ограничась только карцеромъ и денежными штрафами. Употребленіе тѣлесныхъ наказаній не должно удивлять читателя, потому что и на казенныхъ сценахъ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ случалось, что артиста наказывали розгами, или изъ оркестра переводили въ истопники. У Шепелева же и хористы, и оркестровые музыканты были изъ крѣпостныхъ людей.

Театръ на Выксѣ былъ немногимъ меньше петербургскаго Маріинскаго театра. Внутреннее расположеніе его было такое же: партеръ, бенуаръ, бельэтажъ, второй и третій ряды ложъ. Ложи были точно также размѣщены, какъ и во всѣхъ театрахъ; напротивъ сцены, гдѣ въ императорскихъ театрахъ помѣщается царская ложа, находилась парадная ложа Шепелевыхъ, отдѣланная бархатомъ и золотомъ, уставленная зеркалами. Изъ ложи дверь вела въ фойе, куда во время антрактовъ приходили гости и знакомые, и гдѣ сервировался чай.

Вся обстановка и всѣ приспособленія въ театрѣ были превосходны; механическая часть безукоризненна и самыя сложныя оперы тогдашняго времени шли безъ всякихъ затрудненій. Декораціи отличались изяществомъ и точностью; ихъ писалъ декораторъ Кораблевъ, тоже изъ крѣпостныхъ Шепелева, бывшій истиннымъ талантомъ и заслуживавшій вполнѣ имя художника. Онъ учился въ Петербургѣ и могъ бы, вѣроятно, пойти далеко, еслибы не его

крѣпостная зависимость: въ сознаніи ли своего положенія или отъ другихъ причинъ, но онъ сдѣлался горькимъ пьяницею.

Театръ освѣщался газомъ. Надо замѣтить, что въ то время даже императорскіе театры въ Петербургѣ освѣщались масляными лампами. Въ двадцатыхъ годахъ была сдѣлана попытка освѣщать газомъ театръ, находившійся на Фонтанкѣ и теперь уже не существующій, но послѣ случившагося тамъ взрыва, произведшаго пожаръ, попытку ввести газъ въ театры оставили. Оркестръ выксинскаго театра состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ, т. е. немногимъ меньше состава оркестровъ императорскихъ оперъ. Единственнымъ важнымъ пробѣломъ было отсутствіе въ театрѣ органа. Впрочемъ, въ операхъ того времени органъ примѣнялся мало. Я замѣнялъ органъ духовыми инструментами, именно: флейтами, гобоями, фаготами и контръ-фаготами, при чемъ размѣщалъ инструменты за кулисами на такомъ растояніи отъ сцены, что доходящій оттуда звукъ наиболѣе подходилъ къ органному. Указаннымъ инструментальнымъ сочетаніемъ я такъ удачно достигалъ цѣли, что пріѣзжавшіе изъ Петербурга и Москвы лица, слушавшіе въ первый разъ оперу въ нашемъ театрѣ, всегда обманывались и говорили мнѣ: «Какой у васъ прекрасный органъ». Репетиціи въ театрѣ устроивались по вечерамъ и оперы давались не иначе какъ послѣ того, что онѣ были совершенно разучены. Нѣсколько слабы по численности были хоры: хористовъ у насъ имѣлось не болѣе 35—40 человѣкъ. Для мужскихъ хоровъ, если они были очень трудны, я присоединялъ иногда музыкантовъ изъ оркестра, безъ которыхъ можно было обойтись въ данномъ случаѣ. Оркестръ, какъ я уже сказалъ, былъ очень хорошій, но въ составѣ его было нѣсколько неисправимыхъ пьяницъ. Эти пьяницы принадлежали къ старому поколѣнію музыкантовъ. Изъ новыхъ, которыхъ мнѣ пришлось формировать въ бытность мою на Выксѣ, и которые старались мнѣ подражать во всемъ, ни одинъ не страдалъ этимъ порокомъ. Случалось, что неисправимые пьяницы моего оркестра приносили мнѣ не мало хлопотъ. Одинъ разъ я назначилъ для поддержки басовъ въ трудномъ хорѣ музыканта, котораго звали Абрамомъ, отличнаго артиста, но горькаго пьяницу. Изъ предосторожности я велѣлъ запереть его передъ началомъ спектакля въ уборную. Онъ былъ совсѣмъ уже одѣтъ, въ рыцарскомъ костюмѣ, въ латахъ, съ мечомъ и въ шлемѣ. Проходя мимо уборной, я услыхалъ его молящій голосъ: «Николай Яковлевичъ, разрѣшите одну рюмочку, только одну рюмочку! робѣю, ей-Богу, робѣю!»—«Послѣ, Абрамъ, послѣ спектакля»,—отвѣтилъ я ему. Я распорядился, чтобъ его выпустили въ самый послѣдній моментъ, когда надо было выходить хору на сцену. Дѣйствіе началось; хористы вышли, но Абрама между ними не вижу. На наше счастье все прошло благополучно и безъ него. Въ антрактѣ, придя на сцену, спрашиваю,

почему не выпустили Абрама? Мнѣ отвѣтили, что его въ уборной не нашли, окно же ея оказалось отвореннымъ. Что же вышло? онъ выскочилъ въ окно и одѣтый, какъ былъ рыцаремъ, побѣжалъ въ деревенскій кабакъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ воротиться и, подкрѣпясь, станетъ лучше пѣть. На бѣду его въ кабакѣ встрѣтили знакомые, которые заинтересовались его костюмомъ. Вмѣсто одной рюмочки, его угостили цѣлымъ полуштофомъ, такъ что когда онъ вспомнилъ о своихъ рыцарскихъ обязанностяхъ, то до театра уже не дошелъ, а проспалъ всю ночь, свалившись въ канаву, гдѣ его и нашли утромъ въ рыцарскомъ костюмѣ и въ латахъ. Подобныхъ исторій съ пьяными хористами и музыкантами у насъ было много; искоренить ихъ не могли никакія наказанія. Я, впрочемъ, относительно наказаній никогда не шелъ дальше денежныхъ штрафовъ и карцеровъ, какъ уже замѣтилъ выше, всегда придерживался увѣщаній и кроткихъ мѣръ и мнѣ часто удавалось улаживать разныя недоразумѣнія и всякія ссоры и непріятности въ самомъ ихъ началѣ.

Но возвращаюсь къ организаціи театра. Музыканты всѣ получали отъ Шепелева жалованье точно такъ же, какъ и хористы, отъ 10 до 15 рублей въ мѣсяцъ, сверхъ чего они имѣли еще квартиру и дрова. Ничего подобнаго не было ни въ одномъ изъ помѣщичьихъ театровъ стараго времени. Вообще театръ стоилъ Шепелеву не мало денегъ, ибо онъ посѣщался безплатно всѣми, кому Шепелевъ это позволялъ, или кого приглашалъ разъ навсегда. Такимъ образомъ, всѣ почти мѣста принадлежали однимъ и тѣмъ же лицамъ. За то въ бенефисы артистовъ и хора всѣ обязательно подписывались кто сколько могъ. Шепелевы сами всегда давали по сту рублей; вслѣдъ за ними наиболѣе богатые люди давали тоже по сту рублей, а другіе, кто сколько хотѣлъ и могъ, но не менѣе рубля. За эту ничтожную сумму они пользовались своими мѣстами цѣлый годъ, считаясь какъ бы абонентами. Всѣ деньги, собиравшіеся подпискою, хранились у меня. По окончаніи года, передъ Святой, я распредѣлялъ ихъ между оркестромъ. Штрафныя же деньги обращались въ наградныя другимъ. Всѣми дѣлами оркестра завѣдывали выбранныя самими музыкантами лица изъ ихъ среды. Въ числѣ солистовъ были весьма хорошіе пѣвцы; нѣкоторые изъ нихъ, опять-таки являлись крѣпостными Шепелева, но часть ихъ приглашалась и со стороны. Въ мое время въ числѣ солистовъ были два весьма хорошіе сопрано, замѣчательный контральто, теноръ и басъ, густой пріятный и сильный по звуку. Басъ этотъ былъ г. Скотти, родной братъ извѣстнаго живописца. Кромѣ обычнаго состава пѣвцовъ, Шепелевъ приглашалъ также артистовъ изъ Москвы и Петербурга, охотно ѣздившихъ къ нему, такъ какъ за деньгами онъ не стоялъ. Хористы и пѣвцы изъ крѣпостныхъ подготовлялись въ школѣ, которая помѣщалась въ особенномъ домѣ. Жили же въ

этомъ домѣ, исключительно однѣ ученицы. Въ число послѣднихъ выбирались не однѣ только молоденькія, но и хорошенькія, такъ что порою вовсе не обращалось вниманія на голоса... Изъ школы на спѣвки ученицы привозились всегда въ каретѣ съ вооруженными егерями. Иванъ Дмитріевичъ вообще не любилъ, чтобы кто-нибудь знакомился съ его артистками, а этого можно было опасаться, потому что на Выксѣ жило большое общество, среди котораго не мало было мужской молодежи. Шепелевъ самъ обучалъ хористокъ, не смущаясь тѣмъ, что порою приходилось повторять нѣкоторыя мѣста множество разъ. Однако, если не смотря на повтореніе дѣло не ладилось, онъ бралъ камышевую трость изрядныхъ размѣровъ и билъ нерадивыхъ по спинѣ. Меня сперва этотъ педагогическій пріемъ страшно возмущалъ; я всегда протестовалъ; Иванъ же Дмитріевичъ преспокойно возражалъ, что наказываетъ ученицъ любя, какъ дѣтей, потому что хочетъ, чтобы онѣ боялись и прилежнѣе занимались: иначе-де «дѣтямъ» легко пойдетъ разная дурь въ голову. «Дѣти», однако, были находчивы, какъ я узналъ въ скоромъ времени. Онѣ подъ платье на спину накладывали подушечки и потому не чувствовали особой боли отъ камышевой трости Ивана Дмитріевича. Работа по театру распредѣлялась у меня слѣдующимъ образомъ: до завтрака я занимался оркестромъ или у себя дома, или въ театрѣ, а вечеромъ происходили спѣвки хористовъ или хористокъ. Остальное время я былъ свободенъ проводить какъ мнѣ угодно. Но такъ какъ Шепелевъ меня полюбилъ, то значительную часть моего времени приходилось отдавать ему. Завтракалъ я всегда у него. На завтракѣ обыкновенно находились посторонніе люди, такъ какъ на Выксѣ, какъ я уже замѣтилъ, было большое общество. Оно состояло изъ чиновниковъ горнаго вѣдомства, нѣсколькихъ молодыхъ горныхъ офицеровъ и лѣсныхъ чиновниковъ,—въ районѣ имѣній Шепелева находился большой участокъ казеннаго лѣса,—машинистовъ по заводской части, техниковъ всякаго рода и національностей, нѣмцевъ, англичанъ съ ихъ семействами. Сверхъ того, всегда были пріѣзжіе изъ обѣихъ столицъ, собиравшихся на Выксу или по приглашенію хозяина, или по дѣламъ, для заказовъ и пріемовъ, правительственныхъ и частныхъ, чугунныхъ издѣлій всякаго рода—рѣшетокъ, рельсъ и т. д. Казалось бы страннымъ, что въ шепелевскихъ имѣніяхъ, шедшихъ сплошною полосою, находилось огромное казенное имущество—лѣсъ. Въ сущности этотъ лѣсъ принадлежалъ Шепелеву; въ казну же онъ попалъ случайно. Лѣсъ этотъ въ прежнее время пользовался дурною репутаціею: онъ служилъ притономъ разбойничьей шайки, еще въ то время, когда имѣнія Шепелева принадлежали его тестю, Баташеву. Народная молва утверждала, что владѣлецъ имѣнія былъ причастенъ къ этимъ дѣламъ. Однажды, послѣ особенно шумнаго дѣла, мѣстная администрація, трепетавшая

передъ Баташевымъ, вынуждена была назначить слѣдствіе. Обратились къ Баташеву. Онъ же, чтобы сразу прервать всякіе разговоры, заявилъ, что лѣсъ ему не принадлежитъ, а что онъ казенный. Съ тѣхъ поръ этотъ громадный лѣсъ и перешелъ въ казну.

Послѣ завтрака играли обыкновенно на билліардѣ или упражнялись въ стрѣльбѣ въ тирѣ или паркѣ, смотря по погодѣ. Часто устроивались охоты. Охота въ шепелевскихъ лѣсахъ была превосходная и разнообразная, какъ за краснымъ звѣремъ, такъ и за дичью.

Я былъ большой любитель охоты и временами предавался ей со страстью. Разъ мнѣ случилось заблудиться въ безконечныхъ выксинскихъ лѣсахъ. Я долго шелъ и, увидѣвъ, что только кружусь, сдѣлалъ нѣсколько сигнальныхъ выстрѣловъ: отвѣта не было. Солнце между тѣмъ уже начало закатываться. Показались звѣзды, которыхъ я и взялъ руководителями. Собака моя, поджавши хвостъ, смиренно шла за мною. Стало совсѣмъ темно, сыро и холодно. Я спотыкался, пугалъ ночныхъ птицъ, въ свою очередь пугавшихъ меня. Наконецъ, вышелъ на длинную поляну, на которой стояло нѣсколько стоговъ сѣна; мнѣ пришла мысль переночевать въ нихъ. Въ это время въ нѣкоторомъ отдаленіи я замѣтилъ огоньки и потомъ какъ бы собачій лай. Я подумалъ было, что Шепелевъ послалъ розыскивать меня съ собаками; но лай вдругъ превратился въ волчій вой. Судя по огонькамъ, мелькавшимъ тамъ и сямъ, волковъ было много. Собака моя видимо боялась и жалась ко мнѣ. Провести ночь въ стогахъ при такомъ сосѣдствѣ было не удобно. Что̀ дѣлать? Поднялъ я съ земли большую хворостину и началъ колотить ею что̀ было силы, крича во все горло: «гой, гой, у!» и замѣтилъ, что огоньки стали исчезать: я испугалъ волковъ.

Тамъ гдѣ находились стога, должна была быть и торная дорога. Я дѣйствительно скоро нашелъ ее и пошелъ, не зная куда и продолжая шумѣть. Вошелъ въ горѣлый лѣсъ, безпрестанно спотыкаясь и попадая въ воду, наконецъ вышелъ въ поле. Обрадовался прибавилъ шагу и, наконецъ, пришелъ въ деревню, совсѣмъ мнѣ незнакомую. Было два часа ночи. Постучавъ въ окно крайней избы, услышалъ старушечій голосъ:

— Проходи, бродяга, дальше, а не то я тебя вздую кочергою или разобью голову ухватомъ.

Я было началъ ее уговаривать и объяснять, что я охотникъ.

— Говорятъ же уходи, а не то пущу горшкомъ.

Дѣлать было нечего; пошелъ стучаться къ другой избѣ. Отодвинулась деревянная щеколда и въ окнѣ показалась растрепанная мужицкая голова. Я объяснилъ, что заблудился и просилъ его достать мнѣ телѣгу и лошадь, за что̀ обѣщалъ щедрую плату.

Пока мужикъ запрягалъ, я у него попросилъ чего-нибудь поѣсть. У него ничего не было, кромѣ кваса и чернаго хлѣба. Онъ подалъ мнѣ краюху въ полъ-каравая, которую мы съ собакой и съѣли цѣликомъ. И какъ вкусны показались мнѣ этотъ хлѣбъ и этотъ квасъ! Правда, что голодъ самая лучшая приправа. На Выксу мы пріѣхали только къ семи часамъ утра: такъ далеко я зашелъ.

Собаки у насъ были отличныя, особенно у брата Ивана Дмитріевича, Николая Дмитріевича. Особенно славилась собака Діанка, у которой чутье было великолѣпное: она тянула осторожно, подводя охотника совсѣмъ близко къ дичи. За нее Шепелевъ заплатилъ 500 рублей. Оба брата были страстными охотниками. По милости Діанки, Иванъ Дмитріевичъ разъ чуть не погибъ. Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса, вечеромъ, держа въ рукахъ двустволку со взведенными курками и ждалъ, когда потянутъ утки. Въ это время подошла Діанка, начала ласкаться и лапой спустила оба курка; заряды пролетѣли около самой головы Ивана Дмитріевича. Еслибъ онъ держалъ ружье на одинъ дюймъ болѣе наклоненнымъ къ себѣ, то былъ бы убитъ наповалъ. Я тоже чуть однажды не подстрѣлилъ Ивана Дмитріевича. Мнѣ случилось изъ-подъ собаки убить бекаса, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда изъ-за кустовъ выходилъ Иванъ Дмитріевичъ. Я его увидѣлъ по тому направленію, по которому стрѣлялъ; выйди онъ моментомъ позже, то не избѣжать бы катастрофы. Псовую охоту на Выксѣ не жаловали и ни борзыхъ, ни гончихъ у Шепелева не было. Напротивъ, его зять, князь Голицынъ, былъ страстный охотникъ съ борзыми. Когда онъ пріѣзжалъ на Выксу охотиться, то съ нимъ являлись своры собакъ, а вмѣстѣ съ ними и разные охотничьи чины. Въ большомъ ходу была у насъ медвѣжья охота. При мнѣ Иванъ Дмитріевичъ убилъ собственноручно тринадцатаго медвѣдя.

Медвѣжатъ брали живыхъ и воспитывали.

Наканунѣ праздниковъ, на Выксѣ всегда совершалось торжественное богослуженіе; при этомъ театральный хоръ пѣлъ въ церкви, помѣщаясь на хорахъ. Исполняли концерты Бортнянскаго, Березовскаго, Львова и другихъ композиторовъ того времени. Церковь на Выксѣ была отдѣлана превосходно. Иконостасъ весь рѣзной и вызолоченный. Такъ какъ самъ Шепелевъ занимался живописью, то ему однажды захотѣлось перемѣнить одинъ изъ церковныхъ образовъ, именно образъ апостола Петра. Для «натуры» Иванъ Дмитріевичъ взялъ сторожа изъ парка, смотрѣвшаго за дикими козами: его физіономія казалась ему подходящею. Шепелевъ написалъ образъ превосходно; его вставили въ золотую раму, освятили и поставили на назначенное мѣсто. Но не пришлось ему стоять долго въ церкви. Въ первый же праздникъ народъ вознегодовалъ: — «Какой это апостолъ», — говорили

всѣ,—«это просто козлятникъ Тимошка!» Всѣ поворачивались спиной къ образу, такъ что Иванъ Дмитріевичъ принужденъ былъ приказать его убрать.

Братъ Шепелева, Николай Дмитріевичъ, страдалъ сильно разстроенными нервами. Можетъ быть это зависѣло отъ нервности, свойственной всей семьѣ Шепелевыхъ, можетъ быть и потому, что онъ родился раньше времени. Мы съ нимъ сошлись дружески и я сдѣлался его всегдашнимъ партнеромъ на билліардѣ. Денегъ въ то время у меня было много и мы играли не меньше, какъ по 5 руб. партію. Одинъ разъ, ему особенно не везло: онъ горячился, проигралъ нѣсколько партій кряду и сталъ удвоивать ставки. Фортуна совсѣмъ повернулась къ нему спиной и онъ проигралъ мнѣ десять тысячъ. Успокоившись, онъ отыгралъ семь тысячъ, вмѣсто остальныхъ же трехъ тысячъ, я просилъ, чтобы мнѣ дали скрипку Гварнеріуса, которая была въ оркестрѣ и мнѣ чрезвычайно нравилась; за нее заплачено было именно три тысячи. Такимъ образомъ мнѣ досталась скрипка, впослѣдствіи оказавшая мнѣ не мало услугъ.

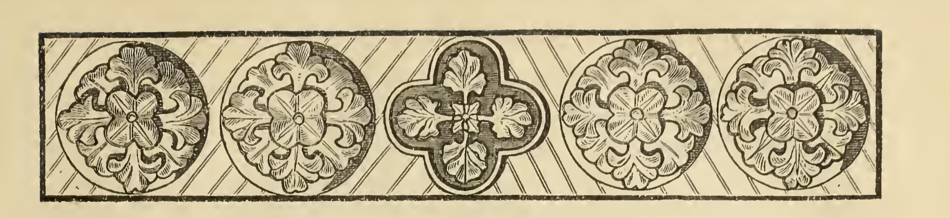
Николай Дмитріевичъ былъ слабохарактеренъ и весьма влюбчивъ, что и послужило началомъ катастрофы въ его семьѣ. Такъ какъ на Выксѣ праздники, балы и маскарады смѣнялись постоянно одинъ другимъ, то ему представлялось не мало случаевъ ухаживать за дамами и барышнями. Въ Муромѣ онъ встрѣтился съ дѣвицей Сухово-Кобылиной. Дѣла Шепелевыхъ, вслѣдствіе безпечности владѣльцевъ, были нѣсколько разстроены. Николай Дмитріевичъ быстро увлекся Сухово-Кобылиной. Затѣмъ онъ, по весьма естественной слабости всѣхъ влюбленныхъ, сталъ смотрѣть пристрастными глазами на всѣхъ ея родныхъ и особенно на ея отца, полковника Сухово-Кобылина. Не знаю какъ случилось, но Николаю Дмитріевичу постоянно приходилось слышать похвалы уму, опытности и характеру полковника, его практичности въ дѣлахъ. Твердили, что еслибы полковникъ завѣдывалъ Шепелевскими дѣлами, то, конечно, ихъ долги всѣ были бы заплочены въ одинъ годъ, хотя, надо замѣтить, что Сухово-Кобылинъ самъ былъ въ долгу, какъ въ шелку. Николай Дмитріевичъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своею любовью, принималъ все, что̀ слышалъ, за чистую истину, не взвѣшивая почти ничего. Онъ уговорилъ свою сестру, княгиню Голицыну и зятя, графа Кутайсова, за которымъ была замужемъ его другая сестра, уничтожить общую довѣренность, данную всей семьей Ивану Дмитріевичу, передать ее Сухово-Кобылину и поручить ему управленіе ихъ дѣлами. Полковникъ снизошелъ къ просьбамъ и согласился взять на себя громадный трудъ, съ условіемъ, чтобы ему не мѣшали въ его дѣйствіяхъ и дали бы полную довѣренность. Это было какъ-разъ въ послѣдній годъ моего житья на Выксѣ. Сухово-Кобылинъ управлялъ три года имѣніями Шепелевыхъ, уплатилъ собственные долги, но увы! дѣла Шепе-

левыхъ съ тѣхъ поръ окончательно пошатнулись. Николаю Дмитріевичу, князю Голицыну и графу Кутайсову пришлось много хлопотать, чтобы избавиться отъ своего спасителя, тѣмъ не менѣе новыя отношенія семьи къ брату Ивану Дмитріевичу не измѣнились. Иванъ Дмитріевичъ, послѣ того какъ его родные пригласили Сухово-Кобылина въ качествѣ главноуправляющаго, немедленно выѣхалъ изъ Выксы, тѣмъ болѣе что взаимныя отношенія обострились на столько, что братъ и сестра хотѣли было подать коллективную просьбу о запрещеніи Ивану Дмитріевичу даже въѣзда на Выксу. Крестьяне и рабочіе на заводахъ, узнавъ о выѣздѣ Ивана Дмитріевича и о появленіи Сухово-Кобылина, взволновались; ихъ съ трудомъ успокоили, обѣщавъ медовыя рѣки и выкативъ нѣсколько бочекъ вина. Иванъ Дмитріевичъ, переселившись въ Москву, вздумалъ прислать мнѣ полную довѣренность на управленіе не только театромъ и театральною школою, но и своею частью имѣнія. Это поставило меня въ оппозицію къ противной партіи; я прожилъ нѣсколько времени въ совершенномъ отчужденіи, и видя, что созданное новыми обстоятельствами положеніе на Выксѣ, не можетъ скоро измѣниться, порѣшилъ и самъ оставить Выксу, хотя Иванъ Дмитріевичъ часто писалъ мнѣ о своей увѣренности въ скорыхъ перемѣнахъ. Онъ основывалъ свою увѣренность на предсказаніяхъ духовъ, съ которыми бесѣдовалъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ убѣжденный спиритъ, вѣрилъ въ магнетизмъ и охотно занимался магнитизированіемъ. Спиритизмъ, въ то время, не имѣлъ той формы, которую имѣетъ теперь и все ограничивалось только магнитизированіемъ, при помощи котораго, однако, ловкіе люди умѣли извлекать свои выгоды. Довѣріе Ивана Дмитріевича къ шарлатанамъ подобнаго рода и его увлеченіе магнитизмомъ и было одною изъ причинъ разстройства семейныхъ отношеній Шепелевыхъ. На Выксѣ былъ одинъ субъектъ, засыпавшій очень скоро. Усыпивъ его, Иванъ Дмитріевичъ обыкновенно разговаривалъ съ нимъ, совѣтуясь о разныхъ дѣлахъ. Изъ совѣтовъ и изреченій этого субъекта было видно, что онъ всего больше заботился о своихъ родныхъ: онъ указывалъ Ивану Дмитріевичу кого изъ нихъ сдѣлать управляющимъ, кого конторщикомъ, и вообщее выбиралъ для нихъ выгодныя должности. Иванъ Дмитріевичъ этихъ хитростей не замѣчалъ, а вѣрилъ безусловно всему и всѣ старанія разубѣдить его были напрасны. Да и самъ онъ, какъ ребенокъ, старался скрыть все, что̀ было бы неблагопріятно для его иллюзій. Разъ, чтобы увѣрить меня въ отсутствіи обмана во всѣхъ продѣлываемыхъ манипуляціяхъ, онъ привелъ упомянутаго субъекта ко мнѣ, посадилъ его и замагнитизировалъ; затѣмъ мы вышли въ другую комнату. Снимая халатъ, онъ спросилъ его: — «что̀ я дѣлаю?» Отвѣтъ былъ сдѣланъ впопадъ:—«раздѣваетесь». Шепелевъ взглянулъ на меня съ тор-

жествомъ и затѣмъ опять спросилъ его:—«съ которой руки я снялъ халатъ?» Субъектъ, немного замялся и медленно произнесъ:—«съ лѣ...». Иванъ Дмитріевичъ быстро его перебилъ:—«что̀, что̀?» тогда тотъ сказалъ:—«съ правой». Для меня ложь была ясна, но Иванъ Дмитріевичъ рѣшительно ничего не замѣчалъ и довѣріе его къ субъекту и его совѣтамъ еще болѣе возросло. Спиритическая атмосфера, царствовавшая на Выксѣ, произвела отчасти и на меня свое дѣйствіе. Натура у меня была очень впечатлительная и я невольно воспринималъ все, что̀ могло дѣйствовать на мое воображеніе. Какъ разъ въ то время я писалъ оперу «Фаустъ». Въ моей головѣ постоянно сидѣли картины Брокена, вѣдьмы, гномы, Мефистофель и всяческая чертовщина. Ночныя мои занятія,—я работалъ преимущественно позднею ночью, — довели меня до того, что я, не будучи спиритомъ, дошелъ до галлюцинацій, началъ видѣть и слышать на яву необыкновенныя вещи. Разъ, сидя за партитурой, я услышалъ совершенно ясно шаги въ сосѣдней залѣ. Прислушавшись, я различилъ шорохъ платья; наконецъ, мнѣ показалось, кто-то входитъ въ мою комнату, приближается къ моему столу, беретъ мой стулъ. Оборачиваюсь, вижу женскую фигуру, всматриваюсь—фигура исчезаетъ. Встаю, начинаю ходить по залѣ и, изъ всѣхъ дверей, изъ всѣхъ угловъ являются видѣнія. Я вижу ихъ совершенно ясно. Дѣлая усилія воли надъ собою, я заставляю ихъ исчезнуть, но они замѣняются другими. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ видѣній, я ложусь въ постель, но тогда ко мнѣ въ комнату является уже весь шабашъ съ Лысой горы: съ воплями, со стонами и свистомъ несутся ко мнѣ призраки со всѣхъ сторонъ; сердце у меня бьется ожесточенно, я вскакиваю съ постели,—все исчезаетъ. Ложусь и испытываю ощущенія другого рода: чувствую ясно, что тѣло мое остается на кровати, а душа отдѣлилась и переносится въ другой міръ. Словомъ, ощущенія одно другого мучительнѣе и фантастичнѣе, волновали меня. Вотъ до чего довели насъ занятія спиритизмомъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ, а также и мой образъ жизни. Опасаясь сойти съ ума, я обратился къ нашему доктору, прекрасному, добрѣйшему человѣку, отлично знавшему свое дѣло. Прежде всякаго леченія, онъ мнѣ посовѣтывалъ радикально перемѣнить образъ жизни. Благодаря его совѣтамъ и указаніямъ мои недуги исчезли въ скоромъ времени.

Н. Аѳанасьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



РАСКАТЫ СТЕНЬКИНА ГРОМА ВЪ ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛѢ [1].

(Посвящается Н. Н. Свищову).

VI.

Едва ли не первое извѣстіе о томъ, что передовые изъ Стенькиной силы ужъ объявились и начали «чинить всякое худо» получилъ шацкій воевода Остафьевъ: отъ 12-го октября онъ доносилъ въ Москву «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу». Онъ писалъ: «Холопъ твой Андрюшка Остафьевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ, часу въ четвертомъ ночи прибѣжалъ въ Шатцкой (г. Шацкъ) вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго села Сотницына приказной человѣкъ Микифоръ Микулинъ; а въ распросѣ передо мною, холопомъ твоимъ, сказалъ: въ Шатцкомъ де уѣздѣ въ селѣ Кабяковѣ объявились воровскіе казаки, и боярина князя Одоевскаго приказнова человѣка Ѳедора Межина на проѣздѣ убили до смерти; до того жъ, государь, числа прибѣжалъ въ Шацкъ крестьянинъ Клокова Ивашка Ѳедоровъ, а въ распросѣ сказалъ: ѣздилъ де онъ за рѣку Цну съ помѣщицею своею и съ сыномъ еѣ, и въ селѣ Кошебѣевѣ объявились воровскія жъ казаки и сына де еѣ при немъ, Ивашкѣ, срубили, а ево де отпустили и приказали ему молить Бога за нечаю царевича Алексѣя Алексѣевича, да за патріарха Никона, да за Стенку Разина. Да того жъ, государь, числа шацкихъ селъ воевода Василей

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 560.

Строевъ посылалъ въ твою государеву въ дворцовую Ивину слободу для провѣдованья тѣхъ же воровскихъ казаковъ поляка Лунку Алексѣева, и онъ де Лунка прибѣжалъ къ нему Василію и въ распросѣ сказалъ, что де въ той слободѣ объявились воровскіе казаки, да онъ же Лунка видѣлъ у нихъ два значка; а та слобода отъ Шатцка въ 20 верстахъ»...

Затѣмъ и пошло. Товарищъ тамбовскаго воеводы Якова Хитрово писалъ: «Холопъ твой Еремка Пашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ пошолъ изъ Танбова думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово въ походъ, а меня, государь, холопа твоего оставилъ въ Танбовѣ, взялъ съ собою твоихъ государевыхъ ратныхъ людей всякихъ чиновъ, разныхъ городовъ и танбовцовъ жалованныхъ людей розныхъ чиновъ, а со мною, государь, холопомъ твоимъ, въ Танбовѣ оставилъ только московскихъ стрѣльцовъ полуголову Григорья Салова да стрѣльцовъ московскихъ съ нимъ 208 человѣкъ, да на чертѣ въ красномъ городкѣ 83 человѣка; и на тѣхъ, государь, танбовцовъ въ нынѣшнее смутное время надѣетца не на ково, потому что у тѣхъ, государь, танбовцовъ на Дону братья и племянники и дѣти, а иные, государь, у вора, у Стенки Разина, а иныхъ, государь, городовъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не оставилъ въ Танбовѣ со мною, холопомъ твоимъ, ни одного человѣка, и съ тѣми, государь, малыми людьми мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ сидѣть не съ кѣмъ, а будетъ, государь, въ Танбовѣ иныхъ городовъ твоихъ великого государя ратныхъ людей не будетъ, и въ Танбовѣ, государь, въ приходъ воровскихъ казаковъ чаетъ всякого дурна; а по отписке, государь, изъ Шацкаго воеводы Андрѣя Остафьева, что воровскіе де казаки пришли въ Шацкой уѣздъ отъ города за двадцать верстъ, а Шатцкой, государь, отъ Танбова только во стѣ въ двадцати верстахъ, и что, государь, учинится въ Танбовѣ отъ малолюдства какое дурно, и за то, государь, мнѣ бъ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; и о томъ, государь, мнѣ холопу своему, что то, великій государь, укажешь!»

Муромскій воевода «холопъ Ѳѳонька Шеховской», ударивъ челомъ, писалъ: «въ нынѣшнемъ октябрѣ пришедъ въ Муромъ въ приказную избу касимовской воевода Тимоѳей Карауловъ сказалъ: пріѣхалъ де онъ Тимоѳей изъ Касимова боясь отъ приходу воровскихъ людей, потому что въ Касимовѣ города и острогу нѣтъ, а уѣздные де всякихъ чиновъ люди въ Касимовъ не идутъ, а Кадомъ и Кадомской и Шатцкой уѣзды воровскіе люди разорили и нынѣ во многихъ мѣстехъ разоряютъ же, и онъ де Тимоѳей, слыша тотъ ихъ воровскихъ людей проходъ изъ Касимова въ Муромъ и пріѣхалъ, а отъ Мурома, государь, Касимовъ только въ семидесяти верстахъ, и отъ тово приходу воровскихъ людей въ Муромѣ въ осадѣ безъ служилыхъ людей быть опасно; а снаряду, государь,

въ Муромѣ только одна желѣзная пушечка небольшая да 29 мушкѣтовъ, и о томъ снарядѣ я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ пушкарской приказъ въ нынѣшнемъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ съ пушкаремъ Куземкою Стюферинымъ писалъ и ко мнѣ, холопу твоему, и по се число твоего великого государя указу не бывало; и о томъ, что ты, великій государь, мнѣ холопу своему укажешь?»

Черезъ нѣсколько дней еще шацкій воевода тотъ же «холопъ Андрюшка Остафьевъ», ударивъ челомъ, въ Москву писалъ: «Октября въ 17-й день приходили къ Шацкому къ слободамъ воровскіе казаки многимъ собраніемъ съ пушками... а съ тѣми воровскими казаками приходили къ Шацкому, проѣзжихъ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ селъ Конабѣева и конабѣевскаго присуду и всего Шацкаго уѣзду селъ и деревень крестьяне многіе и въ городѣ, государь, отъ того воровскаго заводу Шатцкаго уѣзду всякова дурна надъ городомъ Шацкимъ чаемъ, что въ Шатцкомъ твоихъ великого государя служилыхъ людей мало всякова чину 104 человѣка, а городъ и острогъ большіе, и безъ твоихъ великого государя ратныхъ людей безъ полку города Шацка оберечь будетъ не кѣмъ и некому; а я, холопъ твой, заскорбѣлъ и одряхлѣлъ и обезпамятѣлъ, города строить въ осадное время и призрѣть не могу; и чтобъ, государь, въ моей болѣзни и въ дряхлости и въ безпамятствѣ городу Шацку какіе порухи не учинилось, и чтобъ мнѣ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; а что, государь, въ Шацкомъ въ твоей, великого государя, казнѣ было зелья и свинцу и того зелья и свинцу роздано твоимъ великого государя ратнымъ людемъ, а нынѣ того зелья и свинцу въ твоей великого государя казнѣ въ остаткѣ не много»...

Отъ 21-го октября, товарищъ тамбовскаго воеводы Хитрово, бывшаго въ это время «въ походѣ», холопъ Еремка Пашковъ, ударивъ челомъ, писалъ: «Въ ночи прибѣжали ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ Филька Клеметьевъ да Лунка Кулаковъ, а въ распросѣ, государь, передо мною, холопомъ твоимъ, сказали: были де они на сторожѣ въ Танбовскомъ уѣздѣ у проѣзжихъ Моршенскихъ воротъ, а начальнымъ де человѣкомъ у нихъ былъ мещеренинъ Петръ Ордабьевъ и пришла де имъ перемѣна, и они де съ той сторожи поѣхали въ Танбовъ и съ начальнымъ человѣкомъ, съ Петромъ Ордабьевымъ да съ иноземцемъ съ Андреемъ Лесковскимъ, и стали де они ночевать въ Танбовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Княжой, и въ той де, государь, деревнѣ Княжой въ полночь наѣхали на нихъ Танбовскаго жъ уѣзду твои великого государя пашенные крестьяне изо многихъ деревень, измѣня тебѣ, великому государю, и того де Петра Ордабьева и иноземца и ихъ стрѣльцовъ бивъ покинули, а мещеренина де Петра Ордабьева

убивъ мало не до смерти и коловъ рогатиною и съ иноземцомъ повели де ихъ связавъ къ Моршенскимъ воротамъ къ воровскимъ казакамъ; а сколько, государь, воровскихъ казаковъ пришли въ Танбовской уѣздъ, и про то де, государь, они стрѣльцы подлинно не вѣдаютъ, и для, государь, провѣдаванья про тѣхъ воровскихъ казаковъ въ Танбовской уѣздъ въ деревни послалъ я, холопъ твой, Танбовскихъ же служилыхъ людей, а иныхъ, государь, городовъ служилыхъ людей со мною, холопомъ твоимъ, въ Танбовѣ нѣтъ, опрочѣ московскихъ стрѣльцовъ полуголовы Григорья Салова съ стрѣльцами съ двѣмя стами человѣка; а въ приходъ, государь, воровскихъ казаковъ мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ такими малыми людьми безъ присыльныхъ твоихъ государевыхъ иныхъ городовъ ратныхъ людей поиску учинить надъ воровскими людьми и осады укрѣпить не кѣмъ, и о томъ, великій государь, какъ укажешь мнѣ, холопу своему».

Шацкій воевода «холопъ Андрюшка Остафьевъ» писалъ еще: «Въ нынѣшнемъ, государь, году октября въ 1-й день прибѣжалъ въ Шацкой въ приказную избу Шацкого уѣзду села Почкова церковной дьячокъ Пронька Патрекѣевъ и въ распросѣ передо мною, холопомъ твоимъ, сказалъ: въ нынѣшнемъ де, государь, году, сентября въ 30-й день въ вечеру прибѣжалъ де Елисеевъ человѣкъ Лачинова Петрушка Коровинъ въ Елисеево въ Шацкое помѣстье Лачинова въ село Подболотье изъ Кадомскаго уѣзда изъ села Усть-парцы и сказывалъ ему, что донескіе казаки воры, въ томъ селѣ Усть-парцы и въ иныхъ селехъ многое разореніе чинятъ, людей до смерти бьютъ и рубятъ и животы статки емлютъ; а Пензу городъ осадили; а онъ де Петрушка едва у нихъ ушолъ и вьючную лошадь съ добромъ у него отбили; а Елисѣевы крестьяне Лачинова села Усть-парцы съ тѣми ворами съ донскими казаками сложились за единъ и хотѣли ево Петрушку убить до смерти; а села Жукова церковь Божію сожгли и мордвина до смерти убили; а Кадомской воевода Дмитрей Аристовъ съ женою и съ подьячимъ изъ Кадома бѣжалъ и жилъ въ Шацкомъ уѣздѣ въ селѣ Подболотьѣ дня съ три, а изъ села Подболотья куды съѣхалъ, и того онъ не вѣдаетъ; а на Инсарѣ тѣхъ воровскихъ людей стоитъ большая сила и къ Шацкому чаетъ тѣхъ воровскихъ людей вскорѣ во вторникъ нынѣшней; а велѣдъ де тотъ Елисеевъ человѣкъ Лачинова Петрушка въ Шацкомъ мнѣ, холопу твоему, и грацкимъ людемъ о томъ вѣсно ему учинить; о томъ мнѣ холопу своему, что ты, великій государь, укажешь?»

Черезъ три дня изъ самаго Тамбова писали: «Октября въ третій день привелъ въ Танбовъ въ приказную избу ряшенинъ Ѳедоръ Колюбакинъ съ товарыщи ломовца сына боярского Савелья Невѣжина съ сыномъ ево Самошкою, и сказалъ, съѣхался де онъ Ѳедоръ съ нимъ Савельемъ на дорогѣ, не доѣхавъ до Керенска

верствъ за 10, и взялъ де ево Савелья въ Танбовъ съ собою для распросу вѣстей про воровскихъ казаковъ и тотъ ломовецъ распрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де году, сентября въ 27-й день, пришли въ Ломовкой уѣздъ отъ вора отъ Стенки Разина товарыщи ево воровскіе казаки и помѣщиковы крестьяне, приставъ къ воровству ихъ многіе люди, и въ томъ де Ломовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ ихъ Невѣжинѣ воровскіе казаки были и брата ево Савельева роднаго Трофима съ зятемъ его Ѳедоромъ взяли и отвели въ томъ же Ломовскомъ уѣздѣ въ село Никольское къ Григорью Андрееву сыну Мещеренину на дворъ ево и держали до ихъ у него Григорья подъ повилушею сутки и вывелъ де ихъ Трофима и зятя его Ѳедора и Григорьева сына Мещеринова Ульяна да Благовѣщенского собора протопопа Андрея Совиновича крестьянина ево Оску порубили до смерти и трехъ де человѣкъ брата ево Трофимова и зятя ево Ѳедора и Григорьева сына Ульяна, тутошніе люди схоронили въ одну могилу и ево де Савельевъ домъ и иныхъ многихъ людей, тѣ воровскіе казаки разграбили и жену его пытали, а онъ де Савелей съ сыномъ да съ племянникомъ своимъ, боясь отъ тѣхъ воровскихъ казаковъ смертнаго убивства, побѣжалъ было въ Шацкой. А пришли де тѣ воровскіе казаки въ Ломовской уѣздъ съ Норовчатовскаго городища, а того де Норовчатовскаго городища жильцы городъ тѣмъ воровскимъ казакамъ сдали, а приказнаго де человѣка съ сыномъ ево ограбя до нага и посадили въ тюрьму, и послѣ де его Савелья тѣ воровскіе казаки пошли къ нижнему городу Ломову. А изъ Ломовскаго де уѣзду прибѣжалъ онъ, Савелей, въ Керенскъ, и керенскіе де жильцы ихъ воровскихъ казаковъ ожидаютъ къ себѣ въ Керенскъ вскорѣ. Да они жъ де воровскіе казаки были въ Кадомскомъ уѣздѣ въ селѣ Жуковѣ, и Матвѣя де Жукова домъ разграбили и церковь Божію въ томъ селѣ Жуковѣ и ево Матвѣевъ дворъ сожгли. А ѣздя де они воровскіе казаки по уѣздамъ рубятъ помѣщиковъ и вотчиниковъ, за которыми крестьяне, а чорныхъ де людей крестьянъ и боярскихъ людей и казаковъ и иныхъ чиновъ служилыхъ людей и никово не рубятъ и не грабятъ. Да онъ же, Савелей, слышалъ въ Ломовскомъ уѣздѣ отъ мужиковъ, говорятъ де боярскіе мужики межъ собою, прислана де къ тѣмъ воровскимъ казакамъ отъ вора отъ Стенки Разина ево воровская грамота, чтобъ де черные люди крестъ цѣловали государю царевичу Алексѣю Алексѣевичу и батюшку нашему, а называютъ де они батюшкомъ бывшаго Никона патріарха. А про него вора про Стенку Разина съ товарыщи говорятъ, что де онъ Стенка на Волгѣ, а въ которомъ де мѣстѣ онъ, Стенка, на Волгѣ, про то де онъ Савелей не вѣдаетъ. Да тогъ жъ числа въ распросѣ сказалъ: Шацкаго уѣзду деревни Берестенокъ Ивановъ крестьянинъ Свищова Филька Шелудякъ, сидѣлъ де онъ Филька въ тюрьмѣ въ Керенскѣ годы съ 4-е въ лошадиной краже; и въ нынѣшнемъ де году, въ сентябрѣ

мѣсяцѣ, а котораго числа того не вѣдаетъ, увѣдалъ де керенской воевода, что вора Стенки Разина воровскіе казаки пришли въ Ломовской уѣздъ и хотятъ приходить въ Керенскъ, и онъ де керенской воевода изъ тюрьмы тюремныхъ сидѣльцевъ всѣхъ распустилъ, и въ Керенскомъ де уѣздѣ селѣ Жуковѣ помѣщика убили и церковь Божію и дворъ его сожгли. Да въ Керенсковомъ же де уѣздѣ въ деревнѣ Тимашовѣ они же, воровскіе казаки, побили помѣщиковъ трехъ человѣкъ и домы ихъ разграбили и пожгли и женъ ихъ и дѣтей побили до смерти. А тѣхъ де воровскихъ казаковъ было съ 500 человѣкъ, а съ ними черкасы и калмыки съ копьи, да съ ними жъ де знамена вязалъ лошединый хвостъ. Да онъ же де, Филька, видѣлся съ воровскими казаками въ Ломовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Шелдоисѣ, и ему де, Филькѣ, они воровскіе казаки сказывали, что итти имъ въ Шацкой, и въ Танбовъ, и въ Козловъ и въ иные городы. Да какъ де онъ Филька шолъ изъ Керенска домой въ Шацкой уѣздъ и заходилъ де въ деревню Ракову къ новокрещену къ Василью князь Кудашеву и при немъ де, Филькѣ, прибѣжалъ изъ Нижнева города Лимова воевода Андрей Пекинъ съ подьячимъ пѣши въ одныхъ рубашкахъ, и сказали, побѣжали де они изъ того Нижнего города Ломова отъ воровскихъ казаковъ, боясь отъ нихъ смертного убійства».

Оттуда же, изъ Тамбова, нѣсколькими днями позже:

«Пріѣхалъ въ Танбовъ, танбовской станичной вожъ Ивашка Болта, котораго посылалъ изъ Танбова для провѣдыванья вѣстей, думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово на Царицынъ къ воеводѣ къ Тимоѳею Тургеневу 20 человѣкъ; а въ распросѣ вожъ Ивашка Болта сказалъ:—отпущены де они съ Царицына за два дни до Покрова и пріѣхавъ де онъ, Ивашко Болта, съ товарыщи на рѣку Хопру къ пристанскому казачью городку и товарыщевъ де своихъ танбовскихъ станичниковъ восмнадцать человѣкъ отпустилъ въ Танбовъ, а самъ де онъ, Ивашко, остался съ товарыщемъ своимъ съ Гришкою Дементьевымъ у пристани въ казачьемъ городкѣ для провѣдыванья вѣстей и слышелъ де онъ, Ивашка, въ томъ пристанскомъ городкѣ у казака у Петрушки Гайдука, сказывалъ де онъ, Петрушка, въ томъ пристанскомъ казачьемъ городкѣ своей братьи казакамъ, звали де Фролку Разина казаки съ собраньемъ ево подъ Танбовъ нынѣ вскорѣ, и онъ де, Фролка, посылаетъ подъ Танбовъ войною танбовца отоманомъ Ивашка Мартинова съ воровскими казаками».

Нѣсколькими днями еще позже шацкій воевода «холопъ Андрюшка Остафьевъ», ударивъ челомъ, доносилъ о положеніи, совсѣмъ ужъ отчаянномъ: половина воеводъ была ужъ побита или разбѣжались.

«Въ нынѣшнемъ, государь, году, октября въ 7-й день, писалъ въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, твоихъ государевыхъ дворцовыхъ Шацкихъ селъ, села Конобѣева воевода Василей Строевъ,

а въ отпискѣ его написано: посылалъ де онъ въ Керенскъ для провѣдыванія воровскихъ казаковъ конобѣевскихъ приставовъ Аѳонку Иванова съ товарыщи, и того жъ де числа писалъ изъ Керенска къ нему Автомонъ Безобразовъ совѣтною грамотку съ тѣми конобѣевскими приставы, а въ той де ево совѣтной грамоткѣ написано:—октября въ 4-й день вѣдомость отъ многихъ людей, что воровскіе казаки въ Инзары, убивъ воеводу, ходили на Пензу и на Пензѣ воеводу Елисѣя Лачинова убили, а въ Нижнемъ Ломовѣ грацкіе люди воеводу въ тюрьму посадили и къ воровскимъ казакамъ посылали, и воровскіе казаки изъ Норовчатаго, а иные съ Пензы пришли; и нынѣ въ Нижнемъ городѣ Ломовѣ; и воровскіе казаки съ Нижняго города присылали атаманы казаковъ въ Верхній городъ Ломовъ, и Верхняго города Ломова воеводу Игнатія Корсакова взяли въ Нижней Ломовъ; а что надъ Ондреемъ Пекинымъ учинилось и надъ Игнатьемъ Корсаковымъ, того не вѣдомо; а въ Керенскъ де хотятъ быть октября въ 5-й день, а грацкіе де люди ему сказали, что имъ битца съ казаками не въ мочь, всѣ приклонились къ ворамъ; а уѣздные люди давно предались, и нынѣ воровскіе люди объявились въ семи верстахъ отъ Керенска, и грацкіе люди его (воеводу) стерегутъ, чтобы не ушелъ и его де ворамъ отдадутъ, и чтобъ ему о томъ отписать къ великому государю къ Москвѣ, а ему послать некого; да конобѣевскіе жъ приставы передъ нимъ въ распросѣ сказали: какъ де они поѣхали отъ Керенска съ тою совѣтною грамоткою и къ Керенску пришли де воровскіе казаки и учали къ городу Керенску приступать, и они то изъ-за города Керенска видѣли; а въ Шацкомъ, государь, служилыхъ людей мало, стрѣльцовъ 80 человѣкъ, пушкарей и затинщиковъ, и разсыльщиковъ 24 человѣка, и на нихъ къ приходу не надежа, а уѣздные люди въ осаду не идутъ; и хотябъ они въ осаду пришли, на нихъ не надежа, что шатаніе въ нихъ большое; а подъ городомъ твоя государева дворцовая черная слобода, а въ ней съ 500 дворовъ, и они въ осаду ни единъ человѣкъ не идутъ, ожидаютъ всякого дурна».

VII.

Вотъ въ какомъ отчаянномъ состояніи находились не только воеводы, попы и подъячіе этого несчастнаго изстрадавшагося отъ всякаго безправія края, но и вообще все населеніе! Воеводы съ своей призрачной властью, взывая къ порядку и покорности ими же всякой неправдой озлобленнаго и разореннаго населенія, грозили страхами Божьяго и царскаго суда и бѣжали сами, утекали, куда попало, какъ только показывались казаки и воры или вооруженнные дубинками мужики; а воровскіе казаки и свои же, приставшіе къ нимъ односельчане, разные «уѣздные люди» силой забирали къ себѣ въ свои банды тѣхъ, кто не хотѣлъ или боялся открыто и прямо

становиться на ихъ сторону. Но воеводы пока-то еще приведутъ свою угрозу въ дѣйствіе, да еще и станутъ ли когда-либо это дѣлать—гдѣ ужъ имъ, сами бѣгутъ! — а казаки и своя братья, всякаго чина уѣздные люди, приставшіе къ нимъ, скоры на расправу. Да наконецъ, и что̀ же терять? Въ лѣсахъ вонъ жили же люди, которые теперь повыходили оттуда и разсказываютъ, что имъ жилось хоть порой и холодно и голодно, но зато не въ примѣръ вольнѣй и лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ помѣщичьимъ и монастырскимъ крестьянамъ, безпрекословно исполнявшимъ волю господскую. Ну, избави Боже, воеводы одолѣютъ, побьютъ казаковъ — хотя какъ же это можетъ быть, когда эти воеводы безъ войска и сами бѣгутъ первые? — ну, тогда можно уйти въ лѣса, на рѣки, гдѣ вонъ сколько и ранѣе того жило народу и жили они — сами говорятъ—не въ примѣръ лучше смирныхъ и терпѣливыхъ, которые все какой-то милости ждали да награды за свое спокойствіе и терпѣніе и не дождались такъ-таки ни отъ кого ничего... Остававшееся еще смирнымъ населеніе видѣло съ одной стороны претензію на власть уже ускользнувшую изъ рукъ у воеводъ, самихъ воеводъ перетрусившихъ, побросавшихъ все и въ однихъ рубашкахъ въ холодъ и въ морозъ, по снѣгу (осень стояла въ томъ году холодная и былъ въ октябрѣ, уже снѣгъ) бѣжавшихъ за десятки верстъ, ночью, отъ одного извѣстія, что казаки идутъ; а съ другой—эти же казаки — побѣдители, которыхъ воеводы и подъячіе зовутъ «ворами», на самомъ дѣлѣ частые и настоящіе ихъ спасители и благодѣтели, такъ какъ самихъ ихъ не трогаютъ, охотно помогаютъ имъ и бьютъ и грабятъ только ихъ общихъ притѣснителей и грабителей воеводъ, подъячихъ и помѣщиковъ, а какъ придетъ, что тамъ, позади ихъ, идетъ съ главными силами самъ «батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ» и съ нимъ нечай царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ и Никонъ патріархъ, то и совсѣмъ все новое устройство имъ дастъ, вольное, казацкое. Въ «прелестныхъ» грамотахъ Стеньки говорилось прямо, что онъ дѣйствуетъ по приказанію царевича и Никона и чтобы и присягали имъ. Онъ требовалъ «повидимому» совершенно законнаго, онъ ничего не требовалъ такого, чтобы не было освѣщено ихъ волей, ихъ приказами. Онъ и помѣщиковъ, и воеводъ, и подъячихъ грабилъ и вѣшалъ только потому, что они ему это дѣлать приказали и вообще все дѣло расправы съ непокорными и злоупотреблявшими властью поручили ему. Онъ исполнитель распоряженій царскаго сына и патріарха, онъ самъ по себѣ ничего, онъ творитъ волю пославшихъ его. Онъ и населеніе призываетъ къ этому же и если принуждаетъ нерѣшительныхъ и робкихъ идти съ собою, то это потому только, что спасаетъ ихъ отъ могущаго обрушиться на нихъ гнѣва царевича: зачѣмъ они не встрѣчали его и не помогали исполнить его волю, направленные имъ же на благо и на спасеніе...

Да, наконецъ, и безъ всякихъ размышленій о будущемъ и о законности возстанія, шли къ казакамъ и своимъ смѣлымъ людямъ просто отвести въ вольномъ житьѣ душу, погулять, попить на волькѣ, а тамъ пусть будетъ, что̀ будетъ: хуже не будетъ того, что̀ было. И такихъ безшабашныхъ людей безъ всякаго сомнѣнія было еще больше, потому что такихъ легкомысленныхъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ больше, а потомъ это видно и изъ того, что такіе люди всегда первые бѣгутъ, какъ только настанетъ пора неудачъ, а ужъ такой паники и такого общаго поголовнаго бѣгства, какое было при концѣ Стенькинова возстанія и представить себѣ нельзя. Какъ легкомысленно бѣжали прежде воеводы, подъячіе, помѣщики и всякіе «государевы служилые люди», все время безшабашно кутившіе и чинившіе всякую неправду населенію, обращавшіеся въ бѣгство при одномъ слухѣ только, что идутъ воровскіе казаки и ужъ близко воеводы Стенькины, такъ точно потомъ, послѣ первыхъ же неудачъ, стали разбѣгаться и утекать Стенькины банды при одномъ извѣстіи, что идутъ и ужъ близко государевы люди съ воеводами, знаменами и пушками, отбитыми вначалѣ у нихъ казаками и теперь вновь попавшими къ нимъ въ руки.

Но это все случилось, какъ сказано выше, благодаря тому только, что Стенькѣ не посчастливилось подъ Симбирскимъ и онъ не достигъ лѣсистыхъ и неприступныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ Тамбовской земли. Окоротить его успѣли рано и этимъ только и спаслись.

Теперь же среди этой общей паники и поголовнаго почти возстанія всего края, изъ всѣхъ воеводъ, сидѣвшихъ въ городахъ съ «пушками» и «мушкетами» не потеряли головъ, повидимому, только двое—Тамбовскій воевода думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово да воевода Козловскій Степанъ Хрущовъ. Эти двое только и не сробѣли, по крайней мѣрѣ не растерялись, не жаловались, что они «одряхлѣли, уныли и стало имъ оттого тошно». Они оба сейчасъ же, какъ началось возстаніе, обнаружили и энергію въ принятіи необходимыхъ къ защитѣ и успокоенію своихъ городовъ мѣръ и стали готовится не бѣжать, а сразиться съ грознымъ врагомъ.

Оба они, распорядительные и энергичные, все время, даже въ самое худшее, при началѣ возстанія, когда Стенькины казаки только-что разлились по Тамбомской землѣ и начали поднимать населеніе, когда доходили слухи все объ однихъ только побѣдахъ Стенькиныхъ и его самаго ждали ужъ чуть не со дня на день, и то они оба держали высокій тонъ, недопускавшій сомнѣнія, что они не отступятъ передъ врагомъ, а скорѣе лягутъ мертвыми въ неравной съ нимъ битвѣ.

Отъ 10-го октября Хрущовъ писалъ царю на Москву: «Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ въ 10-й день писалъ ко мнѣ, холопу

твоему изъ Шацкого воевода Андрей Остафьевъ, а въ отписке ево, государь, написано: прибѣжали де въ Шацкой Шацкіе сторожевые казаки Екимка Ковылинъ съ товарыщемъ отъ Керенского лѣсу изъ Ининой слободы, а въ распросе де, государь, передъ нимъ сказали: были де они для вѣстей въ Ининой слободѣ, и того жъ де, государь, числа пришолъ въ тое слободу изъ Керенска крестьянинъ, а сказывалъ де, государь, имъ, что Керенскъ городъ воровскіе люди взяли и изъ Керенска идутъ въ Шацкой, а въ Ининой де свободѣ крестьяне черезъ рѣку Цну мостятъ мостъ, а въ тотъ же де день чаетъ ихъ въ Инину свободу, а Инина де слобода отъ Шацкаго всего въ 20 верстахъ; и по тѣмъ, государь, вѣстямъ въ Козловской уѣздъ во вся села и въ деревни послалъ я, холопъ твой, козловскихъ разъѣщиковъ, а по наказнымъ, государь, паметямъ велѣлъ я, холопъ твой, козловцовъ дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ запасы выбивать наскоро въ Козловъ въ осаду и для разбору либо мнѣ, холопу твоему, мучитца итти въ походъ противъ твоихъ государевыхъ непріятельскихъ людей отъ Козлова не въ дальнихъ мѣстехъ; а что, государь, вѣстовой въ Шацкой отписке написано, что ломовцы и керенцы твои государевы грацкіе люди и уѣздные тебѣ государю измѣнили, воеводъ въ тюрьму посадили и къ воровскимъ казакамъ приклонились, и я, холопъ твой, слыша такую ихъ шатость, велѣлъ въ Козловѣ посадцкихъ слободъ твоихъ государевыхъ служилыхъ людей козловцовъ дѣтей боярскихъ и сторожевыхъ и полковыхъ казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ и посадцкихъ и грацкихъ всякихъ чиновъ людей пересмотрѣть по спискамъ и пересмотрѣвъ, государь, велѣлъ ихъ для подкрепленія твоей государевы службы привести къ вѣрѣ въ соборной Апостольской церкви по чиновной печатной книгѣ; а сверхъ, государь, чиновника велѣлъ я, холопъ твой, написать статью къ вѣрѣ жъ, чтобъ они, козловцы, въ нынѣшнее въ смутное время къ вору и къ измѣннику и крестопреступнику, къ Стенкѣ Разину и къ ево товарыщемъ къ воровскимъ казакамъ къ ихъ воровству и къ дьявольской ихъ душепагубной прелести не приставали ни въ чемъ и бунту и скопу и заговору и мятежу не заводили и надъ Козловомъ городомъ и надъ иными твоими государевыми городами и надъ твоею государевою казною и надъ воеводы, и надъ приказными и надо всякими мірскими людьми убивства и грабежу и никакіе хитрости лукавствомъ не чинили и изъ Козлова на Хоперъ и на Донъ и на Волгу къ вору и измѣннику къ Стенкѣ Разину и къ товарыщемъ ево не отъѣхали и не збѣжали и тебѣ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу и твоимъ государскимъ дѣтемъ благовѣрному государю царевичу и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу и бла-

говѣрному государю царевичу и великому князю Іоанну Алексѣевичу и благовѣрнымъ царевнамъ служили въ Козловѣ и не измѣняли; а козловцы, государь, на томъ крестъ цѣловали въ соборной Апостольской церкви; а какъ, государь, изъ уѣзду козловцы жъ всякихъ чиновъ люди въ Козловъ по высылкѣ будутъ и я, холопъ твой, въ томъ по тому жъ велю ихъ привести къ вѣрѣ для подкрѣпленія твоей государевы службы и осаду, государь, велю крѣпить и въ походъ не въ дальные мѣста противъ твоихъ государевыхъ непріятельскихъ людей стану готовитца тотчасъ; а въ Шацкой, государь, для подлинныхъ вѣстей послалъ я, холопъ твой, въ станицу козловца сына боярскаго Родіона Толкачева съ товарыщи 12 человѣкъ того жъ числа, и что, государь, какихъ вѣстей о воровскихъ казакахъ прибудетъ впредь и что у меня, холопа твоего, станетъ чинитца, и о томъ о всемъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, учну писать въ Розрядъ того жъ числа».

Воевода тамбовскій, думной дворянинъ Яковъ Хитрово былъ еще энергичнѣе. Ему первому пришлось сразиться съ воровскими казаками и ходилъ онъ для этого изъ Тамбова «подъ Шацкой». Онъ ходилъ туда «на спѣхъ», собравши все, что̀ было у него подъ рукой своего тамбовскаго войска и присланныхъ къ нему на подмогу рейтаръ; московскихъ же стрѣльцовъ онъ почему-то не смѣлъ съ собою брать въ походъ и о томъ, чтобы впослѣдствіи было ему дозволено употребить ихъ въ дѣло, онъ писалъ особо къ царю, просилъ его разрѣшенія. Хитрово поспѣшно прибылъ подъ Шацкъ и поспѣлъ во время, какъ разъ наканунѣ прихода туда же Мишки Харитонова съ тремя другими Стенькиными воеводами.

Этотъ походъ Хитрово «подъ Шацкой» былъ дѣломъ очень рискованнымъ, особенно съ такими силами, которыми онъ располагалъ. Хитрово выходилъ биться на встрѣчу къ передовому Стенькину атаману Харитонову, не имѣя за собой никакой помощи, и въ то же время зная, что за Харитоновымъ, напротивъ, стоитъ вся Стенькина сила и весь поднятой Стенькою край.

Этотъ походъ Хитрово былъ огромнымъ съ его стороны подвигомъ. Онъ шелъ на вѣрную погибель и неудайся разбить ему Харитонова, никто бы не спасся. Въ Шацкѣ сидѣть нельзя было, да и безцѣльно, такъ какъ не откуда было бы ждать помощи. Воеводы всѣхъ сосѣднихъ городовъ—одни разбѣжались, другіе были побиты или сидѣли у мятежниковъ въ тюрмахъ, въ ожиданіи своей участи. Воевода козловскій Хрущевъ хоть и энергичный былъ человѣкъ, но ему гдѣ же было идти къ Шацку и бросить на произволъ свой городъ, да у него и сила была самая пустая, ничтожная. Если Барятинскій, разбивъ Разина подъ Симбирскимъ, остановилъ вообще разливъ всего возстанія, то Хитрово своей побѣдой подъ Шацкимъ остановилъ дальнѣйшій разливъ передовыхъ бандъ Стеньки по Тамбовской землѣ и далѣе. Нельзя, конечно, равнять побѣду

Хитрово подъ Шацкимъ съ побѣдой Барятинскаго подъ Симбирскимъ; но значеніе ея огромно для всего края, который разстилался на далекое пространство совсѣмъ беззащитнымъ, и на которомъ эти передовые Стенькины банды даже и послѣ разбитія его самого съ его главными силами подъ Симбирскимъ, сплотившись, могли образовать новую страшную силу, и, кто знаетъ, не явился какъ бы къ ней вновь въ качествѣ главнаго атамана и руководителя-организатора дальнѣйшаго развитія возстанія разбитый подъ Симбирскимъ самъ Стенька Разинъ. Изъ разсказовъ тамбовскаго лѣтописца и изъ грамотъ московскихъ и воеводскихъ отписокъ мы видѣли какой богатый матеріалъ скопился во всемъ краѣ для Стеньки и какой громадный контингентъ озлобленныхъ, отчаянныхъ, на все готовыхъ людей поставилъ бы онъ Разину въ его «войско».

Но этого не случалось только благодаря неудачи Харитонова «съ товарыщи» подъ Шацкимъ, котораго одолѣлъ Хитрово. Побѣдѣ этой какъ-то мало до сихъ поръ придавали значенія, а между тѣмъ она несомнѣнна и огромна. Будущій историкъ возстанія Разина, конечно цѣнитъ ее, особенно имѣя въ виду вновь найденныя и опубликованныя данныя о положеніи края, открытаго для разлива по немъ передовыхъ Стенькиныхъ бандъ...

Хитрово повидимому и самъ понималъ, отправляясь въ походъ, на какое отчаянное, рискованное, но и огромной важности дѣло онъ идетъ. Онъ понималъ также, что тутъ медлить и собираться съ силами, собирать ихъ по крошкамъ, и оттягивать походъ, невозможно. Если бы собиралъ онъ свои силы, притягивая къ себѣ потомъ изъ сосѣднихъ еще не охваченныхъ возстаніемъ городовъ, то въ гораздо большей степени, сравнительно съ нимъ, успѣлъ бы усилиться отъ присоединявшихся къ нему въ изобиліи и со всѣхъ сторонъ Харитоновъ «съ товарыщи», къ которымъ потомъ стекались и изъ этихъ «вѣрныхъ» городовъ и изъ деревень, и изъ лѣсовъ, въ которыхъ кто же могъ знать сколько ихъ, этихъ «воровскихъ людей» тамъ?

Донесенія Хитрово, носящія на себѣ какой-то эпическій отпечатокъ, въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны:

«Въ нынѣшнемъ, государь, году по извѣту Танбовца земца посылалъ я, холопъ твой, изъ Танбова на рѣкѣ Хопру въ урочищи Березники, въ которыхъ мѣстехъ по рѣкѣ Хопру Земецкіе вотчины, что де будто въ тѣхъ урочищахъ стоятъ собрався воровскіе казаки съ три тысячи человѣкъ Тамбовцовъ и Козловцовъ служилыхъ людей, а тѣ, государь, посыльные люди, пріѣхавъ въ Танбовъ мнѣ, холопу твоему, сказали, что де въ тѣхъ урочищахъ воровскихъ казаковъ и иныхъ никакихъ людей не видали; а тѣ, государь, ево Земецкіе вѣсти про тѣхъ воровскихъ казаковъ солгались. И въ нынѣшнемъ же, государь, году октября въ 10-й день

писалъ ко кнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ изъ Шацкаго Ондрѣй Остафьевъ о вѣстяхъ про воровскихъ казаковъ и я, холопъ твой, съ твоими великого государя ратными людьми пошолъ изъ Танбова къ Шацкому на спѣхъ, октября въ одиннадцатый день, а въ Танбовѣ, государь, оставилъ я, холопъ твой, товарыща своево стольника и воеводу Еремѣя Пашкова съ твоими великого государя съ ратными людьми; а со мною, государь, холопомъ твоимъ, въ походѣ твоихъ великого государя ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ 2,670 человѣкъ, а сколько, государь, какихъ чиновъ ратныхъ людей порознь въ походѣ со мною, холопомъ твоимъ, и сколько, государь, ратныхъ же людей оставилъ я, холопъ твой, въ Танбовѣ съ стольникомъ и воеводою съ Еремѣемъ Пашковымъ, и тому, государь, роспись послалъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, подъ сею отпискою; а московскихъ, государь, стрѣльцовъ полуголову Григорія Салова, а съ нимъ московскихъ стрѣльцовъ 210 человѣкъ оставилъ я, холопъ твой, въ Танбовѣ, а съ собою, государь, въ походъ тѣхъ московскихъ стрѣльцовъ, безъ твоего великого государя указу, я, холопъ твой, взять не смѣлъ, и о тѣхъ, государь, о московскихъ стрѣльцахъ ты, великій государь, какъ мнѣ, холопу своему, укажешь. Да октября жъ, государь, въ одиннадцатый день, писалъ ко мнѣ, холопу твоему, изъ Шацкаго воевода Андрей жъ Остафьевъ о вѣстяхъ про воровскихъ же казаковъ, и съ той, государь, его Ондреевой отписки послалъ къ тебѣ великому государю я, холопъ твой, списокъ подъ его отпискою. А съ твоими, государь, съ ратными людьми по тѣмъ вѣстямъ иду я, холопъ твой, къ Шацкому на спѣхъ. Да того жъ, государь, числа прислалъ ко мнѣ, холопу твоему, изъ Танбова товарыщъ мой стольникъ и воевода Еремей Пашковъ списокъ съ отписки, какову отписку писалъ къ нему въ Танбовъ изъ Козлова воевода Степанъ Хрущовъ о вѣстяхъ про воровскихъ казаковъ, и тотъ, государь, списокъ съ отписки послалъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, подъ сею отпискою; а на передъ, государь, изъ походу послалъ я, холопъ твой, къ Шацкому твоихъ великого государя, ратныхъ людей Левонтья Букина съ мещеряны и съ рейтары съ полковыми казаками, всего съ нимъ 300 человѣкъ; а напередъ, государь, сево послано на заставу къ Кацмацкимъ воротамъ для береженія отъ воровскихъ же казаковъ и для промыслу твоихъ, великого государя, ратныхъ людей 300 жъ человѣкъ».

Хитрово, такимъ образомъ, «поспѣшая», пошелъ къ Шацкому на выручку 11-го октября, оставивъ въ Тамбовѣ, съ 2,118 человѣками стрѣльцовъ, рейтары и проч. своего товарища сотника Еремѣя Пашкова, которому пока не угрожала еще никакая опасность. Подробный списокъ оставшихся съ Пашковымъ вооруженныхъ силъ Хитрово послалъ на Москву къ государю. По этому списку въ Тамбовѣ съ Пашковымъ оставалось: «дѣтей боярскихъ 21 чел.,

бѣломѣсныхъ казаковъ 81 чел., сторожевыхъ казаковъ 40 чел., полковыхъ казаковъ разныхъ слободъ и селъ 1,017 чел., Московскихъ стрѣльцовъ 210 чел., Танбовскихъ стрѣльцовъ 243 чел., солдатъ 502 человѣка, пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ 31 человѣкъ, станичныхъ вожей 3 чел. Всего въ Танбовѣ всякихъ чиновъ ратныхъ людей оставлено 2,118 человѣкъ».

Этихъ силъ Пашкову, которому никто и ни откуда не угрожалъ безъ сомнѣнія, было достаточно. Ужъ если Хитрово пошелъ съ такимъ же числомъ людей къ Шацкому на встрѣчу Харитонову и тремъ еще Стенькинымъ атаманамъ, число войскъ которыхъ онъ не могъ даже приблизительно знать, такъ какъ къ нимъ ежедневно подходила помощь и изъ деревень, лѣсовъ и нагоняли задніе и отставшіе атаманы, замедлившіеся на своемъ ходу разореніями и грабежами городовъ и помѣщичьихъ усадебъ; то Пашкову съ его силами можно бы покойно сидѣть, не робѣя преждевременно. Но такъ великъ былъ у всѣхъ, за исключеніемъ Хитрово и Хрущова, страхъ и такъ всѣ оказались растерявшимися и малодушными, что этотъ же самый Пашковъ, въ тотъ же самый день, оставленный Хитрово сидѣть въ Тамбовѣ съ такой относительно все-таки солидной силой, послалъ на Москву къ царю явную и завѣданную ложь, повидимому, забывъ совершенно о томъ, что она тотчасъ же раскроется: «Въ нынѣшній день пошелъ изъ Танбова думный дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово въ походъ, а меня, государь, холопа твоего, оставилъ въ Танбовѣ; взялъ съ собою твоихъ государевыхъ ратныхъ людей всякихъ чиновъ разныхъ городовъ и танбовцовъ жалованныхъ людей розныхъ чиновъ, а со мною, государь, холопомъ твоимъ въ Танбовѣ оставилъ только московскихъ стрѣльцовъ, полуголову Григорья Салова да стрѣльцовъ московскихъ съ нимъ 208 человѣкъ, да на чертѣ въ красномъ городкѣ 83 человѣка; и на тѣхъ, государь, танбовцовъ въ нынѣшнеее смутное время надѣетца не на ково, потому что у тѣхъ, государь, танбовцовъ на Дону братья и племянники и дѣти, а иныхъ, государь, городовъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не оставилъ въ Танбовѣ, со мною, холопомъ твоимъ, ни одного человѣка, и съ тѣми, государь, малыми людьми мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ сидѣть не съ кѣмъ, а будетъ, государь, въ Танбовѣ иныхъ городовъ твоихъ великого государя ратныхъ людей не будетъ, и въ Танбовѣ, государь, въ приходъ воровскихъ казаковъ чаетъ всякого дурна; а по отписке, государь, изъ Шацкаго воеводы Андрѣя Остафьева, что воровскіе де казаки пришли въ Шацкой уѣздъ отъ города за 20 верстъ, а Шацкой, государь, отъ Танбова только во стѣ въ двадцати верстахъ, и что, государь, учинится въ Танбовѣ отъ малолюдства какое дурно, и за то, государь, мнѣ бъ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; и о томъ, государь, мнѣ, холопу твоему, что ты, великій государь, укажешь!»

Что въ отвѣтъ на это донесеніе царю послѣдовало,—не извѣстно, но вскорѣ въ Тамбовъ былъ присланъ изъ Москвы стольникъ и воевода Иванъ Бутурлинъ. На одного Пашкова очевидно не надѣялись.

Въ числѣ вновь открытыхъ и обнародованныхъ Тамбовской Архивной Комиссіей документовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подлиннаго донесенія Хитрово о битвѣ его подъ Шацкимъ съ Харитоновымъ. Есть свѣдѣнія и нѣкоторыя подробности объ этомъ, но самаго донесенія нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно побѣда Хитрово была полная и ему дальше уже не приходилось сталкиваться съ такими силами. Имѣя Шацкой опорнымъ своимъ пунктомъ, Хитрово то и дѣло ходилъ по разнымъ направленіямъ разбивать отдѣльныя банды, какъ только узнавалъ, что онѣ гдѣ-нибудь собибираются, но это все было ужъ не то. Главные атаманы: Харитоновъ, Чирокъ и Шиловъ были разбиты и убѣжали назадъ, побросавъ и пушки и знамена. А главное, побѣда эта, ободривъ упавшій совершенно въ царскомъ войскѣ духъ, имѣла несомнѣнно сильное вліяніе тотчасъ же на все окрестное населеніе. Важность побѣды Хитрово въ стратегическихъ и другихъ отношеніяхъ выяснилась уже позже; но теперь она была важна въ этихъ двухъ отношеніяхъ: ободрила упавшій духъ въ царскомъ войскѣ, дала ему вѣру въ самого себя и потомъ охладила увѣренность населенія въ непобѣдимость Стеньки и его атамановъ.

Послѣ Харитонова «съ товарыщи» больше всѣхъ надѣлалъ хлопотъ воеводѣ Хитрово Тимошка Мещеряковъ. Съ нимъ воеводѣ пришлось много повозиться. Хитрово очень обстоятельно и характерно описываетъ въ своемъ донесеніи, какъ онъ бился съ Мещеряковымъ, побѣдилъ, какъ потомъ тотъ ему сдался, а онъ, имѣя въ виду разныя свои политическія соображенія, отпустилъ его на волю.

«Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ, въ 21-й день, вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось въ Шацкомъ, что въ Шацкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Печинищахъ, отъ Шацкаго въ 20 верстахъ, собрався розныхъ шацкихъ селъ и деревень воры и измѣнники крестьяне забунтовали и стояли для воровства многіе люди въ той деревнѣ Печинищахъ, да съ ними жъ де, государь, ворами и измѣнники въ той же деревни стояли танбовскіе казаки и солдаты розныхъ слободъ и селъ, которымъ, по твоему великого государя указу, велѣно быть на твоей, великого государя, службѣ въ Шацкомъ полку у меня, холопа твоего, и твое, великого государя, денежное жалованье для службы имъ казакомъ и солдатомъ дано въ Танбовѣ, и изъ твоей же, государь, деревни Печинищей тѣ воры и танбовскіе казаки и солдаты, боясь на себя твоихъ, великого государя, ратныхъ людей приходу, отошодъ въ Танбовскій уѣздъ на рыбную пустошь въ село Алгасово, ставъ обозомъ, и завели бунтъ,

и призвали къ себѣ рыбной же пустоши розныхъ селъ крестьянъ многихъ и стали побивать всякихъ чиновъ людей и животъ ихъ, грабить и твою, великого государя, казну, котора была послана съ начальными людьми ко мнѣ, холопу твоему, въ рейтарской полкъ полковника Семена Семенова сына Скорнякова-Писарева, знамена, и трубы, и литавры, и пистоли, и карабины взяли; и октября, государь, въ 22-й день на тѣхъ воровъ и бунтовщиковъ и на танбовскихъ казаковъ и на солдатовъ въ Танбовскій уѣздъ въ село Алгасово съ твоими, великого государя, ратными людьми и съ полковники, и съ рейтары изъ Шацкаго я, холопъ твой, ходилъ и пришодъ въ село Алгасово тѣхъ воровъ и казаковъ и солдатовъ и мужиковъ бунтовщиковъ въ селѣ Алгасовѣ осадили и къ обозу ихъ приступили жестокими приступы и изъ пушекъ били и побивали въ обозѣ и у обозу ихъ многихъ, и то, государь, село Алгасово велѣлъ я, холопъ твой, въ то приступное время зажечь и разорить, потому что того села Алгасова крестьяне въ томъ же обозѣ съ тѣми ворами и съ казаками и съ солдаты сидѣли и съ твоими, великого государя, ратными людьми бились за одно; и октября жъ, государь, въ 23-й день милостію Божіею и твоимъ, великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи Самодержца и твоихъ государскихъ благородныхъ чадъ счастьемъ они воры и бунтовщики танбовцы казаки съ солдаты Тимошка Мещерековъ съ товарыщи, видя надъ собою твоихъ, великого государя, ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и отъ пушечной стрѣльбы великую тѣсноту, а на себя упадокъ и пожарное разореніе, тебѣ, великому государю, въ той своей воровской винѣ до били челомъ; и я, холопъ твой, велѣлъ ихъ привесть къ вѣрѣ на томъ, что имъ, казакомъ и солдатомъ впредь тебѣ, великому государю и твоимъ, великого государя, благороднымъ чадомъ служить по прежнему и ни къ какому воровству и къ воровскимъ прелестямъ не приставать и твоихъ, великого государя, бояръ и воеводъ и всякихъ приказныхъ людей не побивать и городовъ не сдавать и не измѣнить, а гдѣ воровскихъ людей провѣдаютъ, и ихъ имать и въ городы приводить, также гдѣ и про воровской заводъ увѣдаютъ и имъ извѣщать и воровскіе свои знамена мнѣ, холопу твоему, отдали и въ всемъ быть послушнымъ, а приветчи, государь, къ вѣрѣ тѣхъ танбовцовъ, казаковъ и солдатовъ, Тимошку Мещерекова съ товарыщи отпустилъ я, холопъ твой, изъ того села Алгасова въ Танбовъ, октября, въ 23-й день для того, чтобъ они, видя къ себѣ такую твою, великого государя, милость, въ Танбовскомъ уѣздѣ по селамъ и по деревнямъ сказывали, что имъ вмѣсто смерти данъ животъ и вина имъ отдана, и видя бъ такую твою государскую милость иные ихъ братья по селамъ и по деревнямъ ни на какую воровскую прелесть не прельщались; да вѣдомо, государь, мнѣ, холопу твоему, учинилось,

что въ Шацкомъ уѣздѣ села Сасова и села Кобякова крестьяне заворовали и завели бунтъ и собрався тѣхъ села Сасова и села Кобякова и иныхъ разныхъ селъ крестьяне многіе люди стоятъ въ томъ селѣ Сасовѣ и отъѣзжая въ иные села людей побиваютъ и пытаютъ и на тѣхъ, государь, воровъ и заводчиковъ съ твоими, великого государя, ратными людьми въ село Сасово иду я, холопъ твой, октября въ 25-й день; а что, государь, милостію Божіею и твоимъ, великого государя, счастьемъ надъ тѣми ворами отъ твоихъ, великого государя, ратныхъ людей какой промыслъ и поискъ учинитца и о томъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ учну писать я, холопъ твой, вскорѣ съ гонцы».

И это село Сасово, гдѣ скопилось тоже много «воровскихъ казаковъ» Хитрово разгромилъ: «И октября, государь, въ 26 день, писалъ царю Хитрово, по твоему великого государя указу, въ Шацкой уѣздъ въ то село Сасово ходилъ я, холопъ твой, изъ Шацкаго съ твоими великого государя съ ратными людьми и съ полковниками и съ рейтары на воровскихъ казаковъ и того села Сасова на измѣнниковъ на мужиковъ; и воровскіе, государь, казаки и и села Сасова измѣнники мужики, увидѣвъ приходъ къ тому селу Сасову со мною, холопомъ твоемъ, твоихъ великого государя ратныхъ людей и надъ тѣмъ селомъ промыслъ, изъ того, государь, села Сасова тѣ воровскіе казаки и измѣнники мужики и съ двѣмя знаменами побѣжали за рѣку Цну въ лѣса, а достальныхъ, государь, воровскихъ людей и измѣнниковъ мужиковъ твои великого государя ратные люди, которыхъ застали въ селѣ Сасовѣ, побили, а иныхъ, государь, пущихъ измѣнниковъ мужиковъ велѣлъ я, холопъ твой, въ томъ же селѣ Сасовѣ и перевѣшать; и то, государь, село Сасово твои великого государя ратные люди за ихъ измѣну и за непокорство тѣхъ сасовскихъ мужиковъ выжгли, а достальныхъ, государь, села Сасова крестьянъ, которые были переиманы, велѣлъ я, холопъ твой, въ томъ же селѣ Сасовѣ привесть къ вѣрѣ, что имъ впредъ служить тебѣ великому государю по прежнему, и ни къ какому воровству и къ шатости не приставать».

Въ слѣдующемъ своемъ донесеніи въ Москву Хитрово жалуется и кается въ свой ошибкѣ, что отпустилъ на волю и простилъ взятаго въ плѣнъ подъ Алгасовымъ вора и измѣнника атамана Тимошку Мещерякова. Хитрово разсчитывалъ, что онъ почувствуетъ и поцѣнитъ милость его и будетъ ему еще полезенъ, отговаривая другихъ отъ бунта, а вышло наоборотъ, Мещеряковъ не только не пересталъ самъ лично принимать участія въ возстаніи, но еще черезъ своего подручнаго станичнаго вожа Гаврилку Карнауха поднялъ на возстаніе остальную часть Тамбовскаго уѣзда и вызвалъ этимъ новый походъ туда Хитрово для усмиренія.

«Въ нынѣшнемъ, государь, октября въ 29 день, писалъ объ этомъ Хитрово въ Москву, объявились мнѣ, холопу твоему, въ Шац-

комъ на съѣзжемъ дворѣ Танбовцы дѣти боярскіе Ѳедоръ Клоковъ съ товарыщи, а сказали посланы де, государь, они изъ Танбова отъ стольника и воеводы отъ Еремѣя Пашкова съ ротмистромъ съ Даниломъ Броунтомъ да съ подъячимъ съ Тимоѳеемъ Хлѣбниковымъ въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, съ вѣстовою отпискою, что де, государь, Танбовскіе казаки и солдаты, которые октября въ 23 день въ приходъ къ селу Алгасову со мною, холопомъ твоимъ, твоихъ великого государя ратныхъ людей въ воровствѣ своемъ тебѣ великому государю вины свои принесли и крестъ цѣловали и въ Танбовъ отпущены Тимошка Мещеряковъ съ товарыщи, изъ того села Алгасова въ Танбовъ не пошли, и тебѣ великому государю измѣнили въ другой и завели въ Танбовскомъ уѣздѣ въ селахъ и въ деревняхъ воровской бунтъ большой и сбираются для воровства въ Танбовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Селквукинѣ и въ иныхъ селахъ; и октября въ 27 день въ Танбовскомъ уѣздѣ въ Вирятинскомъ лѣсу воровскіе люди ихъ Ѳедора Клокова съ товарыщи разбили и разграбили порознь и ротмистра Данила Броунта и подъячаго Тимоѳея Хлѣбникова съ товарыщи и съ отписками поиманы, а они де Ѳедоръ Клоковъ съ товарыщи отъ тѣхъ воровскихъ людей ушли пѣши и прибѣжали въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, съ вѣстою безъ отписокъ».

Но еще больше хлопотъ Мещеряковъ надѣлалъ Пашкову, который изъ Тамбова не выходилъ, ни съ кѣмъ не сражался, а все только пугался и просилъ о пощадѣ. Когда Хитрово извѣстилъ его, что отпустилъ на свободу взятаго имъ въ плѣнъ подъ Алгасовымъ Мещерякова, Пашковъ, подождавъ нѣсколько времени, послалъ провѣдать объ немъ казаковъ «лучшихъ людей» и съ нимъ какого-то Рождественскаго попа Тимоѳея. Но черезъ два дня прибѣжалъ одинъ только попъ Тимоѳей, едва спасшись отъ Мещерякова: «И октября, государь, въ 25 день, часу въ 1-мъ дни прибѣжалъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ тотъ Танбовскій Рождественскій попъ Тимоѳей, а въ распросѣ мнѣ, холопу твоему, сказалъ: какъ де онъ попъ съ тѣми казаками будутъ въ Танбовскомъ уѣздѣ въ селѣ Черленомъ отъ города въ 20 верстахъ, и въ томъ де селѣ Черленомъ казаковъ изо многихъ селъ, и изъ деревень скопилось человѣкъ съ 400 и больши и тебѣ, великому государю, измѣнили да и многія твои великого государя танбовскіе служилые уѣздные люди многихъ слободъ и деревень, измѣнили жъ, и которыхъ думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово привѣтчи ко кресту отпустилъ въ Танбовъ атамана Тимошку Мещеряка съ товарыщи, тотъ Тимошка цѣловалъ крестъ тебѣ, великому государю, и прислалъ де отъ себя станичного вожа Гаврилку Карнауха наговаривать на воровство и на измѣну всѣхъ твоихъ государевыхъ Танбовскихъ служилыхъ людей, и многія, государь, Танбовцы служилые и всякихъ чиновъ люди того прелестника

Гаврилка Карнауха послушевъ, тебѣ великому государю, измѣнили и ево де попа Тимоѳея и товарыщей ево въ томъ селѣ Черленомъ тѣ измѣнники, бивъ на смерть и снявъ съ него попа платья и связавъ, кинули на ночь въ потполъ, а на утрее де хотѣли ево попа срубить; а товарыщи де ево поповы, которые съ нимъ посланы изъ Танбова, живы ль или нѣтъ, а онъ де попъ Тимоѳей про нихъ не вѣдаетъ, биты жъ де они, государь, на смерть; а онъ де попъ Тимоѳей ушелъ изъ потполья въ окно ночью и прибѣжалъ въ Танбовъ пѣшъ; да онъ же де попъ Тимоѳей, лежавъ въ потпольѣ, слышалъ отъ тѣхъ мятежниковъ, что де идутъ, государь, къ нимъ воровскіе казаки; а со мною, государь, холопомъ твоимъ, только въ осадѣ въ Танбовѣ московскихъ стрѣльцовъ полуголова Григорей Саловъ съ стрѣльцами съ двумя стами человѣкъ да Танбовцевъ, государь, стрѣльцовъ и двухъ слободъ полковой и покровской всѣхъ съ 500 человѣкъ, и говорятъ, государь, тѣ Танбовцы градскіе люди, что тебѣ великому государю измѣнить они не хотятъ; а у тѣхъ, государь, Танбовцовъ, которые хотятъ сидѣть въ осадѣ, въ измѣнѣ, братья ихъ и дѣти, и въ тѣхъ, государь, Танбовцахъ будетъ ли правда или нѣтъ, и того, государь, вѣдать не почему» и т. д., и т. д., обычная пѣсня Пашкова о сомнѣніяхъ и подозрѣніяхъ.

Но это, кажется, было послѣднее его донесеніе, потому что слѣдующая грамота отъ царя послана въ Тамбовъ ужъ на имя воеводы Ивана Бутурлина.

VIII.

Возстаніе приходило къ концу. Хитрово продолжалъ хотя все еще переходить съ мѣста на мѣсто, преслѣдуя и разбивая шайки «воровскихъ казаковъ» и мужиковъ, но это все ужъ было не опасно. Возстаніе видимо улегалось. Приходили слухи и подробныя вѣсти о разгромѣ Разина Барятинскимъ подъ Симбирскимъ и о томъ, что все войско его разбѣжалось и самъ онъ не извѣстно куда скрылся. Начало собираться къ Тамбову и войско, бывшее въ дѣлахъ противъ Разина. Начинался періодъ суда и расправа надъ зачинщиками и участниками возстанія. Не рѣшительныя мѣры и мѣры кротости, которыя практиковались доселѣ, частью въ предположеніи подѣйствовать этимъ на бунтовщиковъ, вызвать въ нихъ раскаяніе, частью по слабости и по неимѣнію силъ поступить вездѣ энергично и рѣшительно, замѣнялись теперь мѣрами самой крутой строгости и даже просто жестокостью.

Изъ Москвы къ Бутурлину пришла грамота съ приказаніемъ какъ поступать съ бунтовщиками: ...«Писалъ къ намъ, говорится въ грамотѣ, изъ Танбова стольникъ нашъ и воевода Еремей Пашковъ, что Танбовскаго уѣзда села Черленаго и иныхъ селъ и де-

ревень казаки намъ великому государю измѣнили, да Танбовскаго жъ уѣзду, казачей атаманъ Тимошка Мещерякъ съ товарыщи, которые были въ измѣнѣ намъ великому государю въ винахъ своихъ добили челомъ, крестъ цѣловали изъ полку думнаго нашего дворянина и воеводы Якова Тимоѳеевича Хитрово отпущены въ Танбовскій уѣздъ въ домы свои, и тотъ воръ и крестопреступникъ танбовскихъ казаковъ атаманъ Тимошка Мещерякъ съ товарыщи, забывъ Господа Бога и наше государево крестное цѣлованіе, намъ, великому государю, измѣнилъ въ другой рядъ и прислалъ отъ себя станичного вожа Гаврилка Карнауха и велѣлъ танбовскихъ служилыхъ и всякихъ людей наговаривать на воровство и на измѣну; и по ево де Гаврилкову наговору танбовцы служилые и всякихъ чиновъ люди многіе намъ, великому государю, измѣнили. И какъ къ вамъ ся наша великого государя грамота придетъ, и вы бъ по сему нашему великого государя указу съ нашими государевыми ратными людьми, которымъ по наряду съ Москвы съ вами въ полку быть велѣно, и съ резанцы дворяны и дѣтьми боярскими шли днемъ и ночью на спѣхъ, тотчасъ, не мѣшкавъ нигдѣ ни малого времени ни для чего, а въ дорогѣ про воровскихъ людей развѣдывали... И вы бъ надъ казаки и надъ измѣнниками, надъ Тимошкою Мещерякомъ и надъ Гаврилкою Карнауховымъ: и будетъ гдѣ объявятца, прося у Господа Бога милости и у Пречистой Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, промышляли всякими обычаи, чтобъ съ Божіею помощію надъ нимъ поискъ и промыслъ учинитъ вскорѣ; а какъ дастъ Богъ надъ ними поискъ и промыслъ учинить и атамана Тимошку Мещеряка и товарыща его станичного вожа Гаврилко Карнауха возмете или они, видя вашъ надъ собою промыслъ, сдадутца, и вы бъ ихъ и товарыщевъ ихъ къ тому воровству пущихъ заводчиковъ велѣли распросить и пытать накрѣпко и огнемъ жечь, а послѣ распросу и пытки, сказавъ имъ воровскіе ихъ вины при многихъ людехъ велѣли имъ обсѣчь руки по локоть, а ноги по колѣни, казнить смертію повѣсить, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было также воровать и къ такому воровству приставать: а сами бъ есте въ Танбовѣ жили съ великимъ береженіемъ и опасеньемъ и про сборъ и про приходъ воровскихъ казаковъ съ Хопра и съ Медвѣдицы и изъ иныхъ мѣстъ провѣдывать всякими обычаи и отъѣзжіе сторожи держали въ которыхъ мѣстахъ пригожъ, чтобъ воровскіе казаки къ танбовскимъ крѣпостямъ и къ Танбову и въ Танбовскій уѣздъ бездѣльно не пришли и надъ городомъ и въ уѣздѣ какова дурна и порухи не учинили; и гдѣ какіе воровскіе казаки объявятца, и на нихъ съ нашими государевыми ратными съ конными и съ пѣшими людьми и съ пушки и съ обозомъ ходили, и о томъ поискъ и промыслъ чинили, а Танбовцевъ служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей нашею государскою милостію

обнадежили и говорили имъ, чтобъ они намъ, великому государю, служили, а на воровскіе ни на какіе прелести не прельщались и ни къ какому воровству не приставали никакими обычаи, а за службу наша государева милость къ нимъ будетъ и служба ихъ у насъ, великого государя, никогда въ забвеніи не будетъ».

Подходилъ къ Темникову князь Юрій Долгорукій, прославившійся побѣдой надъ «воровскими казаками» подъ селомъ Паневымъ и потомъ своими казнями въ Арзамасѣ. Подходили другіе воеводы. Забунтовавшіе города и села сдавались одни за другими, прося помилованія и высылали на встрѣчу войскамъ поповъ съ иконами и крестами. Стольникъ воевода Степанъ Лихаревъ безъ труда освободилъ Казатинъ и приказалъ всѣмъ возмутителямъ въ городѣ рубить головы, а въ селахъ и деревняхъ вѣшать ихъ. 14-го декабря Хитрово взялъ Керенскъ; 17-го января князь Щербатовъ овладѣлъ Нижнимъ-Ломовомъ; потомъ сдался ему Верхній-Ломовъ, потомъ покорилась Пенза. Возстаніе доживало послѣдніе дни...

Между тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе, воеводы, бѣжавшіе съ воеводствъ и неизвѣстно гдѣ оказавшіеся, подъячіе, приказные, собирались снова на свои мѣста. Чѣмъ большій страхъ и даже паника овладѣвали населеніемъ при слухахъ о побѣдахъ царскихъ воеводъ и о казняхъ, которыя слѣдовали за побѣдами, тѣмъ теперь выше поднимали эти бѣжавшіе и возвратившіеся начальники головы. Начались безчисленные «указанія» и доносы. Вездѣ чинился судъ и за нимъ сейчасъ же слѣдовало наказаніе.

Растерявшееся населеніе приносило всюду повинную. Уличаемые въ соучастіи съ мятежниками увѣряли, что они взяты были въ банды и удерживались тамъ силою. Зачинщиковъ населеніе выдавало. Ихъ допрашивали, потомъ вѣшали, нѣкоторымъ рубили руки по локоть, ноги—по колѣни и въ такомъ видѣ отпускали на свободу, чтобы было памятно имъ. Всѣхъ же вообще, сколько-нибудь причастныхъ воровству или только подозрѣваемыхъ въ немъ—а ихъ было безъ числа—пороли кнутомъ.

Стенькины грамоты и «прелетныя» письма сыскивали всюду, отбирали ихъ и отсылали въ Москву, а тѣхъ, у кого ихъ находили, вѣшали, чтобы не осталось ни одного человѣка, который видѣлъ эти письма его или грамоты.

Казни были ужасны и происходили въ ужасающихъ размѣрахъ. Жестокостью въ этомъ случаѣ больше всѣхъ прославился воевода князь Юрій Долгорукій, занимавшійся этимъ во все время своей стоянки въ Арзамасѣ:—«Страшно было смотрѣть на Арзамасъ,—говоритъ современникъ, — его предмѣстья казались совершеннѣйшимъ адомъ; повсюду стояли висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и по пятидесяти труповъ; тамъ валялись разбросанныя головы и дымились свѣжею кровью; здѣсь торчали колья, на которыхъ мучились преступники и часто были живы по три дня, испы-

тывая неописанныя страданія. Въ три мѣсяца Долгорукій казнилъ въ Арзамасѣ одиннадцать тысячъ человѣкъ: ихъ казнили не иначе, какъ соблюдая обряды правосудія и выслушавъ свидѣтелей и обвинителей. На вопросъ, какое было у нихъ намѣреніе, они всѣ въ одно говорили подъ пыткой:

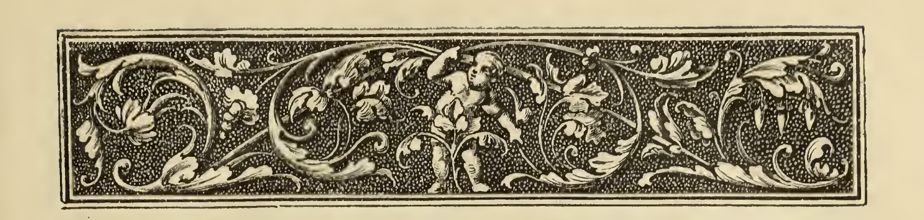
— «Хотѣли мы Москву взять и васъ всѣхъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ людей перебить на смерть».

Характерную черту обнаружили при этомъ побѣдители: они вздумали было взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ обращать въ рабство себѣ и многіе столько ихъ набрали, зачисливъ въ своихъ крѣпостныхъ, что правительство должно было наконецъ велѣть останавливать по дорогамъ воеводъ, бояръ и дворянъ, которые вели къ себѣ этихъ новыхъ своихъ крѣпостныхъ. Ихъ задерживали и возвращали назадъ за счетъ этихъ бояръ и дворянъ...

Такъ кончилось возстаніе и край затихъ впредь на цѣлыхъ сто лѣтъ, вплоть до возстанія Пугачева, вызвавшаго тѣ же ужасы при разгромѣ помѣщиковъ и чиновниковъ и потомъ при своемъ усмиреніи...

А еще черезъ сто лѣтъ великій актъ 19-го февраля 1861 года сдѣлалъ навсегда невозможнымъ дальнѣйшее ихъ повтореніе...

С. Терпигоревъ.



ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

1784—1839 гг.

(Опытъ литературной характеристики).

Прошло пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова, и память о немъ стала изглаживаться. Но имя Давыдова заслуживаетъ напоминанія, а его исключительное положеніе среди современныхъ ему писателей даетъ ему полное право на вниманіе потомства. Счастливый случай доставилъ въ наше распоряженіе болѣе 50 писемъ Давыдова къ Е. Д. Золотаревой. Пользуясь этими неизданными документами и разными печатными источниками, мы попытаемся очертить личность Давыдова въ связи съ его біографіей.

Родъ Давыдовыхъ принадлежитъ къ числу старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій. У отца Дениса Васильевича, Василія Денисовича, было три сына и одна дочь. Старшій изъ сыновей былъ Денисъ, за нимъ слѣдовали: Евдокимъ, Левъ и дочь Александра Васильевна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за тайнаго совѣтника сенатора Дмитрія Никитича Бѣгичева. Василій Денисовичъ черезъ братьевъ своихъ и сестеръ породнился съ Лопухиными, Орловыми-Чесменскими, Ермоловыми и другими вліятельными лицами. Екатерина Николаевна Раевская, рожденная графиня Самойлова, мать извѣстнаго Н. Н. Раевскаго, выйдя во второй разъ замужъ за Льва Денисовича Давыдова, имѣла двухъ сыновей, Александра Львовича и извѣстнаго декабриста Василія Львовича.

Василій Денисовичъ, женатый на Еленѣ Евдокимовнѣ Щербининой, во время рожденія старшаго сына своего, командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ, который стоялъ около села Грушевки, принадлежавшаго княжнѣ Еленѣ Никитичнѣ Вяземской.

Семейство Давыдова занимало большой домъ, выстроенный на скорую руку для императрицы Екатерины во время путешествія ея въ Крымъ. Къ этому времени относится посѣщеніе Суворовымъ отца Дениса Васильевича, описанное послѣднимъ въ статьѣ «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ». Вниманіе знаменитаго полководца и пророческія слова, сказанныя имъ мальчику: «Ты выиграешь три сраженія»—имѣли на него большое вліяніе, усиливъ въ немъ страсть къ военному ремеслу, призваніе къ которому онъ чувствовалъ съ малолѣтства. Денисъ Васильевичъ получилъ обычное для того времени домашнее образованіе. Его выучили читать и писать на двухъ иностранныхъ языкахъ, рисовать, музыкѣ, танцамъ и проч. Съ русской грамматикой, какъ видно изъ воспоминаній сына его В. Д. Давыдова, онъ не могъ справиться до самой своей смерти, и жившій въ послѣдніе годы его жизни учитель его дѣтей А. И. Башиковъ долженъ былъ всегда исправлять граматическія ошибки въ его произведеніяхъ. Между тѣмъ, французскимъ языкомъ владѣлъ онъ хорошо, что видно какъ изъ встрѣчающихся у него галицизмовъ, такъ и изъ имѣющихся подлинныхъ его писемъ.

Знакомство съ «Аонидами» Н. М. Карамзина дало ему мысль попробовать писать стихи. Первое его стихотвореніе было:

«Пастушка Лиза, потерявъ
«Вчера свою овечку» и т. д.

Стихотвореніе это сентиментальнаго характера написано въ тонѣ господствовавшей тогда поэзіи; оно лишено правильнаго размѣра и къ нему по тогдашнимъ литературнымъ правиламъ пристегнуто нравоученіе, что другу нельзя измѣнять, совершенно не вытекающее изъ стихотворенія. Знакомство съ развитой и передовой молодежью, писавшей въ журналахъ того времени, пробудило въ немъ любовь къ поэзіи, которую онъ позднѣе называлъ «никогда не дремлющимъ бѣсомъ».

Въ 1801 году, Давыдовъ отправился въ Петербургъ и послѣ немалыхъ препятствій (вслѣдствіе его небольшого роста) былъ принятъ въ Кавалергардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ. Служа, Давыдовъ не переставалъ заниматься своимъ самообразованіемъ и не прекращалъ «бесѣды съ музами». Въ особенности усердно занимался онъ военной исторіей и впослѣдствіи поражалъ всѣхъ знаніемъ хронологіи. Въ это время онъ находился подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата А. М. Каховскаго, слѣдившаго за его занятіями.

Между тѣмъ, надъ семьей Давыдовыхъ стряслось несчастіе; отецъ его былъ преданъ суду съ конфискованіемъ имѣнія за без-

порядки въ полку. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ, но, напуганный разсказами о встрѣчахъ съ императоромъ Павломъ, долженъ былъ однажды спрятаться подъ мостъ при проѣздѣ государя (Воспоминанія В. Д. Давыдова «Русская Старина» 1872, т. 2). Рѣшеніемъ суда на него наложено было взысканіе большой суммы, взысканіе тѣмъ болѣе тяжелое, что состояніе его было въ то время крайне ограничено, благодаря картамъ и широкой жизни. Извѣстіе о преданіи Василія Денисовича суду застало его въ Москвѣ и въ этотъ день, по словамъ князя И. А. Крапоткина, вся Москва перебывала у него съ выраженіемъ сочувствія.

Семья Давыдовыхъ очутилась въ крайне бѣдственномъ положеніи и Денисъ Васильевичъ впослѣдствіи разсказывалъ, что ему по цѣлымъ мѣсяцамъ приходилось питаться однимъ картофелемъ. Въ то же время, продолжавшіяся бесѣды съ музами заставили юнаго корнета (онъ былъ произведенъ 13-го декабря 1804 года) неожиданно и помимо своей воли перейти изъ гвардіи въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда въ Кіевской губерніи. Причиной этого неожиданнаго перевода было слѣдующее обстоятельство: Давыдовъ написалъ двѣ басни: «Голова и ноги» и «Рѣка и зеркало». Басни эти не вошли почему-то ни въ одно изъ собраній его стихотвореній (хотя первая была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1872 года, т. 2; а вторая, кромѣ того, и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» т. 1, XXXIV. стр. 70). Въ первой баснѣ говорится, что ноги разгнѣвались на голову за то, что онѣ должны идти, куда имъ приказываютъ. На это голова замѣчаетъ, что ей природой дано повелѣвать. Ноги возражаютъ, что онѣ могутъ споткнуться и разшибить голову.

Басня заканчивается такими строками:

«Смыслъ этой басни всякій знаетъ,
«Но должно —тсъ! молчать;
«Дуракъ лишь все болтаетъ».

Во второй баснѣ «Рѣка и зеркало» вельможа, приговоренный къ казни «за правду колкую, за истину святую», разсказываетъ царю, какъ ребенокъ, видя въ зеркалѣ свой безобразный видъ, утѣшился тѣмъ, что могъ разбить зеркало, но пришелъ въ безсильное отчаяніе, увидя свое изображеніе въ рѣкѣ, истребить которую онъ былъ не въ силахъ.

«Я зеркало—разбей меня,
«Рѣка—твое потомство,
«Ты въ ней найдешь еще себя.
«Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
«Что онъ велѣлъ ему и жизнь и волю дать:
«Постойте, виноватъ,—велѣлъ... сослать;
«А то бы эта быль на басню походила».

Въ приведенныхъ басняхъ, послужившихъ причиной перевода Давыдова въ армію, мы видимъ уже легкость языка и умѣніе владѣть стихомъ, помимо довольно вѣрно схваченной простой разговорной рѣчи.

Военная молодежь Бѣлорусскаго полка веселилась, кутила, ухаживала за польками и вообще въ полку было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали. По выраженію Давыдова, всѣ всегда были веселы и всегда навеселѣ. Это прожиганіе жизни дало новое направленіе его поэзіи и сдѣлало имя его извѣстнымъ.

Стихотворенія «Бурцовъ ёра, забіяка», «Гусарскій пиръ», «Гусарская исповѣдь» выучивались наизусть и съ восторгомъ повторялись всѣми кавалеристами того времени. Въ этихъ стихотвореніяхъ, проникнутыхъ военнымъ духомъ, удалью, отличающихся смѣлостью стиха и звонкостью риѳмы, поэзія кипитъ и пѣнится какъ воспѣваемое шампанское.

«Долой, долой крючки отъ глотки до пупа,
«Гдѣ трубки? Вейся дымъ на удаломъ раздольѣ!»

или:

«Ради Бога, трубку дай,
«Ставь бутылки передъ нами,
«Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
«Съ закрученными усами».

Какъ, напримѣръ, вѣрно схваченъ презрительный тонъ стараго кутилы въ «Гусарской исповѣди», говорящаго о бонтонныхъ балахъ слѣдующее:

«Бѣгу васъ сборища, гдѣ жизнь въ однихъ ногахъ,
«Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
«Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
«Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
«Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
«Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты!»

Если вспомнить при этомъ выраженіе князя А. И. Щербатова: «Davidoff, quand on le connait bien, n'est que le fanfaron du vice» (Давыдовъ, когда хорошо его узнать, только хвастунъ своихъ пороковъ) и слова А. П. Ермолова, что Давыдовъ былъ гусаромъ, славилъ и пилъ вино и отъ того прослылъ пьяницей, то еще ярче выступитъ талантливость Дениса Васильевича. Бойко владѣя стихомъ, онъ съумѣлъ проникнуть въ міросерцаніе старыхъ гусаръ, схватить ихъ тонъ и привычки до того вѣрно, что самъ прослылъ въ глазахъ читающей Россіи бойкимъ, безшабашнымъ воякой, горькимъ пьяницей и пѣвцомъ «вина, любви и славы».

Въ 1806 г. 4-го іюля, Давыдовъ былъ снова переведенъ въ гвардію въ Лейбъ-Гусарскій полкъ поручикомъ. Фальшивое положеніе

относительно товарищей, бывшихъ подъ Аустерлицемъ въ то время, когда онъ мирно пировалъ, уколы самолюбія, а можетъ быть и вполнѣ естественная служебная зависть, заставили его прибѣгнуть къ слѣдующей оригинальной выходкѣ:

Когда главнокомандующимъ русской арміей, дѣйствовавшей противъ французовъ, былъ назначенъ графъ Каменскій, Давыдовъ, не имѣя никакой протекціи, рѣшилъ явиться къ нему лично съ просьбой о принятіи его въ армію. Расчитывая, что днемъ онъ не добьется свиданія, Давыдовъ отправился къ графу Каменскому въ четыре часа ночи.

«Всякій чудакъ,—пишетъ Давыдовъ въ статьѣ своей «Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ»,—любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи юнаго поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго фельдмаршала живаго, яраго и строптиваго, не былъ слишкомъ близокъ къ необыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія».

Фельдмаршалъ, выйдя изъ своего номера, увидѣлъ въ коридорѣ офицера въ парадной формѣ, разговорился съ нимъ, пригласилъ его въ свою спальню и, выслушавъ его просьбу, обѣщалъ хлопотать о его переводѣ. Хлопоты его, впрочемъ, не увѣнчались успѣхомъ и Давыдовъ остался въ томъ же полку. Желаніе его исполнилось позднѣе, въ январѣ 1807 г., когда онъ получилъ назначеніе въ адъютанты къ князю Багратіону. Назначенію этому не мало содѣйствовала всемогущая въ то время Марья Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, жена оберъ-камергера Дмитрія Львовича Нарышкина.

Въ 1807 г. Давыдовъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вольсдорфомъ, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергомъ, Фридландомъ.

О сраженіи при Прейсишъ-Эйлау онъ написалъ большую статью, имѣющую спеціально-военный характеръ. По заключеніи мира Давыдовъ вернулся въ свой полкъ и написалъ стихотворенія: «Договоры», «Мудрость» и нѣкоторыя другія. Первое, являясь переводомъ съ французскаго, имѣетъ своимъ содержаніемъ объясненіе въ любви. Называется оно такъ потому, что въ немъ пародируются мирные трактаты и влюбленный, предлагая свои условія, ждетъ съ нетерпѣніемъ ратификаціи ихъ. Стихотвореніе это самое длинное изъ всѣхъ поэтическихъ твореній Давыдова и отличается недурными картинами театра, свѣтскаго бала и мирной сельской жизни. Первыя двѣ картины въ сатирическомъ тонѣ, послѣдняя, напротивъ, носитъ характеръ сентиментальности.

«Во вкусѣ англійскомъ, простомъ,
«Я рощу насажу, она окружитъ домъ,
«Пустыню оживитъ, дастъ пищу размышленью;
«Вдоль рощи побѣжитъ струистый ручеекъ,
«Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплетутся,

«Березы надъ скамьей, развѣсившись, нагнутся,
«Тамъ мшистый, темный гротъ,
«Тамъ свѣтленькій лужокъ,
«И даже огородъ прельщаетъ насъ порой
«Своей растительной и скромной простотой».

Стихотвореніе «Мудрость» написано въ духѣ Анакреона и не отличается ни особеннымъ остроуміемъ, ни легкостью или изяществомъ языка. Въ то время могучее перо Пушкина еще не коснулось русскаго языка и анакреонтическая ода Давыдова напоминаетъ тяжелый, серьезный стихъ державинскихъ анакреонтическихъ произведеній, гдѣ авторъ «Фелицы» тщетно старается писать легко, весело и, какъ говорится, играть риѳмой. Къ походу 1807 года можетъ быть еще отнесена статья озаглавленная: «Урокъ Сорванцу». Въ статьѣ этой, посвященной сыновьямъ, Давыдовъ разсказываетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ, испытанныхъ имъ въ рукопашномъ бою:—«Сабельные удары,—говоритъ онъ,—посыпались, пули засвистали, пошла потѣха! Я помню, что моя сабля поѣла живого мяса. Благородный паръ крови курился на ея лезвіи». Въ это время ему приходитъ въ голову, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появились люди, прежде незамѣченные, которые силою собственной воли и дарованія исторгали побѣду у непріятеля наперекоръ предначертаній главнаго начальства. Ему начинаетъ казаться, что онъ именно принадлежитъ къ числу такихъ людей, воображеніе его заносится, Богъ вѣсть куда. Онъ бросается съ цѣпью впередъ, какъ бѣшеный, опрокидываетъ непріятельскихъ фланкеровъ, но въ запальчивости погони натыкается на французскіе резервы и въ свою очередь спасается бѣгствомъ. Французскіе всадники его настигаютъ, одинъ изъ нихъ схватилъ его уже за шинель; но, къ счастію, подоспѣвшіе казаки успѣваютъ избавить его отъ плѣна. Хотя въ этой статьѣ авторъ какъ-будто и желаетъ показать своимъ сыновьямъ всю опасность и неумѣстность смѣлыхъ выходокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно рисуется и самъ воспѣваетъ свою храбрость и дарованія. При этомъ намъ невольно приходятъ на память слова А. А. Бестужева (Марлинскаго), что Давыдову нельзя вполнѣ довѣрять тамъ, гдѣ онъ повѣтствуетъ о собственныхъ подвигахъ.

Заключеніе мира Давыдовъ описалъ въ статьѣ «Тильзитъ въ 1807 году», весьма интересной по сообщеннымъ подробностямъ о свиданіи императора Александра съ Наполеономъ.

Въ 1808 г., когда вспыхнула война съ Швеціей, Давыдовъ находился въ отпуску въ Москвѣ, гдѣ, по его словамъ, «утопалъ въ наслажденіяхъ и, какъ въ эти лѣта водится, влюбленъ былъ до безумія».

Онъ отправился въ отрядъ къ князю Багратіону, но такъ какъ военныя дѣйствія въ южной Финляндіи уже прекратились, вы-

просился на сѣверъ къ Раевскому и Кульневу, съ которыми былъ хорошо знакомъ, а съ первымъ находился даже въ родствѣ.

Въ статьѣ «Воспоминаніе о Кульневѣ», Давыдовъ дѣлаетъ подробную характеристику Кульнева и при этомъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать, что съ такимъ человѣкомъ онъ былъ неразлученъ. Прославляя подвиги Кульнева, онъ восхваляетъ себя, потому-что, по его словамъ, во всѣхъ дѣлахъ они участвовали одинаково.

Въ статьѣ этой мы находимъ шуточные стихи по поводу дѣла около деревни Пигаіоки, почему-то также не вошедшіе въ собраніе его стихотвореній. Въ это же время Давыдовымъ была переведена басня Делиля «La Rose et l'Etourneau» «Чижъ и роза».

1809 годъ застаетъ его снова при Багратіонѣ, который командовалъ тогда Задунайской арміей. Давыдовъ находился вмѣстѣ съ нимъ при взятіи Мачина и Гирсова, въ сраженіяхъ при Россеватѣ и при блокадѣ Силистріи. Затѣмъ, воспользовавшись даннымъ ему отпускомъ, онъ посѣтилъ имѣніе двоюроднаго брата своего Александра Львовича Давыдова, Каменку, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Александръ Львовичъ былъ женатъ на герцогинѣ Аглаѣ Граммонъ (позже замужемъ за графомъ Себастіани).

Денисъ Васильевичъ воспѣлъ ее въ стихотвореніяхъ: «Еслибъ боги милосердные» и «Не пробуждай» («Русская Старина» 1872, т. 2).

Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній онъ пишетъ:

«Сколько плѣнниковъ считается,
«Сколько презрѣнныхъ терзается
«Вкругъ обители красавицы!
«Мать страшится называть тебя
«Сыну, юностью кипящему,
«И супруга содрогается,
«Если взоръ супруга вѣрнаго
«Хотя разъ, хоть на мгновеніе
«Обратится на волшебницу!..»

Во второмъ говорится:

«Не повторяй мнѣ имя той,
«Которой память—муки жизни.
«Не воскрешай, не воскрешай
«Меня забывшаго—напасти—
«Дай отдохнуть тревогамъ страсти
«И ранъ живыхъ не раздражай».

По замѣнѣ въ 1810 году Багратіона графомъ Каменскимъ, Давыдовъ снова приписывается къ отряду Кульнева, участвуетъ въ осадѣ Рущука, а остальное время проводитъ въ Житомірѣ и Луцкѣ, гдѣ и ведетъ бесѣды съ «соименнымъ ему покорителемъ Индіи», т. е. Діонисіемъ или Вакхомъ.

За это время имъ было написано письмо къ Н. Н. Раевскому, напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. Въ письмѣ этомъ Давыдовъ выставляетъ ошибки графа Каменскаго и описываетъ неудачный штурмъ Рущука, при которомъ мы потеряли 8,000 нижнихъ чиновъ, 4-хъ генераловъ и 363 штабъ и оберъ-офицеровъ.

За періодъ времени отъ 1810 по 1812 годъ, Давыдовымъ были написаны изъ поэтическихъ произведеній: «Гусаръ» и «Гр. П. А. Строгонову за чекмень подаренный имъ во время войны 1810 года въ Турціи».

Наконецъ насталъ знаменитый двѣнадцатый годъ, передъ славой котораго померкли побѣды прежнихъ лѣтъ и передъ опасностью и важностью котораго забыты были и «славная» шведская война и неудачный штурмъ Рущука. Эта была эпоха необыкновеннаго подъема народнаго духа, необыкновеннаго воодушевленія общества, когда вся Россія поднялась, чтобы отразить вторгнувшагося въ нее врага.

Въ началѣ войны Давыдовъ служилъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, командуя первымъ его батальономъ и участвовалъ въ дѣлахъ подъ Міромъ, Романовымъ, Дашковой и во многихъ аванпостныхъ сшибкахъ до самаго Бородина. Въ это время у него явилась мысль объ организаціи партизанской войны, что онъ и выразилъ въ письмѣ къ Багратіону. Послѣдній, выслушавъ затѣмъ и его личныя объясненія, рѣшился доложить объ этомъ Кутузову. Между тѣмъ войска наши придвинулись къ Бородину и готовились къ рѣшительному бою.

Бородино принадлежало когда-то отцу Дениса Васильевича; онъ часто проводилъ тамъ въ дѣтствѣ лѣтніе мѣсяцы и потому хорошо былъ знакомъ съ мѣстностію. Послѣ разгрома, бородинская усадьба никогда уже болѣе не возобновлялась и это имѣніе, доставшееся впослѣдствіи Александрѣ Васильевнѣ Бѣгичевой, было продано Воейкову, который, въ свою очередь, продалъ Бородино въ 1838 году императору Николаю Павловичу.

Вотъ какъ описываетъ Давыдовъ свое послѣднее пребываніе въ Бородинѣ: «Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла, не только въ собственномъ домѣ, но и даже въ овинахъ, занятыхъ начальниками. Глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горковъ для строенія бивуаковъ и раскладыванія костровъ... Слезы воспоминанія сверкнули въ глазахъ моихъ; но скоро осушило ихъ чувство счастья, видѣть себя и обоихъ братьевъ моихъ вкладчиками крови и имущества въ эту священную лотерею».

Наконецъ Кутузовъ разрѣшилъ Давыдову сформировать партизанскій отрядъ изъ 50 гусаръ и 150 казаковъ.

Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ дѣйствіями отряда Давыдова—отсылаемъ къ статьѣ его: «Отрывки изъ партизанскаго дневника». Отъ себя можетъ замѣтить только, что теперь, черезъ 75 лѣтъ, когда патріотическій жаръ остылъ, едва ли всѣ дѣйствія Давыдова окажутся гуманными. Стоитъ вспомнить его разсказъ о томъ, какъ онъ училъ крестьянъ подпаивать французовъ и рѣзать ихъ пьяныхъ (стр. 459), или какъ онъ самъ сжегъ сарай съ засѣвшими въ немъ французами (стр. 497).

Одинъ изъ помощниковъ Давыдова, Николай Бедряга, говоритъ, что покинулъ отрядъ, возмутившись тѣмъ, что Давыдовъ велѣлъ перерѣзать сдавшихся ему на честное слово французовъ.

По переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу, Давыдовъ поступилъ въ корпусъ къ Винценгероде и командовалъ его авангардомъ. 10-го марта 1813 года онъ «сдѣлалъ налетъ» на Дрезденъ, защищаемый корпусомъ Дюрока, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе главнокомандующаго. Въ статьѣ своей «Занятіе Дрездена» онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины такого поступка: «Все въ союзныхъ арміяхъ, говоритъ онъ, начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ въѣздахъ въ столицы, поверженіи ключей столицъ къ стопамъ императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріена и Вартерлоо, тогда еще алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы она не досталась,—всякій начальникъ отдѣльнаго многочисленнаго корпуса требовалъ столицъ на пропитаніе честолюбію своему, потому что для огромныхъ силъ столицы доступны были не менѣе городковъ, предоставленныхъ на наживу честолюбіямъ нашей братіи. Къ несчастью моему подручныхъ столицъ было только двѣ, изъ коихъ одну (Берлинъ) захватилъ уже Чернышевъ, другая, (Дрезденъ) оставалась на удалого».

За проступокъ этотъ Давыдовъ лишенъ былъ начальства и переведенъ въ отрядъ Ланского.

Въ 1814 году Давыдовъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, находившимся въ арміи Блюхера, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Бріенномъ, при Ларотьерѣ и подъ Фершампенуазомъ. За отличіе, оказанное въ битвѣ при Ларотьерѣ, онъ былъ произведенъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры, но въ концѣ того же года снова переименованъ въ полковники.

Званіе генерала было возвращено ему только въ 1815 году. Случай этотъ объясняется тѣмъ, что государь не желалъ производить въ генералы Александра Львовича Давыдова, а такъ какъ потому времени всякія справки были затруднительны, то въ приказѣ было объявлено, что всѣ Давыдовы, произведенные въ генералъ-маіоры, переименовываются въ полковники («Русск. Стар.», 1872, т. 2). Изъ генералъ-маіоровъ Давыдовыхъ оказался одинъ только Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. По этому поводу онъ обратился съ письмомъ

къ государю, подписаннымъ «бывшій генералъ-маіоръ», гдѣ ходатайствуя о вознагражденіи заслугъ своихъ, проситъ объ оставленіи дарованной награды, «ибо, говоритъ онъ, во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, взамѣнъ высшихъ талантовъ—это безпредѣльная преданность къ славѣ вашего оружія».

Вскорѣ Давыдовъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Москву, гдѣ среди веселья не прекращалъ своей литературной дѣятельности. Будучи окончательно произведенъ въ генералъ-маіоры, онъ занялъ мѣсто начальника штаба, сперва 7-го, а затѣмъ 3-го пѣхотнаго корпуса, стоявшаго въ Кременчугѣ. Во время пребыванія своего въ Кременчугѣ, Давыдовъ влюбился въ польку Златницкую, вышедшую впослѣдствіи замужъ за князя Петра Александровича Голицына, хотѣлъ на ней жениться, но у него недоставало средствъ, чтобы обвѣнчаться и устроиться своимъ домомъ. Тогда государь, по ходатайству друзей его, въ особенности графа Закревскаго, простилъ ему казенный долгъ, (который взыскивался еще за Василія Денисовича) и далъ аренду въ размѣрѣ 6,000 рублей въ годъ. Бракъ разстроился; Давыдовъ извѣстилъ объ этомъ государя и отказался отъ аренды; но она была ему оставлена. Въ 1819 году онъ женился на дочери генералъ-маіора Софьѣ Николаевнѣ Чирковой; въ 1821 году отчислился по кавалеріи, а въ 1823 году вышелъ въ отставку.

Война двѣнадцатаго года побудила его написать статьи: «Отрывки изъ партизанскаго дневника», «Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона», «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?» «Занятіе Дрездена въ 1813 году», «Письмо къ Вальтеръ-Скотту» и «Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго».

Съ содержаніемъ двухъ изъ этихъ статей мы уже познакомили читателей; что же касается другихъ, то «Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона» и «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году» имѣютъ помимо историческаго интереса, полемическій оттѣнокъ.

Въ такомъ же тонѣ написано и «Письмо къ Вальтеръ-Скотту». Въ «Замѣчаніяхъ на некрологію Н. Н. Раевскаго» Давыдовъ рисуетъ намъ его «гражданскія и частныя добродѣтели». Статья эта написана чрезвычайно горячо и искренно.

Изъ поэтическихъ произведеній Давыдова за это время отмѣтимъ: «Партизанъ», «Пѣсня», «Товарищу» и «Бородинское поле».

Хотя въ этихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ патріотическомъ духѣ, и чувствуется воинственный жаръ и увлеченіе войной и свободной жизнью, напримѣръ въ стихахъ:

«Станемъ, братцы, вѣчно жить
«Вкругъ огней подъ шалашами;
«Днемъ рубиться молодцами,
«Вечеромъ горѣлку пить..!»

или

«За тебя на чорта радъ,
«Наша матушка Россія»....

но все-таки въ нихъ иногда проглядываетъ чувство нѣкоторой разочарованности, грусть, что особенно замѣтно въ стихотвореніяхъ «Партизанъ» и «Товарищу».

Смотря на Москву, поэтъ говоритъ:

«Онъ видитъ градъ,
«Гдѣ онъ любилъ, не бывъ любимъ,
«Гдѣ онъ страдалъ безъ состраданья,
«Гдѣ столько разъ онъ испыталъ
«Невѣрность клятвъ и обѣщаній
«И гдѣ никто не понималъ
«Его души глухихъ рыданій».

Бывая въ Москвѣ и вращаясь въ обществѣ, Давыдовъ часто бывалъ въ Кунцовѣ, гдѣ тогда жилъ Аполлонъ Майковъ, директоръ театра. Послѣдній давалъ спектакли, въ которыхъ участвовала нѣкая танцовщица Иванова; о ней князь П. А. Вяземскій говоритъ: «подлинно она была красавица и необыкновенно стыдливо-граціозна». («Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 900).

Давыдовъ увидѣлъ ее, познакомился съ нею и увлекся не на шутку. Такъ въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 2-го сентября 1815 года онъ пишетъ: «A propos de sirène, что дѣлаетъ божество, все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ». Въ отвѣтъ на это письмо князь Вяземскій передалъ ему слухи о томъ, что Иванова выходитъ замужъ за танцора Глушковскаго. Давыдовъ 16-го октября того же года пишетъ ему изъ Варшавы: «Авось судьба будетъ мнѣ благосклонна и зимой опять заброситъ меня въ матушку Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушковскаго и уничтожатъ всѣ его покушенія, — но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить. Да и охота тебѣ выводить меня изъ заблужденія? — Я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ! Ты знаешь, что полячки, особенно въ Варшавѣ, и хороши, и привлекательны, но божусь тебѣ честью, что ни одной нѣтъ достойной стать на ряду съ нею».

Въ письмѣ отъ 8-го декабря изъ Янова (возлѣ Бреста) мы находимъ: «Жаль, что тебя нѣтъ здѣсь и Ивановой, тогда можетъ быть, я не поѣхалъ бы и въ Москву».

Увлеченіе Ивановой отразилось на многихъ стихотвореніяхъ Давыдова, какъ напримѣръ: «Элегія», «О милый другъ», «Нѣтъ полно пробѣгать». Первое изъ этихъ стихотвореній написано съ большимъ чувствомъ; но поэтъ скоро утѣшился, что видно изъ его словъ въ стихотвореніи «Болтунъ краснорѣчивый», гдѣ проводится мысль, что грустить нечего, а напротивъ, нужно стараться, чтобъ веселѣе жилось и

«Чтобъ хмѣльнѣе быть
«Давай здоровье пить
«Всѣхъ вѣтренницъ извѣстныхъ».

Неудачныя послѣдствія осады Дрездена заставили Давыдова прибѣгнуть къ ходатайству графа А. А. Аракчеева, интересное письмо къ которому напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года. Между прочимъ, въ письмѣ этомъ Давыдовъ говоритъ, «что недовольство начальства за занятіе Дрездена, суть послѣдствія гнусныхъ интригъ противъ него». Онъ проситъ разсмотрѣть всѣ обстоятельства и повысить его чиномъ, такъ какъ всѣ его сверстники обошли его по службѣ. Начальство не обращаетъ на него вниманія, заботясь только о себѣ и никто не хочетъ возобновить въ памяти его императорскаго величества его службу, говоря не по моей части, «какъ будто доводить истину до царя, раздѣлено на части?» (стр. 905).

Разстроившаяся свадьба съ Золотницкой заставила оскорбленнаго поэта написать два стихотворенія: «О ты! смущаешься присутствіемъ моимъ» и «Неужто думаете вы».

Выйдя въ отставку по случаю отказа императора Александра на двукратное представленіе Ермолова о назначеніи Давыдова начальникомъ кавказской линіи, Денисъ Васильевичъ поселился въ Москвѣ съ семьей и мирно проживалъ тамъ до вступленія на престолъ императора Николая. Событія 14-го декабри 1825 года отразились только на семьѣ Давыдова, именно, на двоюродномъ братѣ его Василіѣ Львовичѣ.

Напрасно Южное Общество стремилось завербовать Дениса Васильевича въ ряды свои, онъ отказался, находя цѣли общества лишенными всякаго основанія и несогласными съ его воззрѣніями. «J'aime mieux l'arbitraire d'un grand tyran, mais unique, que l'arbitraire sopoudré d'éloquence d'une masse de petits tyrans» часто говорилъ онъ. («Русская Старина» 1872, т. 2). По объявленіи войны Персіи, Давыдовъ снова поступилъ на службу, участвовалъ въ дѣлахъ у подошвы Алагеза, при урочищѣ Мирахъ и разбивъ Гассанъ-хана заставилъ его бѣжать въ Эривань.

По окончаніи экспедиціи, Давыдовъ занимался постройкой крѣпости Дугелахъ-Оглу, зимой уѣзжалъ на шесть недѣль въ Москву и по возвращеніи своемъ на мѣсто служенія вскорѣ, благодаря интригамъ генерала Паскевича и по слабости здоровья, уѣхалъ на кавказскія минеральныя воды.

По отъѣздѣ Давыдова всѣ его близкіе и родные были удалены изъ края, что заставило его написать письмо графу В. Ѳ. Адлербергу, въ которомъ онъ излагаетъ причины своего отъѣзда изъ арміи и проситъ напомнить Дибичу, чтобы онъ вошелъ съ докладомъ государю о дозволеніи отбыть ему съ водъ обратно въ Россію. Въ тонѣ этого письма просвѣчиваетъ чувство недовольства

И. И. Дибичемъ, такъ полно отразившееся въ «Запискахъ» Давыдова, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ.

Отъ этого времени сохранилось также письмо Давыдова къ графу А. А. Закревскому; въ немъ мы находимъ слѣдующее: «Я теперь живу въ деревнѣ, чуждый и дѣлъ и слуховъ этого міра. Здоровье мое потрясенное не на шутку мерзостью г-на П. начинаетъ поправляться». («Русскій Архивъ» 1866, стр. 909). Изъ стихотвореній за это время имъ были написаны: «Полусолдатъ» въ тонѣ котораго слышится грустная нота.

«А я межъ вами одинокій
«Нѣмою грустію убитъ
. . . .
«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
«На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
«На Эльбѣ, на войнѣ родной,
«На льдахъ Торнео, на Секванѣ.
. . . .
«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
«Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
«Жена, полдюжины ребятъ,
«Да щи, да чарка съ запеканкой!»

Другое стихотвореніе «Душенька», посвященное какой-то красавицѣ, и, наконецъ, третье «Зайцевскому поэту-моряку». Въ послѣднемъ стихотвореніи снова звучитъ элегическая нота. Поэтъ говоритъ, давно ли онъ участвовалъ въ бояхъ и веселился.

«Давно ль........ Но забвеньемъ судьба меня губитъ.
«И лира нѣмѣетъ, и сабля не рубитъ».

Въ 1831 году, при возстаніи Польши, имѣя уже шесть человѣкъ дѣтей, Давыдовъ снова выпросился въ дѣйствующую армію. Ему былъ порученъ отрядъ, состоявшій изъ трехъ казачьихъ и одного драгунскаго полковъ. Давыдовъ взялъ приступомъ Владиміръ на Волыни, одержалъ побѣду надъ корпусомъ Уржановскаго, участвовалъ въ сраженіи подъ Лисобинами, отбилъ при Казиміржѣ корпусъ Ружицкаго и по усмиреніи возстанія получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, чинъ генералъ-лейтенанта и затѣмъ окончательно вышелъ въ отставку.

Польское возстаніе описано имъ въ «Запискахъ партизана», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», 1872 года.

Касаясь въ предисловіи либеральнаго духа, господствовавшаго въ первую половину царствованія императора Александра I-го до вліянія на него Меттерниха, Давыдовъ говоритъ: «Я можетъ быть ошибаюсь, но тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ томъ, что не желудкамъ нашего нравственно-хилаго вѣка переваривать такую пищу, какъ свобода; на это потребны желудки древнихъ грековъ и римлянъ, которые могли безвредно насыщаться и пресыщаться ею. Ихъ могучая природа принимала съ пользою благодать ниспосы-

лаемую благимъ провидѣніемъ народамъ, исполненнымъ любви и самоотверженія и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но мы, проникнутые космополитизмомъ, именуемымъ любовью къ человѣчеству, какъ будто бы: люблю всѣхъ не означаетъ—никого не люблю, кромѣ самого себя; мы бездушные и жалкіе скептики, безпощадно анализирующіе все святое, мы чахлые, гнилые и вполнѣ прозаическіе,—мы не должны дерзать мыслить о свободѣ. Нѣтъ, надо сперва постараться сдѣлаться достойными этой небесной манны и лишь тогда она сама собой снизойдетъ къ намъ съ неба, но пока всепоглощающее *я* будетъ единымъ кумиромъ, единымъ рычагомъ всей нашей дѣятельности, всѣ наши усилія и стремленія будутъ тщетны. Нашъ удѣлъ до того времени одинъ: либо рабство, либо анархія, удѣлъ римлянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели и любви къ отечеству, въ то преступное нравственное растлѣніе, въ то утонченное себялюбіе, въ коихъ мы нынѣ такъ погрязли» (стр. 6.).

Послѣ этихъ общихъ разсужденій, авторъ переходитъ къ изложенію самыхъ событій 1831 года; боясь утомить читателя выписками, мы не можемъ удержаться, чтобы не привести мыслей Давыдова относительно арміи того времени и характеристики Дибича.

Говоря о существовавшей тогда системѣ обученія войска, которое готовилось «не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ», тратя время на изученіе ремешковъ и уставовъ, Давыдовъ заканчиваетъ такъ: «Грустно думать‘ что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ, ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мнѣ уже состаравшемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено толпой неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ не допускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ» (стр. 27).

Вчитавшись въ эти вѣщія слова, невольно поражаешься ихъ суровой и грустной справедливостью. Надо помнить, что это было писано почти за четверть вѣка до Крымской кампаніи, которая такъ блистательно оправдала печальныя предположенія Давыдова.

Говоря во второй части своихъ «Записокъ» о Дибичѣ, Давыдовъ низводитъ съ пьедестала Забалканскаго героя и, кромѣ критическаго разбора его военныхъ дѣйствій, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Клеймо проклятія горитъ на его (Дибича) памяти въ душѣ каждаго россіянина, кто бы онъ ни былъ—другъ ли его или человѣкъ имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній (стр. 312). Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѣхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ появленіи. Произошло однако то, что должно было произойти. Одержанные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспрянувшихъ и имъ вовсе не предвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть весьма затруднительно (стр. 318).

«Вотъ тотъ, кому Россія обязана семимѣсячной отсрочкой въ покореніи царства Польскаго, отсрочкою въ глазахъ ея порицателей столь предосудительной государству, употребившему не болѣе времени, чтобъ побѣдить самого Наполеона и его Европейскую Армаду, но повторяю, корень зла скрывается не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича!»

Въ то же время Давыдовымъ было написано стихотвореніе на Дибича, озаглавленное «Голодный песъ», впервые напечатанное въ «Русской Старинѣ» 1872 г. Изъ этого стихотворенія, написаннаго чрезвычайно зло, мы беремъ болѣе характерныя строки:

«Адріанополь
«Безъ битвъ у ногъ,
«Константинополь
«Въ чаду тревогъ;
«Чтожъ ты, зѣвака,
«Повѣсилъ носъ?
«Хватай, собака,
«Голодный песъ.

. . . .

. . . .

«Все это жжется,
«Я, братъ, привыкъ,
«Что такъ дается.
«Царьградъ великъ,
«Боюсь я ляха! и т. д.

Обнародованіе «Записокъ» Давыдова вызвало въ «Русской Старинѣ» 1884 года, слѣдующую замѣтку К. В. Чевкина:

«Записки Давыдова весьма любопытны по событіямъ, до коихъ относятся, и по личности автора; онѣ любопытны, но мало по-

лезны для исторической истины и еще менѣе для доброй славы Д. В.—до такой степени факты дѣйствительные перемѣшаны съ вымышленными или искаженными, а мысли дѣльныя съ пустыми и неосновательными». Далѣе К. В. Чевкинъ выражаетъ несогласіе съ мнѣніемъ и желчной местью Давыдова «противъ многихъ сподвижниковъ русской славы, къ числу коихъ нельзя не причислить и Дибича, и Паскевича».

Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ сужденія обоихъ являются далеко не безпристрастными. Дѣло въ томъ, что недовольство Давыдова противъ Дибича, начавшееся еще на Кавказѣ и укрѣпившееся послѣ участія послѣдняго въ отставкѣ Ермолова, отразилось вполнѣ въ «Запискахъ партизана». Съ другой стороны К. В. Чевкинъ не можетъ явиться по отношенію къ И. И. Дибичу безпристрастнымъ судьей, такъ какъ онъ «благоговѣлъ передъ его памятью и питалъ къ нему чувства сыновнія въ лучшемъ смыслѣ этого слова». (И. Н. Божеряновъ. Памяти Давыдова, 1824. Іюль).

Теперь обратимся къ обзору послѣднихъ лѣтъ жизни Давыдова.

Послѣдніе годы своей жизни Денисъ Васильевичъ провелъ большей частью въ своемъ имѣніи Маза, Симбирской губерніи, гдѣ, «мѣшая съ забавой дѣло», занимался охотой и литературой. Иногда дѣла заставляли его покидать свое помѣстье, посѣщать Петербургъ, Москву, Владиміръ, Пензу, гдѣ всюду обширный кругъ знакомыхъ иногда надолго удерживалъ его. Судьбѣ угодно было, чтобы въ бытность свою въ Пензѣ, онъ познакомился съ дочерью тамошняго помѣщика Е. Д. Золотаревой.

Молодая дѣвушка, выдающагося ума и образованія, красавица, понравилась поэту и онъ вспыхнулъ тѣмъ жаромъ, которымъ горятъ только въ его лѣта, забывая, что онъ женатъ, и что у него шестеро дѣтей. При чтеніи его 57-ми писемъ къ ней (любезно доставленныхъ намъ сыномъ покойной Евгеніи Дмитріевны, Анатоліемъ Васильевичемъ Мацневымъ, которому приносимъ за это глубокую признательность) невольно вспоминается Пушкинскій стихъ:

«И можетъ быть на мой закатъ печальный
«Блеснетъ любовь улыбкою прощальной».

Переписка велась на французскомъ языкѣ, письма по большей части длинныя, но есть и небольшія записки, набросанныя какъ видно второпяхъ и наскоро. Печатаніе всей переписки не можетъ представить интереса: въ ней слишкомъ много личныхъ отношеній, чисто дѣловыхъ вопросовъ и намековъ, понятныхъ лишь для лицъ хорошо знакомыхъ съ семейными обстоятельствами, какъ Золотаревыхъ, такъ и Давыдова.

Переписка завязалась сначала робко, боязливо, но потомъ развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Не смотря на мольбы и увѣренія Давыдова, Евгенія Дмитріевна боялась писать, что весьма понятно въ молоденькой дѣвушкѣ. Не смотря на честное слово Давыдова,

Евгенія Дмитріевна продолжала не довѣрять его скромности и онъ съ лихостью отставного гусара пишетъ ей, «что можетъ только ей простить сомнѣніе въ его словѣ, а то каждаго онъ съумѣлъ бы заставить вѣрить ему». «При томъ же, — откровенно замѣчаетъ онъ, — сохраненіе тайны переписки также дорого ему, человѣку женатому».

Намъ кажется, что увлеченіе Е. Д. Золотаревой было вызвано именно горячей натурой поэта, нуждавшейся въ предметѣ поклоненія. Это заставило его говорить языкомъ страсти, что вызвало со стороны Евгеніи Дмитріевны нѣкоторое неудовольствіе. (Писемъ Е. Д. Золотаревой не сохранилось, но приведенный ниже отрывокъ выписанъ Давыдовымъ въ одномъ изъ его писемъ. Она писала: «Le language passioné que vous tenez dans la lettre, que je viens recevoir, me fait frémir; pourquoi empoisonner le charme de cette correspondance, qui me ravit». (Страстный языкъ, которымъ вы выражаетесь, заставляетъ меня трепетать; зачѣмъ отравлять всю прелесть этой переписки, которая меня такъ восхищаетъ [1]).

Въ отвѣтъ на продолжающіяся изліянія, она предлагаетъ ему дружбу. Глубоко огорченный этимъ Давыдовъ пишетъ: «Vous avez le courage de me proposer l'amitié, mais, cruelle amie! l'amour n'est-il pas comme la vie, qui une fois éclose, ne revient plus au néant. Soyez donc franche une fois dans la vie; voulez-vous vous débarasser de moi, qui, je le sens, vous pèse et vous importune. Tuez moi raide, enfoncez moi le couteau au coeur sans sourciller en me disant: je ne vous aime pas, je ne vous ai jamais aimé, tout de ma part n'était que tromperie, je me suis amusée.

«Что пользы мнѣ въ твоемъ совѣтѣ?
«Когда я съединилъ и пламенно люблю
«Весь Божій міръ въ одномъ предметѣ
«И въ одномъ чувствѣ жизнь мою!»

(У васъ хватаетъ смѣлости предлагать мнѣ дружбу, жестокій другъ! Любовь подобна жизни, которая разъ утраченная не возвращается болѣе. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни, — вы хотите отдѣлаться отъ меня, который, я это чувствую, гнететъ и безпокоитъ васъ. Убейте меня, вонзите не поморщась мнѣ ножъ въ сердце, говоря: я васъ не люблю, я никогда васъ не любила, все съ моей стороны было обманъ, я забавлялась!)

Вся переписка ведена въ тонѣ вышеприведеннаго отрывка. Письма Давыдова полны вздоховъ, слезъ, стоновъ и, вспомнивъ года влюбленнаго, нельзя иногда не улыбнуться его сентиментальности. Страдая отъ молчанія и не получая долго писемъ отъ Золотаревой, онъ сознается, что плачетъ цѣлые дни какъ ребенокъ.

---

[1]) Мы всюду сохранили ороографію подлинниковъ.

Удивляется холодности ея писемъ (des lettres à la glace), но благодаритъ и за нихъ, видя пощаду своимъ мýкамъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «Какъ не вспомнить:

«Унеслись невозвратимыя
«Дни тревогъ и милыхъ бурь
«И мечты мои любимыя,
«И небесъ моихъ лазурь».

«Но долженъ ли я былъ ожидать иного, когда я видѣлъ при самой минутѣ моего отъѣзда улыбку вмѣсто печали, что мнѣ внушило дорогою:

«Не глядитъ она, печальная,
«На пролетъ надеждъ моихъ,
«Не дрожитъ слеза прощальная
«На рѣсницахъ молодыхъ!»...

Видясь каждый день съ предметомъ обожанія, онъ находитъ, что свиданія ихъ рѣдки, назначаетъ мѣста встрѣчъ, и уѣзжая въ деревню или въ Москву, говоритъ: «что только одиночество можетъ его утѣшить».

Иногда Давыдовъ завидуетъ Евгеніи Дмитріевнѣ, ея веселью, ея молодости, ея развлеченіямъ; ему хочется, чтобы въ разлукѣ съ нимъ она грустила и плакала, какъ онъ. Отраженіе этого чувства, помимо писемъ, мы находимъ въ посвященномъ ей стихотвореніи:

«Тебѣ легко, ты весела,
«Ты радостна, какъ утро мая»...

«А я? Я плачу какъ дитя, приникнувъ къ изголовью». Чувство грусти и тоски не мѣшаетъ Давыдову посѣщать балы, описаніе которыхъ онъ даетъ въ своихъ письмахъ.

Въ письмѣ отъ 27-го ноября мы находимъ:

«J'ai été encore à un autre bal, celui de Prince Scherbatoff dont la maison et renommée pour réunir la plus haute société d'ici. Il est marié à une polonaise de basse extraction, qu'il a fait, pour ainsi dire, élever ainsi que ses deux filles à Paris, où il a passé une dizaine d'années; c'est de là que toute cette famille arrive. L'hôtel qu'elle habite ici, est une espèce de palais et arrangé dans le meilleur goût, tout est bronze, meubles de Paris, et tableaux du plus grand prix». (Я былъ еще на другомъ балу, а именно: на балу князя Щербатова, домъ котораго предназначенъ для собранія здѣшняго высшаго общества. Онъ женатъ на полькѣ низкаго происхожденія, которую онъ, такъ сказать, воспиталъ съ своими двумя дочерьми въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ; теперь вся семья пріѣхала оттуда. Домъ, который они занимаютъ, какъ дворецъ, отдѣланъ съ большимъ вкусомъ, все бронза, парижская мебель и драгоцѣнныя картины).

Въ письмѣ отъ 10-го января Давыдовъ пишетъ: «J'étais au grand bal masqué du G. Gouverner, qui fut vraiment magique par la richesse des parures; il y avait plus de 600 personnes, toutes magnifiquement costumées. Le Pont des Maréchaux a dévoré cent mille roubles, compte fait. On a acheté pour 1,000 r. de gravures, qui ont servi de modèle aux costumes. Au bal masqué de l'Assemblée j'ai été intrigué par plusieurs masques, qui presque toutes m'ont demandé des nouvelles de Penza et de mon amour, sans vous nommer cependant. Une femme mascuée m'a parlé d'elle-même: disant me connaître et m'aimer, cela m'a fait rire, et je lui répondis: Je vous plains, Madame, vous ayant fait sans m'en douter tant d'infidélités pendant ce laps de temps je me trouve indigne de votre amour; et elle disporut. Mais à la sortie, deux autres femmes masquées jusquaux dents, sont venues se placer à coté de moi, pendant que j'étais assis dans le vestibule pour attendre ma voiture. Ne voilà-t-il pas que l'une d'elles se penche à mon oreille (ma femme était de l'autre coté de moi) et me dit doucement: depuis quand Général êtes Vous de nos contrèes?—De quelles contrées, Madame?—de Penza—à ce mot je tressailli et ne puis d'abord lui répondre, que par un soupir involontaire et à demi étouffé, mais après je lui dis:—depuis deux mois—mais dites done qui êtes vous? Vous êtes donc de ce pays, au quel je rêve sans cesse! Mais qui était donc cette dame? Jusqu'à prèsent c'est un énigme pour moi—hélas, comme toutes les femmes. La spirituelle C-e Rostopchin, que j'ai reconnu de suite, m'aborda aussi, mais celle-lá avee une impertinence; vous sentez bien, que je ne suis pas resté en faute; la mienne était si bien tournée, qu'elle partit comme un éclair, poursuivie des rires et des huits de ceux qui entendirent ma riposte». (Былъ на большомъ маскарадномъ балѣ генералъ-губернатора, который былъ по истинѣ волшебенъ богатствомъ драгоцѣнностей. Было болѣе 600 человѣкъ, великолѣпно костюмированныхъ. Кузнецкій Мостъ по счетамъ поглотилъ 100 тысячъ рублей. Картинокъ, по которымъ дѣлали костюмы, было куплено на 1,000 рублей. На маскарадѣ въ собраніи меня интриговали нѣсколько масокъ, спрашивавшія у меня новостей изъ Пензы, и о моей любви, не называя именъ, конечно. Одна маска говорила мнѣ о себѣ и увѣряла, что знаетъ и любитъ меня. Это заставило меня смѣяться, и я сказалъ ей: Я васъ сожалѣю, сударыня, такъ какъ за этотъ промежутокъ времени я, самъ того не подозрѣвая, столько разъ измѣнялъ вамъ, что чувствую себя недостойнымъ вашей любви; она исчезла. При выходѣ, когда я, сидя въ передней, ожидалъ моей кареты, двѣ маски усѣлись около меня. Одна изъ нихъ наклоняется къ моему уху (жена моя была съ другой стороны) и спрашиваетъ: давно ли вы, генералъ, изъ нашихъ мѣстъ?—Изъ какихъ мѣстъ, сударыня?—Изъ Пензы! При этомъ словѣ я взрогнулъ и не могъ ей ничѣмъ отвѣтить, кромѣ неволь-

наго полуподавленнаго вздоха, но потомъ я ей сказалъ:—Уже два мѣсяца! Но скажите кто вы, изъ той ли вы мѣстности, о которой я постоянно мечтаю?—Кто была эта дама? До сихъ поръ она осталась для меня загадкой, впрочемъ какъ всѣ женщины! Умная графиня Ростопчина, которую я сейчасъ узналъ, обратилась также ко мнѣ, но съ дерзостію. Вы конечно поймете, что я не остался въ долгу у ней: отвѣтъ мой былъ такъ удаченъ, что она скрылась, какъ молнія (сопровождаемая смѣхомъ и возгласами слышавшихъ мое возраженіе).

Въ письмахъ Давыдова мы часто находимъ указанія на посылку книгъ и нотъ, причемъ не безъинтересными являются его отзывы о нихъ. Такъ, въ одномъ письмѣ мы находимъ слѣдующее:

«Vous me dites toujours qu'en fait de romans même, vous n'aimez que les moins frivoles. J'ai donc ècrit la dessus á Bellizard mon libraire, qui vient de m'envoyer un des fameux de A. Dumas. Je ne sais s'il est digne de vous être offert, je ne l'ai pas lu, car je viens de le recevoir hier, et vous l'envoie aujourd'hui. Je vous envoie повѣсти Пушкина, lisez les, je suis sûr que vous les placerez bien au dessus de Павловъ. Surtout «Выстрѣлъ» que Пушкинъ m'a lu luimême un couple de fois, et que je relis avec plaisir». (Вы всегда говорили мнѣ, что изъ романовъ вы любите всегда менѣе игривые. Я писалъ такъ моему поставщику Белизару и онъ мнѣ прислалъ одинъ изъ знаменитыхъ А. Дюма. Я не знаю, достоинъ ли онъ быть вамъ предложеннымъ, я его не читалъ, такъ какъ получилъ только вчера, а сегодня посылаю вамъ. Также посылаю повѣсти Пушкина, прочтите ихъ, я увѣренъ, что вы ихъ будете ставить гораздо выше Павлова. Особенно «Выстрѣлъ», который Пушкинъ самъ мнѣ читалъ много разъ и я перечитываю его съ большимъ удовольствіемъ).

Въ другой разъ Давыдовъ пишетъ, что посылаетъ романъ Бенжаменъ Констана «Adolphe», и замѣчаетъ при этомъ, что это замѣчательный романъ, и написанъ знаменитымъ романистомъ. Также рекомендуетъ онъ прочесть «Les feuilles d'automne» Виктора Гюго и романъ «Léliа». Проведя какъ-то вечеръ у генерала Орлова, онъ пишетъ, что слышалъ тамъ «la fameuse M-lle Barténeff», которая пѣла, и у нея онъ досталъ нѣсколько арій и романсовъ, каковые и прилагаетъ. Въ другой разъ онъ присылаетъ два романса Верстовскаго и музыку къ его стихотворенію «Къ рѣчкѣ». Переписка Давыдова, гдѣ на каждой страницѣ, чуть не по десяти разъ, встрѣчаются слова: ma vie, mon ange, ma déesse и т. п. не могла долго продолжаться въ такомъ страстномъ тонѣ. И дѣйствительно въ нѣкоторыхъ письмахъ начинаютъ проявляться отблески, какъ бы зарницы будущихъ грозъ. Все чаще и чаще попадаются его упреки на молчаніе и оставленіе его вопросовъ въ письмахъ безъ отвѣта. Охлажденіе послѣдовало не съ его стороны,

и первый толчекъ къ прекращенію переписки былъ поданъ не имъ. Въ его послѣднемъ письмѣ находимъ слѣдующее:

«Je savais bien que tout devait se terminer ainsi; mais cela n'amortit pas le coup. Tout est fini pour moi; plus de présent, plus d'avenir! le passé seul me reste, or ce passé est dans les lettres que je vous ai écrit durant mes deux années et demie de bonheur!» (Я знаю хорошо, что это должно такъ кончиться, но это не облегчаетъ удара. Все кончено для меня; нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго! мнѣ осталось только прошлое и все оно заключается въ этихъ письмахъ, которыя я вамъ писалъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ счастья).

Далѣе слѣдуетъ просьба о возвращеніи писемъ и портрета. Изъ этого же письма видно, что Евгенія Дмитріевна была уже невѣстой, а слѣдовательно всякая переписка должна была прекратиться. Е. Д. Золотаревой были посвящены почти всѣ послѣдніе напѣвы Давыдова, какъ напримѣръ:

«Я васъ люблю безъ страха, опасенья,
«Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,
«Я могъ бы васъ любить глухимъ, лишеннымъ зрѣнья...
«Я васъ люблю затѣмъ, что это вы!»

Затѣмъ: «На голосъ извѣстной русской пѣсни», указаніе на что мы имѣемъ въ приведенной выше перепискѣ, «Рѣчка», «Море воетъ», «Вальсъ» и наконецъ «Выздоровленіе». Въ послѣднемъ говорится:

«Прошла борьба моихъ страстей,
«Болѣзнь души моей мятежной,
«И призракъ пламенныхъ ночей,
«Неотразимый, неизбѣжный.
«И милыя тревоги милыхъ дней,
«И языка несвязный лепетъ,
«И сердца судорожный трепетъ,
«И смерть и жизнь при встрѣчѣ съ ней...
«Исчезло все!...»

Стихотвореніе «Море воетъ» было озаглавлено Давыдовымъ первоначально «И моя звѣздочка» и должно было быть напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія», но г. Араповъ «un homme á l'art de tout gâter», напечаталъ его въ «Сѣверной Пчелѣ», что безпокоило Давыдова, такъ какъ онъ не хотѣлъ печататься въ летучихъ изданіяхъ. Объ этомъ есть указанія въ перепискѣ Давыдова съ Е. Д. Золотаревой и съ Языковымъ. Работая постоянно въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго и «Современникѣ» Пушкина, Давыдовъ отдѣлывалъ свои прозаическія произведенія, напр. «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія» и зоркимъ окомъ слѣдилъ за всѣми политическими и литературными событіями. Такъ, въ перепискѣ съ Языковымъ мы находимъ его отзывы о драмѣ Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла» и о «Само-

званцѣ». Въ перепискѣ съ Языковымъ онъ, часто жалуясь на свое болѣзненное состояніе, не перестаетъ посылать ему стихи и требуетъ, чтобы тотъ давалъ о нихъ отзывы.

Онъ переписывается съ Баратынскимъ, Пушкинымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ (къ послѣднему особенно забавно письмо при отсылкѣ уса) и пишетъ эпиграммы. Такъ одна—«Мериносъ собакой сталъ»—написана на И. В. Сабурова, «О ты убившій жизнь»—на Бекетова. Увлеченіе не помѣшало ему написать нѣжное стихотвореніе, посвященное С. А. Кушкиной:

«Вы личикомъ—паѳосскій богъ»...

За это время имъ были написаны лучшія его стихотворенія въ лирическомъ родѣ: «Я помню глубоко» и лучшее его сатирическое стихотвореніе: «Современная пѣсня». Въ этомъ стихотвореніи, полномъ чисто русскаго юмора и намековъ, онъ отмѣтилъ то глубокое недовольство на существующій порядокъ, которое бродило въ обществѣ. Давыдовъ показалъ всю ничтожность этихъ недовольныхъ, стремившихся перекроить всю Европу по своему. Онъ сравнилъ ихъ съ мошками, которыя стараются безпокоить Россію:

«Но на зло врагамъ, она
«Все живетъ и дышетъ,
«И могуча, и грозна,
«И здоровьетъ пышетъ.
«А когда, во время сна,
«Моль иль таракашка
«Заползетъ ей въ носъ—она
«Чхнетъ—и вонъ букашка!»

Изъ переписки Давыдова съ Языковымъ отмѣтимъ только слѣдующее:

Какъ-то разговаривая съ Марьей Антоновной Нарышкиной, на слова ея: «Davidoff est pour suivantes», Давыдовъ отвѣтилъ ей: «Que voulez-vous, Madame, elles sont plus fraîches». Онъ передалъ мимоходомъ этотъ разговоръ Пушкину, а тотъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, увѣковѣчилъ эти двѣ фразы поставивъ ихъ эпиграфомъ ко второй главѣ «Пиковой дамы».

Получивъ извѣстіе о смерти Пушкина, Давыдовъ писалъ Языкову: «Знаете ли нашу общую горесть? Пушкинъ, нашъ славный Пушкинъ, убитъ на дуэли. Онъ приревновалъ жену свою—и, какъ всѣ увѣряютъ, напрасно, она даже не кокетствовала, а какой-то Дантесъ, кавалергардскій офицеръ (и побочный сынъ голландскаго короля) давно уже искалъ всѣми средствами компрометировать ее въ обществѣ. Пушкинъ закипѣлъ, какъ Отелло, вызвалъ Дантеса на дуэль, ранилъ его сильно, но самъ палъ. Пуля вошла въ брюхо и остановилась въ кишкахъ; онъ умеръ черезъ три часа по полученіи раны. Я такъ разстроенъ этимъ извѣстіемъ, что нѣтъ силъ писать вамъ болѣе. C'est une calamité publique!»

Незадолго до своей кончины, Давыдовъ ходатайствовалъ о перенесеніи тѣла кн. Багратіона изъ имѣнія Симы (имѣніе кн. Голицыныхъ Владимірской губ.), гдѣ оно покоилось, или въ Александроневскую лавру, или на Бородинское поле. «Въ первомъ случаѣ, говоритъ Давыдовъ, знаменитый питомецъ легъ бы возлѣ великаго наставника; во второмъ, великая жертва сочеталась бы съ великимъ событіемъ». Государь приказалъ перенести прахъ Багратіона, и Давыдову, какъ адъютанту покойнаго, повелѣно было сопровождать его.

Въ письмѣ отъ 20-го марта 1839 г. Давыдовъ пишетъ Ермолову, жалуясь на свою болѣзнь, слѣдующее: «Сверхъ того, если честь сего перемѣщенія возложена будетъ на меня, честь,—которую я приму за истинное благодѣяніе, то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распорядиться по сему случаю». («Р. Арх.» 18—66, стр. 915). Но Давыдовъ не дожилъ до этой чести и 23-го апрѣля того же года его не стало.

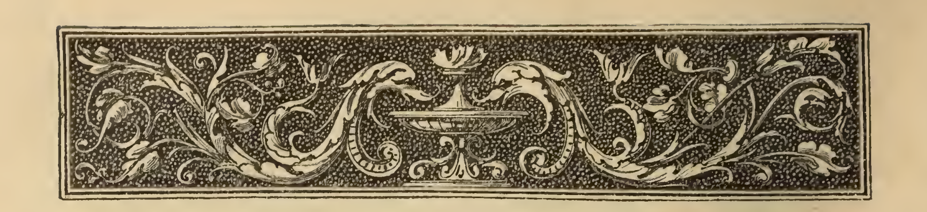
Извѣстіе о кончинѣ его заставило Жуковскаго въ «Бородинской годовщинѣ» сказать:

«И боецъ, сынъ Аполлона,
«Мнилъ онъ гробъ Багратіона
«Проводить въ Бородино,—
«Той награды не дано:
«Вмигъ Давыдова не стало!
«Сколько славныхъ съ нимъ пропало
«Боевыхъ преданій намъ!
«Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!»

Мы кончили нашъ очеркъ. Стараясь собрать разнообразный матеріалъ, разбросанный въ историческихъ журналахъ, въ письмахъ, произведеніяхъ и мнѣніяхъ современниковъ Давыдова, мы старались возстановить его образъ передъ читателями и подтвердить его характеристику, сдѣланную имъ самимъ въ его автобіографіи.

«Миръ и спокойствіе—о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣетъ войною—и онъ уже тутъ торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ—и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ; въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ ли художествъ, въ подвигахъ ли: военномъ или гражданскомъ; въ словесности ли—вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея—вотъ Давыдовъ!»

А. Осиповъ.



ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1].

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому и Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

VII.

На службѣ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ,—Любезность Клингенберга.— Выгодная квартира. — Знакомство съ А. Ѳ. Шелономъ. — Его краткая біографія. — Переводъ статистики Гродненской губерніи. — Шелонъ доставляетъ мнѣ занятія. — Подготовленіе къ дѣятельности преподавателя исторіи. — Отдѣленіе отпѣтыхъ.—Отношеніе Михаила Павловича къ строевой подготовкѣ корпусовъ.— Репетиціи Толстого. — Просьба кадета 2-го корпуса. — Пріемъ ординарцевъ Михаиломъ Павловичемъ. — Выступленіе корпуса въ лагерь. — Привалъ близь дома умалишенныхъ. — Дѣвица Богговутъ. — Заря съ церемоніей. — Императоръ самъ производитъ ученіе.—Производство выпускныхъ и рѣчь государя. — Печальный случай съ двумя выпускными. — Гуманность Ростовцева. — Мое намѣреніе перейти на службу въ Полтаву. — Кіевъ. — Разсказы о генералѣ Ротѣ.

Семнадцатаго іюня 1839 года, я прибылъ въ Петербургъ и на другой же день представился директору корпуса, Карлу Ѳедоровичу Клингенбергу. Пріемъ, оказанный мнѣ генераломъ, былъ самый радушный, напоминавшій его отеческое обращеніе съ нами во время нашего нахожденія въ Павловскомъ корпусѣ. Въ его вопросѣ: какъ доѣхалъ и есть ли средства для заготовленія новаго обмундированія?—я понялъ намекъ на мой довольно уже потертый мундиръ. Дѣло въ томъ, что во время моего пребыванія въ деревнѣ у брата, случился пожаръ, при чемъ вся моя обмундировка сго-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL, стр. 610.

рѣла. Нисколько не стѣсняясь, я высказалъ Клингенбергу всю затруднительность моего положенія. Клингенбергъ заставилъ меня написать объ этомъ рапортъ, послалъ меня съ нимъ къ Ростовцеву и я получилъ очень солидную по тому времени сумму.

Корпусъ былъ въ лагерѣ. Меня прикомандировали къ остававшейся въ Петербургѣ неранжированной ротѣ. Квартиру я себѣ нашелъ очень скоро, по второй ротѣ Измайловскаго полка, на столь выгодныхъ условіяхъ, что теперешнимъ жителямъ Петербурга это можетъ показаться чуть ли не баснею: за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ я получилъ двѣ чистенькія комнаты съ окнами на улицу, при передней, во второмъ этажѣ, со столомъ въ три блюда по буднямъ и въ четыре по праздникамъ; въ дни же когда у меня соберется кто-нибудь изъ товарищей, мнѣ полагался и ужинъ въ два блюда. Кромѣ того, хозяйка должна была кормить и моего денщика.

Вскорѣ вмѣстѣ со мною поселился мой однокашникъ, подпоручикъ Семеновскаго полка Карцевъ, вышедшій изъ корпуса позже меня. Онъ потерялъ право пользоваться казенною квартирою, вслѣдствіе поступленія въ Военную Академію. Какъ судьба играетъ людьми! Въ корпусѣ, будучи фельдфебелемъ, я былъ начальникомъ Карцева; при сожительствѣ на одной квартирѣ, я былъ старше его чиномъ, а впослѣдствіи, когда Карцевъ былъ помощникомъ главнокомандующаго кавказскою арміей его высочества Михаила Николаевича, я получилъ, по его дружескому ко мнѣ участію, послѣ переформированія корпусовъ въ военныя гимназіи, 30-й кавказскій линейный баталіонъ, то-есть не только поступилъ въ подчиненіе къ нему, но сталъ неизмѣримо ниже его на лѣстницѣ ранговъ и служебнаго положенія. Вотъ какъ измѣняются роли! Не измѣнился только въ своей душѣ Александръ Петровичъ: и въ Тифлисѣ, гдѣ мнѣ приходилось часто встрѣчаться съ нимъ, и въ Харьковѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ военнаго округа, онъ оказывалъ мнѣ самое дружеское расположеніе.

Поустроившись, я сдѣлалъ визиты всѣмъ служащимъ. Инспекторъ классовъ, А. Ѳ. Шелонъ, повидимому, былъ радъ увидѣть меня. Во время моего пребыванія въ корпусѣ, Шелонъ былъ помощникомъ инспектора классовъ и преподавателемъ фортификаціи. Послѣднее обстоятельство крайне всѣхъ удивляло, такъ какъ фракъ, да и самая его фигура, съ кривыми, вывороченными ногами, никакъ не допускала мысли, чтобы онъ могъ читать какую-нибудь военную науку. Несмотря на скромную фигуру Шелона, нашъ инспекторъ, полковникъ Верещагинъ, ровно ничего не значилъ безъ своего помощника. Личность Шелона дѣйствительно заслуживаетъ особаго вниманія. Окончивъ курсъ въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ домѣ, въ 1820 году, онъ, вслѣдствіе физической неспособности къ военной службѣ, былъ выпущенъ съ чиномъ

14-го класса и, не имѣя никого изъ родственниковъ, былъ радъ-радешенекъ, что директоръ корпуса помѣстилъ его въ свою канцелярію на грошевое содержаніе. Усиленныя канцелярскія занятія, при всемъ желаніи усовершенствовать свое образованіе, не дозволяли ему посѣщать университетскія лекціи. На его счастіе въ корпусѣ открылась вакансія на должность библіотекаря. Его сдѣлали библіотекаремъ. Окруженный книгами, проводя дни и ночи въ своей библіотекѣ, онъ самоучкой изучилъ французскій языкъ, усвоилъ и по другимъ предметамъ такія прочныя свѣдѣнія, что въ тридцатыхъ годахъ былъ уже главнымъ редакторомъ издаваемаго тогда Плюшаромъ «Энциклопедическаго лексикона», въ которомъ принимали участіе почти всѣ наши ученые. Обстоятельство это сблизило его со многими выдающимися личностями нашей литературы. Мнѣ самому приходилось не разъ встрѣчать на его вечерахъ Жуковскаго, Плетнева, Кукольника, Греча, Сенковскаго, Даля, Одоевскаго, Языкова и др.

Павловскій корпусъ обязанъ Шелону и подборомъ самыхъ лучшихъ учителей Петербурга. Будучи членомъ и хозяйственнаго комитета, онъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе и на эту отрасль корпусной администраціи, ограничилъ менѣе нужные расходы и всю экономію старался обратить на усиленіе средствъ къ умственному образованію воспитанниковъ. Для хорошихъ учениковъ онъ ничего не жалѣлъ, покровительствовалъ также и тѣмъ, которые особенно старательно занимались однимъ избраннымъ предметомъ. Онъ не стѣснялся переводить послѣднихъ въ высшіе классы и послѣдствіемъ такого умнаго взгляда на дѣло образованія было то, что число тунеядцевъ въ заведеніи дошло до небывалаго minimum'а. Воспитанникамъ послѣдняго рода онъ указывалъ и доставлялъ возможность пользоваться самыми лучшими руководствами къ болѣе пространному изученію избранныхъ ими предметовъ, въ связи съ другими, имѣющими близкое съ ними соприкосновеніе. Такимъ образомъ сама собою устанавливалась спеціальность и въ то же время, когда у насъ она даже поощрялась, воспитанники другихъ заведеній за эти же самыя наклонности исключались вонъ. Къ сожалѣнію, по одному обстоятельству, о которомъ даже прискорбно вспомнить, не давелось Шелону занять мѣсто главнаго инспектора всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, о чемъ предполагалъ ходатайствовать великій князь Михаилъ Павловичъ, высоко цѣнившій заслуги Шелона.

Когда я пришелъ въ первый разъ къ Шелону, онъ сталъ разспрашивать меня о моей службѣ и, узнавъ, что я провелъ семь лѣтъ въ царствѣ Польскомъ и Литвѣ, полюбопытствовалъ: знаю ли я польскій языкъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ меня перевести на русскій языкъ небольшую, тутъ же передъ нимъ лежавшую, брошюру «Статистика Гродненской губер-

ніи». Мой переводъ, надъ которымъ я проработалъ не болѣе четырехъ дней, былъ совершенно одобренъ Шелономъ. Платя любезностью за любезность, онъ предложилъ мнѣ очень выгодное, въ смыслѣ вознагражденія, дѣло: приготовить, правда въ весьма непродолжительное время, одного сынка знатнаго барина къ экзамену изъ фортификаціи для поступленія въ инженерное училище. Не имѣя твердыхъ знаній въ этомъ предметѣ, я было началъ отказываться, но Шелонъ прервалъ мое отнѣкиванье фразою:

— Вотъ вамъ руководство Теляковскаго, просмакуйте его и увидите, что задача не трудна.

Я согласился и достигъ благопріятныхъ результатовъ: мой новый ученикъ сдалъ экзаменъ очень порядочно.

Вслѣдствіе такого удачнаго опыта на поприщѣ преподавательской дѣятельности, Шелонъ предложилъ мнѣ избрать какой-нибудь предметъ для преподаванія въ Павловскомъ корпусѣ. Я остановился на исторіи и началъ серьезно заниматься ею. Впослѣдствіи, уже во время моей бытности въ Павловскомъ корпусѣ, послѣ пробной лекціи, я былъ утвержденъ въ званіи преподавателя всеобщей исторіи.

По возвращеніи баталіона кадетъ изъ лагеря, я былъ назначенъ въ первую роту. По принятому тогда порядку, эта рота состояла изъ воспитанниковъ, не подающихъ особенно блестящихъ надеждъ къ успѣшному окончанію курса наукъ. Самые сомнительные экземпляры находились въ первомъ отдѣленіи. Какъ на зло это отдѣленіе дали мнѣ, назначивъ въ помощь унтеръ-офицера Софьяно (нынѣ генералъ-адъютанта, товарища генералъ-фельцейхмейстера). Правда, спасти отъ выпуска въ юнкера этихъ господъ было невозможно, но принявъ за правило прежде всего гуманное обращеніе, я достигъ, по крайней мѣрѣ, того, что обуздалъ сорванцовъ. Вотъ когда я почувствовалъ призваніе быть воспитателемъ и когда окончательно рѣшилъ не возвращаться въ артилерію.

Въ день Богоявленія, 1840 года, я подвергнулся маленькой непріятности. На парадъ былъ назначенъ сборный взводъ изъ всѣхъ ротъ. На правомъ флангѣ стоялъ кадетъ моего отдѣленія. Когда ко взводу подходилъ Михаилъ Павловичъ и было скомандовано—«на плечо!»—правофланговый задней шеренги такъ сильно задѣлъ штыкомъ киверъ моего кадета, что сдвинулъ его на самые глаза. Великій князь, отнеся это къ плохой пригонкѣ кивера, приказалъ посадить подъ арестъ на гауптвахту какъ ротнаго командира, такъ и отдѣленнаго офицера.

Кстати разсказать здѣсь и о другомъ случаѣ, свидѣтельствующемъ какъ Михаилъ Павловичъ относился къ строевой части въ кадетскихъ корпусахъ.

Не припомню въ мартѣ или въ апрѣлѣ того же 1840 года, великій князь выразилъ крайнее неудовольствіе за неудовлетворительную подготовку взводиковъ, высылаемыхъ корпусами на воскресные разводы. Онъ приказалъ состоявшему при немъ генералу Толстому объѣзжать каждую недѣлю всѣ корпуса какъ для репетицій съ этими взводиками, такъ и для осмотра ординарцевъ, посылаемыхъ по воскреснымъ днямъ во дворецъ его высочества.

При одномъ изъ такихъ посѣщеній генераломъ Толстымъ 2-го кадетскаго корпуса, къ нему подошелъ одинъ изъ воспитанниковъ съ просьбою удостоить его счастія представиться Михаилу Павловичу. Кривоногій, кривобокій, рябой и вообще чрезвычайно неврачный на видъ, кадетъ изумилъ своею просьбою генерала. На вопросъ: какъ онъ учится и ведетъ себя? — директоръ корпуса отозвался о немъ самымъ наилестнѣйшимъ образомъ. Это обстоятельство, при всѣмъ извѣстныхъ требованіяхъ великаго князя, поставило Толстого въ немалое затрудненіе. Надо было посовѣтываться съ Ростовцевымъ, надо было общими силами убѣдить Михаила Павловича склониться на просьбу достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ юноши.

Послѣ долгихъ и полновѣсныхъ представленій, просьба ихъ была уважена, но не иначе, какъ при условіи предупредить его высочество въ минуту представленія этого воспитанника.

На бѣду въ день представленія великій князь смотрѣлъ конногвардейскій полкъ и, оставшись имъ крайне недовольнымъ, возвратился во дворецъ такимъ разсерженнымъ, что къ нему и приступа не было.

Началось представленіе. Подпрапорщиками остался недоволенъ; пажей назвалъ куклами въ мундирахъ; ординарцевъ артилерійскаго, инженернаго училища и 1-го кадетскаго корпуса пропустилъ молчаливо; при взглядѣ же на представлявшихся отъ 2-го корпуса до такой степени расшумѣлся, что душа у всѣхъ ушла въ пятки:

— Это что за чучело?—произнесъ Михаилъ Павловичъ. — Въ насмѣшку что ли прислали мнѣ на показъ такого урода? Какъ смѣете вы, генералъ Мирковичъ, такъ шутить со мною? Сегодня же доложу государю о вашей умышленной дерзости! Въ сторону это безобразіе! Баталіоннаго командира арестовать на мѣсяцъ, ротнаго на два мѣсяца, а эту чучелу высѣчь!

Ноги подкосились у ординарцевъ Павловскаго корпуса и Дворянскаго полка, но пріемъ ихъ прошелъ благополучно.

На силу-на силу, и то только черезъ три дня, удалось Ростовцеву и Толстому умилостивить Михаила Павловича и выпросить всѣмъ прощеніе.

Въ первый день Пасхи, въ числѣ прочихъ получившихъ вы-

сочайшія награды, находился баталіонный командиръ Московскаго кадетскаго корпуса, произведенный въ генералы съ назначеніемъ на должность директора вновь открываемаго Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. Назначеніе Святловскаго крайне заинтересовало меня, какъ уроженца Харьковской губерніи. Зародилась мысль: не перебраться ли въ Полтаву? Мысль эта мало-помалу начала меня преслѣдовать, но привести ее въ исполненіе не представлялось еще возможности.

Вскорѣ наступилъ день выхода военно-учебныхъ заведеній въ лагерь подъ Петергофъ. Сборъ былъ назначенъ у Нарвской заставы къ четыремъ часамъ дня. Прибылъ государь. Отрядъ, какъ и всегда, принялъ его нескончаемымъ «ура». Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ по отдѣленіямъ всѣ корпуса, императоръ приказалъ слѣдовать на ночлегъ въ деревню Лигово. Для привала баталіонъ Павловскаго корпуса, по заведенному съ 1830 года обычаю, расположился на дворѣ дома умалишенныхъ и въ зданіяхъ, прилегавшихъ къ этому дому.

Это гостепріимство устроилъ Павловскому корпусу бывшій его директоръ Никита Васильевичъ Арсеньевъ, получившій мѣсто попечителя такъ называемаго «Желтаго дома». Сюда же Арсеньевъ перетащилъ и бывшаго своего эконома Кандаурова, который и по смерти Арсеньева поддерживалъ это гостепріимство. На привалѣ кадетамъ былъ предложенъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ, жаркое и разныя лакомства. Офицерамъ былъ устроенъ ужинъ съ разливною рѣкою шампанскаго.

Передъ ужиномъ мы попросили разрѣшенія осмотрѣть заведеніе. Нельзя было не замѣтить, какъ свирѣпые на видъ больные ласково относились къ Кандаурову. Посѣтили мы и дѣвицу Боговутъ, помѣщенную сюда еще въ царствованіе императора Александра Павловича. Предметомъ ея помѣшательства былъ самъ императоръ. Въ своемъ довольно хорошемъ помѣщеніи она приняла насъ чрезвычайно привѣтливо; говорила о разныхъ предметахъ такъ разсудительно, какъ, казалось бы, не могъ говорить человѣкъ помѣшанный. По нашей просьбѣ она сыграла одну изъ Бетховенскихъ сонатъ, да такъ сыграла, что мы даже рты разинули.

Послѣ ужина мы тронулись дальше, на ночлегъ, и на другой день отправились на Петергофъ.

Возлѣ дачи Мятлева отрядъ былъ остановленъ. Весь отрядъ переодѣлся и построился по отдѣленіямъ на дорогѣ. Прибылъ изъ Петергофа императоръ и лично повелъ насъ въ лагерь церемоніальнымъ маршемъ.

Здѣсь отрядъ выстроился развернутымъ фронтомъ по баталіонно, вызваны были караулы и произведена вечерняя заря съ церемоніей. Передъ роспускомъ баталіоновъ государь громко произнесъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Живите, поживайте, меня не забывайте! Съ Богомъ!

Сойдя затѣмъ съ лошади, онъ пересѣлъ въ ландо къ императрицѣ, пожаловавшей въ лагерь съ великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевными, и отбылъ въ Александровскій дворецъ.

Такой порядокъ выступленія кадетъ въ лагерь и вступленія въ Петергофъ повторялся ежегодно.

Въ лагерѣ пробыли мы до 12-го августа. Смотры, маневры и линейныя ученья были для кадетъ праздниками. Они рвались изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить батюшкѣ-царю. Государь, конечно, зналъ это чувство къ нему кадетъ и являлся къ нимъ всегда въ отличномъ настроеніи духа. Помню, какъ, сдѣлавши разъ тревогу, онъ началъ производить линейное ученье и самъ, державный, подавалъ сигналы на рожкѣ. Когда же послѣдовалъ сигналъ къ атакѣ, вслѣдъ за нимъ прокомандовалъ своимъ богатырскимъ голосомъ:

— Барабанщики бьютъ, музыканты играютъ, молодцы впередъ выступаютъ.

Линейнымъ ученіемъ, повидимому, кадеты угодили ему. Теперь говорятъ, что это ничто иное, какъ игра въ солдатики. Пусть такъ! Тѣмъ не менѣе кто можетъ утверждать, что эти живыя игрушки-солдатики не отличались такого рода преданностью престолу и отечеству, какою едва ли можетъ похвастаться нынѣшняя молодежь.

Передъ выступленіемъ изъ лагеря, государь прибылъ къ намъ, приказалъ ударить тревогу и лично назначилъ выпускныхъ на различныя должности въ строю своихъ баталіоновъ, для провѣрки знанія ими строевой пѣхотной службы. Оставшись вполнѣ довольнымъ, императоръ тутъ же поздравилъ ихъ съ производствомъ въ офицеры.

По возвращеніи въ Петербургъ, выпускные были обмундированы по формѣ тѣхъ частей, въ которыя выходили, приведены къ присягѣ и представлены Михаилу Павловичу. Сюда же пріѣхалъ и государь.

Осмотрѣвъ обмундированіе, императоръ обратился къ молодымъ людямъ со словами:

— Отпуская васъ на службу, я разстаюсь съ вами, какъ съ своими собственными дѣтьми, при увѣренности, что и вдали отъ меня вы не измѣните тѣхъ чувствъ ко мнѣ, которыми и мое сердце переполнено къ вамъ. Служите честно и примѣрно; я не забуду васъ!

Когда же произведенные сдѣлали безмолвный поклонъ и многія лица приняли чрезвычайно грустное выраженіе, государь прослезился и, уходя, проговорилъ Михаилу Павловичу:

— Эти слезы исторгаются у меня ежегодно.

Не помню хорошо, этого ли или одного изъ ближайшихъ къ

нему выпусковъ, двое воспитанниковъ, уже по производствѣ ихъ въ офицеры гвардіи, впали въ довольно важное преступленіе. Озадаченный директоръ повезъ ихъ къ Ростовцеву, приказавъ не начинать присяги до его возвращенія. По тщательному, хотя и въ высшей степени гуманному, обсужденію вины молодыхъ людей, какъ Ростовцевъ, такъ и директоръ пришли къ заключенію, что если съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ, то они немедленно и навсегда погибнутъ, тогда какъ по своимъ дарованіямъ обѣщаютъ быть вполнѣ полезными слугами отечеству. Вслѣдствіе этого рѣшились прибѣгнуть къ единственному, но и крайне рискованному средству. Призвавъ молодыхъ людей въ свой кабинетъ, Яковъ Ивановичъ заставилъ одного изъ нихъ прочесть вслухъ статью закона, по которой они должны были быть приговорены къ соотвѣтствующему наказанію. Видя ихъ крайнее смущеніе и слезы, Ростовцевъ предложилъ имъ выбрать самимъ наказаніе себѣ.

— Рѣшаемся на все! — отвѣтили молодые люди. — Спасите только насъ!

Избранное самими наказаніе произведено было келейно.

Года черезъ два это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ военному министру, графу Чернышеву, и при извѣстныхъ тогда его отношеніяхъ къ Михаилу Павловичу, онъ доложилъ обо всемъ государю, указывая, что Ростовцевъ, состоя подъ крылышкомъ великаго князя, позволяетъ себѣ неслыханныя вещи.

Потребованный передъ лицо разгнѣваннаго монарха, Ростовцевъ долженъ былъ принять на себя цѣлый потокъ грома и молніи, при угрозѣ быть сосланнымъ туда, куда и Макаръ телятъ не гоняетъ. Молча выслушивалъ Яковъ Ивановичъ грозныя слова императора. Когда же его гнѣвъ началъ, повидимому, утихать, онъ попросилъ разрѣшенія сказать два-три слова въ свое оправданіе. Доводы Ростовцева были на столько полновѣсны и человѣчны, что государь самъ умилился и перемѣнилъ гнѣвъ на милость.

Едва ли кому-нибудь другому могъ сойти съ рукъ описанный случай; но императоръ Николай Павловичъ былъ рыцарской справедливости и умѣлъ цѣнить заслуги Ростовцева, которыя впослѣдствіи сдѣлались еще болѣе важными для всей Россіи. Но здѣсь не мѣсто говорить о нихъ. Онѣ сдѣлались достояніемъ исторіи славнаго царствованія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ привести хотя нѣкоторыя черты характера Якова Ивановича.

Яковъ Ивановичъ былъ человѣкъ превосходной души и сердца. Въ его характерѣ вмѣщались качества и весьма серьезнаго и подчасъ игриваго свойства. Доступъ къ нему былъ открытъ для всѣхъ и каждаго. Не мало случаевъ могъ бы я указать, когда люди, пріѣхавшіе изъ провинціи по дѣламъ въ Петербургъ, не только

незнакомые Якову Ивановичу, но имѣвшіе дѣла въ совершенно другихъ вѣдомствахъ, обращались къ нему за помощью и всегда находили ее.

Не могу не привести одинъ случай, характерно-обрисовывающій доброту и вмѣстѣ съ тѣмъ игривость характера Якова Ивановича:

Лѣтомъ, въ 1840 году, въ Павловскѣ обѣдали у Михаила Павловича его приближенные: Толстой, Криденеръ и Ростовцевъ. Едва кончился обѣдъ, какъ доложили, что какая-то почтенная старушка пришла съ прошеніемъ къ великому князю. Не желая выходить, Михаилъ Павловичъ согласился на просьбу Ростовцева поручить ему объясненіе съ просительницей, при чемъ приказалъ ему назваться великимъ княземъ. Прошеніе старушки, обремененной громаднымъ семействомъ, состояло въ томъ, чтобы вызвать ходатайство его высочества о дарованіи средствъ для возвращенія изъ Сибири ея сосланному и нынѣ прощенному мужу.

Принявъ на себя роль великаго князя, Ростовцевъ предложилъ ей прибыть въ Петербургъ по окончаніи лагернаго сбора.

— Ваше высочество!—сказала старушка,—цѣлые полтора, а, можетъ быть, и два мѣсяца я должна ожидать по вашему приказанію, а между тѣмъ дѣти уже пухнутъ отъ голода.

Въ это время изъ любопытства какъ сыграетъ Ростовцевъ возложенную на него роль, въ пріемную вошли Толстой и Криденеръ.

— Такъ вы, сударыня, говорите, что крайне нуждаетесь въ деньгахъ?—спросилъ Ростовцевъ.

— Ужъ такую терплю, ваше высочество, нужду: одинъ Богъ знаетъ!

— Хорошо! Толстой и ты, Криденеръ, дайте этой достойной дамѣ по сто рублей.

Хотя эти господа и не были особенно обрадованы такимъ сюрпризомъ, но дѣлать нечего: вынули деньги и отдали. Хохоту потомъ было не мало! Старушка же чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Впослѣдствіи она получила еще пятьсотъ рублей на дорогу мужа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Святловскій, съ цѣлью подыскать для Полтавскаго корпуса инспектора классовъ, преподавателей и офицеровъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, я рѣшился обратиться къ нему съ просьбою взять меня къ себѣ. Карлъ Өедоровичъ Клингенбергъ сначала былъ чрезвычайно недоволенъ моимъ планомъ, но узнавъ руководившіе мною мотивы, пересталъ противорѣчить мнѣ и далъ къ Святловскому письмо съ лестной для меня рекомендаціей.

16-го октября состоялся высочайшій приказъ о переводѣ меня въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ, а 1-го ноября я получилъ предписаніе отправиться къ новому мѣсту служенія.

Дорогу я совершилъ, терпя на каждомъ шагу всевозможныя неудобства. То снѣгу слишкомъ много, то его вовсе нѣтъ, то ледоходъ не позволяетъ переправляться черезъ рѣки и т. п. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ добрался я до Кіева.

Впечатлѣніе произведенное на меня Кіевомъ не скажу, чтобы было особенно отрадное. Всѣ гостинницы были биткомъ набиты и мнѣ пришлось остановиться въ маленькой конуркѣ у какихъ-то сестеръ Пановыхъ, отдававшихъ у себя помѣщеніе для проѣзжающихъ. Осмотрѣлъ городъ. Полюбовался и тогда уже красивымъ Крещатикомъ. Лавры осмотрѣть не удалось: не знаю вслѣдствіе чего монахи приняли меня совсѣмъ по сезону страшно холодно и ровно ничего не показали. Удалось только осмотрѣть контрактовый залъ, причемъ я не мало былъ удивленъ разсказомъ, что въ недалекомъ прошедшемъ наши старые гусары въѣзжали въ него верхомъ по мраморной лѣстницѣ и какъ ни въ чемъ не бывало становились въ пары для танцевъ. По тогдашнимъ нравамъ общества такія выходки не считались скандаломъ, и дамы съ восторгомъ принимали приглашенія молодцовъ-проказниковъ гусаръ. Впослѣдствіи, въ Полтавѣ, мой знакомый, генералъ Граве, не только подтвердилъ этотъ разсказъ, но и разсказалъ мнѣ много уморительныхъ и смѣлыхъ фортелей своихъ товарищей. Козломъ отпущенія большей части этихъ дурачествъ былъ ихъ корпусный командиръ, генералъ Ротъ, личность довольно комичная. Разскажу два-три эпизода мнѣ сообщенные.

Квартируя въ городѣ Балтѣ и чувствуя нерасположеніе къ своему главному начальнику, гусары устроили церемоніальныя похороны, по всѣмъ правиламъ церковнаго устава. Обязанности священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и пѣвчихъ исполняли переодѣтые офицеры. Въ открытомъ гробу, на пышной катафалкѣ, лежала туша громаднѣйшей откормленной свиньи. Процессія отправилась по той улицѣ, гдѣ квартировалъ Ротъ. Услышавъ похоронное пѣніе, генералъ открылъ окно и спросилъ: кого хоронятъ?

— Генерала Рота,—послышался отвѣтъ.

И даже такой скандалъ сошелъ съ рукъ довольно благополучно: главныхъ зачинщиковъ перевели въ другіе полки—и дѣлу конецъ.

Однажды, принимая офицеровъ, назначенныхъ къ нему на ординарцы, Ротъ замѣтилъ, что его собственная лошадь держитъ голову неспокойно.

— Какъ вы думаете,—спросилъ генералъ у одного изъ офицеровъ,—вѣроятно у моей лошади мундштукъ не хорошъ?

— Мундштукъ хорошъ, ваше высокопревосходительство, но ротъ никуда не годенъ!

Въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ, Ротъ замѣтилъ, что одинъ саперный офицеръ его отряда отпустилъ себѣ необыкновенно длинные волоса, почти до плечъ и уподоблялся духовному

лицу въ мундирѣ. Нѣсколько разъ генералъ приказывалъ ему остричься по формѣ, но приказаніе не исполнялось. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Ротъ приказалъ привести сапера къ себѣ въ палатку, велѣлъ снять сюртукъ и сѣсть на барабанъ. Призванный цирульникъ приступилъ къ операціи удаленія излишней растительности съ вольнодумной головы. По окончаніи стрижки, саперъ, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣлъ сюртукъ, вынулъ изъ кормана кошелекъ, досталъ оттуда монету:

— Кому его превосходительство прикажетъ заплатить: хозяину или подмастерью?

— О! вы прекрасный офицеръ!—сказалъ генералъ.—Милости просимъ сегодня ко мнѣ откушать.

VIII.

Пріѣздъ въ Полтаву. — Мысль объ образованіи корпуса на югѣ Россіи. — Церемонія открытія Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. — Директорство Святловскаго. — Учрежденіе «капитанскаго класса». — Постановка обученія иностраннымъ языкамъ. — Посѣщеніе корпуса императоромъ и Михаиломъ Павловичемъ. — Смерть Святловскаго. — Управленіе корпусомъ Пинкорнелли. — Директоръ Струмилло. — «Гомзагурдіевщина». — Младшій штабъ-офицеръ Кунъ. — Первый выпускъ. — Исторія Струмилло съ дворянствомъ. — Отставка Струмилло. — Директоръ Врангель. — Реформы новаго директора. — Неудовольствіе Врангеля на меня. — Сближеніе съ выдающимися личностями города. — Преосвященный Нафанаилъ. — Отношеніе Врангеля къ родителямъ кадетъ. — Распоряженія по поводу тѣлеснаго наказанія. — Умѣніе Врангеля выставить свою дѣятельность.

2-го декабря я въѣхалъ въ Полтаву, гдѣ нашелъ въ зданіи корпуса приготовленную мнѣ квартиру. На другой день представился директору и баталіонному командиру. Директоръ принялъ меня чрезвычайно радушно, сообщилъ въ чемъ должны заключаться обязанности всѣхъ офицеровъ для подготовленія корпуса къ открытію, сказалъ, что на день открытія я буду назначенъ дежурнымъ по корпусу.

Ни одинъ изъ воспитанниковъ еще не былъ принятъ и только вечеромъ 5-го декабря поступило безъ экзамена 16 человѣкъ. Въ этотъ же вечеръ пріѣхалъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Вслѣдъ за нимъ доставленъ въ корпусъ портретъ Петра Великаго, подаренный государемъ императоромъ вмѣстѣ съ другою большою картиною, изображающею Полтавскій бой, работы знаменитаго нашего академика Шебуева. Портретъ Петра Великаго, по общимъ отзывамъ, считался лучшимъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ при его жизни. Писанъ онъ въ Дрезденѣ, гдѣ и купилъ его за десять тысячъ рублей серебромъ графъ Ростопчинъ, поднесшій затѣмъ свою покупку государю.

Мысль объ основаніи кадетскаго корпуса на югѣ Россіи появилась еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ средѣ дворянства Харьковской губерніи. Проектъ устройства такого заведенія въ самомъ Харьковѣ на двѣсти воспитанниковъ и на иждивеніе дворянъ только этой губерніи, былъ выработанъ ихъ губернскимъ предводителемъ Г. Ѳ. Квитко и представленъ на Высочайшее разсмотрѣніе. Императоръ Александръ Павловичъ, сколько извѣстно, весьма сочувственно отнесся къ такому похвальному стремленію дворянъ. Уже было построено и зданіе для корпуса, какъ вдругъ, вѣроятнѣе всего потому, что встрѣтилось затрудненіе, гдѣ и какимъ образомъ кадеты харьковскаго корпуса могутъ окончить курсъ въ спеціальныхъ, чисто военныхъ наукахъ, прислано было изъ Петербурга предложеніе: не пожелаетъ ли дворянство приспособить уже готовое зданіе къ помѣщенію въ немъ института благородныхъ дѣвицъ? Дворянство помирилось съ этимъ предложеніемъ и институтъ былъ открытъ. Лѣтъ пятнадцать спустя, въ царствованіе Николая Павловича, вопросъ о корпусѣ былъ поднятъ вновь. На этотъ разъ съ просьбою обратилось дворянство уже четырехъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской.

Просьба дворянъ отвѣчала желаніемъ императора, а потому онъ и рѣшилъ устроить корпусъ въ Полтавѣ, близь которой наше воинство покрыло себя безсмертной славой побѣды, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Дворянство было польщено этимъ предложеніемъ, а корпусъ названъ Петровскимъ-Полтавскимъ.

Приглашенія на празднества открытія корпуса были сдѣланы 4-го числа. Главнымъ лицамъ и преосвященному, долженствовавшему освятить храмъ во имя святого Самсонія Страннопріимца, въ день котораго, 27-го іюня 1709 года, происходилъ Полтавскій бой, приглашенія развозилъ я. Почетными лицами были: генералъ-губернаторъ черниговскій, полтавскій и харьковскій, генералъ-адъютантъ князь Николай Андреевичъ Долгорукій, архіепископъ полтавскій, и переяславскій Гедеонъ, полтавскій губернаторъ Гессе и всѣ предводители дворянства выше названныхъ четырехъ губерній.

Церемонія открытія корпуса началась въ 11 часовъ утра 6-го декабря 1840 года чтеніемъ Высочайшаго указа, привезеннаго Ростовцевымъ. Восторгъ, вызванный этимъ событіемъ, выразился въ дружномъ «ура» всѣхъ присутствующихъ и пѣніемъ народнаго гимна. Церковное служеніе началось освященіемъ храма. Архипастырь сказалъ прочувственную рѣчь, восхваляя монарха за его заботы о просвѣщеніи южнаго края Россіи. Далѣе онъ коснулся обязанностей какъ воспитателей, такъ и воспитанниковъ вновь созидаемаго храма науки. Изложеніе этихъ обязанностей было въ

высшей степени назидательно. Послѣ молебна о преуспѣяніи корпуса и многолѣтія государю и всему августѣйшему дому, послѣдовало освященіе помѣщенія корпуса. Церемонія эта продолжалась до трехъ часовъ дня.

Во время всего богослуженія пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, стройное пѣніе которыхъ поразило даже меня, привыкшаго къ извѣстнымъ хорамъ Петербурга.

Обѣденный столъ былъ сервированъ въ одномъ изъ большихъ залъ заведенія. Тамъ же, паралельно большому столу, былъ накрытъ другой столъ для воспитанниковъ. На одномъ концѣ этого стола сидѣлъ предназначенный на должность фельдфебеля Георгій Яковлевъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), на другомъ—я, какъ дежурный офицеръ. Обѣдъ для кадетъ былъ обыкновенно принятый, съ добавленіемъ лишь кое-какихъ лакомствъ, выдававшихся имъ и во всѣ большіе праздники.

За столъ сѣли всѣ одновременно въ четыре часа. Оживленіе было общее. Говорились рѣчи, провозглашались тосты. Всѣ рѣчи отличались самыми искренними желаніями процвѣтанія корпуса Директоръ Святловскій сказалъ отвѣтную рѣчь. Всеобщее одобреніе вызвало слѣдующее мѣсто этой рѣчи:

«Чтобы достигнуть высоты тѣхъ пожеланій, которыя мы съ безпредѣльною благодарностью принимаемъ отъ дорогихъ нашихъ гостей, а равно и оправдать надежды на насъ государя императора и дворянства, на иждивеніе котораго воздвигнутъ этотъ храмъ науки, нужна работа, работа и работа! Надѣюсь, что общими усиліями нашими, направленными къ одной общей, свѣтлой цѣли, мы превозможемъ этотъ трудъ!»

Въ двухлѣтнее свое управленіе корпусомъ, Святловскій вполнѣ оправдалъ слова, произнесенныя имъ при открытіи заведенія. Несмотря на то, что его здоровье, еще прежде назначенія на должность директора Полтавскаго корпуса, было сильно подорвано признаками начинающейся горловой чахотки, дѣятельность его была примѣрная, изумительная! Онъ былъ вполнѣ хозяиномъ заведенія по всѣмъ отраслямъ. Ему полностью принадлежала инициатива всѣхъ мѣропріятій, поставившихъ корпусъ въ самое благопріятное положеніе. Главная его заслуга состояла въ томъ, что стремясь къ осуществленію идеи III тома свода военныхъ постановленій, касающагося физическаго, нравственнаго и умственнаго образованія воспитанниковъ, онъ съумѣлъ заставить каждаго изъ воспитателей проникнуть въ глубину этихъ постановленій, сознать, что безъ взаимнаго, согласнаго содѣйствія другъ другу, дѣло не пойдетъ на ладъ.

Для достиженія этой цѣли Святловскій всячески старался сблизить между собою не только учителей и воспитателей, но и ихъ семейства. Въ этомъ отношеніи его супруга, Александра Семеновна

была самою видною исполнительницею желаній своего мужа. Искренность и простота ея обращенія со всѣми дамами корпуснаго общества поселили въ послѣднихъ любовь и уваженіе къ ней. Такимъ же точно образомъ держалъ себя и самъ Викентій Францовичъ, безъ малѣйшаго притязанія на первенство.

По примѣру двухъ уже существовавшихъ провинціальныхъ корпусовъ, Полоцкаго и Новгородскаго графа Аракчеева, Полтавскій былъ учрежденъ тоже на 400 воспитанниковъ, изъ коихъ 280 содержались на иждивеніе дворянства, по 70 человѣкъ на каждую губернію, а 120 на счетъ правительства. Послѣднія 120 вакансій могли быть заняты уроженцами и другихъ губерній.

Корпусъ подраздѣлялся на четыре роты: гренадерскую, первую, вторую и неранжированную, ежегодно измѣнявшія свои названія, такъ что неранжированная становилась черезъ три года гренадерской. Такимъ образомъ полный составъ корпуса могъ образоваться только къ началу 1845 года.

Классы раздѣлялись на два приготовительныхъ и четыре общихъ, съ подраздѣленіемъ каждаго на два паралельныхъ отдѣленія. Курсъ наукъ для поступившихъ въ первый приготовительный классъ могъ кончиться не раньше шести лѣтъ. Для изученія спеціально военныхъ наукъ, воспитанники, окончившіе IV-й общій классъ, отправлялись въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ, гдѣ, передъ ихъ зачисленіемъ, подвергались провѣрочному экзамену.

Выше я сказалъ, что поступавшіе въ заведеніе воспитанники не экзаменовались. Это обстоятельство, по повѣркѣ знаній вновь поступившихъ дѣтей, поставило корпусное начальство въ необходимость открыть сразу три класса: первый общій и два приготовительныхъ. Въ первый приготовительный классъ поступило не малое количество дѣтей, незнакомыхъ даже съ азбукой.

Экзаменъ 1841 года показалъ, что въ первомъ приготовительномъ классѣ пришлось оставить на второй годъ человѣкъ до сорока. Такой громадный процентъ отсталыхъ внушилъ Святловскому мысль основать для нихъ особый классъ, въ которомъ преподаваніе должно было производиться по сокращеннымъ программамъ. Ему не было присвоено особаго названія, но сами воспитанники другихъ классовъ нарекли его «капитанскимъ», вѣроятно потому, что большая часть изъ преподававшихъ въ немъ состояла въ капитанскомъ чинѣ.

Цѣль Святловскаго была та, чтобы созданные имъ преподаватели изъ строевыхъ воспитателей могли заниматься съ своими учениками и внѣ класнаго времени. Принявъ на себя обязанность преподавать русскій языкъ и ариѳметику, я, въ чинѣ поручика, составлялъ единственное исключеніе между капитанами.

Дѣла, дѣйствительно, настолько подвинулись, что по истеченіи года не было уже надобности поддерживать существованіе этого

класса. Но разъ подмѣченный фактъ о невыгодахъ отсутствія пріемныхъ экзаменовъ уничтожилъ это положеніе. Святловскій сдѣлалъ представленіе, по утвержденіи котораго поступающіе должны были экзаменоваться по опредѣленной программѣ.

Къ числу полезныхъ мѣропріятій Святловскаго надо отнести и слѣдующее. Сознавая, что изученіе иностранныхъ языковъ во всѣхъ безъ исключенія кадетскихъ корпусахъ находится въ крайне жалкомъ положеніи, а между тѣмъ, безъ знанія ихъ молодымъ людямъ совершенно закрывается возможность поступить для дальнѣйшаго образованія въ Военную Академію, онъ ввелъ порядокъ, по которому воспитанники корпуса обязаны были ежедневно выучивать наизусть по одной фразѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за чѣмъ должны были слѣдить отдѣленные офицеры. Къ этому нововведенію, составлявшему для воспитаталей нѣкоторую тягость, мы отнеслись съ крайнимъ недовѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, не дальше, какъ спустя полгода, воспитанники, при содѣйствіи учителей, посѣщавшихъ по просьбѣ Святловскаго роты въ рекреаціонное время, мало-по-малу начали входить во вкусъ объясненія съ ними и между собою на этихъ языкахъ. Святловскаго это радовало до безконечности.

Къ чести Святловскаго тѣлесное наказаніе примѣнялось въ нашемъ заведеніи только въ крайнихъ, изъ ряду вонъ выходящихъ случаяхъ и то не иначе, какъ по личному разрѣшенію.

Въ сентябрѣ 1842 года, Петровскій Полтавскій корпусъ былъ осчастливленъ первымъ пріѣздомъ государя-императора. Послѣ обхода двухъ уже сформированныхъ ротъ, воспитанники которыхъ стояли у своихъ кроватей, и подробнаго осмотра всего заведенія, государь приказалъ вывести обѣ роты въ садъ съ ружьями и поставить на площадкѣ передъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ память побѣды надъ шведами. Проходя церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника на правомъ флангѣ перваго взвода, государь салютовалъ ему. На ученьѣ Святловскаго не было. Здоровье его было до того разстроено, что онъ съ трудомъ встрѣтилъ государя и получилъ приказаніе отправиться домой и не выходить.

Оставшись вполнѣ довольнымъ всѣмъ видѣннымъ въ корпусѣ, государь пожаловалъ Святловскому орденъ Станислава I-й степени и тысячу червонцевъ для поѣздки за границу, куда его отправляли доктора. Почти всѣ служившіе въ корпусѣ получили награды.

Нѣсколько дней спустя посѣтилъ корпусъ Михаилъ Павловичъ, но, къ чрезвычайному нашему изумленію, строевого ученія не произвелъ.

Святловскій не воспользовался поѣздкой за границу. Усилившаяся горловая чахотка свела его въ могилу. Много потерялъ корпусъ со смертью этого достойнаго человѣка.

Послѣ смерти Святловскаго завѣдываніе корпусомъ было пору-

чено баталіонному командиру, полковнику Пинкорнелли. Говоря по правдѣ, этотъ господинъ сѣлъ совсѣмъ не въ свои сани: будучи по наружному виду человѣкомъ сердобольнымъ, онъ, по чрезмѣрной слабости характера, сильно поддавался всевозможнымъ вліяніямъ, результатомъ которыхъ выходили подчасъ такія жестокія и негуманныя распоряженія, что вѣра въ его душевное смиреніе совершенно утрачивалась; къ тому же онъ былъ страшный ханжа и человѣкъ, положительно, малограмотный. Онъ предоставилъ ротнымъ командирамъ право подвергать кадетъ тѣлесному наказанію по ихъ усмотрѣнію, безъ его вѣдома. Процвѣтаніе порки, кажется, единственный памятникъ кратковременнаго завѣдыванія корпусомъ Пинкорнелли.

Вслѣдствіе того, что единственными иниціаторами при всѣхъ наказаніяхъ являлись ротные командиры, довѣріе и любовь къ нимъ воспитанниковъ, такъ высоко поднятыя Святловскимъ, совершенно утратились и перешли въ крайнюю нелюбовь и затаенную ненависть.

Въ началѣ 1843 года директоромъ нашего корпуса былъ назначенъ баталіонный командиръ Новгородскаго графа Аракчеева корпуса, полковникъ Струмилло. Безспорно онъ былъ человѣкъ чрезвычайно честный, но и только! Своею чрезмѣрною грубостью онъ напоминалъ медвѣдя новгородскихъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего отъ него нельзя было ожидать другихъ услугъ корпусу, какъ медвѣжьихъ. Мѣропріятія Пинкорнелли были имъ одобрены, бездна хорошихъ началъ, введенныхъ Святловскимъ, отмѣнена. Подобной же участи, между прочимъ, подвергся и способъ изученія иностранныхъ языковъ.

Суровое обращеніе Струмилло съ воспитанниками, частыя наказанія розгами, возбудили въ нихъ крайнюю нелюбовь къ директору; не любили его и родители кадетъ. Въ средѣ кадетъ нравственныя начала сильно пошатнулись. На бѣду въ это самое время къ намъ зачислили изъ новгородскаго кантонистскаго отдѣленія нѣкоего Гомзагурдія, юношу лѣтъ пятнадцати, препровожденнаго въ Полтаву по этапу, подъ конвоемъ внутренней стражи, извѣстной тогда, какъ самая безнравственная отрасль русскаго воинства. Съ поступленіемъ въ корпусъ этого негодяя, въ заведеніи развились грубость, непослушаніе, драки, манера браниться самымъ нецензурнымъ образомъ и даже воровство. Имя Гомзагурдія при всѣхъ подобныхъ случаяхъ всегда фигурировало на первомъ планѣ. Неоднократно наказывали его розгами, но и розги были для него непочемъ: ими онъ еще хвастался передъ товарищами. Что мудренаго, что изъ среды мальчиковъ, взросшихъ на хуторахъ, среди мужицкихъ дѣтей, неполучившихъ въ своей семьѣ твердыхъ нравственныхъ началъ, явились подражатели и подражатели успѣшные! Зло росло и росло. Для искорененія его потре-

бовались болѣе рѣшительныя и строгія мѣры. Оказалъ услугу въ этомъ отношеніи заведенію младшій штабъ-офицеръ подполковникъ Кунъ.

Должность младшаго штабъ-офицера Кунъ занялъ по переименованіи его въ подполковники изъ капитана л.-гв. Волынскаго полка, состоя до того времени командиромъ нашей второй роты. Какъ человѣкъ умный и образованный, самъ будучи однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, Кунъ съумѣлъ расположить къ себѣ воспитанниковъ своей роты и особенно выдвигалъ тѣхъ, которые отличались хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Хорошо зная французскій языкъ, онъ постоянно поддерживалъ въ своей ротѣ заведенную Святловскимъ методу ознакомленія дѣтей съ практическою стороною знанія этого языка. Къ нему и къ инспектору классовъ, полковнику Ницкевичу, приглашались по субботамъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые сдѣлали бо̀льшіе успѣхи въ этомъ языкѣ. Сюда же приглашались и два учителя французскаго языка, для разговоровъ съ кадетами.

Задавшись мыслью, во что̀ бы то ни стало, выкурить изъ заведенія «Гомзагурдіевщину», Кунъ, при первомъ же случаѣ обнаружившагося воровства со взломомъ, учиненнаго Гомзагурдіемъ, такъ сильно пронялъ его розгами, что на этотъ разъ онъ вышелъ изъ цейхауза, рыдая и совсѣмъ забывъ о своей прежней методѣ— хвастаться передъ товарищами. Послѣ этого онъ, дѣйствительно, присмирѣлъ, да и остальные воспитанники мало-по-малу начали устраняться отъ него. Вскорѣ, впрочемъ, онъ былъ выброшенъ изъ заведенія въ юнкера арміи.

Быть можетъ, этотъ единственный случай строгаго наказанія вызвалъ преданіе, что кадетъ пороли не на животъ, а на смерть, и что Кунъ былъ главнымъ представителемъ этого живодерства. Но я отлично помню, что даже многіе родители кадетъ того времени, узнавши о строгомъ наказаніи Гомзагурдія и объ его исключеніи въ юнкера арміи, не находили словъ, чтобы достаточно отблагодарить Куна за избавленіе ихъ дѣтей отъ такого вреднаго и гнуснаго товарища.

При Струмилло сформировались окончательно всѣ четыре роты, составился такимъ образомъ батальонъ, которому было пожаловано знамя св. Станислава. Кадетъ начали выводить въ лагерь. Въ 1845 году былъ произведенъ первый выпускъ изъ корпуса. При испытаніи выпускныхъ при спеціальныхъ классахъ Дворянскаго полка, наши воспитанники поразили всѣхъ относительнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нашъ корпусъ выдѣлялся только въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ выпусковъ.

Вскорѣ Струмилло, будучи до того времени холостымъ, женился

на дочери очень богатаго помѣщика, Старицкаго. Заручившись хорошимъ состояніемъ, нашъ директоръ сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ заведенію. Управленіе корпусомъ, помимо смиреннаго Пинкорнелли, перешло всецѣло въ руки Ницкевича и Куна. Пошатнувшаяся нравственность окрѣпла; о «Гомзагурдіевщинѣ» и помину не было. Классная часть попрежнему шла хорошо. Такъ продолжалось до самаго устраненія Струмилло отъ должности, послѣдовавшаго въ 1849 году.

Исторія удаленія Струмилло отъ должности директора Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса довольно грязная. Мотивы ея—недоразумѣнія съ губернаторомъ и нелюбовь дворянства къ его тестю. Струмилло былъ уволенъ вслѣдствіе жалобы дворянства государю на его непристойное поведеніе. Отлично зная всѣ обстоятельства дѣла, самъ будучи свидѣтелемъ многаго, не могу не сказать, что со Струмилло поступили не хорошо и что пострадалъ онъ почти безвинно.

На мѣсто Струмилло былъ назначенъ генералъ-маіоръ Егоръ Петровичъ Врангель, прибывшій въ Полтаву въ началѣ мая 1849 года съ Кавказа. До его прибытія корпусомъ управлялъ Пинкорнелли.

Еще до прибытія Врангеля, Пинкорнелли ожидалъ производства въ генералъ-маіоры, съ отчисленіемъ по арміи. Кунъ долженъ былъ занять его мѣсто, но въ началѣ мая, во время большого разлива рѣки Ворсклы, переправляясь на охотѣ черезъ одинъ изъ ея рукавовъ, онъ утонулъ. Баталіоннымъ командиромъ былъ назначенъ подполковникъ Дубровинъ, а младшимъ штабъ-офицеромъ Линевичъ.

Въ первое время, по прибытіи въ Полтаву, Врангель посѣщалъ корпусъ довольно часто, но преимущественно днемъ.

Однимъ изъ его первыхъ приказаній было возложеніе на дежурныхъ офицеровъ обязанности, вмѣстѣ съ обыкновеннымъ рапортомъ, представлять отъ каждой роты слѣдующія свѣдѣнія: 1) Кто изъ воспитанниковъ и по какимъ предметамъ получилъ 12 балловъ; 2) тоже о неудовлетворительныхъ отмѣткахъ; 3) какіе воспитанники и за что̀ записаны въ класные журналы; 4) кто изъ кадетъ провинился въ ротахъ и подробности этихъ провинностей; 5) какому взысканію были подвергнуты виновные.

Налагать взысканія даже и за классныя провинности все же, попрежнему, входило въ обязанность ротныхъ командировъ.

Составленіе вышеупомянутыхъ свѣдѣній было возложено на дежурныхъ по ротамъ унтеръ-офицеровъ. Это распоряженіе было для послѣднихъ чрезвычайно тягостнымъ. Понятно, что для провѣрки этихъ свѣдѣній и собранія по нимъ разныхъ справокъ нужно было не мало времени; а потому если прежніе рапорты подавались къ 10 часамъ вечера, то при новыхъ требованіяхъ нельзя

было управиться и къ 11-ти. Мнѣ первому пришлось представить директору цѣлую кипу такихъ отчетностей; пришлось и объяснять записи въ класныхъ журналахъ, что было, подчасъ, трудно: такой-то воспитанникъ былъ грубъ, такой-то—дерзокъ, такой-то—невѣжливъ... а въ чемъ состояли дерзость, грубость, невѣжливость—господа учителя не трудились разъяснять.

Такимъ образомъ, дежурному по заведенію приходилось еще разузнавать отъ старшихъ въ отдѣленіяхъ разныя подробности.

Когда я пришелъ къ директору въ 11 часовъ вечера, его человѣкъ доложилъ мнѣ, что генералъ легъ спать. Отдавъ человѣку рапорты, я вышелъ, но былъ остановленъ имъ же на лѣстницѣ и узналъ, что генералъ проситъ меня обождать. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ была вручена на клочкѣ бумаги записка. Читаю:

«Прошу полковника Пинкорнелли изслѣдовать по какой причинѣ капитанъ Тимченко-Рубанъ такъ поздно пожаловалъ ко мнѣ съ рапортомъ. Теперь одиннадцать часовъ!»

Прочтя это посланіе, я возвратилъ его человѣку съ поясненіемъ, что у генерала, вѣроятно, есть посыльные. Результатомъ объясненія со мною вышло приказаніе, чтобы дежурные офицеры являлись съ рапортомъ до ужина. Но на меня генералъ, видимо, дулся.

Начались экзамены. Воспитанники моихъ классовъ особенно хорошо зарекомендовали себя и своего учителя исторіи. Врангель сдѣлался ко мнѣ нѣсколько любезнѣе. Послѣ экзаменовъ корпусъ былъ выведенъ въ лагерь. Директоръ тоже поселился въ немъ. Посѣщая ежедневно кадетскіе шатры, онъ докапывался до всѣхъ мелочей, съ цѣлью убѣдиться на сколько каждый изъ ротныхъ командировъ и офицеровъ вникаетъ въ свои обязанности. Не довольствуясь личными наблюденіями, Врангель старался пополнять ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями, почерпнутыми изъ разговоровъ съ кадетами.

По вступленіи въ должность директора, Врангель сразу понялъ, какія задачи представлялись ему для возстановленія въ дворянствѣ того довѣрія, какое существовало къ корпусу при Святловскомъ и было такъ сильно поколеблено во время директорства Струмилло. Онъ сблизился со всѣми болѣе вліятельными личностями Полтавы, а терпимостью и гуманными распоряженіями по заведенію снискалъ себѣ любовь и расположеніе родителей и родственниковъ кадетъ.

Между прочимъ, Врангель сошелся съ преосвященнымъ Нафанаиломъ, архіепископомъ полтавскимъ и переяславскимъ. При возникшихъ дружескихъ между ними отношеніяхъ, преосвященный часто посѣщалъ корпусъ въ будніе дни, а по праздникамъ совершалъ въ корпусной церкви богослуженіе. Рѣчи его глубоко дѣйствовали на сердца юношей, и, дѣйствительно, онъ былъ ора-

торъ, какихъ мало! Любя воспитанниковъ и жалуя директора, Нафанаилъ относился благосклонно и ко всѣмъ намъ и не упускалъ удобнаго случая похвалить наше заведеніе.

Послѣ одного изъ посѣщеній преосвященнаго, во время котораго онъ произнесъ особенно прочувствованную рѣчь, обращенную къ воспитанникамъ, въ мою гренадерскую роту принесли классные журналы съ отмѣтками по наукамъ и записями за неисправность. Просмотрѣвъ ихъ, я, вмѣсто взысканій, ограничился слѣдующей резолюціей:

«Надѣюсь, что послѣ всего слышаннаго сегодня изъ устъ нашего многоуважаемаго архипастыря, воспитанники поняли всю пользу образованія и, конечно, нашъ классный журналъ не будетъ впредь приносить столько неудовлетворительныхъ балловъ. Взысканій не налагаю».

Эта резолюція, что меня крайне обрадовало, понравилась Врангелю.

Къ общему нашему сожалѣнію, Нафанаилъ, по какому-то очень важному на него доносу, былъ переведенъ вскорѣ въ Архангельскъ. Прощальная рѣчь, произнесенная имъ въ домовой архіерейской церкви во время вечерни въ первый день Пасхи, была въ высшей степени трогательна. Не только друзья, а ихъ у него было много, но и враги-доносчики были потрясены до глубины души. Особенно тронуло всѣхъ, когда онъ припавъ ницъ въ самыхъ царскихъ дверяхъ, воззвалъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ когда-либо обидѣлъ, приблизились къ нему, дабы тутъ же, передъ престоломъ Господнимъ, испросить себѣ прощеніе.

Для родителей воспитанниковъ двери нашего корпуса были открыты всегда, кромѣ классныхъ часовъ. Это дѣлалось съ цѣлью, чтобы родители имѣли возможность ознакомиться съ жизнью своихъ дѣтей въ стѣнахъ заведенія. Директоръ не упускалъ случая приглашать ихъ на танцовальные вечера, устроиваемые въ корпусѣ; равнымъ образомъ доставлялъ имъ свободный доступъ къ себѣ на квартиру, для личнаго съ нимъ объясненія. Принимая родителей учащихся въ своемъ кабинетѣ, Врангель показывалъ имъ свою алфавитную книжку воспитанниковъ, съ различными собственными замѣтками, а также и ежедневныя рапортички о разныхъ случайностяхъ въ корпусѣ. Словомъ, давалъ чрезвычайно обстоятельный отчетъ о разныхъ сынкахъ, племянничкахъ и внукахъ.

— Вотъ директоръ, такъ директоръ!—повторяли въ одинъ голосъ всѣ, которымъ приходилось побывать у Врангеля хоть одинъ разъ. Вотъ какого намъ нужно.

Желая по возможности искоренить тѣлесное наказаніе, Врангель принялъ за правило, чтобы назначеніе подобнаго наказанія дѣлалось не иначе, какъ по опредѣленію воспитательнаго коми-

тета и притомъ подвергать такому взысканію только дѣтей не свыше двѣнадцатилѣтняго возроста; воспитанниковъ же переросшихъ эти года вовсе удалять изъ заведенія также по постановленію комитета.

Эта мѣра, въ большинствѣ случаевъ, была хорошею для репутаціи заведенія, но не оправдывалась бѣдными родителями кадетъ, которые, положительно, стояли за розги и въ критическихъ случаяхъ даже просили Врангеля подчивать ихъ дѣтей березовой кашей. По ихъ мнѣнію, такое взысканіе соотвѣтствовало проступкамъ виновныхъ, тогда какъ изгнаніемъ изъ заведенія карались ничѣмъ неповинные родители. Иногда Врангель подчинялся этимъ требованіямъ, но не иначе, какъ при условіи, чтобы родители наказывали дѣтей сами, у себя дома. Нѣсколько подобныхъ случаевъ сберегли не малое количество дѣтей отъ исключенія изъ заведенія, да и нравственность въ корпусѣ, видимо, поднялась.

Хорошимъ педагогомъ считало Врангеля и все наше петербургское начальство. Слухъ куда не дойдетъ! Нѣмцы вообще, а такіе, какъ Врангель, 84-й пробы, въ особенности, отлично умѣютъ выставить свою дѣятельность въ самыхъ яркихъ краскахъ.

При посѣщеніи корпуса государемъ императоромъ въ 1850 году, Врангель, въ особой аудіенціи, такъ мастерски очертилъ свою дѣятельность, что одинъ только и удостоился награды, тогда какъ до него, при всѣхъ высочайшихъ посѣщеніяхъ кадетскихъ корпусовъ, почти всѣ служащіе были награждаемы. Ему былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени.

Въ августѣ 1849 года скончался въ Варшавѣ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Михаилъ Павловичъ. Его мѣсто занялъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Начальникомъ штаба попрежнему остался Ростовцевъ.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЕЗВРЕМЕННО УГАСШІЙ ТАЛАНТЪ.

1.

СЪ ИМЕНЕМЪ Николая Александровича Добролюбова соединяется представленіе о даровитѣйшемъ критикѣ начала шестидесятыхъ годовъ, имѣвшемъ огромное вліяніе на всю русскую литературу и оставившемъ въ ней блестящій слѣдъ. Но много ли мы знаемъ о личной жизни этого даровитаго писателя, почти юношею выступившаго на литературное поприще, такъ рано умершаго, но и въ этотъ короткій срокъ съумѣвшаго сдѣлать имя свое навѣки связаннымъ съ цѣлымъ періодомъ русской литературы, съ цѣлымъ направленіемъ ея? Мы вообще очень мало знаемъ о жизни даже самыхъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашей литературы и общественной жизни, мы въ этомъ отношеніи обидно «лѣнивы и нелюбопытны», какъ сказалъ еще Пушкинъ; хорошо составленныя біографіи у насъ понынѣ рѣдкость. Тѣмъ съ большимъ интересомъ и признательностію должны быть встрѣчены обработанные Н. Г. Чернышевскимъ и недавно изданные въ Москвѣ «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова».

Личность знаменитаго критика и публициста характеризуется этими «матеріалами» съ разнообразныхъ сторонъ, о которыхъ трудно получить хотя какое-нибудь представленіе по его сочиненіямъ. Въ нихъ мы воочію видимъ, при какихъ житейскихъ условіяхъ онъ выросъ, подъ какими вліяніями развивался его умъ, отъ природы богатый и сильный. Мы видимъ, наконецъ, по крайней мѣрѣ угадываемъ, какъ постепенно складывалось въ немъ то направленіе мысли, которому суждено было обнаружить позже такое вліяніе на русскую литературу шестидесятыхъ годовъ.

Какъ многіе замѣчательные люди, Добролюбовъ своимъ первоначальнымъ развитіемъ чрезвычайно много былъ обязанъ своей матери, имѣвшей на него, очевидно, огромное вліяніе. Это была женщина безъ особеннаго образованія, но съ умомъ свѣтлымъ и яснымъ, а главное, съ сердцемъ, откликающимся на все доброе. И впослѣдствіи, Добролюбовъ писалъ о ней, послѣ ея смерти: «Былъ у меня одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, который любилъ со всею пылкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ моей душѣ,—этотъ предметъ была мать моя. Поймешь ли ты теперь, какъ много, необъятно много, потерялъ я въ ней. Теперь все въ мірѣ мнѣ чужое, все я могу подозрѣвать, ни къ кому не обращусь я съ полною дѣтскою довѣрчивостью... Все исчезло для меня вмѣстѣ съ обожаемою матерью...» Отецъ Добролюбова былъ не зауряднo образованный человѣкъ; библіотека, составленная имъ для себя, указываетъ на потребности ума живого и широко развитаго. Этою библіотекою воспользовался вполнѣ и самъ Добролюбовъ. Какъ сынъ виднаго и вліятельнаго нижегородскаго протоіерея, Добролюбовъ благополучно миновалъ всѣ стѣсненія, которымъ нерѣдко подвергались въ тѣ времена дѣти бурсы; онъ и поступилъ въ духовное училище прямо въ высшій классъ и притомъ на второй годъ (курсы тогда были двухгодичные), и черезъ годъ былъ уже въ семинаріи, по лѣтамъ моложе всѣхъ своихъ товарищей. Этими успѣхами, по свидѣтельству Н. Г. Чернышевскаго, Добролюбовъ много обязанъ былъ счастливой случайности, той именно, что̀ въ лицѣ домашняго учителя своего, Михаила Алексѣевича Кострова (позже женатаго на сестрѣ Добролюбова), онъ нашелъ рѣдкаго воспитателя. «Должно думать, что изъ всѣхъ учителей и профессоровъ, уроки которыхъ слушалъ впослѣдствіи Николай Александровичъ,—говоритъ собиратель «матеріаловъ»,—ни одинъ не пріобрѣлъ такихъ правъ на нашу признательность за содѣйствіе развитію геніальныхъ способностей его, какъ Михаилъ Алексѣевичъ. Чрезвычайно важно ужъ и одно то, что благодаря соотвѣтствію успѣховъ преподаванія Михаила Алексѣевича съ ожиданіями Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны (отецъ и мать Н. А.), Николай Александровичъ былъ три года избавленъ отъ школьнаго стѣсненія; это, безъ сомнѣнія, было великимъ выигрышемъ для него въ умственномъ отношеніи и великою пользою для укрѣпленія физическихъ силъ его... Въ эти три года Николай Александровичъ быстро усвоивалъ себѣ тѣ свѣдѣнія, какія требовались программой духовно-учебныхъ заведеній: когда онъ поступилъ въ высшее отдѣленіе духовнаго уѣзднаго училища, при началѣ второго года двухлѣтняго курса этого класса, ему было только одиннадцать лѣтъ. Прямо на второй годъ курса 4 класса поступали очень немногіе, и самые младшіе изъ нихъ имѣли по 13 лѣтъ...» (647—648).

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ совершалось первоначальное развитіе и образованіе молодого ума даровитаго юноши. И къ тому времени, съ котораго начинается переписка Добролюбова съ родными и знакомыми, составляющая главнѣйшее содержаніе «матеріаловъ», мы видимъ въ будущемъ критикѣ, не смотря на его крайнюю молодость, человѣка умственно почти уже совершенно сформировавшагося, съ опредѣленно намѣченнымъ направленіемъ, по которому уже возможно угадывать будущее.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что на впечатлительную природу Добролюбова въ неизмѣримой степени повліялъ бытъ его родной среды. А этотъ бытъ образованнаго духовенства, о которомъ у насъ вообще представленія ложныя, или, вѣрнѣе, нѣтъ никакого яснаго представленія, и который только въ «Соборянахъ» Лѣскова получилъ нѣкоторое отраженіе,—бытъ этотъ имѣетъ характернѣйшія черты, отъ вліянія которыхъ укрыться невозможно. Такова, напримѣръ, черта родственной любви, быть можетъ, нигдѣ не проявляющейся съ такой силой, какъ въ этомъ быту; семейное и родственное начало въ духовенствѣ было крѣпко въ тѣ времена, къ которымъ относится начало переписки Добролюбова. Такова нѣкоторая положительность, практичность и рутинная приверженность къ извѣстнымъ формамъ отношеній и сношеній между родными и знакомыми; нарушеніе этихъ формъ, оскорблявшее родныхъ Добролюбова, приносило ему не мало мелкихъ, конечно, неудовольствій. Таково, наконецъ, домосѣдство, извѣстная неподвижность, въ силу которой человѣкъ, отправлявшійся на «чужбину», въ «чужіе люди», и т. п., считался подвергающимся необычной судьбѣ, особымъ опасностямъ, и вызывалъ со стороны родныхъ чувство преувеличенныхъ заботъ и сожалѣнія; привязанность къ «родинѣ» въ самомъ тѣсномъ значеніи, къ мѣсту, гдѣ прошли первые годы жизни, была явленіемъ въ духовенствѣ всеобщимъ и очень сильнымъ. Все это наложило на письма Добролюбова и его родныхъ своеобразную и сильную печать. Напрасно было бы думать, что эти свойства быта, какъ и характеръ семинарскаго воспитанія, были только незначительными частностями среди вліяній, чрезъ которыя прошелъ Добролюбовъ. До самыхъ послѣднихъ дней, какъ мы увидимъ, на Добролюбовѣ лежала печать его происхожденія, и сердечныя связи его съ родной средой не прекращались никогда, служили для него источниками заботъ и радостей, несомнѣнно скрашивавшихъ его безрадостную, полную грусти и разочарованій жизнь.

Указавъ вкратцѣ эти общія черты жизни и характера Добролюбова и среды, въ которой онъ выросъ, обратимся теперь къ тѣмъ фактамъ, которые представляетъ намъ «переписка». Съ нею мы вступаемъ въ самый интереснѣйшій періодъ жизни Добролюбова, періодъ его высшаго образованія и литературной дѣятельности.

2.

Въ началѣ августа 1853 года, на восемнадцатомъ году жизни, Добролюбовъ ѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ академію, духовную, конечно, и аккуратно извѣщалъ родителей о всемъ, что съ нимъ происходитъ. Любопытно, однако,—и это вы тотчасъ же отмѣчаете,—что Добролюбовъ, несомнѣнно горячо любившій и отца, и мать, откровененъ съ ними не вполнѣ. И это обстоятельство необходимо имѣть постоянно въ виду, при чтеніи писемъ Добролюбова. Семнадцатилѣтній юноша, онъ уже обнаруживаетъ много жизненнаго такта и ума, избѣгая неумѣстной прямоты, которою онъ могъ бы оскорбить своего корреспондента, и онъ къ каждому пишетъ особеннымъ образомъ, приноровляясь къ его понятіямъ, не навязываясь съ своими особыми мнѣніями, хотя и неуступая ничего въ нихъ. Въ то время у Добролюбова были уже завѣтные уголки мысли, особое «направленіе», которое онъ пока обнаруживаетъ только изрѣдка, въ письмахъ исключительной интимности, вызванныхъ особыми обстоятельствами.

Проѣздомъ изъ Нижняго Новгорода, Добролюбовъ долженъ былъ попасть въ Москву. Естественно ожидать, что юноша ничего въ своей жизни не видавшій, кромѣ своего родного города, долженъ былъ бы испытать отъ древней русской столицы извѣстное впечатлѣніе, а образованіе, знаніе исторіи (удивившее въ Педагогическомъ Институтѣ экзаменаторовъ), должно было вызвать въ немъ рядъ чувствъ и мыслей объ исторической роли старой столицы. Но Добролюбовъ былъ уже съ извѣстнымъ теоретическимъ представленіемъ о Москвѣ, его мнѣніе о ней было уже готово, когда онъ еще не зналъ и не видѣлъ ее; въ свои семнадцать лѣтъ, онъ былъ «западникомъ», его манилъ Петербургъ и отталкивала Москва. Въ письмахъ къ отцу и матери онъ, какъ мы выше замѣтили, осторожно обходитъ этотъ предметъ. Онъ просто пишетъ: «Что касается до матушки Москвы, то я ничего не скажу о ней»: «дистанція огромнаго размѣра»,—добавляетъ онъ иронически, не удерживаясь. Исходная точка его, однако, ясна; въ этомъ же письмѣ онъ вставляетъ стихи Пушкина о будкахъ, бабахъ, мальчишкахъ, фонаряхъ и пр., и считаетъ нужнымъ добавить: «если хотите имѣть понятіе о Москвѣ (вообще, то есть), то прочтите статью Бѣлинскаго «Петербургъ и Москва»» (стр. 3)... Взоромъ туриста юноша уже рѣшилъ, что описаніе и характеристика Бѣлинскаго совершенно вѣрны. Между тѣмъ, въ письмѣ къ товарищу по семинаріи, Лаврскому, Добролюбовъ высказывается съ полной опредѣленностью. «Спѣшу принести вамъ повинную въ томъ,—писалъ Добролюбовъ,— что я ничего не осматривалъ и ничего не видалъ особенно хорошаго въ Москвѣ, въ которой былъ всего одинъ день. Только церковь Василія Блаженнаго доставила мнѣ нѣкоторое удовольствіе:

долго смѣялся я надъ разноцвѣтными ея головами... Еслибъ я присмотрѣлся побольше къ Москвѣ, то, полагаю, восхищеніе мое Петербургомъ было бы гораздо полнѣе и внезапнѣе». Вы уже чувствуете передъ собою въ этихъ словахъ предубѣжденнаго человѣка, молодого, но настойчиваго, одного изъ тѣхъ «теоретиковъ», которыхъ такъ не любилъ Аполлонъ Григорьевъ, и которыхъ Добролюбовъ былъ наиболѣе блестящимъ и искреннѣйшимъ представителемъ, наиболѣе убѣжденнымъ и честнымъ.

Родители Добролюбова хотѣли, чтобы онъ поступилъ въ духовную академію. И, очевидно, не одни матеріальные разсчеты руководили ими, хотя о нихъ именно неоднократно заходитъ рѣчь въ письмахъ. Но при томъ направленіи, которое принимала мысль Добролюбова, естественно, онъ долженъ былъ склоняться къ «свѣтскимъ» учебнымъ заведеніямъ, какъ выражались обыкновенно въ его кругу. И вотъ, не смотря на желаніе родителей, не смотря на искреннюю любовь къ нимъ, онъ съ большою осторожностью, но и настойчивостью, устроиваетъ для себя поступленіе въ Главный Педагогическій Институтъ. Дѣлалось тогда это довольно часто слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ экзамены въ духовную академію были обыкновенно позже, чѣмъ въ институтъ, въ послѣдній можно было держать экзаменъ безъ документовъ, съ обязательствомъ представить ихъ позже, то находились люди, которые одновременно заявляли желаніе поступить и въ академію, и въ институтъ, и въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, устроивались въ другомъ. Такъ поступилъ и Добролюбовъ, и сдѣлался студентомъ Педагогическаго Института. Чтобы успокоить родителей, онъ пишетъ имъ, что экзамены въ институтъ легче, чѣмъ въ академію, почему онъ и хотѣлъ сначала испытать свои силы тутъ, чтобы въ случаѣ неудачи въ академіи, не воротиться назадъ и пр. и пр. Но собиратель матеріаловъ справедливо замѣчаетъ, что это далеко не такъ, что для тогдашняго семинариста съ спеціальнымъ семинарскимъ образованіемъ неизмѣримо труднѣе было поступить въ институтъ. И фактъ непринятія въ это заведеніе нѣкоторыхъ изъ товарищей Добролюбова подтверждаетъ это какъ нельзя лучше.

Въ дѣйствительности Добролюбовымъ руководили болѣе серьезныя и вполнѣ сознанныя основанія. Онъ съ рѣдкой, для своихъ лѣтъ, ясностью, понималъ ту разницу, которая существовала тогда между такъ называемымъ «духовнымъ» и свѣтскимъ образованіемъ, видѣлъ практическое общественное значеніе того и другого, — и весь былъ на сторонѣ свѣтскаго. Съ отцомъ и матерью, людьми, конечно, старинныхъ, устоявшихся взглядовъ, онъ не считалъ вначалѣ нужнымъ слишкомъ распространяться объ этомъ, и указываетъ только чисто на внѣшнія преимущества и особенности выбраннаго имъ заведенія. «Лучшимъ ли я нахожу для себя институтъ, чѣмъ академію?—пишетъ онъ имъ:—Вы можете такъ спра-

шивать, не видавши института и академіи и, чтобы вполнѣ представить превосходство перваго, надобно самому присмотрѣться къ обоимъ. Разумѣется, у кого какой вкусъ; кому что нравится: еще не дальше, какъ вчера, одинъ студентъ нашъ восхищался медицинской академіей, потому-что тамъ можно курить когда и гдѣ угодно, и ходить по корпусу безъ сюртука, или, лучше сказать прямо,—просто «въ натурѣ». Другимъ нравится и духовная академія; но что касается до меня, то вы, конечно, припомните, что... желаніе мое было поступить въ университетъ... Мысль эта глубоко вкоренилась во мнѣ и ничуть не была пустою мечтой, какъ увѣрялъ одинъ человѣкъ. Я уже умѣлъ наблюдать за своими склонностями, умѣлъ сообразить кое-что, и давно понялъ, что я совсѣмъ и не способенъ къ жизни духовной и даже наукѣ духовной...» И онъ приводитъ кстати передъ этимъ образчикъ грубаго обращенія даже сторожей съ студентами духовной академіи, не говоря уже о начальствѣ, въ родѣ секретаря или письмоводителя правленія.

Любопытно, однако, что юный Добролюбовъ уже и тогда стоялъ выше этихъ, какъ онъ понималъ, «мелочей», и не внѣшность, а сущность, цѣлесообразность и практичность образованія свѣтскихъ заведеній привлекали его. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ впослѣдствіи, почти годъ спустя, послѣ удачныхъ экзаменовъ для перехода на второй курсъ въ институтѣ: «Соображая свои успѣхи, и то, какъ легко они мнѣ достались, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что избранный мною путь есть вѣрный и безошибочный. Вѣрно въ академіи большихъ и большихъ трудовъ стоило бы мнѣ возиться съ различными герменевтиками, гомилетиками, литургиками, пасториками, канониками... И никогда бы я не выкарабкался изъ посредственности самой жалкой, будучи принужденъ писать каждый мѣсяцъ по два с о ч и н е н і я о томъ, можно ли научиться логикѣ изъ разсматриванія природы, объ отношеніи между логикой и психологіей, и т. п. въ томъ же родѣ, невыносимо тяжеломъ, отвлеченномъ, скучномъ, н и с к о л ь к о н е п р и л о ж и м о м ъ къ жизни»... «Теперь уже я не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ вами въ своемъ нѣсколько произвольномъ поступкѣ» (стр. 133), замѣтилъ Добролюбовъ по этому поводу отцу.

Любопытно отмѣтить, что Добролюбовъ на своемъ собственномъ опытѣ долженъ былъ часто провѣрять все неудобство исключительнаго схоластическаго образованія, какое давалось тогда въ семинаріи. Вещи рѣшительно всѣмъ извѣстныя были ему неизвѣстны, не смотря на его любовь къ наукѣ и настойчивое трудолюбіе. Пріѣхавъ на станцію желѣзной дороги, напримѣръ, онъ былъ пораженъ видомъ и формой вагоновъ, рисунками которыхъ, конечно, и тогда украшались учебники физики. «Въ Нижнемъ — пишетъ онъ:—я имѣлъ самое нелѣпое понятіе о вагонѣ и даже нѣсколько

удивился, когда ввели меня въ настоящій, а не воображаемый...» И такихъ мелкихъ, но досадныхъ вещей попадалось, конечно, множество на его пути, показывая ему необходимость болѣе близкихъ къ жизни знаній и все неудобство житейское отсутствія подобныхъ знаній. Объ этомъ, какъ увидимъ, онъ и самъ говоритъ уже въ лѣта большей зрѣлости.

Здѣсь уже кстати будетъ сказать, что восхищеніе институтомъ по сравненію съ академіей, естественно, скоро замѣнилось недовольствомъ этимъ учебнымъ заведеніемъ. Извѣстно, и изъ писемъ Добролюбова ясно, какъ стѣснительна была въ немъ жизнь для студентовъ, которыхъ формалистика, въ родѣ непреложной обязанности ложиться спать въ 10 часовъ и запрещенія, поэтому, имѣть свѣчи, нерѣдко лишала студентовъ возможности заниматься, когда къ тому представлялась необходимость. Но съ этимъ, съ этими мелкими неудобствами, Добролюбовъ мирился болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его товарищей, чему причиной была его серьезность, выдержанность, игнорированіе пустяковъ въ виду главныхъ цѣлей. Но обстоятельства сложились такъ, что въ концѣ концовъ онъ очутился во главѣ недовольныхъ особенно директоромъ и экономомъ. И эти исторіи грозили Добролюбову серьезными непріятностями, которыя были бы тѣмъ печальнѣе и страшнѣе для него, что въ это время онъ уже былъ сирота, и его братья и сестры всѣ свои надежды возлагали на него. На второмъ курсѣ Добролюбовъ написалъ стихи на случай юбилея Греча, разошедшіеся по городу, такіе стихи, что самъ Добролюбовъ въ извѣстномъ смыслѣ называетъ ихъ «пасквилемъ». Но непріятности онъ устранилъ съ той практичностью и умѣньемъ, о которыхъ мы уже говорили выше. «Я,—писалъ Добролюбовъ,—могъ поплатиться за мое легкомысліе цѣлою карьерой, но, къ счастью, имѣлъ довольно благоразумія, чтобы не запираться передъ директоромъ и, признавшись въ либеральности своего направленія, показалъ видъ чистосердечнаго раскаянія». Присоединившееся къ этому заступничество профессоровъ окончательно устранило опасность для Добролюбова, и онъ перешелъ въ третій курсъ. Урокъ, данный этимъ случаемъ, подѣйствовалъ на Добролюбова. «Бѣды большой еще нѣтъ въ моихъ дѣлахъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали пасквили, Искандеръ до сихъ поръ пишетъ на Россію ѣдкія статьи. Даль выгнанъ былъ изъ корпуса за «написаніе пасквилей...» А я, слава Богу, отдѣлался еще довольно легко, и теперь подобное обстоятельство со мною не повторится...» Вотъ что писалъ Добролюбовъ, когда исторія, начавшаяся по его неосторожности, наконецъ прекратилась, и опасность была устранена.

Но прошелъ годъ, и Добролюбовъ выступилъ противъ институтскихъ порядковъ открыто, печатно. Въ «Современникѣ» появилась статейка объ институтскомъ актѣ, наполненная, по выраже-

нію самого Добролюбова, «самыми злокачественными выписками изъ него». Очевидная и рѣзкая насмѣшка прикрывалась въ этой статьѣ формой утрированной, до нелѣпости похвалы. Въ то же время кто-то изъ бывшаго пятаго курса института написалъ письмо министру народнаго просвѣщенія объ институтской администраціи. Вся эта исторія для Добролюбова не имѣла, да и не могла имѣть никакихъ послѣдствій, но, въ теченіе всего четвертаго года, онъ, при блестящихъ успѣхахъ, находился съ начальствомъ института не въ ладахъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ кружкомъ студентовъ. И самъ Добролюбовъ писалъ одному изъ своихъ родственниковъ:—«начальство мое, послѣ всѣхъ исторій, какими я насолилъ ему, радо будетъ отправить меня въ Иркутскъ или въ Колу, а никакъ не оставить въ Петербургѣ» (т. е. на службѣ). Но и тутъ дѣло окончилось лучше, чѣмъ онъ предполагалъ: начальство ничего худого ему не сдѣлало.

Въ высокой степени замѣчательна черта, проявившаяся въ этомъ случаѣ въ Добролюбовѣ. Кончилъ онъ свой курсъ, и интересы институтскіе отступили отъ него вдаль. Другіе, товарищи его, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, вспоминали о «борьбѣ» съ начальствомъ, а онъ, котораго вздумали попрекать въ невыдержкѣ характера, въ «измѣнѣ дѣлу» и т. п., уже забывалъ институтскія дрязги для болѣе важныхъ своихъ цѣлей. «Скажу только, — писалъ онъ по этому поводу къ одному изъ своихъ друзей-товарищей, А. И. Златовратскому:—скажу только, что человѣку, у котораго есть интересы и цѣли повыше институтскихъ отмѣтокъ и благосклонностей, странно и смѣшно было бы принимать серьезно всѣ эти пустяки, которые волновали нашихъ товарищей въ послѣдній годъ... Я жилъ душою въ институтѣ, я работалъ, сколько было силъ моихъ, подвергаясь опасностямъ и непріятностямъ, пока у меня было дѣло полезное и благородное, и пока я не утратилъ вѣры въ тѣхъ, для которыхъ, между прочимъ, работалъ... Все, что̀ было мною совершено противъ начальства въ послѣднее время,—прибавляетъ Добролюбовъ, — было уже не плодомъ святого убѣжденія, а дѣломъ старой привычки...», потому-что онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. «Еслибы я далъ себѣ трудъ подумать, я бы никогда не сталъ терять даже получаса времени для людей, которые сто̀ятъ моего полнаго равнодушія, если не болѣе...»—вотъ общій выводъ, къ которому онъ приходитъ, выражая откровенное презрѣніе къ тѣмъ, кто можетъ придавать слишкомъ большое вниманіе къ мелкимъ дрязгамъ,—онъ уже далеко выше ихъ. Такъ или иначе, но курсъ былъ оконченъ и Добролюбову предстояли другіе пути; литературная дѣятельность была для него прочно начата и установлена уже статьею о «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», напечатанной за долго до окончанія имъ курса института, и другими статьями.

Жизнь раскрывалась передъ Добролюбовымъ путемъ широкимъ и плодотворнымъ, его близкія связи съ редакціей «Современника» обезпечивали ему будущность.

3.

Въ то время какъ Добролюбовъ медленно подвигался къ тому положенію, о которомъ сказано выше, его личная жизнь прошла чрезъ рѣдкія, исключительныя испытанія. Когда онъ былъ на первомъ курсѣ института, при наступленіи весны, скончалась послѣ родовъ его мать, которую онъ, какъ мы видѣли, любилъ страстно. Ударъ этотъ жестоко поразилъ впечатлительнаго юношу. Письма его къ отцу и къ другимъ въ это время дышатъ глубокимъ горемъ. Тогда-то онъ и писалъ вышеприведенныя строки о своей любви къ матери. «Отчій домъ не манитъ меня къ себѣ,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ,—семья меньше интересуетъ меня, воспоминанія дѣтства только растравляютъ сердечную рану, будущность представляется мнѣ въ какомъ-то жалкомъ, безотрадномъ видѣ... Знаешь ли, что во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ, всегда съ думой о счастіи матери? Всегда она была на первомъ планѣ; при всякомъ успѣхѣ, при всякомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, я думалъ только о томъ, какъ это обрадуетъ маменьку...» И на предполагаемый упрекъ ему, что онъ «разсуждаетъ, а не чувствуетъ», Добролюбовъ отвѣчаетъ:— «Но въ томъ-то и бѣда моя, что я разсуждаю. Если бы я могъ, какъ другіе, разразиться слезами и рыданіями, воплями и жалобами, то, разумѣется, тоска моя облегчилась бы и скоро прошла. Но я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собой, и потому-то мое положеніе такъ безотрадно, такъ горько. Разсудокъ подсказываетъ мнѣ всю великость моей утраты, не позволяетъ мнѣ забыться на минуту; я вижу страшное горе во всей его истинѣ, и между тѣмъ слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ...» Такъ характеризовалъ свое душевное состояніе самъ Добролюбовъ, обнаруживая, какъ видитъ читатель, огромную силу самосознанія, самоанализа, во всякомъ случаѣ, исключительную въ восемнадцатилѣтнемъ юношѣ.

Лѣтомъ Добролюбовъ пріѣхалъ на каникулы въ Нижній, съ цѣлью, между прочимъ, поддержать и утѣшить отца, понесшаго въ лицѣ жены такую страшную утрату. И въ эти каникулы онъ потерялъ и отца. Огромная семья осталась въ кругломъ сиротствѣ и почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Братья и сестры Добролюбова были разобраны родными и даже просто знакомыми изъ участія и изъ уваженія къ памяти отца, а самъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ такимъ страшнымъ горемъ въ сердцѣ, въ сравненіи съ которымъ горе по матери казалось слабымъ. Для Добро-

любова начались поистинѣ тяжелые дни, и тогда-то вся его любящая натура, его родственныя чувства выразились съ полной силой. Его размышляющая и дѣятельная натура не допустила его застояться на чувствѣ печали, вызвала въ немъ энергическую дѣятельность, направленную къ тому, чтобы вывести семью изъ тяжелаго положенія. И вотъ онъ, среди рѣшительно подавляющихъ институтскихъ занятій, находитъ время писать много и часто родственникамъ и знакомымъ, у которыхъ были его сестры и братья, утѣшать письменно и этихъ послѣднихъ, а вскорѣ затѣмъ и помогать имъ матеріально. Добролюбовъ воспользовался всѣми своими знакомствами и сношеніями въ Петербургѣ, чтобы устроить дѣла своихъ родныхъ. Нижегородскій тогдашній архіерей, нерасположенный къ семьѣ Добролюбовыхъ, упорно отказывалъ оставить мѣсто отца за одной изъ дочерей, — и Николай Александровичъ вынудилъ его сдѣлать это черезъ Сvнодъ. У семьи былъ домъ, обремененный долгами, изъ которыхъ главный—казенный, строительной комиссіи, угрожалъ продажей съ аукціона; и Добролюбовъ, не смотря на всѣ препятствія, черезъ министра народнаго просвѣщенія, принявшаго въ немъ участіе, добился-таки, что этотъ большой долгъ былъ сложенъ съ дома по именной волѣ государя.

Съ третьяго курса и даже со второго, энергичный юноша такъ много работалъ, что могъ весьма значительно помогать сестрамъ и братьямъ. Трогательною чертою является рѣшительная щедрость Добролюбова, его безкорыстное стремленіе помочь окружающимъ, особенно роднымъ. Помимо постоянныхъ посылокъ то въ 5, то въ 25 и 50 рублей своимъ семейнымъ, онъ, будучи самъ бѣденъ и еще въ началѣ четвертаго курса, нашелъ возможнымъ и нужнымъ помочь своему двоюродному брату, бывшему на службѣ, имѣвшему уже извѣстное общественное положеніе. Тотъ писалъ ему о несовсѣмъ удачной, въ матеріальномъ смыслѣ, женитьбѣ, жаловался, что у него выросъ значительный долгъ, конечно, не думая, что Николай Александровичъ можетъ помочь ему. И вотъ что получилъ онъ въ отвѣтъ:—«Послѣ полученія письма,—писалъ ему Добролюбовъ,—я сталъ думать о томъ, какъ бы помочь тебѣ, и нашелъ нѣкоторое средство. Средство это состоитъ въ деньгахъ, которыхъ я ждалъ для отвѣта. Вчера получилъ я 100 рублей (нужно думать, что это былъ гонораръ за статью о «Собесѣдникѣ»), и посылаю ихъ тебѣ. Можешь распорядиться ими для удовлетворенія назойливѣйшихъ должниковъ твоихъ, разумѣется, не сказывая никому, что получилъ деньги отъ меня...» Въ теченіе всей институтской жизни, уже не говоря о времени литературной дѣятельности, довавшей ему значительныя средства, Добролюбовъ былъ благодѣтелемъ всѣхъ своихъ семейныхъ. Энергія его рѣшительно поражаетъ читателя. Онъ и умеръ въ этой же роли. Послѣднее письмо его, напечатанное въ книгѣ, гласитъ:—«Въ половинѣ ноября (1861) та-

кой-то можетъ отъ меня получить 100 рублей, а если понадобится нѣсколько больше, то и больше. Объ остальномъ напишу, когда стану немножко поправляться. Пишу въ постелѣ; вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ лежу. Твой братъ и другъ Н. Добролюбовъ». Это былъ отвѣтъ на просьбу того же двоюроднаго брата, помочь ему рублями 100 или даже 50-ю, передавъ ему эти деньги черезъ извѣстное лицо. На смертномъ одрѣ Добролюбовъ думалъ о себѣ меньше, чѣмъ обо всѣхъ другихъ, кто въ немъ нуждался.

Энергическія усилія Добролюбова не остались безрезультатны. Къ тому времени, какъ онъ окончилъ свой курсъ, семья его въ сущности была уже значительно обезпечена домомъ, мѣстомъ и замужествомъ одной изъ сестеръ. Позже, двухъ братьевъ Добролюбовъ взялъ къ себѣ въ Петербургъ, остальныя двѣ сестры съ его помощью вышли замужъ, (двѣ умерли раньше). Умирая, Добролюбовъ оставлялъ всѣхъ своихъ или окончательно обезпеченными, или поставленными на дорогу. Огромная доля энергіи этого человѣка уходила на заботу о благѣ его родныхъ, близкихъ его сердцу.

Тѣмъ любопытнѣе представляется его теоретическое, разсудочно-холодное отношеніе къ родинѣ въ смыслѣ болѣе обширномъ. Могутъ сколько угодно говорить о его страстной любви къ отечеству, къ Россіи, но остается несомнѣнный фактъ именно разсудочнаго, предвзятаго и теоретическаго отношенія его къ ней, которое сказалось напримѣръ въ этомъ странномъ смѣхѣ надъ историческимъ соборомъ Василія Блаженнаго. Изъ этого-то отношенія вытекали проявлявшіеся еще въ институтѣ холодные, ироническіе отзывы его о совершавшейся тогда севастопольской борьбѣ, которая, такимъ образомъ, занимала въ тогдашней духовной жизни будущаго критика мѣсто менѣе значительное, чѣмъ борьба студентовъ института съ директоромъ и экономомъ. Конечно, въ тогдашнихъ враждебныхъ выходкахъ противъ нашихъ враговъ было, должно было быть, много преувеличеннаго, даже смѣшного. Но, какъ-то странно звучитъ въ устахъ русскаго человѣка желаніе осмѣять русскихъ патріотовъ въ пользу враговъ. И какихъ враговъ—Наполеона III-го, напримѣръ. Между тѣмъ Добролюбовъ вотъ что писалъ своему двоюродному брату въ 1855 году:—«ты, вѣрно, видѣлъ карикатуры Степанова на англичанъ и французовъ; замѣтилъ, какъ онъ представляетъ и унижаетъ Наполеона III-го... Вотъ на него двѣ эпиграммы:

«Что намъ смотрѣть карикатуры
«На нашихъ западныхъ враговъ?..
«Да наша Русь вся и въ натурѣ
«Есть съ иностранныхъ образцовъ
«Карикатурная гравюра...»

Впрочемъ, это настроеніе и направленіе гораздо больше принадлежитъ его времени, чѣмъ его личному характеру и свойствамъ его ума.

4.

Мы переходимъ теперь ко времени, когда имя Добролюбова начало пріобрѣтать все бо̀льшую и бо̀льшую извѣстность, когда плодотворная дѣятельность на поприщѣ литературы должна была, по видимому, внести въ его душу нравственное удовлетвореніе. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ обычнымъ явленіемъ, служащимъ доказательствомъ, что въ лицѣ Добролюбова мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ личностью высоко замѣчательною. Время его наибольшей и благотворнѣйшей дѣятельности было для него временемъ наибольшихъ нравственныхъ страданій, унынія, недовольства собою, невѣрія въ собственныя силы. Одна изъ личностей, возбуждавшихъ въ Добролюбовѣ невольное уваженіе, именно г-жа Пещурова, нѣкогда учившая Николая Александровича французскому языку, писала ему:—«вообще, жаль расположенія Вашего духа; какое-то découragement видно въ Вашихъ письмахъ. Я понимаю, что это происходитъ отъ одиночества; но надѣюсь, что это мало-помалу пройдетъ. Я вижу, что Ваши занятія, о которыхъ Вы говорите болѣе нежели съ скромностью, а съ униженіемъ (humilité) Васъ интересуютъ только по денежной пользѣ, что они Вамъ приносятъ. Если бы Вы писали съ увлеченіемъ, было бы иначе, и Вы бы не имѣли времени тосковать. Я не прощаю Вамъ, что Вы не хотите мнѣ сказать, подъ какимъ именемъ Вы выдаете Ваши статьи, и досадую, что можетъ быть читаю ихъ, не зная, что онѣ Вами писаны...»

Вотъ что отвѣтилъ на это Добролюбовъ:

«Мнѣ горько признаться Вамъ, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ свой не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки умственнаго превосходства. Кромѣ того, я лишонъ и матерьяльныхъ средствъ для пріобрѣтенія знаній и развитія своихъ идей въ томъ видѣ, какъ я бы желалъ и какъ нужно было бы. Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и прохожу въ умѣ то, надъ чѣмъ до сихъ поръ я бился. Лѣтъ съ шести или семи я постоянно сидѣлъ за книгами и рисунками. Я не зналъ дѣтскихъ игръ, не дѣлалъ ни малѣйшей гимнастики, отвыкъ отъ людского общества, пріобрѣлъ неловкость и застѣнчивость, испортилъ глаза, одеревѣнилъ всѣ свои члены... Еслибы я захотѣлъ теперь сдѣлаться человѣкомъ свѣтскимъ, то не могъ бы уже по самому устройству своего организма, которое пріобрѣлъ я искусственно. А между

тѣмъ—и въ дѣлѣ науки и искусства я не пріобрѣлъ ровно ничего. Лѣтъ пять рисовалъ я разныхъ солдатиковъ, и теперь не могу вывести ни собачки, ни домика, ни лошадки... Читалъ я пропасть книгъ, но что̀ читалъ,—еслибы Вы знали!.. Недавно перебиралъ я свои старинныя тетрадки, и нашелъ, что въ 13 — 14 лѣтъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о вещахъ, которыя хорошо извѣстны моимъ теперешнимъ десятилѣтнимъ ученикамъ и даже ученицамъ. Чего же Вы хотите? Пятнадцати лѣтъ я началъ учиться по-нѣмецки, и до сихъ поръ еще не безъ труда читаю ученыя нѣмецкія книги,—а повѣсти ихъ (нѣмцевъ) и теперь не умѣю читать. По-французски я сталъ учиться на восемнадцатомъ году, и если теперь читаю на этомъ языкѣ, то именно благодаря Вамъ. Англійскаго до сихъ поръ не знаю... Сколькихъ же сокровищъ знанія лишенъ я былъ до двадцати лѣтъ, умѣя читать только русскія книги... Да и изъ русскихъ книгъ я читалъ не то, что̀ было нужно, и до послѣдняго времени остался какимъ-то недоумкой... Мнѣ тяжело и грустно бываетъ, когда мои теперешніе знакомые и пріятели начинаютъ иногда говорить со мною, какъ о вещахъ, извѣстныхъ всѣмъ, о такихъ предметахъ науки и искусства, о которыхъ я не имѣю понятія... Я тогда терзаюсь и сержусь, и хочу все время посвятить ученью... Но—это легко сказать... Пора ученья прошла. Теперь мнѣ нужно работать, для того, чтобъ было чѣмъ жить... А работа моя, къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно... Я самъ удивляюсь, какъ меня стаетъ на это, и этимъ я измѣряю силу моихъ природныхъ способностей... Иногда мнѣ приходится встрѣчать людей тупыхъ и безполезныхъ, но громадными средствами обладающихъ для образованія и развитія себя. Тогда я думаю: еслибы я такъ былъ воспитанъ, еслибы я столько зналъ и имѣлъ средствъ—какой бы замѣчательный человѣкъ изъ меня вышелъ... Но за неимѣніемъ этого, я работаю, — пишу коекакъ;—и какъ же Вы хотите, чтобы мое писанье составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, что̀ пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ видѣнъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ, и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ... Чтобы удовлетворить Вашему желанію, скажу Вамъ, что мною писана вся критика и библіографія въ «Современникѣ» нынѣшняго года. Не правда ли, что Вы никогда не разрѣзали ни одной страницы изъ этого отдѣла журнала?.. И не правъ ли я былъ, говоря, что статей моихъ Вы, какъ и большая часть читателей, никогда не могли не только прочитать, но даже и замѣтить...» (стр. 434—436).

Въ этомъ, необыкновенно характерномъ, письмѣ Добролюбовъ выразилъ все отрицательное о самомъ себѣ, все, что̀ въ немъ самомъ было источникомъ недовольства собою. И этотъ мотивъ про-

ходитъ черезъ многія письма Добролюбова. Онъ не разъ, и даже позже, за границей, высказываетъ твердое намѣреніе оставить литературную дѣятельность. «Очень можетъ быть,—писалъ онъ Златовратскому, — что скоро я прекращу свою безтолковую дѣятельность по этой части (по части литературы) и посвящу себя скромнымъ педагогическимъ трудамъ далеко отъ Петербурга...» «Работа моя,—писалъ онъ позже Бордюгову,—сдѣлалась тяжела и отвратительна. Еслибы не нужда въ деньгахъ, не взялся бы я за перо. Разрѣши мнѣ послѣ этого нравственную разницу между мною и дѣвицами, продающими свои прелести...» «Ужасно пріятно,—говоритъ онъ тому же лицу въ другомъ письмѣ,—сочинять остроумныя статейки, въ то время когда плакать хочется каждую минуту и на сердцѣ кошки скребутъ».

Необходимо сказать, что не къ самому себѣ только въ отрицательномъ отношеніи лежалъ источникъ тоски и безвѣрія въ своё дѣло и въ свои силы у Добролюбова. Кругомъ себя онъ не видѣлъ людей, на которыхъ можно было бы положиться, которые дѣйствительно могли бы явиться представителями идей и идеаловъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ разочарованъ глубоко и непоправимо. Вотъ что писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, Шемановскому:

«Было время, и очень недавно, когда мы надѣялись на себя, на своихъ сверстниковъ; но теперь и эта надежда оказывается неосновательною. Мы вышли столько же вялыми, дряблыми, ничтожными, какъ и наши предшественники. Мы истомимся, пропадемъ отъ лѣни и трусости. Бывшіе до насъ люди, вступившіе въ разладъ съ обществомъ, обыкновенно спивались съ кругу, а иногда попадали на Кавказъ, въ Сибирь, въ іезуиты вступали, или застрѣливались. Мы, кажется, и этого не въ состояніи сдѣлать. Полное нравственное разслабленіе, отвращеніе отъ борьбы, страсть къ комфорту, если не матеріальному, то умственному и сердечному,— дѣлаетъ насъ совершенно безполезными коптителями неба, негодными ни на какую твердую и честную дѣятельность. Ты можешь подумать, что все это я пишу о тебѣ, желая упрекнуть тебя въ томъ, что ты такъ упалъ духомъ. Да, пожалуй, относи и къ себѣ все, что̀ мной сказано: я тебя не исключаю изъ этой характеристики нашего поколѣнія. Но повѣрь, что я никого не исключаю изъ нея, и всего меньше себя. Разница между нами, въ отношеніи къ нашей спячкѣ, не очень велика. Одинъ спитъ 24 часа въ сутки, другой—23 часа и 59 минутъ, третій 23 часа и 59 минутъ съ половиной, съ четвертью, съ осьмушкой и т. д.; но повѣрь, что разница нейдетъ дальше одной минуты. При видѣ великихъ вопросовъ, подымаемыхъ жизнью, при заманчивой перспективѣ трудной и горькой, но плодотворной дѣятельности, ожидающей новыхъ тружениковъ, при воспоминаніи о великихъ урокахъ исторіи — пробуждается иногда какая-то рѣшимость, шевельнутся проклятья,

разольется сладкое чувство человѣческой, идеальной любви по всему организму,—но все это тотчасъ же и замретъ, не успѣвши выразиться даже и въ словѣ, не только на дѣлѣ. И это не только въ себѣ замѣчаешь; то же самое дѣлается и съ другими, кого любишь и уважаешь за благородство и честность, на кого мы, бывало, возлагали наши лучшія, святѣйшія надежды»... (462—463).

Такъ писалъ Добролюбовъ въ то время, когда множество его статей читались съ увлеченіемъ и воспитывали грядущее поколѣніе, когда статья «Темное царство», получившая такую огромную извѣстность, доставившая славу своему автору, уже должна была появиться. Тяжелое душевное состояніе угнетало Добролюбова съ поражающей силой, и нужно удивляться энергіи его ума, позволявшей ему, не смотря на душевное угнетеніе, создавать новыя и новыя статьи. Двойственность, душевная неудовлетворенность, замѣтны и въ статьяхъ Добролюбова, особенно позднѣйшихъ. Помните ли его недовольство наступавшими на его глазахъ направленіями «шестидесятыхъ годовъ», даже не тѣми направленіями, сентиментальными и восторженными передъ грядущимъ «прогрессомъ» и «нашимъ временемъ, когда»..., которыя осмѣивалъ Добролюбовъ. Его взоры невольно обращались къ прошлому, къ сороковымъ годамъ, когда, по его выраженію, были должно быть «другіе люди и другіе идеалы», когда возможно было «направленіе живое и дѣйственное, направленіе истинно гуманическое, не сбитое и не разслабленное разными юридическими и экономическими сентенціями.» Добролюбовъ, очевидно, съ ненавистью относился къ ремесленной литературѣ, не придавая и вообще литературѣ преувеличеннаго значенія, какое придавалось ей прежде. Видя кругомъ, между тѣмъ, литературныхъ дѣльцовъ и ремесленниковъ, глупо гордыхъ своей кичливой ролью, Добролюбовъ естественно долженъ былъ придти къ насмѣшкѣ надъ людьми, которые, по его выраженію, уткнулись въ свою литературу.

Онъ хотѣлъ настоящаго дѣла. Но зналъ ли онъ и самъ, какое это настоящее дѣло, остается подъ вопросомъ и сомнѣніемъ. Одинокій въ своей литературной средѣ, онъ старался возобновить дружественныя связи съ своими институтскими друзьями, писалъ имъ почти просительныя письма—оставить старые счеты и сомнѣнія. Но въ этой-то перепискѣ всего болѣе и отразилось то, что мечты о плодотворной дѣятельности, которыя могли быть въ институтское время, оказались несостоятельными, а затѣмъ Добролюбовъ писалъ о томъ, что нужно создать для себя возможность честной и полезной дѣятельности. Его проповѣдь о «дѣлѣ вмѣсто словъ» встрѣчала въ его собственной жизни огромныя препятствія къ практическому осуществленію, и это служило источникомъ для него тяжелыхъ нравственныхъ страданій.

5.

Личная жизнь съиграла въ душевномъ состояніи Добролюбова довольно большую роль. Складывалась она въ высшей степени неблагопріятно для него. Онъ хотѣлъ любви, хотѣлъ быть любимымъ, какъ истый идеалистъ, имѣющій о любви представленія овсѣмъ особаго характера, а полюбить, еще болѣе вызвать къ ебѣ любовь, ему не удавалось. «Я, несчастный, — писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—не могу найти предмета для этого чувства, а чувство бродитъ въ душѣ и безпрестанно мѣшаетъ мнѣ... И чортъ меня знаетъ, зачѣмъ я началъ шевелить въ себѣ эту потребность женской ласки, это чувство нѣжности и любви...» Дѣло въ томъ, что Добролюбовъ не относился къ своему чувству и положенію непосредственно, просто. Самъ себѣ онъ представлялся некрасивымъ и вообще неспособнымъ вызвать къ себѣ сильное чувство, и думалъ, что «самыя шутки принимаютъ всегда оборотъ, не весьма лестный для самолюбія» его. Понравилась ему одна особа; но онъ уже заранѣе предрѣшаетъ, то тутъ ничего не выйдетъ, потому что—пишетъ онъ:—«ни одинъ разговоръ не обходится безъ того, чтобы она не сказала, что хотя человѣкъ я и хорошій, но ужъ слишкомъ неуклюжъ...» Особа эта, сообщая Добролюбову «тайны своего сердца», призналась, что собственно «не считаетъ его за мужчину и потому вовсе не стыдится говорить ему многое, чего другимъ не сказала бы». И Добролюбовъ иронически и грустно въ одно и то же время смѣется надъ собой: «Отчего же я не мужчина?—спрашиваетъ онъ—и что же я такое, послѣ этого? Неужели баба?» И Добролюбовъ не давалъ воли своему чувству.

Были моменты, конечно, когда и для Добролюбова возможно было развитіе взаимной склонности и освобожденіе отъ тяготившаго его нравственнаго одиночества. Но онъ, какъ всегда, какъ самъ сознавался, больше разсуждалъ, чѣмъ чувствовалъ, и чувство его увядало подъ гнетомъ «рефлексіи». Вотъ что разсказываетъ онъ въ письмѣ къ Бордюгову:

«Разскажу тебѣ одинъ поучительный моментъ, изъ котораго видно, пожалуй, какая я свинья, но сознаніе котораго меня хорошо арранжируетъ въ настоящую минуту. Недавно мнѣ показалось, что въ обращеніи А. С. со мной проглянула какая-то нѣжность, какъ будто начало возникающей любви. Это было для меня такъ ново и пріятно, что я не могъ не обратить своего вниманія на чувство, возбужденное во мнѣ этимъ случаемъ. Строгій анализъ показалъ мнѣ, что чувство это—не любовь, а просто пріятное щекотаніе самолюбія. Она меня еще и теперь очень интересуетъ, даже гораздо больше чѣмъ прежде, но судя по тому, что именно пробуждается во мнѣ при ея внимательности,—я убѣждаюсь, что весь интересъ пропадетъ, какъ только я узнаю, что она меня полюбила.

Теперь я только догадываюсь, что могу заставить ее полюбить себя, но все еще сомнѣваюсь, и потому продолжаю съ ней обращаться такъ, чтобы добиться пріятной несомнѣнности. Состояніе это, когда надежда перевѣшиваетъ сомнѣніе, довольно пріятно, и еслибъ она была столько умна, что весь вѣкъ могла бы держать меня въ такомъ состояніи, я бы завтра же на ней женился. Но я знаю, что такихъ умныхъ женщинъ нѣтъ на свѣтѣ, знаю, что очевидность должна скоро заступить мѣсто сомнѣнія и надежды, и потому развязка моего любезничанья очень близка. Я даже, по всей вѣроятности, не стану и ждать того, чтобы она дѣйствительно меня полюбила,—съ меня довольно будетъ убѣдиться, что она совершенно готова на это. А если она въ самомъ дѣлѣ полюбитъ и будетъ страдать?.. Не лучше ли бросить эти игрушки огнемъ? Вздоръ, — мы съ ней не таковскіе... Любовь, не получая себѣ пищи пройдетъ у ней въ полтора дня... А если и нѣтъ, такъ что за бѣда?

«Пускай ее поплачетъ:
«Ей ничего не значитъ.

«Но, разумѣется, тутъ-то я и оказываюсь свиньей... Я себя и не оправдываю...» (502).

И молодость, и незнакомство съ жизнью, и высокая честность, и въ то же время какая-то способность заглушить въ себѣ искреннее чувство любви сказываются въ этомъ эпизодѣ, разсказанномъ Добролюбовымъ съ чувствомъ глубокой печали, скрытой подъ насмѣшливостью. Но особенно характеренъ случай, въ которомъ Добролюбову досталось по истинѣ печальная роль. Разсказъ этотъ очень простъ и ясенъ. Приглашенный, почти насильно затащенный въ одно общество, онъ, не танцующій, смотрѣлъ, какъ танцуютъ другіе.

«Между танцующими,— разсказываетъ онъ,— открылъ я одну дѣвушку, отъ которой не могъ оторвать глазъ: такъ была хороша она. Прежде всего поразилъ меня контрастъ черныхъ глазъ и бровей ея съ свѣтло-русыми волосами, потомъ розовая нѣжность ея кожи, правильное до послѣдней степени, симетричное расположеніе всѣхъ чертъ, ротикъ съ улыбкой счастья и доброты, и такое умное, живое и въ то же время ласкающее выраженіе всей физіономіи, особенно глазъ... Ахъ, какіе это глаза, еслибъ ты видѣлъ! Они не жгутъ и не горятъ, а какъ-то свѣтятся и грѣютъ тебя... Я впивался въ нее и почелъ бы себя счастливымъ, еслибы на меня упалъ одинъ взглядъ этихъ глазъ. Но она танцовала, а я былъ въ толпѣ смотрящихъ изъ дверей. А какъ она танцовала! Сколько прелести и граціи было въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждой улыбкѣ, которой она размѣнивалась съ своимъ кавалеромъ! Нѣтъ, никакой Грёзъ никогда бы не могъ создать такой головки! А тутъ она была передо мною живая, пор-

хающая, говорящая съ другими! А я не смѣлъ даже подойти къ ней близко... Въ первый разъ я отъ глубины души проклялъ свою неуклюжесть и свое неумѣнье танцовать. Но проклятіями взять было нечего. Я рѣшился дѣйствовать иначе. Я спросилъ, кто она; мнѣ назвали фамилію; спросилъ: съ кѣмъ она пріѣхала? Съ отцомъ. Я удовольствовался и прошелъ въ другую комнату. Тамъ попросилъ я, чтобы мнѣ показали г-на такого-то (т. е. отца ея). Мнѣ указали, и я началъ около него вертѣться. Подслушалъ я, что онъ не успѣлъ составить себѣ партіи и ищетъ партнеровъ; тотчасъ же побѣжалъ я къ хозяину и попросилъ, чтобъ онъ устроилъ партію въ ералашъ: такой-то съ такимъ-то сейчасъ изъявили желаніе играть, я—тоже хочу, остается найти четвертаго. Хозяинъ, ничего не подозрѣвая, сладилъ партію, и я сталъ играть съ почтеннымъ отцомъ, которому тутъ же былъ и представленъ. Надо тебѣ сказать, что онъ генералъ со звѣздой, и не смотря на то, я ему куртизанилъ въ картахъ и вообще ужасно егозилъ передъ нимъ. Пойми, какъ я врѣзался-то! Разумѣется, вся эта исторія кончилась тѣмъ, что мы познакомились»...

Добролюбовъ сталъ бывать въ домѣ, игралъ разъ въ дурачки съ плутнями въ цѣломъ обществѣ, гдѣ была и дѣвушка, такъ поразившая его, но не умѣлъ сблизиться, да и не успѣлъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ туда, встрѣтя чуждое ему общество, въ затрудненіи, онъ отошелъ въ сторону. Но предоставимъ ему самому разсказывать дальше:

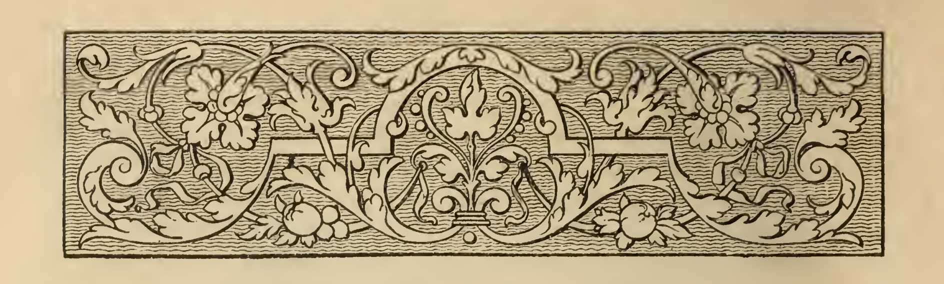
«Я осмотрѣлся и не нашелъ около себя дружелюбнаго лица, съ которымъ бы могъ заговорить, кромѣ опять того же офицерика. Въ прошедшую среду мы съ нимъ немножко сошлись, такъ что я началъ разговоръ такимъ образомъ; «Хорошо мое положеніе въ этомъ домѣ! никого не знаю, никому не представленъ, и заговорить ни съ кѣмъ не могу». Онъ посмотрѣлъ на меня, и тутъ только замѣтилъ я, что онъ чѣмъ-то особенно сіяетъ.—«А вы знаете мое положеніе въ этомъ домѣ?» спросилъ онъ меня.—«Какое? Въ томъ же родѣ, какъ и мое?»—«Нѣтъ, совсѣмъ въ другомъ», отвѣчалъ онъ и ухмыльнулся:—«Я сегодня объявленъ здѣсь женихомъ».—«Какъ? закричалъ я.—«Да, я женюсь на дочери N». Не знаю, что со мной сдѣлалось при этомъ извѣстіи. Я судорожно сжалъ рукой горячій стаканъ чаю, бывшій у меня, прислонился къ двери, и боль обожженной руки отвлекла начинавшееся головокруженіе.—«Я очень доволенъ», прибавилъ онъ, весело смотря мнѣ въ глаза.—«Еще бы», отвѣчалъ я:—«да это такое счастье, больше котораго я ничего и не подумалъ бы пожелать себѣ».—Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько странно; я опомнился.—«Ну, поздравляю васъ», началъ я добродушнымъ тономъ:—«Она, кажется, очень умная и добрая, и притомъ...» Словомъ, я пустился въ панегирикъ ей,—который не былъ ему непріятенъ... Между прочимъ, я спросилъ, давно ли онъ

знакомъ съ нею;—три года, говоритъ...» Дождавшись возможности прилично удалиться изъ этого общества, Добролюбовъ началъ прощаться. Но и прощанье вышло не совсѣмъ благополучно съ его точки зрѣнія. Именно, «отецъ,— разсказываетъ Добролюбовъ, — прощаясь со мною, наивно проговорилъ:—«А жаль, что вамъ партіи не составилось сегодня».—Я немножко дрогнулъ и отвѣтилъ: «что дѣлать?» такимъ отчаянно-грустнымъ тономъ, что меня всѣ окружающіе сочли, вѣроятно, чудовищнымъ экземпляромъ записного картежника. А я думалъ совсѣмъ о другой партіи... Дорога отъ нихъ ко мнѣ была длинная, ванька попался плохой; въ лицо мнѣ хлесталъ мокрый снѣгъ. Въ груди у меня шевелились рыданья, я хотѣлъ всплакнуть отъ бездѣлья; но и то какъ-то не вышло. Дома принялся было за исправленіе одной рукописи, которую хотимъ теперь печатать; но почувствовалъ себя въ настроеніи къ дружескимъ изліяніямъ и принялся за письмо. И такъ отъ 6-го до 24-го февраля я предавался безумной, хотя и робкой надеждѣ на то, что могу быть счастливъ. Сколько тутъ было плановъ, мечтаній, думъ и сомнѣній! Радостныхъ минутъ только не было, исключая, впрочемъ той, когда я получилъ приглашеніе ея отца бывать у нихъ, и тѣхъ немногихъ минутъ, когда мы играли въ дурачки... И вотъ она аллегорія-то: какъ я ни плутовалъ, а все-таки въ дуракахъ остался. А она вотъ выходитъ! Чортъ знаетъ, что такое! Я тебѣ не расписываю своихъ чувствъ. Но объ ихъ силѣ ты можешь заключить по несвойственной мнѣ смѣлости и стремительности дѣйствія, выказанныхъ мною въ этомъ случаѣ. Суди же и о великости моего огорченія. Все, окружающее меня, все, что̀ я знаю, — дрянь въ сравненіи съ нею; а я принужденъ съ этой дрянью возиться и любезничать, въ то время, какъ у меня защемлено».

Такъ грустно кончился этотъ случай увлеченія Добролюбова. Вѣроятно, все это пришло бы со временемъ въ порядокъ. И Добролюбовъ, находившій, что «цѣль, которую онъ было предположилъ себѣ, оказалась ему вовсе не по плечу», крѣпче сталъ бы на благотворномъ пути, по которому онъ шелъ, и освободился бы отъ увлеченій, бывшихъ результатами его молодости. И личная жизнь его устроилась бы. Но смертельный недугъ уже сторожилъ его. Ни путешествіе за границу, ни всѣ другія мѣры, не достигли цѣли. И удивительный талантъ, обѣщавшій въ будущности, можетъ быть, совсѣмъ не то, чего отъ него ожидали, не увлеченія шаблонныя, характеризующія слѣдовавшее затѣмъ время, а серьезную мысль и критическое отношеніе къ увлеченіямъ,—удивительный талантъ этотъ исчезъ съ литературнаго поприща съ грустными словами на устахъ:

«Пускай умру, печали мало...»

Арс. Введенскій.



ШИРКОВСКОЕ ДѢЛО.

ШИРКОВСКОЕ дѣло до сихъ поръ живетъ въ памяти многихъ курскихъ старожиловъ. Въ Курской губерніи было въ старину много громкихъ дѣлъ, преданія о которыхъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранились до настоящаго времени въ формѣ легендарныхъ сказаній, гдѣ былое переплетено съ небылицами, въ большей или меньшей степени, смотря по фантазіи разсказчиковъ и пересказчиковъ. Такія дѣла заключаютъ въ себѣ небезъинтересныя данныя для характеристики прошлаго быта и нѣкоторыхъ его своеобразныхъ особенностей, преимущественно касающихся стараго барства и дореформеннаго чиновничества.

Къ числу подобныхъ дѣлъ относится и «Ширковское». Оно въ свое время надѣлало немало шума не только въ Курской губерніи, но и за предѣлами ея; оно было два раза рѣшаемо правительствующимъ сенатомъ, разбиралось въ государственномъ совѣтѣ, для разслѣдованія этого дѣла учрежденъ былъ въ Петербургѣ особый высшій комитетъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ имперіи, въ немъ принималъ участіе всесильный тогда Аракчеевъ, въ его подробности входилъ самъ императоръ Александръ I. Производство ширковскаго дѣла было облечено таинственностью и въ сущности своей оно было загадочно, а эти обстоятельства, само собою разумѣется, волновали современниковъ Ширкова, одного изъ богатѣйшихъ курскихъ помѣщиковъ, который въ своихъ прихотяхъ и желаніяхъ не зналъ ни мѣры, ни удержу.

Съ той поры прошло три четверти вѣка, наступило время, когда находившееся прежде подъ спудомъ дѣло, можетъ быть изложено по архивнымъ документамъ и представитъ для читателей любопытную бытовую картинку изъ недавняго прошлаго.

I.

Льговскій помѣщикъ Ширковъ жилъ открыто и богато. Какъ обыкновенно водилось въ то время у большихъ баръ, пиры у него смѣнялись балами, за балами слѣдовали рауты, охоты, пикники и т. д. Гостей, разумѣется, бывало всегда множество. Чуть не полгуберніи съѣзжалось къ Ширкову въ имѣніе. Мало того: бывало пишетъ къ нему губернскій предводитель дворянства:

«Ѳедоръ Иванычъ, мы безъ васъ тутъ въ Курскѣ скучаемъ»...

И Ширковъ, со всѣмъ своимъ дворомъ и штатомъ, ѣдетъ въ Курскъ. Съ нимъ, разумѣется, оркестръ, хоръ, крѣпостные актеры, которымъ приходилось играть даже въ городскомъ театрѣ. По прибытіи въ Курскъ, у Ширкова начинается рядъ празднествъ...

Какъ большой баринъ, Ширковъ, конечно, и самодурствовалъ въ волю. Не мало анекдотовъ объ этомъ самодурствѣ дошло и до нашего времени. Они рисуютъ личность Ширкова въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ.

Въ день именинъ Ширкова, въ его усадьбу непремѣнно съѣзжались представители губернской администраціи, множество богатѣйшихъ помѣщиковъ и масса всякаго рода гостей. Для большаго блеска выписывали нѣсколькихъ протоіереевъ; изъ Рыльска являлся архимандритъ и торжественно отправлялъ службу, на которой имениннникъ присутствовалъ, сидя передъ алтаремъ въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ. Въ концѣ молебна дьякономъ обыкновенно провозглашалось многолѣтіе «болярину Ѳеодору». И вотъ, въ одинъ изъ такихъ именинныхъ дней, молодой дьяконъ недавно назначенный къ церкви села Лунова, находившейся въ имѣніи Ширкова заартачился и не пожелалъ провозглашать многолѣтія «вельможному болярину»; ибо, по мнѣнію дьякона, такое многолѣтіе не согласно съ уставомъ церковнымъ. Не смотря на то, что священники и даже самъ архимандритъ, подсказывали дьякону: «болярину... болярину».., непокорный провозгласилъ прямо: «всѣмъ православнымъ христіанамъ». Ширковъ сдѣлался мраченъ, какъ ночь. Онъ кивнулъ головой камердинеру и когда тотъ въ мгновеніе ока очутился подлѣ своего властелина, прошепталъ нѣсколько словъ.

По окончаніи службы, многочисленныя поздравленія расточались передъ Ширковымъ. Архимандритъ кланялся въ поясъ. Направились всѣ изъ церкви. Задумчивый Ширковъ вышелъ къ

своему экипажу и бросилъ взоръ на деревню. Лицо его сразу просвѣтлѣло.

— Молодцà, ребята,—сказалъ онъ многочисленной своей дворнѣ.

За что такая похвала? За то, что по приказу оскорбившагося барина, дворовые въ пять-десять минутъ разнесли домъ и усадьбу дьякона. Когда послѣдній изъ церкви поплелся къ себѣ, то увидѣлъ, что отъ жилища его не осталось камня на камнѣ, а жена съ дѣтьми воютъ благимъ матомъ, ломая свои руки на развалинахъ...

Дьяконъ бросился въ Курскъ, къ архіерею...

— Что ты надѣлалъ, дуракъ, — замѣтилъ ему старикъ-архіерей.—Скорѣе просись въ другой приходъ...

И черезъ недѣлю не только дьяконскаго дома, но и его самого съ семействомъ уже не было въ Луновѣ.

Ширковъ любилъ охоту, но особенную страсть питалъ къ волкамъ... Чтò бы ни застрѣлили, или ни затравили, на охотѣ, лисицъ, зайцевъ и т. п., Ширковъ былъ мраченъ... Поражала пуля волка, онъ успокоивался и жаловалъ убившему сѣраго изъ собственныхъ рукъ синюю ассигнацію... Чѣмъ на охотѣ больше было убито волковъ, тѣмъ Ширковъ дѣлался веселѣе...

Разъ, назначена была облава на волковъ. Ѣдетъ Ширковъ и съ нимъ скачутъ охотники. Глядь, а сельскій попъ перерѣзалъ имъ дорогу на своей кляченкѣ... Взбѣсился «боляринъ», догналъ попа, да и сталъ его угощать арапникомъ, сколько влѣзло. Затѣмъ поѣхали на охоту. Волковъ было убито шесть штукъ. Возвратившись домой, въ радостяхъ Ширковъ велѣлъ представить къ себѣ избитаго священника. Тотъ явился. Послѣдовала мировая, разумѣется, выгодная для потерпѣвшаго.

Когда Ширковъ проѣзжалъ лѣтомъ въ рабочую пору, то любилъ видѣть, чтобы вездѣ кипѣла работа на поляхъ, хотя бы и не его помѣстья. Если онъ гдѣ-нибудь находилъ залѣнившагося, по его мнѣнію, работника, сейчасъ же приказывалъ драть его немилосердно кнутьями. Льговскій и смежные уѣзды хорошо знали это. И когда катилъ Ширковъ по дорогѣ, то вокругъ работа горѣла въ рукахъ мужчинъ и женщинъ. И только тогда ослабѣвала дѣятельность крестьянскаго люда, когда ширковскій экипажъ скрывался за горизонтомъ.

Ширковъ былъ женатъ и у него были дѣти. Разумѣется, семейство его было безсловесно и покорно. О гаремѣ изъ крѣпостныхъ и говорить нечего. Онъ былъ во всякое время дня и ночи къ услугамъ помѣщика... Кромѣ того, Ширковъ свелъ интригу съ дочерью своей сосѣдки, бѣдной дворянки Алтуховой,—которой было лестно вниманіе богача... Притомъ же Ширковъ былъ ея крестнымъ отцомъ и Марія,—такъ звали дочь Алтуховой,—бывала въ ширковской усадьбѣ, иногда даже безъ вѣдома матери.

Такъ проживалъ Ширковъ до 28-го мая 1813 года.

Въ этотъ день, въ полѣ, на большой дорогѣ изъ Курска въ Льговъ, близь села Лунова, найдено было мертвое тѣло Маріи Алтуховой, въ четырехъ верстахъ отъ усадьбы Ширкова. Тѣло убитой лежало навзничь, съ распростертыми руками, было одѣто въ женской шубкѣ, въ рубашкѣ, на ногахъ были башмаки безъ чулокъ. Растрепанные волосы и все лицо дѣвушки были въ крови, горло было проткнуто острымъ орудіемъ до самаго затылка насквозь, ротъ былъ съ обѣихъ сторонъ разрѣзанъ до ушей, обѣ губы отрѣзаны прочь, около носа рана, правая рука была проколота въ трехъ мѣстахъ. Рука эта, по словамъ очевидцевъ, замерла со сложенными для крестнаго знаменія пальцами. Изо рта убитой Маріи былъ вынутъ пропитанный кровью комокъ бумаги.

Видъ трупа приводилъ всѣхъ въ содроганіе. Поспѣшили дать знать о происшествіи становому приставу и нижнему земскому суду въ Льговѣ. Поразительнѣе всего было то обстоятельство, что головной гребень убитой Алтуховой былъ найденъ у воротъ дома ея отца, а платье возлѣ кровати, на которой она вечеромъ 27-го мая дома легла спать. Въ ту ночь, когда была убита Алтухова, отецъ ея, человѣкъ вообще нетрезвой жизни, былъ пьянъ и спалъ въ саду, мать была въ отсутствіи, въ Курскѣ... Два крѣпостныхъ человѣка ночевали въ сараѣ... Очевидно, покойная Алтухова сама ли удалилась изъ дома, или была кѣмъ-либо похищена; но уже потомъ не возвратилась.

На мѣсто происшествія явился становой приставъ. Привалила толпа народа. Смотрѣли на убитую... Дорожная пыль была изборождена колесами экипажа. Собравшіеся вслухъ обвиняли въ страшномъ злодѣяніи Ширкова.

— Онъ ее укокошилъ, онъ!—гомонили въ толпѣ.

Другіе шептались о томъ же. Ни для кого не было тайной, что Ширковъ любилъ свою крестницу.

Вдругъ полиція, понятые и толпа любопытныхъ запримѣтили ѣхавшій изъ ширковской усадьбы экипажъ. Это были дрожки и на нихъ ѣхалъ человѣкъ Ширкова.

— Куда?—окликнулъ ѣхавшаго становой приставъ.

— Въ Льговъ,—отвѣчалъ тотъ.—Бумагу везу въ нижній земскій судъ, отъ барина.

Человѣкъ Ширкова ударилъ по лошади и помчался дальше. Взглянуть на валявшійся на дорогѣ трупъ онъ и не подумалъ. Между тѣмъ, собравшіеся однодворцы и понятые стали просить становаго пристава сейчасъ же измѣрить и засвидѣтельствовать,— ширину колеи проѣхавшихъ ширковскихъ дрожекъ и ширину колеи экипажа, на которомъ былъ вывезенъ трупъ дѣвушки на большую дорогу и тамъ брошенъ. Становой согласился и оказалось, что обѣ колеи совпадаютъ точь въ точь.

— Его дѣло, его!—заговорили въ толпѣ.

Но напрасны были измѣренія слѣдовъ въ дорожной пыли. Когда становой приставъ пріѣхалъ во Льговъ, то въ земскомъ судѣ лежало на столѣ заявленіе Ширкова, изъ котораго можно было видѣть, что онъ самъ сознается въ томъ, что Алтухова ѣхала въ злополучную ночь на его дрожкахъ.

«Крестница моя, Марія Алтухова,— заявилъ земскому суду Ширковъ,—имѣла ко мнѣ горячую любовь. Я въ ночь смерти ея посылалъ за нею дрожки со своимъ кучеромъ и камердинеромъ. Она, пріѣхавши ко мнѣ въ домъ, пробыла довольно долго у меня и потомъ предъ разсвѣтомъ, на зарѣ, отправилась къ себѣ въ родительскій домъ. Черезъ нѣсколько времени возвратился кучеръ и сказалъ, что Алтухова на пути, вынувъ изъ дрожекъ пистолетъ, застрѣлилась съ отчаянія, не успѣвъ склонить меня на любовь».

Вскорѣ, въ земскій судъ прибылъ самъ Ширковъ; ему не сидѣлось въ усадьбѣ. Нечего и говорить, что встрѣченъ онъ былъ мелкими «приказными» подобающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, нужно было приступить къ слѣдствію. Судъ пожелалъ допросить ширковскаго кучера, который везъ Алтухову. Ширковъ отвѣчалъ, что кучеръ сейчасъ же явится для показаній. Но онъ солгалъ. Рано утромъ кучеръ съ камердинеромъ были устланы Ширковымъ въ Курскъ, будто бы за докторомъ, для того, чтобы подать Алтуховой помощь. Такимъ образомъ, посланные должны были проѣхать изъ Лунова въ Курскъ 50 верстъ и столько же обратно, а между тѣмъ у Ширкова въ домѣ жилъ лекарь, итальянецъ Бондини, имѣвшій всегда при себѣ медикаменты, которыми онъ многимъ оказывалъ помощь. Въ недальнемъ разстояніи, во Льговѣ, жилъ медикъ Брунсъ, къ которому Ширковъ, однако, не послалъ. Точно также Ширковъ не далъ знать о происшествіи роднымъ погибшей дѣвушки и не принялъ никакихъ мѣръ къ охраненію трупа, а оставилъ его брошеннымъ на большой дорогѣ.

Земскій судъ началъ слѣдствіе. На мѣсто происшествія члены суда поѣхали только на другой день. Въ усадьбу Ширкова они не смѣли и заѣхать, а тѣмъ болѣе—допросить его крѣпостныхъ людей. Трупъ Алтуховой былъ освидѣтельствованъ льговскимъ штабъ-лекаремъ Брунсомъ, который даже не позаботился вскрыть черепа Алтуховой для опредѣленія—былъ ли сдѣланъ въ ротъ выстрѣлъ, или нѣтъ.

Не будемъ описывать терзаній несчастной матери Алтуховой, у которой Марія была единственной дочерью. Со времени гибели дочери старуха Алтухова поставила себѣ цѣлью стать обвинительницею убійцы ея Маріи, которымъ она громко называла Ширкова. Этотъ послѣдній продолжалъ вести открытую жизнь, но всѣми было замѣчено, что представители курскаго дворянства перестали посѣщать Луново и его гостепріимнаго хозяина. Мѣсто

ихъ заняли разные судейскіе чиновники, которые мало-по-малу стали смѣлѣе по отношенію къ Ширкову и вскорѣ, какъ пьявки, присосались къ нему. Выше мы видѣли, что Ширковъ подалъ въ земскій судъ заявленіе о самоубійствѣ Алтуховой. Послѣ знакомства съ персоналомъ льговскаго земскаго суда, Ширковъ измѣнилъ свое показаніе. Онъ объяснилъ, что кучеръ его, возвратившись ночью 28-го мая, въ страхѣ передалъ ему, что на дорогѣ нѣсколько пьяныхъ негодяевъ напали на ѣхавшую въ дрожкахъ Марію Алтухову, изнасиловали ее и убили.

Въ основу своего слѣдствія земскій судъ положилъ убійство Алтуховой неизвѣстными людьми... Но какъ было ихъ найти?.. Всѣмъ сосѣдямъ Ширкова было извѣстно, что слѣдствіе ведется по его указаніямъ, что слѣдователи днюютъ и ночуютъ у него и въ его домѣ составляютъ протоколы и журналы. Для слѣдствія Ширковъ поставилъ свидѣтелей и нашелъ виновныхъ. Явились свидѣтели, утверждавшіе, что они видѣли, какъ Ширковъ простился съ пріѣзжавшею къ нему Алтуховою, какъ проводилъ ее до экипажа и ушелъ потомъ къ себѣ въ спальню. Явилось добровольно четыре человѣка крестьянъ, которые заявили суду, что они убили Алтухову на большой дорогѣ, будучи пьяны...

— Пировали мы,—показали обвиняемые,—всю ночь въ Соломинскомъ кабакѣ, а какъ вышли оттуда, увидѣли дрожки съ проѣзжавшей барышней, и грѣхъ насъ попуталъ...

Въ протоколахъ льговскаго земскаго суда было записано подробное показаніе явившихся съ повинною крестьянъ.

«Когда они остановили дрожки, то одинъ изъ нихъ—Лобановъ, пригласилъ ширковскаго кучера, Щеплюхина, идти пить вино. Тотъ отказался. Алтухова въ это время начала бранить Лобанова, котораго прежде знала, за пьянство. Онъ, разсердившись, схватилъ дѣвушку за шубу, потащилъ съ дрожекъ и повалилъ съ помощью своего товарища Борзенкова на землю. При этомъ Щеплюхинъ, по его словамъ, началъ кричать, а Борзенковъ зажалъ ему ротъ съ угрозами убить его. Послѣ этого, Лобановъ изнасиловалъ Алтухову и такъ какъ она при этомъ сопротивлялась, то товарищи Лобанова держали ее. Послѣ Лобанова, несчастная Алтухова подверглась тому же отъ другихъ негодяевъ—Борзенкова, Сотникова и Лягушкина. Они принудили къ насилію и Щеплюхина. Потомъ всѣ вмѣстѣ стали пить вино, а Алтухова просила своихъ мучителей пощадить ея жизнь. Но Лобановъ ударилъ ее въ затылокъ кистенемъ, отчего Алтухова упала на землю, продолжая молить о пощадѣ; Борзенковъ же, выхвативъ изъ кармана ножъ, сначала ударилъ дѣвушку этимъ орудіемъ въ руку, а потомъ въ ротъ и такимъ образомъ прикончилъ ее».

Въ это время кучеръ Щеплюхинъ хотѣлъ уйти, но былъ задержанъ и, испугавшись угрозъ пьяной шайки, разсказалъ, какъ

совершено было убійство Алтуховой не сейчасъ, но по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, когда убійцы сами сознались въ содѣянномъ ими преступленіи.

Слѣдствіе земскаго суда такимъ образомъ нашло преступниковъ и свидѣтелей. Но приказные крючки безбожно тянули дѣло. Прошелъ цѣлый годъ, а конца слѣдствія не было. Между тѣмъ, сосѣди Ширкова стали замѣчать, что Ширковъ совсѣмъ перемѣнился. Онъ постарѣлъ на видъ, сталъ угрюмъ и раздражителенъ, не смотря на то, что если гибель Алтуховой набросила на него какую-либо тѣнь, то услужливый земскій судъ отогналъ ее далеко-далеко... Какъ нарочно, въ тѣ годы, когда велось слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой, льговскій земскій судъ состоялъ изъ весьма неблагонадежныхъ людей. Засѣдатель, по словамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ «пристрастный къ пьянству», другой засѣдатель былъ «не лучшихъ качествъ...» Стряпчій былъ преданъ Ширкову «душой и тѣломъ». Вслѣдствіе этого, земскій судъ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей Ширкова (однодворцевъ), которые не согласились быть лжесвидѣтелями, выслалъ въ Курскъ якобы по требованію курской полиціи съ тѣмъ, чтобы они изъ Курска никуда не отлучались...

Ширкову удалось, кромѣ своихъ крестьянъ и однодворцевъ, найти свидѣтельницу въ свою пользу въ бѣдной усадьбѣ несчастной старухи Алтуховой, именно женщину Ирину. Впослѣдствіи эта женщина чистосердечно созналась, что Ширковъ подкупилъ ее и просилъ показать на судѣ, что ея деверь Захаръ (Лобановъ) далъ ей ножъ въ то утро, когда найдена была убитой барышня Алтухова, при этомъ будто бы сказалъ:

— Этотъ ножъ ночью поработалъ.

«Будучи въ земскомъ судѣ, — разсказываетъ Ирина, — я хотя и пьяна была, однако же не рѣшалась сказать такъ, какъ научилъ меня Ширковъ. Но когда меня судьи спросили:—«Есть ли у тебя ножъ?» я отвѣчала:—«есть...» Стряпчій началъ спрашивать:—«Гдѣ ножъ лежитъ?» Я сказала. Судьи отправились за ножемъ и взяли его. Потомъ написали то, что̀ имъ говорилъ Ширковъ. Во время допроса были пьяны секретарь суда, стряпчій и судьи, а напились они у Ширкова, который былъ при допросѣ и научалъ тутъ же допрашиваемыхъ, что̀ имъ говорить».

Разумѣется, предосудительныя дѣйствія и поступки Ширкова, были вызваны желаніемъ спасти себя отъ рукъ правосудія; но и вообще темныя дѣянія были въ характерѣ этого человѣка... Натура Ширкова была испорчена и нравственно исковеркана «съ младыхъ ногтей». Ширковъ остался сиротою послѣ отца 5-ти и послѣ матери 12-ти лѣтъ. 14-ти лѣтъ отъ роду онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно и началъ самъ распоряжаться своимъ имѣніемъ. Будучи почти еще мальчикомъ, Ширковъ изъ села уѣхалъ

въ Москву, гдѣ, по словамъ его, находился въ вихрѣ буйной разгульной жизни и увлекался чтеніемъ романовъ. Служить онъ не захотѣлъ. Въ Москвѣ Ширковъ, между прочимъ, состроилъ такую штуку:—набралъ у купцовъ въ долгъ значительное число товаровъ и, занимая направо и налѣво деньги, надавалъ закладныхъ и обязательствъ на 36,400 руб. Потомъ отрекся отъ платежа, ссылаясь на свое несовершеннолѣтіе, и поэтому всѣ долги Ширкова, на основаніи законовъ, были въ 1805 году гражданскою палатою признаны недѣйствительными.. Проживая у себя въ деревнѣ, Ширковъ велъ самую распутную жизнь.

Въ 1807 году, онъ полюбилъ дочь одного почтеннаго и уважаемаго сосѣдями помѣщика Льговскаго уѣзда. Онъ вздумалъ на ней жениться, не смотря на то, что былъ уже женатъ. Ему это было нипочемъ. Своей женѣ онъ предложилъ разводъ за 300 душъ крестьянъ... И однажды, когда отецъ дѣвушки, въ которую влюбился Ширковъ, не ожидалъ къ себѣ сватовства, отъ Ширкова появились сваты съ предложеніемъ выдать дочь... Разумѣется, почтенный помѣщикъ оскорбился и даже хотѣлъ отомстить. Но Ширковъ испугался и просилъ прощенія у оскорбленнаго, объяснивъ свой поступокъ пьянствомъ... А пьянству онъ предавался безъ мѣры и удержу.

Однажды Ширковъ проѣзжалъ возлѣ лѣса. Былъ праздникъ. Въ лѣсу было много женщинъ и дѣвушекъ изъ имѣнія сосѣдняго помѣщика. Среди нихъ находились и двѣ дочери помѣщика. Ширковъ велѣлъ ватагѣ своей челяди броситься на крестьянокъ и барышень и всѣхъ ихъ обнажить. Приказаніе было исполнено. И гулявшія по лѣсу должны были нагишомъ пройти до ближайшаго житья верстъ пять. Разсердившійся сосѣдъ Ширкова подалъ на него жалобу въ уѣздный судъ; но дѣло какъ поступило, такъ и легло подъ сукно... Судейскіе чины всегда выручали Ширкова; въ одномъ только отношеніи они были непокладисты, — не спѣшили привести слѣдствіе къ концу. Закончить его—значило выпустить изъ рукъ лакомый кусокъ. Ширкова доили, какъ корову. Въ годъ убійства Алтуховой, у Ширкова гостилъ совѣтникъ губернскаго правленія, Копецкій; въ 1814 году «немалое время» провелъ въ ширковской усадьбѣ совѣтникъ Гавриловъ. Наѣзжалъ въ Луново членъ курской врачебной управы, имѣлъ ночлегъ у Ширкова и «былъ», по словамъ одного изъ слѣдственныхъ документовъ, «до того потчиваемъ и угощаемъ, что не только, чтобъ могъ дѣлать свидѣтельство, но и едва ли онъ хорошо видѣлъ что̀-нибудь».

Былъ въ исходѣ 1815-й годъ. Ширковъ томился. Дѣло о смерти Алтуховой и не думали кончать въ земскомъ судѣ. Мать убитой подавала жалобы губернатору на неправильное веденіе слѣдствія. Кромѣ того, послѣ роковой ночи 28 мая 1813 года, камердинеръ Ширкова, Филипповъ сдѣлался бариномъ. Въ барскомъ домѣ для

камердинера были отведены особые покои, ширковскіе крѣпостные прислуживали недавнему лакею. Прихоти камердинера безпрекословно исполнялись Ширковымъ. Этотъ послѣдній подарилъ Филиппову экипажъ и лошадей, въ которыхъ тотъ и ѣздилъ по деревнямъ и пріѣзжалъ въ Курскъ, гдѣ кутилъ неизвѣстно на чьи деньги. Заживши по-барски, Филипповъ возымѣлъ страсть къ охотѣ. Ширковъ поспѣшилъ купить ему верховую лошадь, потому-что изъ тѣхъ, которыя были въ усадьбѣ, Филиппову не нравилась ни одна. Онъ съ борзыми и гончими, съ ширковскими охотниками и доѣзжачими носился на конѣ въ льговскихъ лѣсахъ. Гордый самодуръ Ширковъ преклонялся передъ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ и, скрѣпя сердце, потакалъ ему. Но, разумѣется, на сердцѣ Ширкова было смутно, тяжело и безпокойно. Завѣтной мечтой его стало: поскорѣе развязаться съ настоящимъ положеніемъ вещей и отдѣлаться отъ мучительнаго нравственнаго кошмара во что̀ бы то ни стало. Для этой цѣли Ширковъ рѣшился на такой шагъ, который, по его собственнымъ словамъ, былъ имъ сдѣланъ послѣ долгихъ колебаній, сомнѣній и раздумья...

II.

Въ концѣ 1815 года, жена Ширкова подала министру полиціи и главнокомандующему въ Петербургѣ, генералу Вязьмитинову, прошеніе, въ которомъ жаловалась на медленность въ производствѣ дѣла объ убійствѣ Алтуховой и на то, что мужу ея со стороны администраціи дѣлаются «притѣсненія и отягощенія...» Въ заключеніе своей жалобы, жена Ширкова просила для дополненія производимаго льговскимъ земскимъ судомъ слѣдствія и окончанія его командировать на мѣсто происшествія чиновника министерства полиціи.

Просьба Ширковой была удовлетворена безъ затрудненій. Главнокомандующій Вязьмитиновъ послалъ въ Курскую губернію чиновника Геттуна, которому было предписано «увидѣть весь ходъ дѣла объ убійствѣ Алтуховой и положеніе его, и разобрать, не откроются ли вновь какія-либо обстоятельства дѣла?»

Геттунъ находился въ командировкѣ два мѣсяца и, возвратившись въ Петербургъ, представилъ докладъ министру полиціи, въ которомъ описалъ свои дѣйствія и сдѣлалъ свои выводы относительно совершенія преступленія и виновниковъ его. Изъ сообщенія Геттуна мы извлечемъ важнѣйшія данныя для продолженія исторіи ширковскаго дѣла.

Прежде всего Геттуну показались, какъ онъ самъ говоритъ, показанія подсудимыхъ въ высшей степени противорѣчащими одно другому, неправдоподобными и съ обстоятельствами дѣла несходными. Это вводило судъ въ безполезную и нескончаемую пере-

писку. Геттунъ отвергъ предположеніе о томъ, что Алтухова сама застрѣлилась. «Ей, — говоритъ въ своемъ докладѣ Геттунъ, — неудобно было во время быстрой ѣзды такъ ловко направить выстрѣлъ, чтобы пуля попала въ ротъ». Точно также Геттунъ категорически отвергъ возможность умерщвленія Алтуховой Ширковымъ, при содѣйствіи камердинера, на томъ основаніи, что свидѣтели, два ширковскихъ крестьянина, видѣли Марію Алтухову въ 150 саженяхъ отъ усадьбы своего барина живою на дрожкахъ, которыми правилъ кучеръ Щеплюхинъ. Геттунъ вскорѣ по прибытіи своемъ во Льговъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, съ чиновниками уѣзднаго суда пошелъ въ городскую тюрьму. Здѣсь ему признались добровольно кучеръ Ширкова Щеплюхинъ, Борзенковъ и Лобановъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой, такъ что Геттунъ, руководствуясь показаніями подсудимыхъ, свидѣтелей и производствомъ дѣла, нарисовалъ слѣдующую картину гибели Алтуховой.

Былъ вечеръ 28-го мая... Мать и дядя Алтуховой уѣхали въ Курскъ. Она оставалась въ домѣ одна и послала къ Ширкову записочку, написанную карандашемъ. Ширковъ сидѣлъ за ужиномъ, когда слуга поднесъ ему клочокъ бумажки. На ней значилось слѣдующее:

«Я не знаю, пришлете ли за мною или нѣтъ? Я писала, чтобъ вы сами пріѣхали поговорить. Какъ мнѣ узнать, когда вы пришлете? Я вчера не спала. Пришли поранѣе, въ двѣнадцатомъ часу. Поскорѣй пришли!»

Послѣ ужина Ширковъ послалъ въ деревню Соломину за дѣвицей Алтуховой[1]) камердинера своего Филиппова съ кучеромъ Щеплюхинымъ въ дрожкахъ, запряженныхъ парою лошадей, приказавъ проѣхать мимо дома Алтуховыхъ къ парому на рѣкѣ Сеймѣ, съ колокольчиками подъ дугою лошади. Звонъ колокольчиковъ былъ условный знакъ, по которому Алтухова вышла изъ дома отца своего и поѣхала на присланномъ экипажѣ въ село Луново къ Ширкову. Пріѣхавши къ дому, остановились у воротъ. Марія Алтухова съ камердинеромъ пошла на заднее крыльцо къ Ширкову. Въ его спальнѣ она пробыла около часа и вышла оттуда во второмъ часу ночи вмѣстѣ съ Ширковымъ въ переднюю, гдѣ находились его камердинеръ и кучеръ, и Ширковъ приказалъ одному только кучеру своему отвезти Алтухову домой въ деревню Соломину.

Что дѣвица Алтухова поѣхала съ кучеромъ въ деревню Соломину,—говоритъ Геттунъ,—это видѣли поваръ Ширкова и его дворовый человѣкъ Козловскій. Затѣмъ Ширковъ, приказавъ камердинеру своему остановить дрожки на дорогѣ у моста, подошелъ къ плетню и говорилъ черезъ него съ Алтуховой. Послѣ этого она

---

[1]) Читатель не долженъ забывать, что здѣсь передается разсказъ Геттуна.

отправилась на дрожкахъ домой, а Ширковъ съ камердинеромъ легли спать въ одной комнатѣ.

О чемъ же разговаривалъ Ширковъ съ своей крестной дочерью? По его словамъ, онъ уговаривалъ увлекшуюся имъ дѣвушку перестать питать къ нему страстную любовь, потому что онъ женатъ и не можетъ на ней жениться, совѣтовалъ ей выйти замужъ и обѣщалъ ей пріискать хорошаго жениха.

Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда Алтуховой, возвратился кучеръ Щеплюхинъ и разсказалъ Ширкову о томъ, какъ была на дорогѣ убита Марія Алтухова. Ширковъ, разбудивши свою жену, спавшую въ отдѣльной комнатѣ, сказалъ ей о случившемся. Потомъ послалъ на мѣсто происшествія крестьянина своего Ткачева, посмотрѣть, не жива ли еще Алтухова. Ткачевъ, возвратившись, сказалъ своему барину о томъ, что онъ издали при лунномъ свѣтѣ видѣлъ лежавшую возлѣ дороги дѣвицу Алтухову, но близко къ ней не осмѣлился подойти, опасаясь, чтобы кто-либо не заподозрилъ его въ совершеніи преступленія. Тогда Ширковъ приказалъ своимъ кучеру и камердинеру ѣхать въ Курскъ за докторомъ, чтобы подать помощь Алтуховой. Затѣмъ Ширковъ отправилъ заявленіе въ Льговскій земскій судъ о совершившемся событіи. Судъ на другой день выѣхалъ на мѣсто происшествія и произведено было при этомъ освидѣтельствованіе и осмотръ трупа убитой. Курская врачебная управа, получивъ копію съ медицинскаго свидѣльства отъ льговскаго лекаря Брунса и видя, что Брунсъ, описавъ всѣ наружные и внутренніе знаки на тѣлѣ, не вывелъ заключенія о причинѣ смерти Алтуховой, предписала Брунсу дополнить свидѣтельство указаніемъ, отчего именно послѣдовала смерть Алтуховой. Дополненіе было сдѣлано въ томъ смыслѣ, что Алтухова была убита острымъ холоднымъ оружіемъ.

Выше мы сказали, что Геттунъ вполнѣ согласился съ земскимъ судомъ въ вопросѣ о томъ, кто убилъ Алтухову. Пьяная шайка, бродившая на большой дорогѣ, не замышляя кроваваго злодѣйства, случайно совершила его. Добытые Ширковымъ свидѣтели, передъ Геттуномъ съ присягой и увѣщаніями заявили, что они будто бы слышали объ убійствѣ Алтуховой именно четырьмя лицами, бродившими возлѣ деревни Соломиной. Геттунъ со всѣми подробностями передалъ свидѣтельскія показанія въ докладѣ министру полиціи. Свидѣтелями были большею частью крестьяне Ширкова, Алтуховой и сосѣдей-помѣщиковъ. Они говорили о дѣйствіяхъ и поступкахъ Борзенкова, Лобанова и Щеплюхина quasi-убійцъ Маріи Алтуховой утромъ 29-го мая 1813 года.

По мнѣнію Геттуна, онъ нашелъ нить въ ширковскомъ дѣлѣ и установилъ, что убійцы Алтуховой, каждый отдѣльно, были озлоблены противъ Алтуховой и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, удовлетворили своей злобѣ: Кучеръ Щеплюхинъ, — говоритъ Гет-

тунъ,—имѣлъ злобу на дѣвицу Алтухову за то, будто бы, что онъ, по оговору покойной, былъ наказанъ за пьянство. Лобановъ также злился на Алтухову за то, что она била по щекамъ свою служанку Ковардину, любовницу Лобанова. Когда эта послѣдняя пожаловалась Лобанову, онъ сказалъ:

— Ну, мы все это воротимъ, мы напрядемъ ей на кривое веретено.

Лобановъ, по дознанію Геттуна, и прежде имѣлъ съ Щеплюхинымъ тайные переговоры. Борзенковъ же побужденъ былъ къ преступленію желаніемъ удовлетворить своей страсти.

Такимъ образомъ, Геттунъ привезъ въ Петербургъ изслѣдованіе, которое вполнѣ обѣляло Ширкова. Фактъ убійства пьяной шайкой Геттунъ выставилъ безусловно вѣрнымъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ одномъ мѣстѣ своего доклада Геттунъ коснулся предположенія объ убійствѣ Алтуховой Ширковымъ, о чемъ въ Льговскомъ уѣздѣ держались упорные слухи, но категорически отвергъ его. «Ширкову,—утверждалъ Геттунъ,—съ его камердинеромъ невозможно было умертвить Марію Алтухову, перенести ея трупъ на дрожки и посадивши на нихъ отправить, при чемъ трупъ придерживалъ бы только одинъ камердинеръ Филипповъ, которому въ 1813 году было съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Кромѣ того, въ саду у плетня, гдѣ бы Ширковъ могъ убить свою жертву, не найдено было слѣдовъ крови или другихъ какихъ-либо признаковъ убійства»...

Слѣдствіе Геттуна дало возможность Ширкову вздохнуть свободно. Дѣло его было направлено въ уголовную палату и льговскіе судейскіе чиновники отстали отъ него. Чего же было лучше, когда петербургскій довѣренный слѣдователь министерства полиціи совершенно выгородилъ Ширкова изъ судебнаго дѣла и въ благопріятномъ для него смыслѣ сдѣлалъ представленіе самому министру полиціи... Ширковъ былъ доволенъ, но мать убитой дѣвушки не мирилась съ дѣйствіями Геттуна. Она лично просила петербургскаго чиновника о томъ, чтобы онъ, по самой сущей справедливости, постарался раскрыть всю истину дѣла. Геттунъ на это, по словамъ матери Алтуховой, отвѣчалъ:

— Я для того и присланъ!

— Я—говоритъ Алтухова, ожидала этого съ довѣріемъ и уповая на провосудіе, которое всегда бываетъ подкрѣпляемо божескими законами, но вскорѣ къ пущей горести своей узнала, что г. Геттунъ повелъ дѣло особымъ одностороннимъ образомъ и нѣсколько разъ допрашивалъ только человѣка нашего Лобанова и съ большою заботливостью домогался отъ него признанія и даже на него была наложена цѣпь. Къ тому же и дворовая женщина наша Прасковья Ковардина была истребована льговскимъ земскимъ судомъ и представлена къ Геттуну, а потомъ, будучи беременною, содер-

жалась въ тюрьмѣ въ колодкахъ. Затѣмъ однажды, не знаю почему, приходятъ къ намъ г. Геттунъ съ исправникомъ и засѣдателями и при нихъ человѣкъ до ста стороннихъ людей. Геттунъ поразилъ меня, сказавши, что имъ у насъ надо сдѣлать обыскъ и чтобы я велѣла сказать, гдѣ у насъ находится коноплянный мякинникъ.

— Для чего онъ вамъ нуженъ?—спросила я.

— Человѣкъ вашъ Лобановъ,—отвѣчалъ мнѣ Геттунъ,—признавался, что въ мякинникѣ зарыта окровавленная рубашка и золотое кольцо покойной дочери вашей.

— Дочь моя, возражала я, уже третій годъ какъ убита, а мякинникъ у насъ сдѣланъ только прошедшею осенью, а до того времени у насъ никогда не было обыкновенія беречь мякину. Я только недавно узнала, что конопляная мякина нужна въ хозяйствѣ для птицы.

Геттунъ настаивалъ. Я приказала человѣку своему показать тотъ шалашикъ, гдѣ у насъ мякина; туда и пошли всѣ слѣдователи съ понятыми, искали—чего, не знаю, рыли всюду, вокругъ всего хлѣбника и возвратились съ обыска къ намъ въ домъ.

Я спросила:

— Что нашли?

Геттунъ отвѣчалъ:

— Ничего не нашли.

Тогда я стала настаивать на томъ, что не у насъ, а въ иной усадьбѣ надо искать злодѣевъ. А Геттунъ, понявши слова мои, сказалъ:

— Ширковъ не виноватъ. Это четыре человѣка убили вашу дочь. Они и сознались въ томъ.

«И всѣ изреченія Геттуна, говоритъ Алтухова, клонились въ пользу Ширкова».

Несчастная мать во время слѣдствія земскаго суда и переслѣдованія министерскаго чиновника доказывала кому слѣдуетъ, что дочь ея погибла отъ руки Ширкова, но всѣ ея доводы, по ея словамъ, «были никѣмъ не внемлемы, а Ширковъ со своимъ большимъ состояніемъ успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ для закрытія своего преступленія». Алтухова ссылалась для обвиненія Ширкова на рѣчи своихъ сосѣдей и молву народную... «У меня, говорила она, бывали въ домѣ дьячекъ Николай, другой дьячекъ—Алексѣй, отецъ ихъ Иванъ. Они говорили:

— Намъ извѣстно, да и всѣмъ тоже, какъ Ширковъ надъ дочерью вашею наругался и какъ она, вырвавшись изъ рукъ его, ушла было; но ширковскій камердинеръ поймалъ ее. Тогда Ширковъ въ изступленіи приказалъ камердинеру стрѣлять по ней изъ ружья. Тотъ отказался. Ширковъ въ неистовомъ азартѣ бросился на камердинера, выхватилъ изъ его рукъ ружье и ударилъ не-

послушнаго слугу въ грудь. А потомъ взялся мучить несчастную дочь вашу.

— Я, говоритъ Алтухова, эти слова отъ нихъ слышала и въ томъ свидѣтельствуюсь Богомъ и отдаю имъ самимъ всѣ слова, мною указанныя на очистительную присягу. А въ случаѣ отпирательства говорившихъ, я принимаю ее на себя.

Не успѣлъ министръ полиціи получить геттуновскаго доклада о произведенномъ имъ разслѣдованіи, какъ къ нему была прислана просьба Алтуховой, въ которой горячо было высказано подозрѣніе на Ширкова—какъ убійцу ея дочери. Тогда министръ полиціи счелъ самымъ лучшимъ всѣ полученныя имъ свѣдѣнія объ убійствѣ Маріи Алтуховой передать въ министерство юстиціи. Изъ этихъ свѣдѣній заслуживала вниманія записка матери Алтуховой, въ которой объясняется, по ея мнѣнію, истинная причина убійства ея дочери Ширковымъ. «Онъ любилъ мою дочь, — говоритъ Алтухова, часто тайнымъ образомъ посылалъ за нею и увозилъ ее къ себѣ. Потомъ онъ узналъ о томъ, что сосѣдній помѣщикъ Полковъ очень любитъ Марію и желаетъ на ней жениться. Ширковъ имѣлъ случай перехватить записочку отъ Маріи къ Полкову и случай этотъ возродилъ въ сердцѣ Ширкова ревность и негодованіе, которыя и довели дѣло до трагической развязки. О ревности знала и жена Ширкова и брала съ мужа клятву въ томъ, что онъ исправится; но клятва эта имъ была нарушена. Я предполагаю насильственный увозъ моей дочери къ Ширкову. Она, раздѣвшись, легла спать, платье ея было найдено близь постели; не было ни малѣйшихъ причинъ, которыя могли бы препятствовать ей, если бы она пожелала добровольно ѣхать, надѣть платье; безъ него, въ одной сорочкѣ, накинувъ на плечи коротенькую шубку, не могла моя дочь ѣхать въ домъ своего сосѣда; такой безстыдной наглости не могло быть»...

Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками документовъ не видно, какія особыя распоряженія по такъ называемому «Ширковскому дѣлу» дѣлало министерство юстиціи. Въ 1816 году курскій уѣздный судъ рѣшилъ дѣло объ убійствѣ Алтуховой.

Резолюція суда гласила:

«Щеплюхина, яко убійцу и лишителя живота невинной, обвинить и наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставить на лбу штемпельные знаки и сослать въ каторжныя работы на вѣчныя времена.

«Губернскаго секретаря Ширкова и камердинера его Филиппова отъ суда и слѣдствія освободить.

«Крестьянъ: Борзенкова, Лобанова и Лягушкина, на основаніи узаконеній воинскаго процесса, который говоритъ: «лучше десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приго-

ворить» считать отъ суда и слѣдствія свободными и возвратить ихъ господамъ.

Такъ рѣшилъ уѣздный судъ. Но, разумѣется, столь важное дѣло, какъ ширковское, не могло закончиться лишь въ уѣздномъ судѣ. Перешло оно въ курскую палату уголовнаго суда. Здѣсь оно производилось въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ. Не будемъ утомлять читателей подробностями дореформеннаго судопроизводства. Отмѣтимъ только то обстоятельство, что палата взглянула на дѣло иначе и измѣнила рѣшеніе уѣзднаго суда: именно оправданныхъ въ первой судебной инстанціи: Лобанова, Борзенкова и Лягушкина она, не задумавшись, признала виновными въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой и присудила къ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ каторжныя работы въ Сибирь. Вслѣдъ за этимъ дѣло объ убійствѣ Алтуховой было отправлено на ревизію въ сенатъ, который согласился съ мнѣніемъ уголовной палаты. Такъ какъ старуха Алтухова продолжала заявлять о своемъ подозрѣніи на Ширкова, то сенатское рѣшеніе не было признано окончательнымъ. Вновь «Ширковское» дѣло разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ и этимъ высшимъ учрежденіемъ уже въ послѣдней инстанціи было санкціонировано. Ширковъ, «по неясности обстоятельствъ», какъ было сказано въ постановленіи государственнаго совѣта, былъ освобожденъ отъ наказанія.

Щеплюхинъ, Борзенковъ, Лобановъ и Лягушкинъ были подвергнуты наложенному на нихъ наказанію: въ Курскѣ на торговой площади высѣчены кнутомъ и клеймены; ноздри у нихъ были вырѣзаны и всѣ четверо отправлены въ каторжныя работы. Совершилось это въ 1819 году. Разумѣется, Ширковъ былъ доволенъ благополучнымъ для него исходомъ дѣла, перевершенія котораго нельзя было и ожидать.

Но огромная сумма денегъ была употреблена Ширковымъ для того, чтобы выйти сухимъ изъ воды. До роковой ночи 28 мая 1813 года Ширковъ, не смотря на то, что жилъ открыто и роскошно, не имѣлъ долговъ; но начиная со второй половины 1813 года, произошло нѣчто поразительное. Въ этомъ году у Ширкова считалось въ Курской губерніи 4,234 десятины земли и въ Смоленской—142, крѣпостныхъ людей 532 человѣка. 25 августа 1813 года онъ заложилъ 200 десятинъ земли за 8,000 руб.; въ ноябрѣ взялъ въ долгъ 10,000 руб. Въ 1814 году онъ занялъ 16,000 руб. у частныхъ лицъ. Въ 1815 году, когда дѣло объ убійствѣ Алтуховой было въ самомъ разгарѣ, Ширковъ занялъ огромную сумму—57,000 руб. подъ заемныя письма и 60,000 руб. подъ закладныя, стало быть, всего 117,000 руб. Въ 1816 году Ширковымъ у разныхъ лицъ было занято 58,000 руб., а въ 1818—36,000 руб. и въ 1819—102,000 руб. Кромѣ того, въ 1815 году Ширковъ продалъ 250 десятинъ земли, въ 1816—нѣсколько десятковъ крестьянъ и

до 300 десятинъ земли; въ 1817, 1818 и 1819 годахъ Ширковъ также продавалъ куски своего имѣнія и всего продалъ на 42,050 рублей.

По несомнѣннымъ документамъ было совершенно точно установлено, что до начала дѣла отъ убійствѣ Маріи Алтуховой и по окончаніи этого дѣла не только такихъ, но и гораздо меньшихъ суммъ Ширкову не нужно было добывать и онъ ихъ и не старался добыть.

Куда Ширковъ употребилъ деньги, забранныя имъ въ періодъ производства судебнаго дѣла, къ которому онъ оказался прикосновеннымъ, объ этомъ онъ ничего не могъ сказать и не далъ надлежащаго отчета. Ясно было, что деньги, добытыя Ширковымъ, пошли по чужимъ карманамъ; но по чьимъ именно, осталось неизвѣстнымъ.

По окончаніи дѣла объ Алтуховой и послѣ конфирмаціи приговора, Ширковъ, къ удивленію курянъ, уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ занялъ довольно видную должность въ штатѣ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича. Кто же его опредѣлилъ? спрашивали куряне. Отвѣтъ былъ такой: Геттунъ. Этотъ бывшій слѣдователь по Ширковскому дѣлу въ 1819 году занялъ постъ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи и порадѣлъ Ширкову. Курскій самодуръ сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Почему именно Ширкову вздумалось служить въ Петербургѣ—трудно сказать.

III.

Въ холодное зимнее время 1820 года несчастная старуха Алтухова пѣшкомъ пришла изъ Льговскаго уѣзда въ Петербургъ. Здѣсь она подала министру внутреннихъ дѣлъ просьбу, въ которой требовала мщенія обѣлившему себя Ширкову въ такихъ выраженіяхъ:

«Кровь дочери моей вопіетъ на небо, вопіетъ къ законамъ, вопіетъ къ правосудію, вопіетъ и къ сердцу вашему, сіятельнѣйшій князь.

«Я пришла изъ Курска въ Петербургъ, чтобы найти покровительство себѣ и крови дочери моей. Въ особѣ вашей я имѣю надежду, потому что внушено мнѣ еще на мѣстѣ о вашемъ великодушіи и правотѣ.

«Дочь моя убита моимъ богатымъ сосѣдомъ, отцомъ ея крестнымъ, губернскимъ секретаремъ Ѳедоромъ Ширковымъ. Государственный совѣтъ не могъ его обвинить по признанной сенатомъ запутанности въ дѣлѣ, и неправда теперь торжествуетъ. Но Провидѣніе, какъ видно, предопредѣлило Ширкову обличеніе, открывъ нынѣ связь его съ изслѣдовавшимъ дѣло о немъ чиновни-

комъ Геттуномъ, который, сдѣлавшись правителемъ канцеляріи г. санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, опредѣлилъ и убійцу моей дочери. Обстоятельство сіе подаетъ достаточную причину къ пересмотру произведеннаго г. Геттуномъ слѣдствія объ убійствѣ дочери моей.

«Сіятельнѣйшій князь! именемъ правосудія и душевной правоты вашей умоляю васъ вступиться за кровь дочери моей. Ширковъ для того опредѣлился къ военному генералъ-губернатору въ столицѣ, чтобы усилить себя въ средствахъ для отклоненія возникающихъ случаевъ къ изобличенію его въ убійствѣ дочери моей. Не отвергните, безпристрастный князь, вопіющей къ вамъ крови дочери моей и слезъ моихъ».

Въ то же время Алтухова была допущена къ императору Александру I и, упавъ къ ногамъ его, подала всеподданнѣйшую просьбу. Она повторяетъ мысли, высказанныя въ прошеніи къ министру и заканчиваетъ такъ:

«Всемилостивѣйшій Государь, образъ Божій! внемли моему прибѣжищу къ тебѣ, да кровь дочери моей найдетъ въ тебѣ правосудіе и я, несчастная мать, изъята буду твоимъ покровительствомъ отъ гоненій врага для меня сильнаго».

Александръ I повелѣлъ главноуправляющему канцеляріей его величества Муравьеву сдѣлать запросъ курскому губернатору «о поведеніи и образѣ жизни Ширкова, а равно и о томъ, какое онъ имѣетъ состояніе». Губернаторъ немедленно отвѣчалъ: «Ширковъ поведенія непостояннаго, навязчиваго и склоннаго къ сутяжничеству. Образъ его жизни—предосудителенъ. По наслѣдству ему досталось прекрасное состояніе, но въ настоящее время оно прожито».

Между тѣмъ, Алтухова, въ дополненіе къ своей просьбѣ подала министру внутреннихъ дѣлъ сообщеніе такого содержанія:

«Я называю Ширкова убійцею дочери своей по внушенію своего сердца и по всѣмъ свѣдѣніямъ. Хотя дѣло и рѣшено, но займы очень большихъ денегъ и связь его съ Геттуномъ до нынѣ не были извѣстны правительству и по сему новому обстоятельству я прошу пересмотрѣть дѣло для открытія убійцы отъ суда и законовъ скрывавшагося. Ширковъ не остановился на томъ, что убилъ мою дочь, разорилъ меня, вслѣдствіе сосѣдства нашего. Судиться съ нимъ, по своей великой бѣдности, я не могу».

Разсказываютъ, что императоръ Александръ I самъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда несчастная обездоленная мать рыдая валялась въ ногахъ его. Вскорѣ послѣ подачи Алтуховой всеподданнѣйшаго прошенія, къ курскому губернатору послѣдовалъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Съ 1813 года производилось дѣло о смертоубійствѣ дочери, Курской губерніи, Льговскаго уѣзда, дворянки Алтуховой, по которому былъ обвиняемъ губернскій секретарь Ширковъ. Дѣло сіе,

преходя всѣ инстанціи, разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ, коимъ утверждено рѣшеніе сената, освободившаго, по неясности обстоятельствъ, Ширкова отъ наказанія. Нынѣ мать дѣвицы Алтуховой, свѣдавъ, что Ширковъ опредѣленъ здѣсь на службу, посредствомъ участія чиновника, слѣдствіе производившаго, подала просьбу, коею она утверждаетъ, что слѣдствіе сіе было сдѣлано пристрастно, и проситъ покровительства.

«Обративъ вниманіе на сіе примѣрное жестокостію происшествіе и признавая непремѣнною обязанностью правительства не оставлять ничего въ сомнѣніи, что къ оному относиться можетъ я желаю, чтобы вы употребили всевозможныя средства къ открытію истины, и вслѣдствіе того поручаю вамъ:

«1) Для произведенія новаго изслѣдованія вы составите комиссію изъ васъ и двухъ почетнѣйшихъ чиновниковъ, наблюдая, чтобы сіи послѣдніе не имѣли прежде въ семъ дѣлѣ участія, по сужденію онаго или по слѣдствіямъ.

«2) Комиссія, такимъ образомъ составленная, подъ предсѣдательствомъ вашимъ отправится на мѣсто и тамъ приступитъ немедленно, имѣя въ виду все прежнее производство, къ новому изслѣдованію. Въ семъ, конечно, встрѣтятся немалыя затрудненія по немалому протеченію времени, но обязанностію вашею будетъ стараться преодолѣть оныя.

«3) Если по теченію слѣдствія признаете вы нужнымъ возвратить изъ Сибири сосланныхъ по приговору уголовной палаты людей, какъ участниковъ въ смертоубійствѣ дѣвицы Алтуховой, то о присылкѣ оныхъ вы не оставите отнестись къ иркутскому гражданскому губернатору, который о доставленіи преступниковъ съ нарочнымъ получитъ надлежащее предписаніе.

«4) Какъ обвиняемый въ убійствѣ Алтуховой Ширковъ находится въ имѣніи своемъ и тамъ, по связямъ своимъ и богатству, можетъ содѣйствовать къ сокрытію истины, то вы, призвавъ его въ Курскъ, имѣете объявить ему, чтобы онъ отправился немедленно въ Тверь и тамъ остался до повелѣнія; по отъѣздѣ же его приступите къ слѣдствію.

«5) Дворянка Алтухова, мать убитой, показываетъ, что Ширковъ употребилъ немалыя суммы во время слѣдствія и суда для удаленія отъ себя обвиненія, и что въ семъ удостовѣриться можно посредствомъ долговыхъ его обязательствъ во время подсудимости его заключенныхъ.

«Вы не оставите по показанію сему обратить вниманіе, разсмотрѣвъ:

«а) Въ чемъ состояло недвижимое имѣніе Ширкова до случившагося смертоубійства.

«б) Сколько недвижимаго имѣнія у него нынѣ находится.

«в) Были ли имъ учинены въ теченіе этого времени какія-либо продажи и кому именно.

«г) Какіе были на имѣніи его до 1813 года долги и какіе нынѣ существуютъ.

«д) Какіе долговые акты совершены были имъ въ продолженіе производства дѣла его. Всѣ свѣдѣнія сіи могутъ служить при слѣдствіи вашемъ къ открытію истины. Управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приказалъ я препроводить къ вамъ просьбу дворянки Алтуховой къ министру юстиціи поступившую и на усмотрѣніе мое представленную, равно какъ и всѣ свѣдѣнія по дѣлу въ бывшемъ министерствѣ полиціи находящемся.

«Возлагая на васъ порученіе вышеизъясненное, я вамъ даю новый знакъ довѣренности моей, надѣясь, что вы оправдате оную, доставя мнѣ средство удостовѣриться, дѣйствительно ли виновные понесли наказаніе, или правосудіе должно, къ сожалѣнію, обратиться на другихъ преступниковъ. Александръ».

Вслѣдъ за рескриптомъ императора, курскій губернаторъ Кожуховъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что Высочайше повелѣно— сосланныхъ по дѣлу Ширкова крестьянъ въ Сибирь—возвратить обратно. Затѣмъ министръ указалъ губернатору на непремѣнную волю государя, чтобы новая слѣдственная комиссія обратила вниманіе на камердинера Ширкова, который ѣздилъ за дѣвицей Алтуховою: такъ какъ камердинеръ есть такое лицо, чрезъ котораго, говоритъ министръ, всего удобнѣе открыть истину и поэтому государь-императоръ признаетъ нужнымъ, чтобы камердинеръ былъ задержанъ и ему пресѣчена возможность войти въ какія бы то ни было сношенія съ Ширковымъ. Кромѣ того, графъ Кочубей поручилъ губернатору, чтобы онъ, согласно Высочайшему повелѣнію, оградилъ мать убитой Алтуховой отъ всякихъ притѣсненій и доставилъ ей законную защиту въ спокойномъ владѣніи ея собственностью.

Такимъ образомъ, Ширковское дѣло возгорѣлось вновь. По повелѣнію Александра I-го, старуха Алтухова была отправлена въ Льговскій уѣздъ на казенный счетъ. Курскій губернаторъ поспѣшилъ выслать Ширкова въ Тверь въ сопровожденіи двухъ надежныхъ жандармовъ. Согласно распоряженію высшей власти, губернаторъ составилъ комиссію изъ двухъ дворянскихъ предводителей, которая открыла свои засѣданія въ Льговѣ, въ августѣ 1821 года. Новое слѣдствіе пошло инымъ путемъ, чѣмъ прежнее. Какъ прежде старались выгородить участіе въ убійствѣ Алтуховой Ширкова, такъ теперь обвиненіе было направлено на него. Губернаторъ Кожуховъ дѣятельно работалъ надъ переслѣдованіемъ запутаннаго дѣла. По его словамъ, новая слѣдственная комиссія дѣйствовала въ высшей степени осторожно и осмотрительно, не довѣряя даже

собственному сознанію подсудимыхъ, со стараніемъ открывая новыя показанія и провѣряя ихъ.

Результатомъ слѣдствія комиссіи была обширная записка объ убійствѣ Алтуховой, какъ оно выяснилось по новымъ разслѣдованіямъ.

«Комиссія—говорится въ этой запискѣ—истребовавъ ото всѣхъ мѣстъ прежнее объ убійствѣ Алтуховой производство, собравши всѣхъ, кого могли отыскать, бывшихъ въ ночь убійства въ домѣ Ширкова людей, какъ крѣпостныхъ его, такъ и стороннихъ, и, наконецъ, для необходимо нужныхъ соображеній, сосланныхъ въ Сибирь, достигнувъ чрезъ неоднократныя разительныя на мѣстѣ преступленія увѣщеванія того, что кучеръ, отвозившій тѣло убитой, чистосердечно раскрылъ всѣ подробности убійства, которыя впослѣдствіи подтвердилъ самъ камердинеръ Ширкова Парменъ, который былъ доведенъ до такой степени раскаянія и сознанія, что въ день Преображенія Господня, упавши въ присутствіи комиссіи на колѣни, сознался во всемъ содѣянномъ имъ. Кромѣ того, комиссія собрала подробныя свѣдѣнія о воспитаніи, нравственности, поведеніи и страстяхъ Ширкова и эти свѣдѣнія даютъ возможность рѣшительно судить, какихъ дѣяній отъ него ожидать должно было. Комиссія открыла фальшивое составленіе при слѣдствіи земскаго суда допросовъ, поставку Ширковымъ къ вымышленному оправданію своему ложныхъ свидѣтелей, которые впослѣдствіи сознались въ лжесвидѣтельствѣ; изъ этого ясно видно, что все прежде бывшее слѣдствіе заключаетъ въ себѣ не болѣе какъ одну цѣпь ложныхъ вымысловъ, ухищреній и фальшивостей.

«Ширковъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ужасной исторіи жесточайшаго убіенія шестнадцатилѣтней дѣвушки Маріи Алтуховой. Онъ любилъ ее; часто и даже по нѣсколько разъ въ день являлся къ родителямъ Алтуховой, оказывалъ ей ласки, дѣлалъ подарки. Потомъ Ширковъ сталъ ревновать свою крестницу къ помѣщику Полкову. Незадолго до 28-го мая онъ ѣздилъ съ женою въ Курскъ, отслужилъ въ монастырѣ молебенъ и далъ женѣ клятву оставить свою любовь къ Маріи Алтуховой. Но—говорится въ запискѣ комиссіи—Ширкова клятвѣ нельзя вѣрить; онъ былъ вольнодумецъ; онъ позволялъ себѣ во время обѣдни, вышедши на церковное крыльцо, курить трубку табаку.

«Въ день совершенія убійства, Ширковъ принималъ у себя гостей, сосѣднихъ помѣщиковъ. Потомъ послалъ за Алтуховой камердинера своего, котораго обыкновенно называлъ барбосомъ и кучера, котораго звалъ вороной, и велѣлъ разбудить своего музыканта Козловскаго, чтобы тотъ присмотрѣлъ за лошадьми, когда пріѣдутъ съ Алтуховой дрожки.

«Алтухову привезли. Камердинеръ повелъ ее въ домъ черезъ крыльцо, называвшееся каминнымъ, а кучеръ привязалъ къ рѣ-

шеткѣ лошадей и самъ также вошелъ въ домъ. По приводѣ Алтуховой, Ширковъ самъ выпилъ изъ большого квасного стакана водки и поднесъ камердинеру и кучеру. Тѣ выпили.

— «Пей и ты!—сказалъ онъ Алтуховой, подавая ей стаканъ.

«Алтухова отказывалась. Но Ширковъ принудилъ ее осушить стаканъ. Завязался разговоръ. Ширковъ просилъ крестницу отвезти къ себѣ въ домъ машинку [1]), которую онъ бралъ у ея дяди.

— «Дядюшка, когда возвратится изъ Курска, самъ возьметъ,— отвѣчала Алтухова.

«Затѣмъ Ширковъ увелъ Алтухову въ спальню. Чрезъ полчаса вышелъ оттуда и позвалъ изъ каминной камердинера. Тотъ вошелъ... Алтухова вскочила съ кровати...

— «Послушай, миленькій,—вскрикнула она,—что̀ ты дѣлаешь?

«Но Ширковъ началъ ругаться. Камердинеру приказалъ совершить гнусное дѣло... Не въ первый разъ камердинеръ слышалъ отъ своего барина подобныя приказанія, и выполнилъ его. Не довольствуясь этимъ, Ширковъ потребовалъ въ спальню кучера. Когда тотъ вошелъ, несчастная дѣвушка лежала на по̀стелѣ и рыдала... По уходѣ кучера, Ширковъ сталъ ругать Алтухову за ея отношенія къ Полкову, показывалъ ей перехваченное имъ письмо отъ нея къ Полкову. Крики и брань Ширкова все увеличивались; потомъ кучеръ и камердинеръ услышали ударъ, нанесенный Алтуховой по щекѣ... За нимъ посыпались другіе. Ширковъ выволокъ изъ спальни въ каминную комнату свою крестницу, крича:

— «Нѣтъ! ты больше ко мнѣ не пріѣдешь.

«Когда она стала было что-то говорить, то Ширковъ, разсвирѣпѣвъ такъ, что изо рта у него брызнула пѣна, схватилъ со стола тяжелый преспапье и ударилъ Алтухову въ лобъ столь сильно, что впослѣдствіи на лобной кости черепа былъ найденъ знакъ отъ удара.

«Ошеломленная дѣвушка присѣла на полъ съ закрытыми глазами.

— «Держи ее!—закричалъ страшнымъ голосомъ Ширковъ.

«Камердинеръ и кучеръ схватили Алтухову первый за плечи, другой за ноги. Ширковъ, бросившись въ спальню, схватилъ лежавшій подъ постелью трехгранный кинжалъ, подбѣжалъ къ своей крестницѣ и, намѣреваясь ее ударить въ бокъ, попалъ въ руку. Разъяренный какъ звѣрь, Ширковъ ударилъ свою жертву кинжаломъ въ ротъ и повернулъ во рту нѣсколько разъ смертоносное оружіе. Сейчасъ же схватилъ онъ свой большой саржевый платокъ, лежавшій неподалеку, приложилъ къ ранѣ отъ кинжала на

---

[1]) Въ «Запискѣ» комиссіи сказано, что машинка эта была найдена дядей Алтуховыхъ на дорогѣ и употребляется для часового мастерства. Ширковъ бралъ ее себѣ изъ любопытства.

затылкѣ, велѣлъ камердинеру придержать, а самъ взялъ лоскутъ бумаги и всунулъ его въ ротъ убитой, потомъ завязалъ платокъ такъ, что раны на затылкѣ и лицѣ были закрыты. Потомъ посмотрѣлъ, не идетъ ли кровь, и послалъ кучера, чтобы тотъ сказалъ музыканту Козловскому идти домой. Когда кучеръ возвратился со двора, тѣло убитой еще трепетало. Ширковъ съ камердинеромъ надѣли на нее шубу, а затѣмъ онъ схватилъ убитую за одну руку, камердинеръ за другую, кучеръ за ноги и понесли ее на дрожки. Камердинеръ сѣлъ на дрожки, а Ширковъ съ кучеромъ посадили бездыханное тѣло несчастной дѣвушки къ нему на колѣни. Кучеръ сѣлъ на козла, а Ширковъ велѣлъ бросить трупъ гдѣ-либо возлѣ дома Алтуховыхъ.

«Рысью, соучастники Ширкова взъѣхали на гору, а далѣе помчались еще скорѣе. Начинало свѣтать. Когда стали спускаться подъ гору къ деревнѣ Соломиной, то услышали, что кто-то ѣдетъ навстрѣчу изъ Глушковой съ колокольчиками и, поэтому испугавшись, свернули отъ проѣзжей дороги въ сторону; здѣсь, остановившись, кучеръ подскочилъ къ убитой, взялъ ее за руки и при содѣйствіи камердинера сбросилъ на землю навзничь. Камердинеръ успѣлъ схватить окровавленный платокъ. Оставить его на убитой дѣвушкѣ нельзя было, такъ какъ онъ явился бы немаловажной уликой противъ Ширкова. Второпяхъ камердинеръ зацѣпилъ платкомъ за крыло дрожекъ и окровавилъ его. Послѣ этого, кучеръ и камердинеръ ускакали въ усадьбу. Ширковъ встрѣтилъ ихъ въ сѣняхъ и спросилъ:

— «Гдѣ бросили? Никто не видѣлъ?

«Они отвѣтили на вопросы.

«Потомъ Ширковъ велѣлъ камердинеру перемѣнить платье, а кучеру надѣть другой кафтанъ, пилъ съ ними водку, научилъ кучера сказать, что Алтухова застрѣлилась... Черезъ нѣсколько времени Ширковъ съ кучеромъ подошелъ къ спальнѣ жены... Постучали. Жена немного пріотворила двери и, увидѣвши съ мужемъ кучера, чуя недоброе, спросила:

— «Что̀ вы надѣлали съ бариномъ?

«Кучеръ отвѣчалъ:

— «Барышня Алтухова сама на себя руки наложила, застрѣлилась.

— «Чортъ васъ побери! — сказала жена Ширкова и закрыла двери.

«Кучеръ изъ барскаго дома пошелъ къ дрожкамъ, возлѣ которыхъ засталъ жившаго въ конюшнѣ плѣннаго венгерца Калачея [1]), который спросилъ:

---

[1]) Нужно замѣтить, что нѣсколько изъ взятыхъ въ плѣнъ изъ наполеоновской арміи нижнихъ чиновъ были оставлены на жительство въ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ услуженіе на разныя должности въ городахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ.

— «Отчего это на лѣвомъ крылѣ дрожекъ кровь?

— «У меня шла кровь изъ носу,—отвѣчалъ кучеръ.

— «Куда тамъ изъ носа!—возразилъ венгерецъ,—ежели куренка зарѣзать, то и то меньше крови выйдетъ.

«Лошадей отпрягли. Калачей принесъ воды и замылъ кровь. Между тѣмъ Ширковъ послалъ кучера и камердинера въ Курскъ за докторомъ... Впрочемъ, они не доѣхали до Курска. Ширковъ послалъ вслѣдъ за ними музыканта Горбачева верхомъ и вернулъ ихъ обратно.

«Сначала—говорится въ «Запискѣ» комиссіи—Ширковъ старался разными мѣрами подтвердить свое показаніе земскому суду о томъ, что Алтухова застрѣлилась, и принималъ мѣры, чтобы подкупить доктора—показать, что смерть Алтуховой произошла отъ самоубійства. Но когда пріѣхали вмѣстѣ съ засѣдателемъ Полозовымъ члены врачебной управы, операторъ Шицъ и штабъ-лекарь Коквинскій, и когда раскрыли гробницу и нашли тѣло убитой уже предавшимся гнилости и все-таки пожелали узнать, отчего произошла рана въ ротъ, то Ширковъ, испытывая сильное волненіе, говорилъ:

— «Вотъ, вотъ, смотрите, что она застрѣлилась; вотъ и черное пятно видно во рту.

«Медики однако нашли, что Алтухова не застрѣлилась, а была убита какимъ-то острымъ трехграннымъ орудіемъ. Потерпѣвъ неудачу, Ширковъ поставилъ лжесвидѣтелей, даже, употребивши громадныя деньги, нашелъ виновныхъ будто бы въ убійствѣ его крестницы на большой дорогѣ».

Комиссія по дѣлу Алтуховой нашла, что Лобановъ и Борзенковъ, повинившіеся и сосланные въ Сибирь въ ночь рокового убійства, вовсе не были въ кабакѣ и на дорогѣ, а спали съ товарищами на лугу до утра. Потомъ Лобановъ сталъ пахать бахчу и помѣщикомъ его Алтуховымъ былъ вызванъ на дорогу—построить надъ лежавшимъ тѣломъ убитой палатку.

Ширковъ, желая увеличить число свидѣтелей въ свою пользу, выдумалъ исторію, будто бы находившійся у него по найму для постройки хозяйственныхъ зданій крестьянинъ Лупилинъ съ работникомъ Малюкановымъ отлучались безъ дозволенія Ширкова въ поле стрѣлять зайцевъ и, возвращаясь оттуда, видѣли, какъ дѣвица Алтухова поѣхала съ кучеромъ на дрожкахъ по дорогѣ въ Соломину. Теперь упомянутые крестьяне сознались, что они три раза по ночамъ были привозимы къ Ширкову во Льговъ и уговариваемы имъ сдѣлать ложное показаніе; когда же они на то не соглашались, то Ширковъ объявилъ, что онъ разоритъ и сроетъ до основанія жилища и усадьбы ихъ, и разоритъ семейства ихъ. Тогда, боясь мщенія, Лупилинъ и Малюкановъ согласились на лжесвидѣтельство.

Нужно сказать, что комиссіи по переслѣдованію Ширковскаго дѣла было пропасть хлопотъ. Комиссія вновь вызвала массу свидѣтелей, дѣлала имъ многочисленныя очныя ставки, критиковала прежнія производства дѣла и т. д. Время между тѣмъ шло. Въ декабрѣ 1821 года, переслѣдованіе не было еще закончено. Тогда отъ извѣстнаго графа Аракчеева курскій губернаторъ получилъ слѣдующую бумагу:

«По поводу всеподданнѣйшаго прошенія губернскаго секретаря Ширкова государь императоръ повелѣть соизволилъ, чтобы вы увѣдомили, по какой причинѣ не окончено еще изслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ дѣвицы Алтуховой, порученное вамъ по высочайшему повелѣнію?»

Разумѣется, Ширкова томила неизвѣстность. Вѣдь дѣло, которое касалось его, успѣло растянуться на цѣлыхъ восемь лѣтъ. Жена Ширкова, во время пребыванія мужа въ Твери, оставалась во льговскомъ имѣніи. Ширковъ обмѣнивался съ нею письмами. Одно изъ этихъ писемъ приложено къ производству комиссіи. Вотъ что написано въ немъ:

«1821 года, мая 9-го дня. Милая Настенька! Сейчасъ я возвратился изъ церкви, гдѣ слушалъ обѣдню и служилъ молебенъ и, можешь быть увѣрена, молился съ усердіемъ; такъ какъ сегодняшній день, есть день св. Николая, моего покровителя и покровителя по придѣлу церкви въ селѣ Макаровкѣ. Вотъ подходитъ 27 мая, день горестнаго начала страданіямъ нашимъ. Прошлаго года въ сей день я получилъ непріятную вѣсть [1]), но сей годъ, авось Богъ, видя послѣднюю точку нашего терпѣнія, не испытующій сверхъ границъ, то авось 27 мая будетъ какою ни есть намъ отрадою, а можетъ и прекращеніемъ всѣхъ совершенно бѣдствій. Дѣло мое, можетъ, конфирмуется, я получу свободу — продажа (имѣнія) не только остановится, но и имѣніе возвратится подъ опеку твою, для чего даю тебѣ совѣтъ: просить опеку, когда государь къ 15 мая прибудетъ въ Петербургъ. Посему переговоря съ Геттуномъ или прочтя ему о семъ, проси, а когда неминуемо послѣдуетъ къ министру юстиціи, то проси о помощи Геттуна. Мнѣ, кажется, что министръ полиціи самъ можетъ опеку твою учредить. На имѣніи нашемъ есть долгъ, но на удовлетвореніе его должна идти часть имѣнія, а остальная часть должна содержать тебя съ дѣтьми, а вы теперь не имѣете никакого содержанія. Я, лишась невинно службы, по задержкѣ не поспѣвъ въ срокъ тоже ничего не имѣю и для того имѣніе должно тебѣ возвратиться. По министерству юстиціи это (возвращеніе) хуже или тяжелѣе будетъ сдѣлать; ибо власть верховной полиціи вольнѣе дѣйствуетъ, нежели юстиціи, которая основываетъ все на законномъ теченіи дѣла. И

---

[1]) Объ отправленіи въ Тверь на житье.

такъ поѣзжай и проси Геттуна сіе прочесть и научить, какъ сдѣлать. И Аракчееву можно подать записку, особо извлекши изъ сего».

Въ 1821 году, курскій губернаторъ Кожуховъ сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о томъ, что слѣдствіе высочайше учрежденной комиссіи по Ширковскому дѣлу закончено. Свидѣтели, какіе допрашивались, показали не въ пользу Ширкова, а камердинеръ Парменъ Филипповъ сознался въ преступномъ дѣяніи, котораго былъ участникомъ. Вызванные изъ Сибири четыре человѣка, сосланныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ качествѣ виновныхъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой, точно также подтвердили, что гибель крестницы Ширкова послѣдовала отъ рукъ этого послѣдняго. Одинъ только Ширковъ ни прежде, ни послѣ не повинился ни въ чемъ. Какъ онъ былъ упоренъ въ своемъ «запирательствѣ», по выраженію курскаго губернатора, видно изъ того, что онъ не задумался въ церкви принять такъ называемую очистительную присягу... Эта присяга состояла въ томъ, что Ширкова босымъ ввели при погребальномъ колокольномъ звонѣ въ храмъ и здѣсь священникъ увѣщевалъ его сказать чистую правду о дѣяніи, въ которомъ онъ былъ заподозрѣнъ, и возглашалъ, что если присягающій скроетъ истину и солжетъ, то будетъ онъ проклятъ на вѣки и будутъ прокляты потомки его до седьмого колѣна.

Кромѣ представленія министру, курскій губернаторъ препроводилъ государю Александру I всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ было сказано слѣдующее:

«По именному вашего императорскаго величества повелѣнію, была учреждена комиссія для разслѣдованія и отысканія виновныхъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ изъ двухъ членовъ губернскаго предводителя дворянства Зеленина и старооскольскаго предводителя Черемисинова.

«По внимательномъ разсмотрѣніи всего прежняго дѣла и по соображенію всѣхъ обстоятельствъ сего бѣдственнаго случая, комиссія, раскрывая виновнаго, обязана было не оставлять ничего въ сомнѣніи и убѣдиться въ справедливости, къ затменію которой употреблены были всевозможныя средства. Чтобы найти путь къ достиженію справедливости, необходимо нужно было вникнуть въ самомалѣйшія подробности во всѣхъ прежнихъ производствахъ сокрытыя.

«Время, уничтожая все въ мірѣ, изгладило послѣдніе слѣды сего ужаснѣйшаго происшествія, а Ширковъ съ своей стороны истребилъ все то, что только могло раскрыть истину. Оставалось вызвать изъ Сибири сосланныхъ въ каторжную работу и посредствомъ ихъ показаній раскрыть сущность дѣла и распутать сплетеніе ложныхъ исторій.

«Сіи несчастные, невинно пострадавшіе за настоящаго злодѣя, открыли нѣкоторыхъ людей по дѣлу нужныхъ, отысканіе которыхъ въ отдаленныхъ губерніяхъ потребовало много времени, отчего и послѣдовало промедленіе. Нынѣ, благодаря рукѣ Провидѣнія, завѣса неизвѣстности и сомнѣнія скинута. И комиссія считаетъ священнымъ долгомъ передъ вашимъ императорскимъ величествомъ представить злобнаго убійцу—Ширкова».

IV.

Докладъ комиссіи о произведенномъ ею слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой былъ поднесенъ императору Александру I. Онъ призналъ за нужное учредить въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ, въ который членами были назначены: петербургскій военный генералъ-губернаторъ и два сенатора—Хитровъ и графъ Кутайсовъ. Сверхъ того, находиться въ комитетѣ было повелѣно курскому губернатору А. С. Кожухову. Учрежденный, по волѣ государя, комитетъ долженъ былъ вновь пересмотрѣть Ширковское дѣло. Онъ открылъ свои засѣданія 23 марта 1822 года.

При самомъ началѣ работъ комитета, Кожуховъ счелъ необходимымъ представить вниманію его слѣдующую объяснительную записку:

«Хотя рѣшительный приговоръ надъ губернскимъ секретаремъ Ширковымъ за содѣянное имъ злодѣяніе не есть предметъ моей обязанности, но такъ какъ комиссія по дѣлу объ убійствѣ дѣвицы Маріи Алтуховой въ заключеніи своемъ привела уважительные доводы, изобличающіе Ширкова въ злодѣяніи, и полагаетъ, что судебное мѣсто не можетъ произнести приговора, потому что комиссіей не соблюдено формы судебной; поэтому я (говоритъ губернаторъ), какъ предсѣдатель бывшей комиссіи, имѣю честь объяснить слѣдующее:

«Цѣль комиссіи состояла въ томъ, чтобы открыть настоящаго убійцу, скрывшагося отъ справедливости законовъ и освободить невинныхъ, напрасно за него страдавшихъ, и тѣмъ выполнить священную волю его императорскаго величества. Подлоги, извороты и ухищренія Ширкова, потворство ему разныхъ лицъ при прежнемъ производствѣ дѣла, поставили комиссію въ затрудненіе... И если бы комиссія держалась формальностей судебныхъ, то никогда бы не достигла желаннаго результата; напротивъ, соблюденіе формы препятствовало бы раскрытію истины, которая нынѣ очевидно раскрыта. Комиссія содѣйствовала раскрытію сколько могла и для сего предпринимала всѣ мѣры, какія находила полезными, не руководствуясь однѣми формами и вслѣдствіе этого раскрыла то, чего сама не ожидала».

Комитетъ по изслѣдованію Ширковскаго дѣла счелъ нужнымъ вызвать въ Петербургъ почти всѣхъ бывшихъ по дѣлу Ширкова свидѣтелями и вновь допрашивалъ ихъ. На вызовъ этотъ послѣдовало высочайшее соизволеніе. Вызываемые, по указу сената курскому губернатору, должны были быть препровождены съ особыми предосторожностями. Объ этихъ предосторожностяхъ читатель можетъ получить свѣдѣнія изъ слѣдующей бумаги министерства внутреннихъ дѣлъ:

«Встрѣтилось нужнымъ потребовать секретаря губернатора Сербинова, исправника Шапошникова, унтеръ-офицера Калмыкова и рядового Чистякова. Правительствующій сенатъ указомъ мнѣ (министру) предписалъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Петербургъ вышеупомянутыхъ людей, съ тѣмъ, чтобы они никакого между собой сообщенія, какъ во время слѣдованія ихъ въ пути, такъ и нигдѣ, сообщенія не имѣли. Для этого поступить должно слѣдующимъ образомъ. Объявя секретарю Сербинову, чтобы онъ явился ко мнѣ (министру) по дѣламъ службы, снабдить его прогонами и отправить въ Петербургъ. Такъ какъ исправникъ Шапошниковъ, вѣроятно, въ Курскѣ налицо не находится, то предписать ему явиться, уже по отъѣздѣ Сербинова, въ Курскъ и, подъ тѣмъ же предлогомъ, послать въ Петербургъ и притомъ такъ, чтобы оба эти чиновника не могли въ пути другъ съ другомъ встрѣтиться. Точно также секретнымъ образомъ нужно отправить Чистякова и Калмыкова».

Особый петербургскій комитетъ имѣлъ по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой засѣданія. Въ то же время въ пятомъ департаментѣ правительствующаго сената шло подробное производство дѣла и переписка, вызванная обстоятельствами дѣла.

Въ правительствующемъ сенатѣ Ширковское дѣло не окончилось въ 1822 году и перешло въ 1823 годъ. Главнѣйшія показанія учрежденная во Льговѣ особая комиссія по дѣлу Алтуховой добыла отъ камердинера Ширкова—Филиппова, который, какъ мы раньше видѣли, сознался въ преступномъ дѣяніи. Филипповъ былъ вновь допрошенъ въ одномъ изъ засѣданій сената и, къ удивленію сенаторовъ, знавшихъ уже изъ доклада комиссіи сущность его прежнихъ показаній, объявилъ, что его показаніе комиссіи ложно, что Ширковъ не виноватъ въ смерти Алтуховой, что эта дѣвушка сама застрѣлилась въ дрожкахъ, когда кучеръ Ширкова отвозилъ ее домой.

Что же заставило Филипова давать ложное, по его словамъ, показаніе комиссіи? Онъ такъ объяснилъ это обстоятельство присутствію сената:

«Я былъ во Льговѣ, по распоряженію комиссіи, взятъ подъ стражу. Меня отослали въ баню, бывшую на дворѣ помѣщика Кусакова, и приставили караулъ изъ двухъ солдатъ и унтеръ-

офицера. Потомъ пришелъ секретарь Сербиновъ съ исправникомъ Шапошниковымъ и принесли образъ въ баню; не знаю зачѣмъ, поставили меня на поклоны, велѣли класть чаще поклоны, а сами стояли по сторонамъ. Часовые въ то время были высланы вонъ. Отъ тяжести кандаловъ, въ которые я былъ закованъ, и отъ того, что я много положилъ поклоновъ, со мною стало дурно и я упалъ навзничь. Секретарь вышелъ изъ бани, а исправникъ остался. Заставляя дѣлать поклоны, они говорили:

— «Ты отрекся отъ Бога и не хочешь сознаться въ томъ, что видѣлъ, какъ помѣщикъ убилъ дѣвицу Алтухову...

«Исправникъ словесно уговаривалъ меня. Когда секретарь выходилъ вонъ изъ бани, то сказалъ:

— «Этого мало тебѣ, велю дать плетей!

«Секретарь велѣлъ при отходѣ своемъ изъ бани не давать мнѣ ничего ни пить, ни ѣсть. Потомъ я былъ потребованъ къ допросу въ комиссію и опять показывалъ то же, что̀ и прежде, и отосланъ былъ опять въ баню. Пришелъ снова секретарь ко мнѣ, часовыхъ выслалъ вонъ, а меня всячески стращалъ и грозилъ.

— «Ты долженъ сказать объ убійствѣ Алтуховой, я безъ того не отстану отъ тебя.

— «Что угодно со мной дѣлайте, — отвѣтилъ я,—я ничего не знаю.

«Исправникъ схватилъ меня за уши, началъ приподнимать кверху и приговарилъ:

— «Скажешь потомъ, скажешь.

«Потомъ оставилъ мои уши и схватилъ обѣими руками челюсти, прижалъ меня къ стѣнѣ и кричалъ:

— «Сказывай, безъ того не отстану!

«У меня глаза лѣзли вонъ отъ боли. Секретарь билъ меня по щекамъ кулаками и разсѣкъ языкъ до крови. Потомъ схватилъ за шею и сдавилъ меня такъ, что я чуть было не задохся. Затѣмъ бросилъ меня и ушелъ.

«Трое сутокъ пробылъ я въ банѣ, не пивши и не ѣвши, на четвертыя сутки къ вечеру пришелъ унтеръ-офицеръ и сказалъ:

— «Ты, можетъ быть, ѣсть хочешь?

«Я крѣпко заплакалъ и отвѣчалъ:

— «Когда мнѣ не велѣно давать ни пить, ни ѣсть, что̀ жъ я сдѣлаю?

«Унтеръ-офицеръ объяснилъ, что секретарь послалъ его узнать, не запрошу ли я ѣсть. Я сказалъ, что прошу ѣсть. Тогда мнѣ принесли пять соленыхъ огурцовъ и кусокъ хлѣба. Пить мнѣ не велѣно было давать. И я цѣлую ночь не пилъ. На пятый день потребовали меня въ комиссію. Тамъ предсѣдатель сталъ меня опять спрашивать:

— «Какъ было дѣло?

«Я началъ показывать также, какъ и прежде. Предсѣдатель сказалъ:

— «Врешь! Когда кучеръ на Ширкова показываетъ и люди на него показываютъ, ты долженъ знать. Ты скрываешь своего. Ты сознайся.

«Я сталъ оправдываться. Говорю: кучеръ напрасно показываетъ. Я съ этой муки, пять дней не пивши, могъ бы, Богъ знаетъ чтò показать. Не только господина, но и отца своего родного не пощадилъ бы.

«А предсѣдатель сказалъ на это мое слово:

— «Мало тебѣ этой муки, жилы твои надо тянуть на колеса. Будь увѣренъ, что настою на томъ, чтобъ дать тебѣ 300 ударовъ кнутомъ и будешь сосланъ не туда, гдѣ товарищи твои были, гдѣ вѣчно свѣту не увидишь.

«Тогда онъ ударилъ меня въ лицо, велѣлъ набить на шею колодку и посадить къ кучеру, куда и былъ я приведенъ. Тамъ кучеръ, сидя за столомъ, ѣлъ хлѣбъ съ огурцами. Унтеръ-офицеръ, бывшій при кучерѣ, началъ меня уговаривать не дѣлать запирательства.

— «Я не запираюсь,—отвѣтилъ я,—но не знаю, что же мнѣ показать.

— «Да, ты не знаешь, ты маленькій, замѣтилъ мнѣ кучеръ.

«Я ему сказалъ:

— «Что мнѣ показывать, когда я ничего не знаю... А ты на меня невиннаго клевещешь... Видишь,—у меня челюсти распухли отъ битья и уши отодраны отъ тѣла, гной даже течетъ.

«Тогда кучеръ кликнулъ унтеръ-офицера и сказалъ ему:

— «Осталось у меня сибирскихъ восемь гривенъ, пошли купить полосьмухи водки.

«Водки принесли. Выпили—унтеръ-офицеръ, кучеръ. Этотъ послѣдній кликнулъ меня:

— «Парменъ, выпей!

«Я не сталъ пить.

«Кучеръ опять сказалъ:

— «Ты сердиться сердись, а выпей.

— «Лучше я выпью яду, чѣмъ твоего вина.

«Унтеръ-офицеръ принесъ мнѣ кормовыя деньги за четыре дня, но я ихъ не взялъ, говоря: на чтò же мнѣ деньги, когда мнѣ хлѣба не позволяютъ купить?

«Унтеръ-офицеръ сказалъ:

— «Возьми, братецъ.

«Я, взявъ деньги, сказалъ ему:

— «Я вижу, что ты добрый человѣкъ, имѣешь крестъ въ себѣ я четверо сутокъ не пивши, не ѣвши, душа у меня запеклась, сердце изныло, пошли мнѣ купить на четвертакъ вина.

«Онъ согласился. Вино принесли; я, наливъ себѣ большой де-

ревянный стаканъ, выпилъ и потомъ сказалъ кучеру, чтобы онъ подалъ мнѣ хлѣба и огурцовъ.

«Въ это время вошелъ секретарь и, увидя меня, сказалъ:

— «Ну, что, голубчикъ, одумался?

— «Не въ чѣмъ мнѣ одумываться,—отвѣтилъ я,—что̀ зналъ, то и показалъ.

«Тогда секретарь обратился къ унтеръ-офицеру:

— «Принесли ли колодку надѣть ему на шею?

«Тотъ отвѣтилъ:

— «Послали за ней въ полицію.

«Секретарь ушелъ. Я, желая узнать отъ кучера, какое онъ сдѣлалъ показаніе, попросилъ унтеръ-офицера выйти и вывести часового. А самъ спросилъ у кучера:

— «Скажи мнѣ, что ты показывалъ, я уже готовъ твое покасаніе показать, и долго ли еще мнѣ мучиться?

«Онъ было замялся, не сталъ мнѣ открывать, но я его увѣрилъ, что я покажу точно также, какъ и онъ.

«Тогда кучеръ передалъ мнѣ свое показаніе. Вошелъ унтеръ-офицеръ и спросилъ:

— «Переговорили ли?

«Я отвѣчалъ, что дѣло кончено. Часового опять поставили.

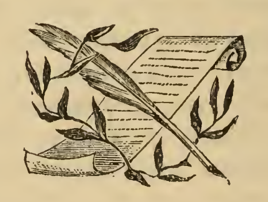
«Когда меня на другой день привезли въ комиссію, я палъ на колѣни, просилъ прощенія и пересказалъ все подробно, что слышалъ отъ кучера. Потомъ меня отправили въ Курскъ, требовали отъ меня подписку, что я все добровольно показалъ, и я, убоявшись, что опять приму какое ни на есть мученье, исполнилъ требованіе. Въ Курскѣ я былъ посаженъ въ тюрьму подъ секретомъ, гдѣ и пробылъ безъ малаго годъ въ кандалахъ».

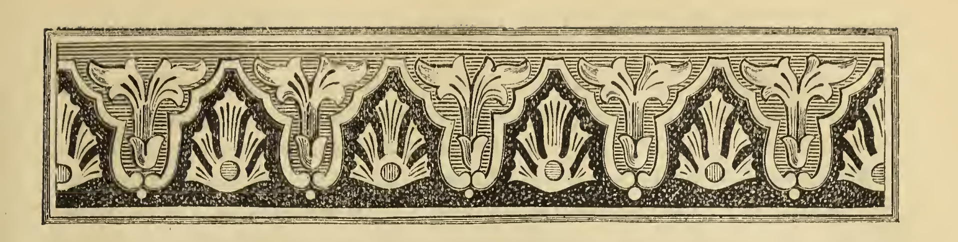
Новое показаніе ширковскаго камердинера внесло новую путаницу въ дѣло объ убійствѣ Алтуховой... Сенаторы растерялись и послѣ долгихъ колебаній рѣшено было вновь начать слѣдствіе. Доложили объ этомъ императору. Онъ согласился съ мнѣніемъ сената и повелѣлъ вызвать въ Петербургъ въ качествѣ свидѣтелей одиннадцать человѣкъ. Одного изъ нихъ, бывшаго плѣннаго венгерца, выписали изъ Австріи съ особымъ нарочнымъ, лично получившимъ инструкцію отъ Александра I. Свидѣтели давали показанія; но вслѣдствіе десятилѣтней давности показанія эти были совершенно незначительны. Между прочимъ курскому губернатору былъ сдѣланъ запросъ: справедливо ли заявленіе Филиппова о томъ, что у него вынудили жестокими мѣрами лживое признаніе? Губернаторъ отвѣчалъ: «Это заявленіе обнаруживаетъ подлогъ и изобличаетъ участіе Филиппова въ убійствѣ Алтуховой... нужно только сличить его съ прежними показаніями и сообразить съ обстоятельствами дѣла. Видны сейчасъ же разнорѣчія и вымышленныя доказательства, никакого основанія неимѣющія. Во всѣхъ прежнихъ произ-

водствахъ по сему дѣлу, при всѣхъ ухищреніяхъ Ширкова, не представлено ни имъ, ни его камердинеромъ, ни одного обстоятельства, служащаго къ ихъ оправданію, тогда какъ самое происшествіе прямо обвиняетъ ихъ».

Во все продолженіе хода дѣла объ убійствѣ Алтуховой въ сенатѣ ни Ширковъ, ни Филипповъ, не смотря на всѣ увѣщанія, не сдѣлали признанія въ томъ, что они виновны. Тѣмъ не менѣе, въ половинѣ 1823 года состоялся приговоръ, которымъ оба были признаны убійцами Алтуховой. Этотъ приговоръ былъ Высочайше конфирмованъ и Ширковъ съ своимъ камердинеромъ отправлены въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Нечего и прибавлять, что Филипповъ, кромѣ того, былъ подвергнутъ жестокому тѣлесному наказанію. Отправляясь въ Сибирь, оба громко высказывали, что они пострадали безвинно-напрасно, но vox populi былъ рѣшительно и безповоротно противъ нихъ.

А. Танковъ.





ОСАДА ЕРМОЛОВА.

ДВА ГОДА тому назадъ, въ статьѣ «Карьера Паскевича», я говорилъ о первомъ томѣ сочиненія князя Щербатова: «Генералъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность». Нынѣ вышелъ второй томъ этого сочиненія, съ восемью картами и планами, захватывающій собою, хотя сравнительно небольшой промежутокъ времени, съ августа 1826 по октябрь 1827 года, но зато періодъ крайне характерный и многозначительный для дѣятельности историческаго героя князя Щербатова, а именно время его появленія на Кавказѣ, съ порученіемъ выжить оттуда Ермолова путемъ непосредственнаго участія въ начавшейся тогда, неожиданно для Петербургскихъ дипломатовъ, персидской войнѣ.

Статьей «Карьера Паскевича» не всѣ остались довольны, находили ее односторонней и написанной съ предвзятой цѣлью умалить личное достоинство фельдмаршала, приписывая всю его карьеру одной удачѣ. Такой взглядъ я также нахожу и несправедливымъ, и одностороннимъ, такъ какъ никогда не думалъ отказывать любимому генералу императора Николая Павловича въ отсутствіи достаточныхъ военныхъ дарованій и несомнѣнной безукоризненной личной храбрости, а также и въ умѣньѣ предводительствовать войсками. Я только не могъ не замѣтить, что Паскевичъ, не будучи, во всякомъ случаѣ, выше Багратіона и Ермолова по дарованіямъ и стоя вообще гораздо ниже великихъ полководцевъ, былъ несомнѣнно очень счастливъ въ прохожденіи своей службы, на что у него впрочемъ также были извѣстныя заслуги и права. Сравнимъ, напримѣръ, карьеру Паскевича съ карьерой

его сверстника и соратника на бородинскомъ полѣ, Ермолова. Какая разница въ этихъ карьерахъ при несомнѣнныхъ дарованіяхъ того и другого, при несомнѣнномъ достоинствѣ Ермолова, которое ни въ какомъ отношеніи не уступало дарованіямъ и достоинству будущаго князя Варшавскаго! Не имѣемъ ли мы по этому право искать причины блестящихъ успѣховъ Паскевича не въ однихъ качествахъ хорошаго генерала, но и въ другихъ спеціальныхъ качествахъ, какими не обладалъ вовсе Ермоловъ? На этотъ-то вопросъ категорическимъ утвержденіемъ отвѣчаетъ второй томъ прекрасно написанной монографіи князя Щербатова, въ которомъ на долю Паскевича выпала крайне неблагодарная роль въ неблагородной и ненужной вовсе осадѣ, которой подвергли Ермолова, ранѣе его увольненія отъ занимаемой имъ должности на Кавказѣ. Не Паскевичъ велъ эту осаду кавказскаго льва, ее вели Дибичъ, Бенкендорфы, Ламздорфъ, Сухтеленъ и Адлербергъ, непрощавшіе, по причинамъ совершенно понятнымъ, русскому рыцарю безъ страха и упрека желаніе оставаться русскимъ. Но Паскевичъ былъ орудіемъ этой осады, и въ этомъ отношеніи можно съ увѣренностью сказать, что исторія легко могла бы перетасовать карты, т. е. поставить Паскевича на мѣсто занимаемое Ермоловымъ на Кавказѣ, но никакая исторія не могла бы поставить Ермолова въ то положеніе, какое досталось Паскевичу въ 1826 году. Замѣтимъ еще, что Паскевичъ оказался не на высотѣ порученной ему задачи, что совершенно ясно слѣдуетъ изъ письма къ нему Сухтелена, приводимаго въ подлинникѣ въ историческомъ изслѣдованіи князя Щербатова. Онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, онъ затянулъ скандалъ, придавъ ему на вѣки историческую форму и историческое значеніе, чего бы при большей смѣлости Паскевича, во время слѣдованія по начертанному ему пути, навѣрное не было бы. Съ этой проблематической точки зрѣнія можно съ достаточною увѣренностью догадываться, что прежде всего Ермоловъ не взялъ бы на себя неестественнаго, въ военномъ отношеніи, порученія Паскевича, но если бы почему-либо взялъ его, то выполнилъ бы его гораздо рѣзче и тверже, нежели то сдѣлалъ Паскевичъ. Онъ бы осады льва, какъ бы послѣдній свирѣпъ ни былъ и ни казался, не началъ, и не тянулъ бы непріятной и унизительной канители такъ долго, какъ ее тянулъ Паскевичъ. Такъ можно думать потому, что Ермоловъ былъ самъ настоящій левъ, а Паскевичъ такимъ львомъ никогда не былъ. Вотъ почему нельзя, обсуждая историческое поведеніе николаевскаго фельдмаршала, не обращать вниманія на то рѣдкое счастіе, которое сопровождало всѣ его подвиги и дѣла.

Событія, которыхъ касается историкъ въ своемъ второмъ томѣ, такъ поучительны и интересны, такъ много говорятъ русскому

сердцу, что мы не можемъ и на этотъ разъ отказать себѣ въ удовольствіи, путемъ добросовѣстной компиляціи, напомнить читателямъ о главнѣйшихъ сторонахъ трагикомедіи, разыгравшейся на Кавказѣ въ концѣ 1826 и въ началѣ 1827 года. Въ это время краемъ управлялъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, казавшійся почему-то необыкновенно страшнымъ Петербургу, гдѣ тотчасъ по воцареніи молодого императора русскіе люди начали видимо уступать нѣмцамъ. Популярности этого льва почему-то особенно боялись и потому искали благовиднаго предлога для его удаленія съ исторической арены дѣятельности. Просто этого сдѣлать не смѣли и повели противъ льва, и недумавшаго защищаться, правильную осаду. О характерныхъ-то чертахъ послѣдней осады я и поведу рѣчь.

1.

Начнемъ съ анекдота, впрочемъ, для Ермолова крайне характернаго.

Однажды, войдя въ залу передъ внутренними покоями императора Александра I, гдѣ ждало много военныхъ генераловъ съ нѣмецкими фимиліями, Алексѣй Петровичъ вдругъ обратился къ нимъ съ общимъ вопросомъ:

— Позвольте узнать, господа, не говоритъ ли кто-либо изъ васъ по-русски?

Позже, гораздо позже, когда Ермоловъ жилъ въ изгнаніи у себя въ Орлѣ, къ нему заѣхалъ А. С. Пушкинъ. Въ разговорѣ съ поэтомъ, старый генералъ, разбирая походы Дибича въ 1828 и 1829 годахъ, говорилъ:

— Лѣтъ черезъ пятьдесятъ подумаютъ, что въ этомъ походѣ съ нашими войсками участвовали вспомогательные корпуса пруссаковъ и австрійцевъ, предводимые такими-то и такими н ѣ м е ц к и м и генералами.

Этихъ двухъ примѣровъ, повидимому, вполнѣ достаточно, чтобы понять тонъ отзыва о Ермоловѣ въ письмѣ Бенкендорфа къ Воронцову, которое мы находимъ во французскомъ подлинникѣ въ числѣ приложеній въ книгѣ князя Щербатова. Вотъ выдержки изъ этого письма.

«Извѣстія изъ Грузіи таковы, какъ я предсказывалъ. Ермоловъ ничего не дѣлаетъ; если ему вѣрить, то атака персіянъ невозможна... Бѣдный Паскевичъ не можетъ помочь, находясь подъ начальствомъ человѣка, который купилъ рекламистовъ въ свою пользу путемъ уничтоженія всякихъ военныхъ требованій. Вотъ великій патріотъ, находившій Барклая, Витгенштейна и всѣхъ не носившихъ московскаго произвища, недостойными имени русскихъ! Вотъ его настоящая цѣна!»

Въ другомъ, болѣе раннемъ, письмѣ къ Воронцову, тотъ же Бенкендорфъ сѣтуетъ такъ:

«Вотъ каковы эти великія репутаціи, основанныя на интригѣ и на высокомѣріи; онѣ падаютъ при самомъ ничтожномъ сопротивленіи. Эта война, возбужденная своевольной и неполитичной администраціей, вызванная личнымъ честолюбіемъ, обрушилась на ся автора, который не съумѣлъ ни приготовить нужныхъ къ тому средствъ, ни предвидѣть послѣдствій. Глупость непріятеля и его трусость исправятъ все это, но бѣдные зарѣзаннные и раззоренные жители, колоніи нѣмецкія, ограбленныя и обреченныя рабству, не могутъ быть болѣе вызваны къ жизни, къ довольству, и безопасность здѣсь разрушена на многіе годы!»

Надѣюсь, что теперь понятно, какъ смотрѣли и заставляли другихъ смотрѣть на Ермолова его сослуживцы, неумѣвшіе говорить порусски.

А между тѣмъ Ермоловъ, еще при жизни императора Александра, писалъ о томъ, что не слѣдуетъ довѣрять миролюбію Персіи и уповать на долгую память объ унизительномъ для персіянъ Гюлистанскомъ договорѣ. Ермоловъ, въ виду послѣдняго, а также и получаемыхъ имъ, къ несчастію, преувеличенныхъ и не вѣрныхъ даже свѣдѣній о переустройствѣ персидской арміи на европейскій ладъ при помощи англійскихъ денегъ и англійскихъ офицеровъ, находилъ имѣвшіяся у него подъ руками кавказскія средства защиты недостаточными, но ему не вѣрили. Кто же не вѣрилъ? Нѣмецъ Нессельроде, именно тотъ самый, при которомъ герцогъ Ришелье говорилъ порусски, не желая быть понятымъ. Эти русскіе начальники и дипломаты предлагали даже сдѣлать уступки Персіи, лишь бы не вызывать на границахъ имперіи безпокойства и затрудненій. Посланный же въ Персію Ермоловъ нашелъ, что нельзя дѣлать персіянамъ никакихъ територіальныхъ уступокъ и нельзя также признавать Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ престола, потому что Ермоловъ не видѣлъ въ этомъ принцѣ добраго къ намъ расположенія, а, напротивъ, слышалъ отъ него негодующіе отзывы о томъ, что Россія владѣетъ областями, владычество надъ которыми принадлежитъ только шаху.

Какъ же говорить, въ виду этихъ свидѣтелей, о честолюбіи и недальновидности Ермолова въ персидскихъ дѣлахъ? Проще дѣло выясняется тѣмъ, что трудно было русскому льву вести политику подъ диктовку лицъ, не говорившихъ по-русски. Что же касается до бѣдныхъ разграбленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ самъ же Ермоловъ вызвалъ на Кавказъ, помогъ на границѣ устроиться въ качествѣ учителей и образцовъ для русскихъ хозяевъ, то они, если и пострадали, то навѣрное не болѣе того, какъ страдали прусскіе нѣмцы въ то время, когда молодецкая рота полковника Ермолова отстаивала нѣмецкую независимость противъ французовъ на по-

ляхъ Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтѣ. Но нѣмцы хотятъ всегда слишкомъ многаго и всегда въ сужденіяхъ своихъ бываютъ неумолимы, особенно когда встрѣчаютъ истинную силу тамъ, гдѣ привыкли находить одно постоянное безсиліе.

Отсюда и инкриминаціи, и восклицательное негодованіе Бенкендорфовъ.

Ермоловъ былъ, дѣйствительно, тѣмъ рѣдкимъ русскимъ человѣкомъ, который не считалъ за обиду называться и быть на самомъ дѣлѣ русскимъ, въ томъ же патріотическомъ смыслѣ, въ какомъ каждая нація бываетъ и только и можетъ быть патріотичной. Но онъ далеко не былъ неумолимымъ нѣмцеѣдомъ, какимъ его представляли себѣ и желали представить императору Николаю окружавшіе его и пользовавшіеся его довѣріемъ люди. Если мы заглянемъ во второй томъ интереснаго и талантливаго изданія В. Потто: «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ и біографіяхъ», мы найдемъ тамъ ту рѣзкую и благородную характеристику Ермолова, какъ генерала и какъ человѣка, которой не хватаетъ для полноты картины въ сочиненіи князя Щербатова.

Изъ генераловъ-нѣмцевъ Ермоловъ особенно не любилъ Витгенштейна. Подъ Люценомъ мы, какъ извѣстно, потерпѣли неудачу. Витгенштейнъ взвалилъ ее на Ермолова, укоряя его въ недостаткѣ предусмотрительности, вслѣдствіе которой въ войскахъ оказался недостатокъ снарядовъ. Но тотъ же Витгенштейнъ, въ день не рѣшительнаго и опаснаго для насъ сраженія подъ Бауценомъ, оставляетъ аріергардъ Ермолова противъ всей французской арміи и тотъ удерживаетъ ее до тѣхъ поръ, пока наше положеніе улучшается и мы можетъ съ честью кончить для себя этотъ день. Самъ Витгенштейнъ, зная, что Ермоловъ дрался на глазахъ государя, долженъ былъ признаться, что въ этотъ день онъ спасъ почти всю русскую артиллерію. Подъ Кульмомъ же, когда ядро оторвало руку Остерману, Ермолову пришлось руководить также фатальнымъ для насъ и выгоднымъ для Наполеона боемъ. Собственноручно написавъ реляцію объ этомъ блестящемъ подвигѣ русской гвардіи, Ермоловъ о себѣ вовсе не упомянулъ, но весь успѣхъ приписалъ распорядительности графа Остермана. Прочитавъ эту реляцію, Остерманъ, не смотря на жестокія страданія, написалъ собственноручно Ермолову:

«Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, нахожу лишь только, что вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому всю истинную справедливость отдавать привыченъ».

За то подъ Парижемъ Ермоловъ, командуя соединеннымъ корпусомъ русской и прусской гвардіи, дѣйствительно обидѣлъ нѣмцевъ, выведя въ расходъ не своихъ, но пруссаковъ. За это прусскій король не далъ ему Чернаго Орла, и нисколько Ермоловъ не

тужилъ объ этомъ, находя, что хоть въ этотъ день русскія войска сохранились отъ лишняго пролитія крови въ пользу пруссаковъ, которыхъ не вѣсть для чего спасали отъ Наполеона.

Вспомнимъ еще при этомъ, что тотъ же Ермоловъ, вступая во Францію, провелъ церемоніальнымъ маршемъ свою гвардію мимо того дерева, подъ которымъ былъ убитъ благородный Тюрень, чтобы отдать воинскія почести доблести воина, хотя бы и враждебной страны, и еще болѣе вспомнимъ, что тотъ же Ермоловъ, когда ему была пожертвована Александромъ Павловичемъ аренда въ сорокъ тысячъ, не смотря на крайнюю ограниченность своихъ личныхъ средствъ, написалъ императору письмо, въ которомъ отказался отъ послѣдней награды, прося взять назадъ уже подписанный указъ и употребить эту сумму на помощь бѣднымъ служащимъ, обремененнымъ семействами. Объ этомъ фактѣ, когда шелъ вопросъ о деталяхъ удаленія Ермолова съ Кавказа, писалъ императору Николаю и Дибичъ, напоминая о безкорыстіи и бѣдности страшнаго Цезаря, удалявшагося на невольный и столь незаслуженный ранній покой.

И вотъ этотъ-то человѣкъ, высокій дарованіями и духомъ, человѣкъ-римлянинъ, по-римски любившій и служившій своей родинѣ, былъ признанъ опаснымъ и отданъ на жертву укрѣпившихся и овладѣвшихъ довѣріемъ государя нѣмцамъ.

Паскевичъ взялся быть орудіемъ этихъ нѣмцевъ въ моментъ сверженія Ермолова, и князь Щербатовъ напрасно старается увѣрить насъ, что причины враждебности братьевъ Бенкендорфовъ къ Ермолову не выяснены и что едва ли можно предполагать, какъ многіе тогда думали, что Бенкендорфъ, покровительствуя нѣмцамъ на русской службѣ, ненавидѣлъ Ермолова, какъ представителя въ арміи чисто русской партіи. Почему, спросите вы, этого нельзя предполагать? А потому, отвѣчаетъ историкъ, что Бенкендорфъ писалъ свои неодобрительныя письма о Ермоловѣ Михаилу Семеновичу Воронцову. Да, писалъ, но кто по отношенію къ Россіи былъ настоящимъ иностранцемъ, какъ не милордъ Воронцовъ? Фамилія еще не значитъ все, въ доказательство чего можно привести, что Белингсгаузенъ, назвавшій одинъ изъ открытыхъ имъ острововъ Ермоловымъ, былъ, конечно, болѣе русскимъ, нежели Воронцовъ, о которомъ Пушкинъ выразился достаточно ясно, что онъ былъ и полумилордъ, и полукупецъ, но патріотомъ русскимъ никогда не былъ, хотя, конечно, въ дипломатическомъ отношеніи все же былъ выше Нессельроде градусовъ на сто. Да о Воронцовѣ Бенкендорфъ ничего бы худого и не смѣлъ написать Ермолову, который и послѣ нанесенныхъ ему обидъ, кровныхъ и глубокихъ, отдавалъ справедливость военнымъ дѣйствіямъ Паскевича, когда послѣднія были удачны и правильны, и административному таланту Воронцова, назначеннаго на Кавказъ.

Для тѣхъ, кто хорошо понимаетъ цѣну людямъ, конечно, Ермоловъ будетъ стоять подобно классическому витязю, никогда не помышлявшему о себѣ, и самая осада крошечныхъ великанчиковъ, предпринятая противъ этого человѣка львинаго образа, какъ нельзя лучше дополняетъ то грандіозное и высокое впечатлѣніе, которое производилъ на всѣхъ, не исключая и нѣмцевъ, этотъ безупречный русскій герой и гражданинъ. Пусть и до сихъ поръ Ермолову нѣтъ нигдѣ памятника, пусть даже почему-то нѣтъ на общихъ памятникахъ боевыхъ заслугъ и доблестей его имени, когда есть имена менѣе славныхъ, пусть навсегда останется ему лучшимъ памятникомъ та простая лампада надъ могилой, которую соорудили кавказскіе солдаты изъ обломка гунибской гранаты, но имя его переживетъ вѣка и вѣчно будетъ заставлять русскія сердца биться сильнѣе и жизненнѣе. Пусть

«Предъ нимъ, за нимъ нѣтъ пышныхъ титлъ,
«Не громокъ онъ средь гордой знати,
«Но за него усердный гласъ молитвъ
«Непобѣдимой русской рати».

2.

Наканунѣ трагическаго вступленія на престолъ, Николай Павловичъ писалъ Дибичу, что не будетъ спокоенъ, пока не получитъ присяги Ермолова и кавказскихъ войскъ, такъ какъ, писалъ онъ: «я виноватъ, ему менѣе всѣхъ довѣряю».

Присяга эта, какъ извѣстно, замедлила, и не могла не замедлить вслѣдствіе разстояній, а также и потому, что, ничего незнавшій о перемѣнѣ престолонаслѣдія, Ермоловъ посылалъ въ Крымъ узнавать о случившихся въ Петербургѣ происшествіяхъ. Винить его за послѣднее невозможно, потому что именно Ермоловъ принадлежалъ къ числу лицъ, которыя неспособны играть присягой и относятся къ ней осторожно и съ уваженіемъ. Когда дѣло вполнѣ для него выяснилось, онъ по закону присягнулъ и самъ, и войска свои привелъ къ присягѣ на точномъ основаніи законовъ. Но разъ уже у великаго князя существовало противъ него предвзятое недовѣріе, конечно, опоздавшіе присяжные листы не могли произвести хорошаго впечатлѣнія. Въ виду этого, мнѣ кажется, нечего искать другихъ причинъ для всего совершившагося, нечего удивляться желанію молодого монарха избавиться отъ генерала, которому онъ не довѣрялъ, но можно только сожалѣть, что дѣло не было сдѣлано проще на точномъ основаніи военныхъ законовъ и обычныхъ воинскихъ порядковъ.

Внезапное вторженіе полчищъ Аббаса-Мирзы въ предѣлы русскихъ ханствъ, и непріятныя извѣстія, пришедшія съ Кавказа въ Москву, ко времени коронованія Николая I, доставляли, конечно,

вполнѣ достаточный предлогъ для замѣны Ермолова другимъ генераломъ, о чемъ онъ еще въ концѣ царствованія императора Александра, зная инсинуаціи Нессельроде, писалъ:

«Опасаюсь порицанія, что я былъ виною прерванія мира, что война есть замыселъ мой, для удовлетворенія видовъ честолюбія. Всего легче замѣнить меня другимъ начальникомъ».

Заканчивая это письмо, Ермоловъ просилъ позволенія остаться на Кавказѣ частнымъ человѣкомъ, чтобы быть свидѣтелемъ пораженія самаго презрѣннаго народа на свѣтѣ. Казалось бы, чего медлить, но предполагая и въ этой естественной просьбѣ военноначальника, которому перестали довѣрять, какую-то заднюю мысль, какое-то желаніе оправдаться въ упущеніяхъ и разстройствахъ ввѣренныхъ ему войскъ, не пожелали простого рѣшенія вопроса, а предприняли сложную и унизительную осаду генерала, который, удивленный и огорченный подобнымъ поведеніемъ могущественныхъ лицъ, какъ онъ впослѣдствіи выражался, и этимъ же «поведеніемъ» вполнѣ, какъ начальникъ, обезсиленный въ виду наступающаго врага, самъ и не помышлялъ о какой бы то ни было своей личной защитѣ.

31-го іюля, Ермолову писали, что подъ предводительствомъ такого опытнаго, отличнаго и въ высокой степени обладающаго довѣріемъ войскъ, вождя, какъ онъ, нельзя сомнѣваться въ пораженіи наступающихъ войскъ персидскихъ; одиннадцать же дней позже, когда первый курьеръ еще не успѣлъ доѣхать до Тифлиса, на Кавказъ уже ѣхалъ Паскевичъ съ самыми неестественными инструкціями и съ совершенно невыясненною степенью подчиненности Ермолову, подъ начальствомъ котораго Паскевичу высочайше повелѣвалось командовать войсками совершенно самостоятельно. Мало того, въ карманѣ этого же подчиненнаго лежалъ подписанный императоромъ указъ объ увольненіи Ермолова, указъ, которымъ Паскевичъ, однако, могъ воспользоваться только въ крайнемъ случаѣ. Достаточно къ этому прибавить, что Паскевичъ получилъ право личной переписки съ государемъ и получалъ отъ послѣдняго свѣдѣнія, касавшіяся Ермолова, и которыя должны были сохраняться отъ осажденнаго генерала въ тайнѣ.

Князь Щербатовъ, въ благородныхъ, но напрасныхъ усиліяхъ оправдать эти указы и такую переписку,[1] говоритъ, что указъ былъ подписанъ въ минуту раздраженія и на случай явнаго ослушанія Ермоловымъ воли монарха. Затѣмъ онъ же прибавляетъ: «вѣроятно, и Паскевичъ въ первую минуту, получивъ этотъ указъ, не вполнѣ выяснилъ себѣ практическое его значеніе, иначе онъ отказался бы взять его».

И хотя историку, въ положеніи князя Щербатова, трудно сохранить безпристрастіе въ данномъ случаѣ столкновенія двухъ историческихъ личностей, но въ этомъ мѣстѣ своего повѣствова-

нія онъ становится на сторону Ермолова и категорически заявляетъ, что не было и не могло быть у высшаго правительства никакого повода ожидать со стороны русскаго боевого генерала подобнаго неестественнаго сопротивленія монаршей волѣ. Довольно прозрачно намѣкаетъ онъ, что Паскевичъ, не сдѣлавшій никакого употребленія изъ указа, на что навѣрное расчитывали болѣе, нежели на его персидскія побѣды, поступилъ плохо. Начавъ мелкую борьбу съ Ермоловымъ изъ-за вопроса о снабженіи войскъ, подозрѣвая его въ желаніи лишить его даже личныхъ адъютантовъ и тому подобное, на что давала пищу самая неестественность взаимныхъ отношеній двухъ полномочныхъ генераловъ во главѣ одной арміи, Паскевичъ, дѣйствительно, попалъ въ положеніе тягостное и непріятное. Жалуясь на это положеніе и прося своего отозванія съ Кавказа, онъ получилъ отъ помощника начальника главнаго штаба Сухтелена слѣдующее, очень не двусмысленное, внушеніе:

«Были бы весьма рады, если бы вы, по пріѣздѣ на Кавказъ, воспользовались даннымъ вамъ полномочіемъ, но такъ какъ тогда вы довольствовались добывать славу и добровольно стали въ положеніе подчиненнаго, то въ настоящее время отъ васъ ожидаютъ проявленія чувства самопожертвованія... и чѣмъ ваши отношенія съ Цезаремъ (т. е. съ Ермоловымъ) будутъ лучше, тѣмъ болѣе вы будете себѣ полезнѣе въ Петербургѣ».

Въ это время плохо подвигавшаяся къ конечному результату осада Ермолова Паскевичемъ заставила послать на Кавказъ сильное подкрѣпленіе въ лицѣ Дибича, въ то время еще не Забалканскаго. Дибичу Ермоловъ очень обрадовался и, польстивъ этому маленькому великанчику, перетянулъ его незамѣтно на свою сторону. Въ этомъ фазисѣ осады, Паскевичъ одинаково съ Ермоловымъ попалъ изъ положенія судьи въ положеніе подсудимаго, и судъ Дибича, которому показалось нужнымъ нарвать и для себя боевыхъ лавровъ, командуя вольницей Ермолова, не былъ безпристрастенъ. Начать съ того, что, какъ хорошій нѣмецъ, Дибичъ началъ пролагать дорогу на Кавказъ Витгенштейну, затѣмъ при немъ же явились алчущіе славы гвардейцы: Ламздорфъ, Бенкендорфъ, Ашъ, Адлербергъ и, наконецъ, Сухтеленъ. Создавая свои планы будущей войны съ Персіей, и распрашивая интендантскихъ чиновниковъ о поведеніи Ермолова и Паскевича, Дибичъ незамѣтно для самого себя попалъ подъ вліяніе Ермолова, и въ этотъ-то моментъ положеніе Паскевича стало даже забавнымъ. Паскевичъ, производившій петербургскіе парады боевому войску Ермолова, войску, имѣвшему своеобразное обмундированіе и совершенное отсутствіе выправки, войску, которое требовало позволенія бросить ранцы, прежде чѣмъ идти въ аттаку на персіянъ, долженъ былъ сознаться вмѣстѣ съ Дибичемъ, что нельзя одинаково наряжать войска въ разныхъ климатахъ. Къ концу ревизіи и пребыванія

Дибича на Кавказѣ, форма Ермолова, была признана цѣлесообразной и войскамъ дали кителя, фуражки вмѣсто невозможныхъ киверовъ и даже башлыки, не смотря даже на то, что государь находилъ ихъ чрезмѣрно безобразными. Также измѣнилось и его мнѣніе относительно возможности вести слишкомъ активную наступательную борьбу съ персіянами, по причинѣ того, что послѣ пораженій войска эти разбѣгались, на зиму распускались совсѣмъ, а у насъ на пути не оставалось достаточно провіанта, который хотя и можно было заготовить въ Астрахани и выше по Волгѣ, но возить за войсками, по неприступнымъ и тяжелымъ горамъ Эриванскаго, Нахичеванскаго и Карабахскаго ханствъ, было почти невозможно. Короче сказать, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ и съ положеніемъ вещей, петербургскіе генералы стали и дѣлать, и говорить по-ермоловски. И ужъ конечно не велика разница, что Ермолову приходилось довѣрять нечестному Мадатову, который во всякомъ случаѣ, даже по позднѣйшей оцѣнкѣ Паскевича, былъ все же храбрымъ гусаромъ, а самому Паскевичу, приходилось также довѣрять поручику Карганову, также мошеннику и негодяю, но за которымъ во всякомъ случаѣ не было никакихъ военныхъ выдающихся заслугъ. Карьеру Паскевича на Кавказѣ со стороны ея удачи, конечно, составили два Ермоловскихъ генерала: Мадатовъ и Вельяминовъ, заставившіе и убѣдившіе Паскевича принять подъ Елизаветполемъ бой со всею арміею Аббаса-Мирзы и своими срамными войсками разбившіе эту армію.

3.

Паскевичъ пріѣхалъ на Кавказъ 29-го августа 1826 года, смѣна же Ермолова указомъ государя произошла 12-го марта 1827 года; и такъ, осада Ермолова петербургскими генералами продолжалась шесть съ половиной мѣсяцевъ. Въ это время пріѣзжали и уѣзжали въ Тифлисъ и Петербургъ разныя болѣе или менѣе извѣстныя лица, велась секретная кореспонденція каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ на свой страхъ и совѣсть и, что также любопытно, эти письма посылались съ оказіями, съ друзьями и адъютантами, такъ какъ писавшіе государю и другимъ лицамъ, на помощь и содѣйствіе которыхъ расчитывали, почти не вѣрили и не довѣряли другъ другу. Одинъ Ермоловъ не писалъ ничего, кромѣ чисто офиціальныхъ отношеній и бумагъ, очевидно одинъ изъ всѣхъ хорошо понимая, что для него ни въ какомъ случаѣ побѣда невозможна. Но онъ, ожидая конца, утѣшался, заставляя Дибича плясать подъ свою дудку. Дѣйствительно, если прослѣдить послѣдовательность донесеній и писемъ Дибича къ императору, нельзя не видѣть, какъ послѣдовательно и постепенно его сужденія клонились въ пользу

Ермолова. Въ послѣднихъ письмахъ онъ даже пытается реабилитировать его политическую репутацію, донося о прекрасномъ состояніи опальныхъ полковъ, принимавшихъ участіе въ семеновскомъ бунтѣ и въ происшествіяхъ четырнадцатаго декабря, и оправдывая Ермолова въ разныхъ подлыхъ на него доносахъ о послабленіяхъ, которыя онъ будто бы дѣлаетъ наказаннымъ и разжалованнымъ офицерамъ. Мало того, проектируя въ концѣ концовъ вызовъ на Кавказъ Витгенштейна, Дибичъ весьма непрозрачно докладываетъ о малой способности дѣйствовать въ кавказскихъ условіяхъ Паскевича, и о престарѣлости его собственнаго кандидата Витгенштейна. Въ результатѣ выходило довольно ясно, что самая польза дѣла требовала оставленія Ермолова на Кавказѣ, съ порученіемъ исполнять боевые планы, составленные самимъ Дибичемъ, и еще лучше подъ его же, Дибича, личнымъ руководствомъ. Въ этомъ же смыслѣ долженъ былъ написать отъ себя письмо къ государю и самъ Ермоловъ.

Послѣдній обѣщалъ сдѣлать по желанію Дибича, но опоздалъ къ отъѣзду очередного фелдъегеря, къ изумленію Дибича, угадавшаго наконецъ во всемъ поведеніи съ нимъ Ермолова тотъ своеобразный «обманецъ», котораго былъ дѣйствительно иногда не чуждъ остроумный характеръ Ермолова. Черезъ день послѣ отъѣзда курьера Дибича, Ермоловъ все-таки написалъ и отослалъ письмо, но вотъ какого содержанія:

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего императорскаго величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное: не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшимости, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной.

«Дѣятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь. Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ это можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не считаю непреодолимыми: но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣлюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ общей пользою, которая была главною цѣлью моихъ дѣйствій».

Конечно, не того ждали и желали въ Петербургѣ, откуда государь писалъ Дибичу, получивъ уже его колеблющіяся въ пользу Ермолова донесенія:

«Я надѣюсь, что вы не позволите себя обмануть этому человѣку, для котораго ложь, какъ только она ему полезна, становится добродѣтелью, и который ни во что не ставитъ получаемыя имъ повелѣнія».

Послѣ этого разговаривать далѣе было незачѣмъ и дѣло кончилось тѣмъ же, чѣмъ бы ему слѣдовало начаться: увольненіемъ Ермолова и назначеніемъ Паскевича командиромъ кавказскаго корпуса и главнымъ начальникомъ гражданской части на Кавказѣ.

Увольненіе должно было быть произведено безъ скандала, но Дибичъ посовѣтовалъ отставному герою поскорѣе оставить Кавказъ, на которомъ Ермолову нужно было устроить свои частныя семейныя дѣла. При выѣздѣ всемогущему Цезарю не догадались предложить необходимый для его выѣзда конвой и онъ долженъ былъ просить объ этомъ.

Въ донесеніи государю о совершившейся по его повелѣнію перемѣнѣ въ управленіи Кавказомъ Дибичъ пишетъ, что даже и въ этомъ краѣ, гдѣ о каждомъ распространяютъ массу позорящихъ клеветъ, никто не могъ и не смѣлъ заподозрить личнаго безкорыстія Ермолова. Онъ, дѣйствительно, выѣхалъ изъ Тифлиса въ той самой рогожной кибиткѣ, въ какой десять лѣтъ тому назадъ въѣхалъ въ него. Ему оставили на первое время только четыре тысячи ассигнаціями жалованья, которыя онъ получалъ по чину. Уѣхалъ онъ въ Орловскую губернію въ имѣніе отца, не имѣя еще полныхъ пятидесяти лѣтъ отъ роду, уѣхалъ на долгій и безполезный для своей родины созерцательный покой.

За что? Кажется только и единственно за то, что одинъ былъ твердъ въ своихъ правилахъ и постояненъ въ своей прочной любви ко благу Россіи, какъ онъ самъ о себѣ писалъ Аракчееву. Не нравилось это многимъ и никто не умѣлъ тогда оцѣнить древне-римское величіе русскаго военачальника.

4.

Съ увольненіемъ Ермолова, собиравшійся пожинать кавказко-персидскіе лавры Дибичъ былъ въ свою очередь вызванъ въ Петербургъ. Конечно, будущій Забалканскій поторопился отречься отъ своего мнѣнія въ непригодности Паскевича къ его новой роли, на чемъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаетъ вниманіе своего читателя историкъ Паскевича.

Всякому, кто пишетъ исторію лица, не вполнѣ еще забытаго, притомъ по фамильнымъ документамъ и особенно на средства его наслѣдниковъ, предстоитъ обыкновенно трудная задача обойти или затушевать тѣ негладкости пути въ жизни и дѣятельности историческаго героя и тріумфатора, которыя не благопріятны для его

памяти и не выгодны для общаго блеска его историческаго панегирика. Такая же задача предстояла князю Щербатову во второмъ томѣ его исторіи, такъ же какъ впереди предстоитъ и еще горшая въ послѣднемъ томѣ, когда придется касаться дѣятельности и участія князя Варшавскаго въ событіяхъ восточной войны 1854—1855 годовъ. Но послѣднее еще далеко впереди, теперь же, изучая вышедшій томъ, по обыкновенію хорошо и очень интересно написанный, нельзя не отдать справедливости его автору, что онъ очень удачно справился съ трудной задачей историческаго изложенія о появленіи Паскевича на Кавказѣ съ его страннымъ порученіемъ. Для этого князь Щербатовъ оставляетъ своему герою вполнѣ страдательную роль, весьма мало распространяясь о дѣйствіяхъ самого Паскевича, ничего не приписывая его инпиціативѣ, но выставляя его въ положеніи жертвы случая и каприза людей, волѣ которыхъ онъ не могъ и не умѣлъ сопротивляться. Съ этой точки зрѣнія войнѣ Паскевича съ Мадатовымъ, обманывавшимъ его на доставкѣ нужнаго провіанта, отведено едва ли не болѣе мѣста, чѣмъ столкновеніямъ Паскевича съ Ермоловымъ. Весьма любопытно было бы сопоставить съ этимъ ироническое отношеніе автора къ Дибичу, имѣвшему однако такое же порученіе убрать съ Кавказа Ермолова, какое имѣлъ и Паскевичъ, и на самомъ дѣлѣ отнесшемуся къ своей задачѣ человѣчнѣе Паскевича, хотя подчасъ и довольно наивно. Вообще, въ первыхъ четырехъ главахъ, герой нашего историка является блѣднымъ, не ярко вырисовывающимся въ воображеніи читателя, и только съ принятіемъ серьезнаго начальства надъ арміею, когда въ сущности Паскевичъ началъ говорить такъ же, какъ до него говорилъ Ермоловъ, и дѣйствовать съ тою же осторожностью, съ какою тотъ дѣйствовалъ, фигура его вступаетъ въ свои права и рисуется въ свѣтѣ совершенно опредѣленномъ. И этотъ свѣтъ выгоденъ для историка-панегириста, потому что героя въ самомъ дѣлѣ есть за что хвалить. Онъ мудро распоряжается ввѣренными ему силами войскъ, не ищетъ напрасныхъ кровопролитій, заботится о путяхъ сообщенія и обмундированіи солдатъ, и, кромѣ того, одерживаетъ красивыя и недорого-стоющія побѣды надъ глупыми и плохими полчищами Аббасъ-Мирзы.

Онъ заставилъ сдаться на капитуляцію крѣпость Аббасъ-Абадъ, овладѣлъ Сардарь-Абадомъ, путемъ ускоренной осады, и, наконецъ, взялъ Эривань съ ничтожною потерею въ сто человѣкъ убитыми и ранеными. Единственнымъ непріятнымъ для него дѣломъ было кровавое столкновеніе генерала Красовскаго съ незначительнымъ отрядомъ, пробившимся сквозь всю армію Аббаса-Мирзы къ Эчміадзину, причемъ отрядъ потерялъ до семисотъ человѣкъ убитыми и до трехсотъ ранеными, и въ томъ числѣ самого командира этого злополучнаго отряда, генерала Красовскаго. По этому дѣлу можно было судить, каковы были деморализованныя войска корпуса

Ермолова, которыхъ пріѣхавшій новый начальникъ стыдился сначала показать непріятелю.

И такъ и здѣсь боевое счастіе не покидало знаменъ Паскевича и прокладывало ему широкій путь къ дальнѣйшей карьерѣ, въ концѣ которой виднѣлась варшавская Воля, и долгое намѣстничество Паскевича въ Польшѣ, то есть, именно та роль, для которой всего болѣе годился этотъ умный, дальновидный государственный человѣкъ и николаевскій полководецъ. Путь его былъ съ этой минуты широкъ и блестящъ, но этотъ путь велъ Россію къ паденію Севастополя и Парижскому унизительному для насъ миру.

И не случаенъ былъ послѣдній результатъ. Въ то время какъ неизмѣннымъ тріумфаторомъ шелъ Паскевичъ путемъ не измѣнявшаго ему счастія къ почестямъ и славѣ, на одной изъ маленькихъ московскихъ улицъ, въ неказистомъ домѣ, медленно и долго угасалъ русскій левъ, нѣкогда имъ осажденный. Не искалъ онъ славы, не издавалъ жалобъ, не добивался популярности. Онъ и въ частной жизни жилъ такъ же просто какъ и на службѣ, не лишая себя удовольствія сказать по временамъ мѣткое слово или своеобразно оцѣнивать происходящія на его глазахъ событія. Общественное мнѣніе имъ, однако, постоянно интересовалось, постоянно заставляло вспоминать о немъ, тамъ, гдѣ бы объ немъ охотно забыли навсегда. Поступокъ графини Орловой-Чесменской, предложившей Ермолову пользоваться доходами съ ея подмосковнаго громаднаго имѣнія, послужилъ поводомъ назначить герою Кульма и Бородина приличное его сану и заслугамъ содержаніе. Ему назначили тридцать тысячъ рублей ассигнаціями, и вскорѣ сдѣлана была попытка полнаго примиренія, причемъ Ермолова посадили въ Государственный Совѣтъ. Но такъ какъ тамъ принципіально отстраняли его отъ обсужденія знакомыхъ ему вопросовъ войны и военнаго устройства, а занимали обсужденіемъ разныхъ юридическихъ тонкостей, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, то онъ и самъ сталъ отпрашиваться отъ послѣдней службы и, получивъ увольненіе, снова поселился въ тихой тогда Москвѣ, являясь одной изъ самыхъ большихъ ея достопримѣчательностей.

При открытіи памятника на бородинскомъ полѣ, Ермоловъ былъ вызванъ сопровождать государя и, какъ очевидецъ, разсказывалъ ему на мѣстѣ о важнѣйшихъ моментахъ героической битвы подъ Москвой. Когда же праздновалось столѣтіе со дня учрежденія Преображенскаго полка, прямо съ парада командиръ гвардейскаго корпуса великій князь Михаилъ Павловичъ и покойный государь Александръ Николаевичъ, бывшій тогда цесаревичемъ, заѣхали въ въ скромный домъ Ермолова, поклониться батюшкѣ Алексѣю Петровичу, какъ выразился тогда великій князь. Въ день открытія памятника Кульмскаго боя, Ермолову былъ данъ орденъ Андрея Первозваннаго. Все это были вещественные знаки личнаго

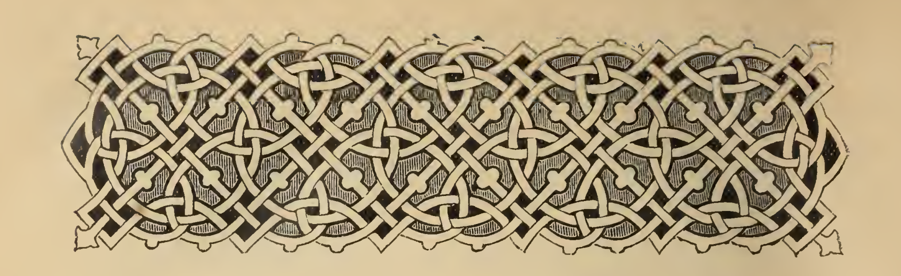
вниманія и благоволенія государя къ старому ветерану. Но придворныя и правящія сферы продолжали не любить и бояться Ермолова, который всегда могъ повторить вопросъ: говоритъ ли кто-нибудь изъ нихъ по-русски, и потому великая сила и доблесть въ его лицѣ обречена была угасать безъ всякой пользы для родины и ея государя.

Ермоловъ былъ невозможенъ въ то время, когда генералы Смоленскаго и Марсова полей признавались главными авторитетами войскового дѣла. Не могъ онъ что-либо значить въ то время, когда ружейные стволы нарочно истирали наждакомъ и нарочно расхлябывались всѣ ружейные обхваты и личинки, чтобы на парадахъ получался лучшій музыкальный темпъ ружейныхъ пріемовъ, и когда мудрецы развода негодовали на войну, какъ на явленіе разстроивающее войсковую дисциплину. Но не имѣя возможности бороться со зломъ, онъ зналъ и предвидѣлъ, что̀ изъ него выйдетъ. Плацъ-парадные побѣдители доставили намъ севастопольское пораженіе и въ тяжкій часъ своей кончины императоръ Николай долженъ былъ вспомнить столь несправедливо обиженнаго имъ кавказскаго льва, потому что въ ту минуту онъ самъ умиралъ побѣжденный и разбитый врагомъ, «котораго привыкъ презирать», какъ онъ писалъ въ своемъ первомъ гнѣвномъ рескриптѣ Ермолову.

Ермоловъ умеръ въ глубокой старости, переживъ всѣхъ своихъ обидчиковъ и непріятелей. Медленное его умираніе въ пучинѣ вынужденнаго бездѣйствія продолжалось долѣе его служебнаго поприща. Но это недовершенное служеніе оставило по себѣ неизгладимый историческій слѣдъ въ той прочной покорности, какою изъ всѣхъ нашихъ окраинъ отличается едва ли не одинъ, Ермоловымъ усмиренный, Кавказъ. Онъ, единственно твердостью и неизмѣнностью своей вѣры въ русскую несокрушимую силу, умѣлъ въ десять лѣтъ сокрушить національную жизненность многочисленныхъ кавказскихъ племенъ. Онъ, дѣйствительно, показалъ эту силу и не отступался отъ этого никогда и ни для какихъ постороннихъ соображеній. И, какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, заслуживъ плохую оцѣнку у своихъ согражданъ, онъ получилъ у враговъ память, доходившую до богопочитанія. Онъ импонировалъ имъ, какъ львинымъ обликомъ, такъ и мощью своего духа, и тѣмъ первый заставилъ ихъ понять ту силу, которая заключалась въ русскомъ народномъ самосознаніи и русской боевой мощи. Не зачѣмъ поэтому сѣтовать на то, что ему нѣтъ памятника, когда такіе поставлены и Воронцову, и Паскевичу.

Кавказъ съ его величественными, въ небо уходящими вершинами,—вотъ достойный памятникъ Ермолову, и обрусѣлый Кавказъ—вотъ его вѣчная историческая слава.

В. К. П.



ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ И. Ѳ. БОГДАНОВИЧА.

Безсмертный авторъ «Душеньки», коллежскій совѣтникъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, послѣдніе дни своей жизни провелъ въ г. Курскѣ, гдѣ скончался 6-го января 1803 года и погребенъ на Всесвятскомъ, что̀ за херсонскими воротами, кладбищѣ. Курское Всесвятское, или, проще, какъ принято въ Курскѣ его называть — херсонское кладбище—одно изъ самыхъ древнихъ (двухъ) курскихъ кладбищъ, нынѣ существующихъ, находится на юго-западной сторонѣ Курска. Внѣшній видъ кладбища, какъ и всѣхъ, большею частью, православныхъ кладбищъ въ провинціи поражаетъ посѣтителя своимъ крайне безотраднымъ состояніемъ и наводитъ на невольныя думы о полномъ невниманіи и небрежности живыхъ людей къ праху своихъ почившихъ братьевъ. Надгробные памятники, иногда очень цѣнные, полуразрушены, деревянные кресты покосились или валяются по кладбищу; могилы густо заросли крапивой, лопушникомъ и другими сорными травами; кладбище не огорожено со всѣхъ сторонъ; словомъ, рука хищниковъ и печать полнѣйшей людской небрежности видны на каждомъ шагу... На этомъ-то кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ надгробныхъ памятниковъ, то временемъ, то рукою хищниковъ, находится заросшій крапивой, шиповникомъ, сиренью, акаціей и разнаго рода сорной травой, когда-то прекрасный, а нынѣ полуразрушенный памятникъ на могилѣ творца «Душеньки», Ипполита Ѳедоровича Богдановича, поставленный въ 1834 году бывшимъ

курскимъ губернаторомъ П. Н. Демидовымъ. Какъ будто бы пророчески исполнились слова И. Ѳ. Богдановича:

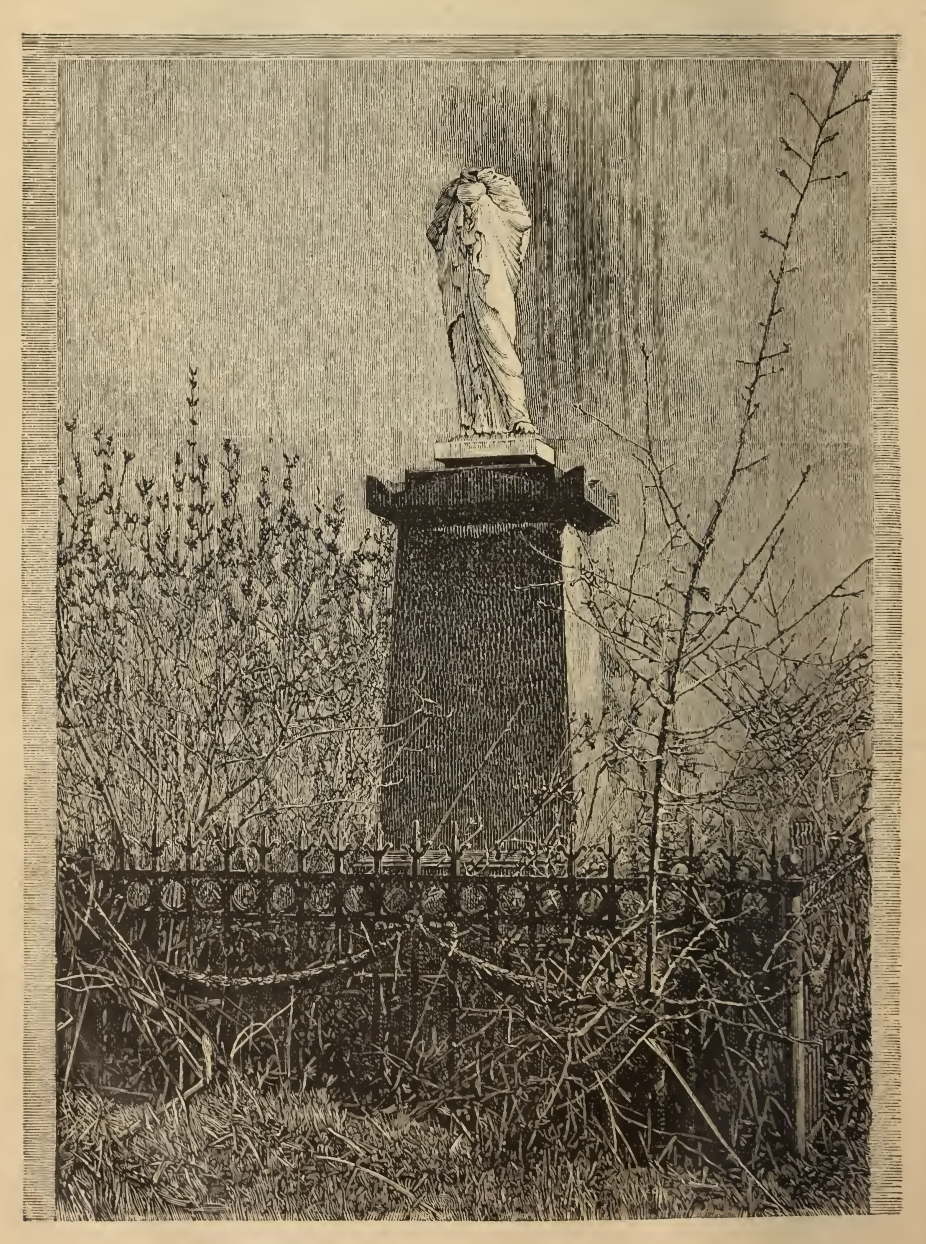
«Когда чего я не имѣю,
«Я тò считаю за ничто!»...

Черезъ три десятка съ лишнимъ лѣтъ, послѣ смерти, на забытой курянами могилѣ знаменитаго писателя и человѣка, русскій меценатъ сооружаетъ превосходный памятникъ; а спустя 56 лѣтъ послѣ сооруженія, этотъ памятникъ рука хищника и невѣжды приводитъ въ такое положеніе, что теперь съ трудомъ только можно было опредѣлить на запущенномъ кладбищѣ ту могилу, на которой памятникъ этотъ поставленъ. Впрочемъ, къ счастію, памятникъ настолько еще крѣпокъ, что ни время, ни стихіи, ни даже хищничество, не могли совершенно уничтожить его. Если Богъ поможетъ и добрые люди сочувственно отнесутся, то при небольшихъ матеріальныхъ затратахъ, можно будетъ произвести реставрацію памятника. Кстати, недалеко и то время (6-го января 1903 года), когда исполнится столѣтіе со дня кончины И. Ѳ. Богдановича.

Добыть свѣдѣнія о подробностяхъ сооруженія памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, не смотря на всѣ старанія пишущаго эти строки, не удалось. Извѣстно только то, что памятникъ поставленъ въ 1834 году П. Н. Демидовымъ и, какъ утверждаютъ курскіе старожилы, на собственныя его средства.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, изображаетъ прекрасную, скульптурной работы, бѣлаго мрамора статую Психеи. Психея изображена въ видѣ стройной женщины, изящная фигура которой закутана въ пышную длинную одежду (тунику), мелкими складками ниспадающую къ ногамъ. Сверху одежды наброшенъ особый покровъ, закрывающій руки, держащія свѣтильникъ. Голова статуи отбита; свѣтильникъ поврежденъ, какъ равно, въ нѣкоторыхъ частяхъ, повреждено и основаніе статуи. По слѣдамъ, оставшимся на памятникѣ, видно, что хищники усиливались сорвать съ пьедестала статую. Пьедесталъ сдѣланъ изъ пестраго мрамора въ греческомъ стилѣ и утвержденъ на гранитныхъ плитахъ въ двѣ ступеньки. Вокругъ памятника имѣется квадратная, крѣпкая, довольно изящная желѣзная рѣшетка. Высота памятника въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ находится, 3 арш. и 1 верш.; статуя Психеи—1 арш. 4 верш. На пьедесталѣ были помѣщены надписи, сдѣланныя рельефными бронзовыми буквами, которыя были привинчены къ пьедесталу.

Буквы эти похищены съ задней стороны совершенно; остались только однѣ точки, гдѣ буквы находились; на лицевой же сторонѣ осталась незначительная часть буквъ. Возстановляя надпись по слѣдамъ оставшихся буквъ на лицевой сторонѣ пьедестала,



Памятникъ на могилѣ И. Ѳ. Богдановича.

можно придти къ заключенію, что она была слѣдующаго содержанія:

ЗДѢСЬ ПОГРЕБЕНЪ
(..Ѣ.. .О..ЕБ...)
КОЛЛЕЖСКІЙ СОВѢТНИКЪ
(....Е...ІЙ ...ѢТН...)
ИППОЛИТЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ
(.....ИТ. .ЕО...ОВИ..)
БОГДАНОВИЧЪ
(...........)
СКОНЧАВШІЙСЯ
(..О...ВШІЙ..)
6 ГЕНВАРЯ 1803 ГОДА.
(. ГЕ...РЯ 1.0. ....)[1].

Несомнѣнность мѣста погребенія И. Ѳ. Богдановича на Всесвятскомъ кладбищѣ удостовѣряютъ курскіе старожилы, въ числѣ которыхъ назову почтенную Анну Никитичну Машнину, глубокую старуху, одиноко живущую въ Курскѣ, по Золотаревской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Въ домѣ бабушки А. Н. Машниной, по разсказу А. Н., находившемся на углу Троицкой и Пастуховской улицъ, нынѣ уже не существующемъ, гдѣ теперь выстроено духовное училище, проживалъ И. Ѳ. Богдановичъ и тамъ скончался.

Время и мѣсто постановки памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдавовича А. Н. Машнина помнитъ хорошо. Объ И. Ѳ. она передала разсказъ бабушки и матери своей, что И. Ѳ. былъ въ большой дружбѣ съ тогдашнимъ курскимъ губернаторомъ Александромъ Матвѣевичемъ Веревкинымъ[2], у котораго даже столовался. Во время тяжкой болѣзни И. Ѳ. Богдановича, по разсказу А. Н. Машниной, дали знать А. М. Веревкину, который немедленно прибылъ въ квартиру Богдановича. Приглашенный имъ, А. М. Веревкинымъ, настоятель Троицкой церкви напутствовалъ умирающаго поэта и, затѣмъ, похоронилъ на Херсонскомъ кладбищѣ. По метрическимъ книгамъ Курска актъ смерти И. Ѳ. Богдановича, какъ увѣдомила меня курская духовная консисторія, незначится записаннымъ.

И. Ѳ. Богдановичъ, какъ видно изъ его біографіи, составленной Н. М. Карамзинымъ, родился въ Малороссіи, въ м. Переволочной[3], 23-го декабря 1743 года, а скончался, какъ сказано выше, въ Курскѣ 6-го января 1803 года.

Т. Вержбицкій.

---

[1]) Скобками означены слова, сохранившіяся на памятникѣ. Т. В.

[2]) Статскій совѣтникъ А. М. Веревкинъ служилъ въ должности курскаго губернатора съ 13-го іюня 1799 по 13-е сентября 1803 г. Т. В.

[3]) Полтавской губерніи, Кобелякскаго уѣзда. Т. В.

КАМЕННЫЯ БАБЫ.

ВСЯКОМУ, кто часто проѣзжалъ въ лѣтнее время по безмѣрнымъ степямъ нашего Новороссійскаго края, неминуемо приходилось видѣть или, по крайней мѣрѣ, слышать о такъ называемыхъ каменныхъ бабахъ и, быть можетъ, неминуемо приходилось задавать себѣ вопросъ: какой такой народъ былъ, который ставилъ бабы на курганахъ, и что̀ означали собой эти бабы? Вопросъ о каменныхъ бабахъ занималъ многихъ изъ русскихъ археологовъ; его касались Терещенко, Спасскій, Клапротъ, Гакстаузенъ, Кеппенъ, Пассекъ, Флоренсовъ, Мельгуновъ, Пискаревъ, Кельсіевъ, Уваровъ, Ядринцевъ и другіе [1]). Изъ мнѣній названныхъ археологовъ можно вывести то заключеніе, что каменныя бабы ставились еще въ глубочайшей древности въ разныя времена до Р. X. и послѣ Р. X. совмѣстно у многихъ народовъ: гунновъ, половцевъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизъ-кайсаковъ, хакасовъ, усуновъ, дулгасцевъ, гетовъ, саковъ и иногда у скиѳовъ; вообще у народовъ, принадлежавшихъ къ одному племенному семейству или, по крайней мѣрѣ, къ одной языческой религіи, каковы народы тюркско-татарскаго происхожденія; исключеніе составляютъ только скиѳы; но и на курганахъ скиѳовъ постановку каменныхъ бабъ приписываютъ не имъ лично, а народамъ тюркско-татарскаго происхожденія, которые пользовались уже готовыми могилами, хоронили въ нихъ своихъ покойниковъ и ставили на вершинахъ ихъ грубыя изваянія

[1]) «Труды V археологическаго съѣзда», 76; «Труды I археологическаго съѣзда», Москва, 1871, II, 501; «Древніе памятники и письмена Сибири», Спб., 1885; «Записки одесскаго Общества исторіи и древн.», т. II, отд. III, 822.

каменныхъ бабъ [1]). Извѣстно, что ни на одной бабѣ не найдено никакихъ надписей; отсюда слѣдуетъ думать, что всѣ онѣ принадлежатъ народамъ, еще незнавшимъ письменъ.

Первое упоминаніе о каменныхъ бабахъ принадлежитъ голландскому монаху Вильгельму Рубруквису, ѣздившему въ 1253 году посломъ отъ короля Людовика IX къ монгольскому царю Мангу-Хану. Вильгельмъ Рубруквисъ, направляясь на Великую Монголію, на пути своего слѣдованія былъ у половцевъ, называемыхъ иначе куманами; здѣсь онъ видѣлъ похороны умершаго и говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Куманы имѣютъ обыкновеніе насыпать землю надъ могилою умершаго и ставить статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую сосудъ обѣими руками у пупа чрева. Богатымъ они воздвигали пирамиды или маленькіе четыреугольные домики, но въ этихъ домикахъ ничего не находится. Я видѣлъ также одну могилу, гдѣ они повѣсили шестнадцать лошадиныхъ кожъ, по четыре противъ каждой изъ четырехъ странъ свѣта, потомъ ставили кумысъ, чтобы ѣсть и пить» [2]). Далѣе о каменныхъ бабахъ упоминаютъ новгородскія лѣтописи подъ 1398 годомъ: «Преставися святой Стефанъ... сей научи перьмскую землю вѣрѣ Христовѣ, а прежде кланялися звѣремъ и древомъ, водѣ, огню и златой бабѣ» [3]). Въ такъ называемомъ Тмутороканскомъ болванѣ нѣкоторые также видятъ одну изъ каменныхъ бабъ, которыхъ такъ много было на Тмутороканскомъ, теперешнемъ Таманскомъ, полуостровѣ: «Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ Волзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканскый болване» [4]). Потомъ въ XVI вѣкѣ (1517—1526 гг.) о каменныхъ бабахъ говоритъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, посолъ германскихъ императоровъ Максимиліана I и Карла V, къ русскому великому князю Василію IV Ивановичу, авторъ «Записокъ о Московіи»: «Золотая баба, т. е. золотая старуха, есть идолъ у устьевъ Оби, въ области Обдорѣ; онъ стоитъ на правомъ берегу... Разсказываютъ, или справедливѣе баснословятъ, что этотъ идолъ золотой бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того увѣряютъ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ, въ родѣ трубнаго» [5]). Затѣмъ о каменныхъ бабахъ упоминаетъ въ XVI вѣкѣ «Книга большого чер-

---

[1]) Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи, Москва, 1880, II, 528.

[2]) Путешествіе Рубруквиса, изданіе Бержерона, т. I, гл. X.

[3]) Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, Спб., 1852, VI, примѣчаніе 125.

[4]) А. А. Потебня. Слово о полку Игоревѣ, Воронежъ, 1878, 26.

[5]) «Записки о Московіи», переводъ Анонимова, Спб., 1866, 126.

тежа»: «А на рѣчкѣ на Терновкѣ [1]) стоитъ человѣкъ каменной, а у него кладутъ изъ Бѣлаграда станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на Самарѣ и у двухъ дѣвокъ каменныхъ... А по правой странѣ по тому истукану изъ кладязей Какуйгыръ— люди каменные болваны, противъ тое соли, что емлютъ Азоевцы» [2]). Далѣе о каменныхъ бабахъ упоминаетъ итальянскій путешествен-

никъ Гванини (1538—1614 г.): «Въ Обдорской области, близь устья рѣки Оби, есть одинъ стариннѣйшій, высѣченный изъ камня, идолъ, называемый московитами золотой бабой, т. е. золотой старухой. Это есть подобіе старой женщины, въ нѣдрѣ своемъ держащей младенца и имѣющей другого возлѣ себя ребенка, котораго они

---

[1]) Терновка—правый притокъ рѣки Самары, Екатеринославской губ., Павлоградскаго уѣзда.

[2]) «Книга большого чертежа», изданіе Спасскаго, Москва, 1846, 18, 55.

называють внукомъ ея обитателя» [1]). Наконецъ, о каменныхъ бабахъ даютъ подробныя описанія русскіе ученые прошлаго вѣка— Фалькъ, Зуевъ, Лепехинъ, Гюльденштедтъ, Палласъ и др.

Большинство каменныхъ бабъ высѣчено изъ крупно-зернистаго кварцоваго и раковистаго песчаника, легко вывѣтривающагося отъ дурной погоды, или же изъ мѣстнаго известняка и сѣроватаго

цвѣта гранита; только одинъ разъ найдена была небольшихъ размѣровъ баба серебрянаго изваянія, на берегу рѣки Кумы [2]).

Обыкновенный портретъ каменныхъ бабъ представляется въ такомъ видѣ: придавленный лобъ, короткій затылокъ, плоское, круглое, съ широкими скулами и щеками лицо, всегда обращенное на востокъ, можетъ быть, для указанія первобытнаго отечества, от-

[1]) «Описаніе Европейской Сарматіи», Спира, 1851, pag. 85, 86.
[2]) «Труды I археологическаго съѣзда», Москва, 1871, II, 504.

куда вышли всѣ тюркско-татарскія племена; большой туповатый подбородокъ; узенькіе глаза, маленькій ротъ, приплюснутый носъ, плоская спина, отвислая грудь, выпученный животъ, прижатыя локтями къ бокамъ руки, короткія ноги, можетъ быть, для означенія сидячаго положенія фигуры [1]), маленькія ступни и неизбѣжно сложенныя на животѣ руки, держащія какую-то ступку, продолговатую чашку или бутылку.

Отклоненія отъ этого общераспространеннаго типа составляютъ или совершенно обнаженныя бабы, кромѣ головного убора и высокихъ до колѣнъ сапогъ, или бабы обнаженныя до пояса, ниже котораго идетъ короткое до колѣнъ платье, а иногда вмѣсто платья узкіе штаны и съ острыми голенищами сапоги, или же бабы фаллосовыя. Послѣднія составляютъ большую рѣдкость и, сколько намъ извѣстно, такихъ бабъ всего лишь три: одна въ елисаветградскомъ реальномъ училищѣ [2]), другая въ частномъ собраніи каменныхъ бабъ Г. П. Алексѣева, въ мѣстечкѣ Котовкѣ, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, и третья въ собраніи А. Н. Поля, въ имѣніи Дубовой-Балкѣ, Верхне-днѣпровскаго уѣзда той же губерніи. Фаллосовыя бабы, елисаветградская и котовская, имѣютъ въ общемъ одинъ и тотъ же типъ, такъ что по портрету одной бабы можно судить и о портретѣ другой: котовская баба имѣетъ около двухъ съ половиной аршинъ высоты, до двухъ четвертей толщины, представляетъ изъ себя фигуру мужского пола съ сильно выпученнымъ животомъ, но со стертымъ отъ времени лицомъ, съ типичной низко придавленной на головѣ шапочкой и съ тремя, въ видѣ толстыхъ жгутовъ, косами, идущими вдоль спины, до стана; ниже стана, на спинѣ бабы, рельефомъ сдѣлана фигура пляшущаго мужчины, поднявшаго верхъ обѣ руки, съ фаллосомъ внизу. Фаллосовая баба дубово-балчанская имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ двѣ другія названныя бабы: это плоскій камень въ четыре съ половиной аршина высоты, имѣющій видъ толстой доски, три четверти аршина толщины и одинъ аршинъ съ двумя вершками ширины, съ одной стороны которой выбита фигура человѣка, съ лицомъ совершенно круглымъ и скорѣе славянскимъ, чѣмъ монголовиднымъ, съ кинжаломъ въ правой рукѣ, съ какимъ-то рогомъ, можетъ быть для питья, въ лѣвой рукѣ, и съ фаллосомъ въ полъ-аршина длины внизу.

Каменныя бабы изображаютъ собой оба пола и всѣ возросты: мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвицъ, малолѣтнихъ и взрослыхъ дѣтей. Признаками бабъ мужского пола служатъ: на губахъ усы;

---

[1]) Въ такомъ видѣ и до сихъ поръ хоронятъ своихъ покойниковъ сельскіе татары Казанской, Симбирской и Оренбургской губерній: «Записки одесскаго Общества ист. и древн.», т. II, отд. III, 822. Есть, впрочемъ, бабы и въ наклонномъ и даже прямомъ положеніи.

[2]) «Труды Московскаго археологическаго Общества», т. XI, вып. II, 87.

на головѣ небольшой колпачекъ, или круглая низкая, на подобіе ермолки, шапочка, иногда съ каймою или полями по вѣнцу колпачка; на спинѣ три косы, или скрученныя жгутами, или перевязанныя накрестъ и идущія одна возлѣ другой до пояса; въ ушахъ иногда серьги; у пояса съ лѣвой стороны иногда ножъ или мечъ [1]), съ правой стороны колчанъ, иногда гребешокъ, мѣшочекъ; на ногахъ или вовсе ничего, или сапоги, ременные переплеты и крючки для поддерживанія голенищъ; поверхъ всей фигуры длинный кафтанъ съ узкими рукавами, съ нашивками или каймами по фалдамъ и обшлагамъ, съ треугольными вырѣзками на тазѣ, перехваченный на груди ремнемъ, идущимъ съ груди на спину и здѣсь скрѣпляющимся большой между лопатками бляхой, потомъ выходящимъ подъ обѣ мышки на грудь и тутъ закрѣпляющимся двумя бляхами; наконецъ, на плечахъ поверхъ кафтана иногда нашивки и разныя украшенія. Признаками бабъ женскаго пола служатъ на головѣ высокая, иногда шишкообразная, кверху съуживающаяся, съ широкими полями, шапочка; спереди выбивающіеся изъ-подъ шапочки волосы; по вискамъ, въ родѣ бараньихъ роговъ, жгуты волосъ; на груди иногда четырехъ-угольная коробочка и ниже коробочки сильно отвислыя груди; въ ушахъ серьги съ подвѣсками, на шеѣ ожерелье изъ бусъ и обручей; на спинѣ двѣ косы, спускающіяся одна возлѣ другой до пояса, и длинный платокъ съ заостренными лопастями [2]).

Существованіе бабъ обоего пола, какъ справедливо замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, даетъ поводъ думать, что у народовъ, оставлявшихъ послѣ себя подобнаго рода памятники, мужчины и женщины пользовались одинаковымъ уваженіемъ и одинаковымъ правомъ на памятникъ. Въ процентномъ отношеніи между количествомъ бабъ мужского пола и женскаго замѣчена та особенность, что сибирскія бабы изображаютъ больше мужчинъ, тогда какъ южнорусскія больше женщинъ.

Начало каменныхъ бабъ—центральная Азія; конецъ—Западный край Россіи. Н. М. Яндринцевъ, взявшій на себя трудъ спеціально прослѣдить мѣста нахожденія въ Сибири каменныхъ бабъ, послѣ тщательныхъ розысковъ, пришелъ къ заключенію, что каменныя бабы встрѣчаются въ Сѣверной Монголіи, Кемчикѣ, Минусинскомъ округѣ, Алтаѣ, къ югу отъ него около Кульджи, около Вѣрнаго, Исыкъ-Куля, въ Киргизской степи близь Балхаша, и отсюда переходятъ въ южную Россію [3]). Изъ южной Россіи каменныя бабы

[1]) «Судя по формѣ мечей и ножей, замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, можно, кажется, отнести эти изваянія къ желѣзному вѣку, потому что бронзовыя орудія отличаются совершенно другою формою».

[2]) Всего больше къ этому портрету подходитъ, такъ называемая, кубанская баба: «Археологическій Вѣстникъ», Москва, 1868, ноябрь—декабрь, 282.

[3]) «Древніе памятники и письмена въ Сибири», Спб., 1885, 19.

идутъ въ Западную Россію до Калишской губерніи и Галичины [1]).

Подвигаясь постепенно изъ центральной Азіи, путемъ перекочеванія съ одного мѣста на другое, тюркско-татарскія племена вездѣ оставляли за собой слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ бабъ, которыя въ данномъ случаѣ служатъ столбами для указанія пути передвиженія человѣчества изъ Азіи въ Европу въ

древнѣйшія времена и служатъ ключемъ для разгадки родства между европейскими и азіатскими народами; причемъ наблюдается фактъ, что бабы Азіи далеки отъ совершенства бабъ южной Россіи; первыя въ сравненіи съ послѣдними просто каменныя глыбы или, въ лучшемъ видѣ, грубо вытесанные фетиши, тогда какъ послѣднія суть полныя подобія человѣка, въ нихъ нѣтъ ни одной

[1]) А. С. Уваровъ. «Труды I археологическаго съѣзда», Москва, 1871, II, 517.

формы и ни одного члена тѣла сверхъестественнаго, напротивъ, все такъ правдоподобно и соразмѣрно, что невольно бросается въ глаза всякому; это достойно особеннаго вниманія, въ виду того обстоятельства, что всѣ произведенія каменныхъ бабъ носятъ на себѣ характеръ полной самостоятельности и сохраняютъ всѣ особенности типа тюркско-татарскихъ народовъ, безъ всякаго подражанія классической скульптурѣ.

Главныя мѣста распространенія каменныхъ бабъ—югъ Россіи, преимущественно Таврическая, Екатеринославская, южная часть Харьковской и Херсонская губерніи, гдѣ малороссы иногда называютъ ихъ «мамаями». Особенно много каменныхъ бабъ было въ славяно-сербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи и Александрійскомъ Херсонской, близъ знаменитаго Чернаго лѣса, въ которомъ нѣкогда находили себѣ пріютъ страшные для поляковъ и жидовъ гайдамаки. На Томаковской, Луговой и Чертомлыцкой мо-

гилахъ Екатеринославскаго уѣзда стояли также каменныя бабы; баба Чертомлыцкой могилы особенно интересна тѣмъ, что ей приписывалась сверхъестественная сила: она будто бы отвращала засуху и излечивала людей отъ лихорадки. «Она грубо вытесана изъ цѣльнаго песчаника, длиною до 3³/₄ аршина, въ томъ числѣ самое изображеніе длиною въ 3 аршина, а подножіе въ ³/₄ аршина; шириною камень въ плечахъ 1 аршинъ, въ подолѣ кафтана 15 вершковъ, толщиною около 11 вершковъ. Любопытны разсказы окрестныхъ поселянъ объ этой каменной бабѣ. Тому лѣтъ двадцать или тридцать, ее было свезли съ кургана и поставили гдѣ-то въ усадьбѣ для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень. А какъ между поселянами существовало, да и теперь существуетъ, вѣрованіе, что эта баба исцѣляетъ отъ лихорадокъ, то снятіе ея съ кургана возбудило суевѣрные толки, и случай этотъ сопровождался будто бы четырехълѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много безпокоила деревню суевѣрными представленіями, такъ что, по общему мнѣнію, рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ, вѣроятно, была отбита у нея голова и сама она потомъ поставлена къ востоку (тогда какъ раньше, по словамъ Зуева, стояла къ западу). Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезти бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною парою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ того какой-то крестьянинъ изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ съ кургана одну только отшибленную голову и приладилъ ее, какъ подставу, у погреба. Пошли толки, сдѣлалась опять засуха. Какой-то женщинѣ открылось, что засуха пройдетъ, когда голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Вообще, изъ разсказовъ открывается, что Чертомлыцкая баба пользуется особымъ суевѣрнымъ уваженіемъ между тамошними жителями, преимущественно женщинами, которое поддерживали и распространяли посредствомъ разныхъ басень старые чабаны или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертва, приносимая ей въ чаяніи исцѣленій деньгами и хлѣбомъ, собирается тайно тѣми же чабанами. Намъ разсказывала между прочимъ одна старуха изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ она носила къ бабѣ своего двѣнадцатилѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкой. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на восходъ, положила бабѣ гривну грошей да паляницу (хлѣбъ) и съ той поры сынъ исцѣлѣлъ... Въ 1859 году, когда мы въ первый разъ осматривали Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ, на восходѣ солнца, мы встрѣтили тамъ старика-чабана, который благоговѣйно объяснялъ намъ, что баба очень помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди часто къ ней приходятъ, приносятъ деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на вос-

ходѣ солнца, она какъ будто спроситъ: «Покайся, що зъ молоду робивъ?» Такое суевѣрное поклоненіе Чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопку кургана, мы принуждены были свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки, и многіе поселяне, проѣзжавшіе или проходившіе мимо, благоговѣйно снимали свои шляпы и иногда цѣловали поверженный камень. Однажды, во время нашихъ работъ, когда баба снова была поставлена уже на долгой могилѣ, къ ней пришла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести. Перекрестившись передъ ней, она поклонилась ей въ землю, приложилась къ ногамъ, къ рукамъ, къ груди, къ плечу, подняла ребенка и точно также прикладывала его; потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ, повязала ее около шеи платкомъ и ушла. Платокъ тотчасъ подхватилъ одинъ изъ гробарей-землекоповъ» [1]).

Лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ, по разсказамъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, каменныхъ бабъ гораздо больше было въ новороссійскихъ степяхъ, чѣмъ теперь: въ настоящее время онѣ или обезображены до неузнаваемости или совсѣмъ истреблены, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше ихъ становится. Ѣдетъ бывало по шляху чумакъ, видитъ вдали отъ дороги стоитъ каменная баба. «Стойте, хлопци! Чого вона, подлюка, тамъ стоить? Пидемъ ій голову дегтемъ вымажемъ!» Пойдутъ и вымажутъ. И стоитъ каменная баба съ вымазанной дегтемъ головой на посмѣшище невѣждъ и зѣвакъ. Но это еще полъ-бѣды; бѣда, коли каменныхъ бабъ совсѣмъ уничтожаютъ. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ одинъ очень расторопный исправникъ; онъ задумалъ сдѣлать у себя каменный погребъ и рѣшилъ, что лучшимъ матеріаломъ для этого могутъ служить каменныя бабы; чтобы собрать ихъ возможно больше, а главное, чтобы не расходоваться на эту статью, сообразительный исправникъ разослалъ якобы полученный изъ столицы приказъ крестьянамъ по волостямъ, чтобы они, у кого найдутся каменныя бабы, отправляли бы ихъ немедленно въ Петербургъ. Мужики взмолились и послали отъ себя слезное прошеніе исправнику, чтобы онъ упросилъ высшее начальство объ отмѣнѣ распоряженія везти бабъ въ столицу. Исправникъ долго не соглашался покривить душой, но потомъ, снисходя усиленнымъ просьбамъ крестьянъ, сопровождаемымъ нѣкоторыми прилагательными, въ видѣ засаленныхъ мужицкихъ кредитокъ, внялъ, наконецъ, мольбамъ просителей и позволилъ везти каменныхъ бабъ вмѣсто Петербурга на свой исправницкій дворъ. И скоро послѣ этого во дворѣ благодѣтельнаго исправника возникъ отличный погребъ, можно сказать, основанный на бабахъ. Это—фактъ, за ко-

---

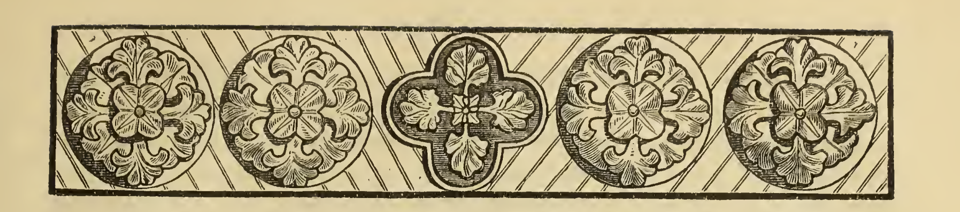
[1]) И. Е. Забѣлинъ. «Исторія русской жизни», Москва, 1876, I, 625—627.

торый ручаются свидѣтели и теперь еще благополучно живущіе въ Новомосковскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Кильчени, въ деревнѣ Пріютѣ, и собственными глазами видѣвшіе основанный на бабахъ погребъ.

Что же означаютъ собой каменныя бабы? Слово «баба», какъ думаютъ, заимствовано русскими съ татарскаго языка, на которомъ оно, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ слова, значитъ «предокъ, отецъ». Но этимологія слова не опредѣляетъ его значенія, а письменные памятники не раскрываютъ его смысла. Отсюда разныя попытки объяснить значеніе каменныхъ бабъ: одни считали ихъ за божества какого-либо изъ древнѣйшихъ народовъ; другіе считали ихъ монгольскими идолами; третьи приписывали ихъ тюрко-татарамъ и видѣли въ нихъ портреты или изображенія умершихъ, можетъ быть, главныхъ начальниковъ улусовъ, ихъ женъ и дѣтей [1]). Послѣднее мнѣніе намъ кажется наиболѣе правдоподобнымъ; это мнѣніе можно лишь расширить нѣсколько въ томъ смыслѣ, что каменныя бабы суть портреты или изображенія умершихъ, которымъ живые воздавали особыя почести, преклонялись передъ ними. Доказательствами того могутъ служить, во-первыхъ, то, что каменныя бабы изображаютъ собой разные полы и возросты людей; во-вторыхъ то, что на всѣхъ каменныхъ бабахъ изображенныя человѣческія фигуры неизбѣжно держатъ въ своихъ рукахъ какую-то чашу, можетъ быть, для жертвоприношеній или поминокъ по умершему; тщетно нѣкоторые изыскатели старины пытались видѣть не чашу, а платокъ,—здѣсь и подобнаго нѣтъ ничего платку, тѣмъ болѣе, что въ разрываемыхъ курганахъ съ каменными бабами находили такія же точно каменныя чаши, какія представлены въ рукахъ фигуръ; въ-третьихъ, наконецъ, и то, что на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ представлены пляшущія фигуры мужчинъ, явно напоминающія собой греческія фаллосовыя фигурки, носимыя эллинскими женщинами, во время религіозныхъ процессій, вокругъ жертвенника Діониса, съ цѣлью испросить у бога плодородія вообще и увеличенія членовъ семьи въ частности.

Д. Эварницкій.

[1]) Ueber Tumuli. Bull. de l'Akadem., 1836, F. 1; Списокъ кургановъ. «Сѣвер. Пчела», 1837; «Записки одесскаго Общества исторіи и древностей», т. II, отд. III, 822.



«ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ» ВЪ СИБИРИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

I.

ТЯЖЕЛО жилось въ XVII вѣкѣ малочисленному русскому населенію Сибири. Оторванные отъ родной почвы и заброшенные судьбою въ непривѣтливый край, въ среду первобытныхъ «иноземцевъ», ревниво отстаивавшихъ свою независимость въ борьбѣ съ предпріимчивыми пришельцами, русскіе долгое время чувствовали себя въ Сибири какъ въ непріятельской странѣ. Сколько буйныхъ русскихъ головъ нашло себѣ здѣсь преждевременную могилу, пока шагъ за шагомъ было пройдено съ неимовѣрными трудностями это огромное пространство отъ Урала до Восточнаго океана! И трудно сказать, отчего больше гибли русскіе: отъ вражескихъ ли рукъ инородцевъ, или отъ тяжелыхъ физическихъ и соціальныхъ условій тамошней жизни...

Особенно трудно приходилось «служилымъ людямъ», совершавшимъ безпрестанные походы, то для сбора «ясака» съ «мирныхъ иноземцевъ», готовыхъ при каждомъ удобномъ случаѣ перейти въ разрядъ «измѣнниковъ» государю и всевозможными мѣрами избавиться отъ платежа «ясака» и воеводскихъ «поминковъ», то для открытія «новыхъ землицъ» и «приведенія» ихъ «подъ государеву руку», то для подавленія бунтовъ ясачныхъ людей и пр. и пр. Въ этихъ походахъ русскіе гибли массами и отъ нападеній инородцевъ, и отъ всевозможныхъ физическихъ лишеній. Если гдѣ, то именно здѣсь имѣла правдивый смыслъ обычная формула «челобитныхъ» XVII вѣка, въ которыхъ челобитчики плачутся, что они «помираютъ голодною смертію»... Сибирскіе служилые люди,

дѣйствительно, не разъ «помирали голодною смертію» во время своихъ походовъ по неизмѣримымъ пространствамъ Сибири. Въ документахъ нерѣдки фактическія указанія на то, какъ русскимъ приходилось въ походахъ ѣсть «траву и сосну и коренье» и «всякую ѣдь скверную»[1]... Встрѣчаются даже ужасные примѣры вынужденнаго людоѣдства[2]...

Возвращаясь съ походовъ «домой», въ города и «остроги», представлявшіе крайне слабо развитые центры «культурной» жизни, русскіе служилые люди не находили и здѣсь полнаго успокоенія отъ только-что понесенныхъ трудовъ. Въ большинствѣ это была безсемейная и бездомовная голытьба, привязанная къ извѣстному городу или острогу единственно получаемымъ здѣсь «государевымъ жалованьемъ», да возможностію «погулять» тутъ послѣ походныхъ лишеній—добраться до «хмѣльнаго зелья», «питья табаку», игры «въ зернь» и т. п. Ничто болѣе прочное не привязывало ихъ къ населеннымъ центрамъ. Прогулявши заработанное государево жалованье и пріобрѣтенную въ походахъ всякими неправыми путями «мягкую рухлядь», они снова бросались въ походы, въ надеждѣ на новую наживу.

Не мудрено, какъ сильно грубѣли въ такой обстановкѣ сердца этихъ отважныхъ «землепроходовъ» и какъ жестоко отзывалась на бѣдныхъ инородцахъ загрубѣлость русской служилой, промышленной и всякой иной голытьбы... Кто знаетъ, какими путями пошла бы русская колонизація Сибири и какой характеръ она пріобрѣла бы, особенно въ отношеніяхъ къ инородцамъ, еслибы среди русскихъ первонасельниковъ этого края люди семейные преобладали надъ безсемейною вольницею...

Но, къ сожалѣнію, первыхъ было меньшинство среди того русскаго люда, который въ XVII вѣкѣ стремился въ Сибирь. Русская женщина и доселѣ болѣе мужчинъ привязанная къ землѣ «отцовъ и дѣдовъ» и менѣе подвижная, не охотно шла въ XVII вѣкѣ въ Сибирь и была тамъ сравнительно большою рѣдкостью. Неудивительны послѣ этого слезныя «челобитныя» русскихъ людей, заброшенныхъ въ Сибирь и не нашедшихъ здѣсь подругъ жизни, челобитныя о высылкѣ къ нимъ русскихъ «гулящихъ женокъ» (гулящихъ не въ нашемъ обидномъ смыслѣ, а въ смыслѣ свободныхъ, вольныхъ).

Именно съ такими челобитьями обращались къ царю въ 1627 и 1630 гг. енисейскіе «пашенные крестьяне изъ ссыльныхъ лю-

---

[1]) См. напр., въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи Сибирскаго приказа столбецъ № 274, лл. 21, 96.

[2]) Мнѣ извѣстенъ одинъ случай употребленія русскими людьми въ пищу «мертвыхъ тѣлъ» своихъ же собратовъ, въ 1643 г. (Сибирскаго приказа столбецъ № 134, л. 90 и слѣд.).

дей». Челобитныя ихъ настолько любопытны, что надъ ними стоитъ остановиться подробнѣе.

Первая челобитная, 1627 г., подана енисейскому воеводѣ крестьяниномъ Ивашкою Семеновымъ отъ имени двадцати товарищей [1]). Ивашка разсказываетъ, что онъ и товарищи присланы были на «государеву пашню» въ 1621 г. и съ того времени «по вся годы» приходится имъ «распахивать вновь» землю, т. е. подымать новину. Работа крайне тяжелая, отъ нея пала большая часть данныхъ имъ «государевыхъ лошадей», осталось только 14 лошадей, съ которыми невозможно управиться около земли. Купить лошадей имъ не на что̀, такъ какъ за все время они получили отъ казны «подмоги» всего по 2 рубля на человѣка. Своихъ же «пашнишекъ и по сю пору распахать не успѣли»—все заняты государевымъ дѣломъ. Кромѣ «государевой пашни» на нихъ возложены и разныя «издѣлья» по городу и уѣзду. Такъ, они перевозятъ въ Енисейскъ хлѣбные и другіе припасы изъ Маковскаго острожка, «курятъ» вино и пиво «на остяцкіе расходы», «своею силою» построили «государеву винную поварню и аманацкую избу», производятъ разныя «подѣлки» по городу и проч.

Словомъ, все свое время они отдаютъ «государеву дѣлу», а о себѣ и подумать имъ некогда. Всѣ эти шесть лѣтъ они терпѣли «великую нужю и бѣдность и голодъ и наготу и босоту»: «по 2 годы на твоей государевѣ пашнѣ траву ѣли—мало не померли голодною смертію»... «Не токмо, государь, что лошади купити, но и платьишка и обуви купити нечѣмъ, и хлѣба, государь, себѣ въ 6 годовъ досыти не напахали»...

Даже «дворишковъ» они не успѣли себѣ устроить какъ слѣдуетъ. Всѣ они «людишка одинокіе и холостые»: «какъ, государь, съ твоей государевой пашни придемъ — хлѣбы печемъ и ѣсти варимъ и толчемъ и мелемъ сами, опочиву нѣтъ ни на малъ часъ! А какъ бы, государь, у насъ сиротъ твоихъ, женишки были и мы бы хотя избные работы не знали»... Имъ обѣщали прислать изъ Тобольска «гулящихъ женокъ», но и до сихъ поръ «не присылаютъ—женитца не на комъ, а безъ женишекъ, государь, намъ быти никако немочно!»...

Челобитная оканчивается воззваніемъ къ «милосердому государю-царю»: «смилуйся! пожалуй насъ сиротъ твоихъ бѣдныхъ своимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ на платьишко и на обувь» и проч. и «вели, государь, намъ прислати изъ Тобольска гулящихъ женочекъ, на комъ женитися!»...

По поводу этой челобитной была отправлена «грамота» тобольскимъ воеводамъ князю Андрею Хованскому съ товарищи [2]). Гра-

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 134—136.
[2]) Ibid., лл. 137—144.

мота предписывала выдать челобитчикамъ новыя «подможныя деньги», «смотря по скудости» крестьянъ, купить для нихъ лошадей, да жонокъ гулящихъ и свободныхъ, вдовъ и дѣвокъ, изъ Тобольска и изъ иныхъ городовъ въ Енисейской острогъ велѣли послати, потому что въ Енисейскомъ острогѣ пашенные крестьяне многiе холостые, а безъ жонъ имъ быти не умѣть»...

«Отписка» князя А. Хованскаго[1]) говоритъ, что челобитчикамъ крестьянамъ выдано вновь по 2 рубля «подможныхъ денегъ» на человѣка (но «на ссуду, взаймы»), сдѣланы распоряженiя о покупкѣ для нихъ лошадей, но «гулящихъ жонокъ и дѣвокъ» не послано, потому что такихъ не нашли въ Тобольскѣ.

Новая «грамота»[2]) предписываетъ князю А. Хованскому «отписать отъ себя въ сибирскiе городы: гдѣ будутъ сыщутъ гулящихъ жонокъ и дѣвокъ — велѣть послати въ Енисѣю».

Но видно и въ другихъ сибирскихъ городахъ также не нашли «гулящихъ жонокъ и дѣвокъ»: по крайней мѣрѣ въ 1630 г. встрѣчаемъ новую «челобитную» енисейскихъ пашенныхъ крестьянъ[3]) о томъ же предметѣ. На этотъ разъ челобитную подалъ крестьянинъ Ѳедоръ Толстихинъ отъ лица 53-хъ человѣкъ.

И здѣсь крестьяне плачутся на бѣдственность своего положенiя, какъ слѣдствiе массы лежащихъ на нихъ повинностей. Перечень послѣднихъ почти тотъ же, что и въ первой челобитной. Впрочемъ, встрѣчаемъ и одну новую повинность, очень оригинальную... Косятъ они на государя сѣно по 30 копенъ каждый крестьянинъ. «А тому, государь, сѣну расходу нѣтъ..., а сѣно стоитъ въ стогахъ годовъ по 8 и по 9, а гнiетъ даромъ, тебѣ, государю, прибыли нѣтъ, а намъ, сиротамъ твоимъ, работа великая»...

О домашней своей жизни крестьяне отзываются почти въ тѣхъ же выраженiяхъ: «а людишки, государь, мы одинокiе — женъ и дѣтей у насъ нѣтъ, въ пашенную и въ свякую пору мелемъ и печемъ и варимъ сами, а въ кою пору на твоемъ государевомъ здѣльѣ или въ гоньбѣ—и въ ту пору подворишки наши пусты стоятъ». Въ Енисейскѣ они не находятъ для себя женъ, а «въ сибирскiе городы для женитьбы насъ не отпустятъ» воеводы. Просятъ о такомъ отпускѣ и объ облегченiи перечисленныхъ въ челобитной повинностей.

Приговоръ на челобитной дѣлаетъ выговоръ воеводѣ за напрасное обремененiе крестьянъ безполезнымъ сѣнокошенiемъ (то «дѣелось воеводцкимъ нерадѣньемъ»), предписываетъ бросить его, а объ иныхъ дѣлахъ, возбужденныхъ челобитной — «будетъ указъ по докладу» государю.

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 145—150.
[2]) Ibid., лл. 151—152.
[3]) Ibid., лл. 364—366.

Къ сожалѣнію, этого «доклада» не сохранилось, такъ что мы не знаемъ—разрѣшено ли было енисейскимъ крестьянамъ отправиться въ поиски по сибирскимъ городамъ за «гулящими женами и дѣвками», или снова было предписано воеводамъ заняться этимъ дѣломъ. Во всякомъ случаѣ — челобитныя очень характерны для обрисовки домашней обстановки первыхъ русскихъ колонизаторовъ-земледѣльцевъ Сибири.

II.

Совершенно иначе относились къ вопросу о женахъ другіе колонизаторы Сибири—служилые люди. Какъ лица болѣе самостоятельныя и властныя, болѣе энергичныя и предпріимчивыя—они считали излишнимъ безпокоить государя челобитьями о своихъ семейныхъ дѣлахъ и рѣшали ихъ самовольно, каждый по своему вкусу и обстоятельствамъ. Произволъ скужилыхъ людей въ этихъ дѣлахъ не рѣдко принималъ крайне безобразный характеръ...

Правда, правительство принимало мѣры противъ этихъ безобразій, но зло такъ глубоко укоренилось, что вырвать его не удалось ни въ XVII вѣкѣ, ни позже [1]).

Одно изъ древнѣйшихъ указаній источниковъ на семейныя безобранія сибирскихъ служилыхъ людей заключается въ «отпискѣ» государю тобольскаго архіепископа Макарія, 1628 года [2]). «Въ прошлыхъ годѣхъ»—разсказываетъ архіепископъ—тобольскій конный казакъ Гаврило Поповъ «завладѣлъ» крещеною «остяцкою жоночкой» Акулиной. Проживя съ нею нѣсколько времени, онъ «зговорилъ» и выдалъ ее замужъ за «гулящаго человѣка» Дружину Ондрѣева. Но когда Дружинка «збрелъ» на Тюмень, Поповъ не отпустилъ съ нимъ его жену, а «продалъ» ее «отставленому» подъячему Агафону Тимофѣеву. Агафонъ служилъ подъячимъ на Тюмени, Пелыми и въ Тобольскѣ, и вездѣ былъ отставленъ «за воровство». Онъ былъ человѣкъ женатый. Купивши Акулину, подъячій «сослалъ жену свою Ѳедорку въ свою деревню» и сталъ жить съ Акулиной, противъ ея желанія.

Въ 1627 г. била челомъ архіепископу другая «остяцкая женочка» Соломонида Ларіонова на тобольскаго подъячаго Степана Полутова, который въ 1620 г. «купилъ ее» у казака Данилы Козлова—«дѣвкою крещеною.» Жила она съ подъячимъ 4 года,

---

[1]) О семейной развращенности русскихъ сибиряковъ XVII вѣка см. въ недавно вышедшемъ изслѣдованіи г. П. Н. Буцинскаго «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ», стр. 283—295 (но сюда не вошли матеріалы, предлагаемые въ настоящемъ очеркѣ). Подобныя же данныя за XVIII вѣкъ см., напримѣръ, у Словцова въ его «Историч. Обозр. Сибири» (изд. 1886 г.), т. I, стр. 174, 281 и др.

[2]) Сибирскаго приказа столб. № 13, лл. 153—156, 161—163.

прижила съ нимъ сына и теперь отъ того Степана ходитъ опять чревата. Жена Степана узнала о связи мужа и «бьетъ» Соломониду и «увѣчитъ на смерть».

Архіепископъ заключаетъ: «а иные, государь, въ Тобольскѣ казачьи дѣти матерей своихъ бьютъ и давятъ (sic); а иные казаки на Руси женъ своихъ и дѣтей пометали, а въ Сибири поимаютъ иныхъ женъ; а у иныхъ, государь, казаковъ и въ Сибири—на томъ городѣ жена, а на другомъ другая, а иные, государь, казаки велятъ женамъ своимъ блудъ дѣяти съ чюжими мужми; а иные, государь, казаки поѣдучи на твою государеву службу оставливаютъ женъ своихъ на блудъ инымъ казакомъ и гулящимъ людемъ...» Архіепископъ справедливо заключаетъ, что «отъ такового, государь, ихъ блуднаго, пребезаконнаго содомскаго житья быть не мошно!..»

Въ другой «отпискѣ» того же 1628 г.[1]) архіепископъ Макарій говоритъ о казакахъ и другихъ служилыхъ людяхъ, которыхъ отправляютъ изъ Сибири въ Москву съ «соболиною казною», воеводскими «отписками» и другими дѣлами: «И тѣ, государь, казаки, выѣхавъ изъ сибирскихъ городовъ за Верхотурской волокъ, въ городѣхъ и въ селѣхъ женятся, а женясь — тутъ жены своя мечютъ, и пріѣхавъ... къ Москвѣ—и на Москвѣ тѣ жъ казаки женятся на иныхъ женахъ, а иное, государь — у мужей жены увозятъ, да бьютъ челомъ тебѣ великому государю... о подводахъ, на чемъ весть женъ своихъ. И привезши, государь, въ сибирскіе городы тѣхъ своихъ женъ продаютъ своей же братьѣ; а иные, государь, ихъ жены пріѣзжаютъ въ Сибирь послѣ ихъ, а они мужи ихъ на иныхъ поженились...»

Приговоръ государя на послѣдней «отпискѣ» предписываетъ архіепископу—«сыскивать» о казачьихъ женахъ и «указъ чинить по своему святительскому суду и разсмотрѣнью: тотъ судъ и сыскъ ево святительской...» Относительно же выдачи подводъ для незаконныхъ казачьихъ женъ приговоръ замѣчаетъ: «а подводъ казакамъ на Москвѣ и подъ прямые жены не даютъ»...

Конечно, архіепископъ не одинъ разъ «чинилъ сыскъ и судъ» по своему «святительскому разсмотрѣнью» о «пребеззаконной» семейной жизни сибиряковъ. Но ея неурядицы и безобразія оттого не уменьшались.

На ряду съ духовною властію и свѣтская обращала вниманіе на семейныя дѣла служилыхъ людей и доносила о нихъ въ Москву. Такова, напримѣръ, «отписка» тобольскихъ воеводъ князя Петра Пронскаго съ товарищи, 1640 года[2]).

Въ апрѣлѣ этого года била челомъ воеводамъ «русская жонка»

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 16, лл. 151—152.

[2]) Столбецъ № 102, лл. 322—323.

Овдотьица Васильева, привезенная въ Тобольскъ сосланнымъ изъ Москвы «иноземцомъ», ротмистромъ Степаномъ Коловскимъ. Замужемъ была она за стрѣльцомъ Гришкою Ивановымъ и жила съ нимъ въ Архангельскѣ, куда мужъ былъ посланъ на службу. Жизнь въ Архангельскѣ ей не понравилась — приходилось тамъ много бѣдствовать. Она «съѣхала» отъ мужа на родину, въ Сольвычегодскую, къ отцу и матери. Отецъ ея служитъ «пивоваромъ» на «государевѣ поварнѣ». Мужъ же ея «и нынѣ живъ» въ Архангельскѣ «въ стрѣльцахъ.»

Проѣзжалъ какъ-то чрезъ Сольвычегодскую, возвращаясь изъ Москвы въ Сибирь, енисейскій казакъ Осипъ Васильевъ. Познакомившись съ Овдотьицою и понравившись ей, Осипъ «подговорилъ» ее бѣжать отъ отца и матери, и «образовался-де ей— хотѣлъ на ней женитца.» Овдотьица охотно согласилась, не смотря на то, что ея законный мужъ былъ живъ. Влюбленная парочка уѣхала изъ Соливычегодской.

Но Осипу Авдотья скоро надоѣла и уже въ Соликамской онъ «отдалъ» ее встрѣтившемуся здѣсь ротмистру Коловскому. «Продалъ ли де ее Овдотьицу» Осипъ, или «такъ отдалъ» Коловскому— она «не вѣдаетъ.» Но видно ротмистръ ей не понравился и въ Тобольскѣ она стала принимать мѣры, чтобы уйти отъ него. Отпустилъ ли ее ротмистръ, нашла ли она своего Осипа, или вернулась на родину—остается не извѣстнымъ.

На того же ротмистра Коловскаго била челомъ и другая «привозная руская жонка» Оринка Иванова. Она была родомъ изъ Кайгородка, дочь бобыля, вдова «гулящаго человѣка». Въ Кайгородкѣ встрѣтилась она съ ротмистромъ, который и «подговорилъ» ее ѣхать съ нимъ въ Сибирь. Она согласилась, но на Тюмени ротмистръ «отдалъ» ее тарскому «сотнику» Ивану Лаптеву, сопровождавшему ссыльнаго Коловскаго въ качествѣ «пристава.»

Затѣмъ князь Пронскій сообщаетъ, что у пріѣхавшихъ съ Руси въ Тобольскъ томскихъ боярскихъ дѣтей онъ нашелъ по нѣскольку «привозныхъ рускихъ жонокъ.» (Васильемъ Старковымъ привезены «2 жонки—Ѳимка Омельянова да Василиска Осипова» и проч.). «Имали» они тѣхъ «жонокъ» на Устюгѣ Великомъ, въ Соливычегодской и другихъ мѣстахъ. Чтобы прикрѣпить ихъ къ себѣ, боярскіе дѣти составили на женокъ «крѣпости» на «урочные лѣта.» Но эти «крѣпости» явно не законныя: писали ихъ и «въ послухахъ» были не мѣстные подъячіе и не «земскіе дьячки», а «товарищи» боярскихъ дѣтей—томскіе же служилые люди, да и притомъ—«ни въ которомъ городѣ тѣ крѣпости не записаны».

Оказалось, впрочемъ, что сами «привозныя жонки» ничего не имѣли ни противъ этихъ «крѣпостей», ни вообще противъ сожительства съ боярскими дѣтьми, хотя бы и на гаремномъ принципѣ... На допросѣ у воеводъ женки показали, «что они вдовы вольные,

а били челомъ Томскимъ служилымъ людемъ своею волею и впредь у нихъ жить хотятъ...» Воеводы не довѣряли, однако, ихъ вдовьему положенію и хотѣли отдать сомнительныхъ вдовъ «на поруки» до государева указа, опасаясь, что явятся челобитчики «за тѣхъ жонокъ на тѣхъ служилыхъ людей». Но и челобитчики не являлись, и никто въ Тобольскѣ «не ручался» за привозныхъ женокъ. Пришлось тогда ограничиться тѣмъ, что у боярскихъ дѣтей воеводы отобрали «крѣпости» на привезенныхъ женщинъ, а самихъ служилыхъ людей отдали «на поруки, съ записьми», что если явятся «исцы тѣмъ жонкамъ», то ихъ хозяева обязаны «поставить» женокъ въ Тобольскѣ.

Воеводы замѣчаютъ, что вообще «многіе сибирскіе служилые люди» привозятъ «съ Руси изъ верховыхъ городовъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми», также и отдѣльныхъ «женокъ и дѣвокъ и робятъ». Между тѣмъ на право привоза этихъ людей они не представляютъ ни «государевыхъ проѣзжихъ грамотъ», ни воеводскихъ «проѣзжихъ памятей». Воеводы заключаютъ: «и впредь, государь, намъ холопемъ своимъ—о такихъ людѣхъ вели свой государевъ указъ учинить».

Въ приговорѣ читаемъ: «отписать (тобольскимъ воеводамъ)— велѣть заказъ учинить служилымъ и всякимъ людемъ крѣпкой, чтобы они съ Руси жонокъ и дѣвокъ съ собою въ Сибирь не провозили, и ни отъ ково ихъ на Руси не подговаривали, и въ Сибири ими не торговали, чтобъ отнюдь впередъ такова воровства не было. А хто учнетъ такъ воровать съ Руси жонокъ и дѣвокъ подговаривать, и въ Сибирь провозить, и продавать, и имъ чинить наказанье, хто чего доведетца».

Но не одинъ разъ повторялся этотъ «заказъ крѣпкой» и много разъ за нарушеніе его чинилось сибирякамъ «наказанье», а зло нисколько не уменьшалось, а скорѣе возростало...

III.

Высшіе служилые люди Сибири, особенно могущественные сатрапы-воеводы не отставали въ дѣлѣ семейныхъ правонарушеній отъ подчиненныхъ имъ казаковъ и другой нисшей братіи. Пользуясь своею обширною (вслѣдствіе отдаленія отъ центральнаго правительства) властію, воеводы и другіе начальные люди иногда даже превосходили въ семейныхъ безчинствахъ своихъ подчиненныхъ. Понятно, какъ печально вліяла на послѣднихъ разнузданность семейной жизни ихъ начальниковъ. Насколько воеводы безобразничали открыто въ городахъ, въ надеждѣ, что «до царя далеко», настолько и казаки не церемонились въ походахъ и въ «ясачныхъ зимовьяхъ», вдали отъ воеводскихъ глазъ. Кто былъ болѣе грязенъ въ проступкахъ противъ семейной нравственности—судить трудно.

Но и надъ воеводами иногда «громъ гремѣлъ» и далекая Москва чинила и имъ «наказанье»... Приведу два случая.

Въ 1626 г. патріархъ Филаретъ Никитичъ получилъ «отписку» тобольскаго архіепископа Макарія [1]) о енисейскомъ воеводѣ Андреѣ Леонтьевичѣ Ошанинѣ. 3-го августа «сказывалъ» архіепископу енисейскій казакъ Иванъ Обуховъ, что когда въ прошломъ 1625 г. Ошанинъ ѣхалъ изъ Москвы на свое воеводство, то съ Тюмени «увезъ» у государева пашеннаго крестьянина Медвѣдка его сноху Катеринку Ондрѣеву. Пріѣхавши въ Енисейскъ, Ошанинъ «продалъ» Катеринку казаку Булатку Иванову, «а взялъ за нее 20 рублевъ»... Когда Булатко отправился «на промыселъ», воевода снова взялъ къ себѣ Катеринку, а затѣмъ въ другой разъ «продалъ» ее «иному казаку» Леонтью Кобылину, взявши теперь за свой «товаръ» дороже—30 рублей. Кобылинъ и доселѣ «живетъ» съ нею «беззаконствомъ, что и съ женою, и та-де, государь, нынѣ Катеринка чреваста»...

Архіепископъ обвиняетъ воеводу Ошанина еще въ другомъ проступкѣ. Лѣтомъ, 1626 г., по настоянію воеводы, енисейскій «бѣлый попъ» Кирило «молитвилъ (т. е. обвѣнчалъ) ночью» мѣстной съѣзжей избы подъячаго Максима Перфирьева съ Оленою Ондрѣевою, женою Поздѣя Ѳирсова, взявши съ подъячаго «отъ молитвенья» 20 рублей. Между тѣмъ, у подъячаго еще «жива жена» на Верхотурьѣ... Раньше Перфирьевъ обращался съ просьбою о вѣнчаніи къ енисейскому «черному попу» Тихону, но тотъ отказался «молитвить» замужнюю женщину съ женатымъ человѣкомъ. Это не понравилось покровительствовавшему подъячему воеводѣ и Ошанинъ началъ «смирять» попа Тихона «жестокимъ смиреньемъ». Воевода даже дерзнулъ взять на себя епископскую власть и, не мудрствуя лукаво, запретилъ попу Тихону священнослуженіе!... Воевода отнялъ у Тихона «церковные ключи» и «не пущаетъ» его въ церковь...

Приговоръ государя и патріарха, отъ 23-го ноября 1626 года, предписываетъ тобольскимъ воеводамъ немедленно смѣнить съ воеводства Ошанина и временно послать на его мѣсто тобольскаго «письменнаго голову», который долженъ «росписаться» (т. е. принять всѣ дѣла по воеводству) съ Ошанинымъ и «вѣдать» городъ до государева указу и до присылки новаго воеводы изъ Москвы. «Росписавшись» съ Ошанинымъ, письменный голова [2]) долженъ тотчасъ «выслать» его въ Тобольскъ и произвести въ Енисейскѣ «сыскъ» (слѣдствіе) объ увезенной и проданной воеводою «жонкѣ»;

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 67—68.

[2]) «Письменныя головы» играли при сибирскихъ воеводахъ XVII вѣка роль нынѣшнихъ губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій, исполняя преимущественно такія порученія, которыя были связаны съ представленіемъ письменныхъ отчетовъ о результатахъ порученнаго имъ дѣла.

а въ Тобольскѣ Ошанина представить на судъ архіепископа, который долженъ судить воеводу и ту «жонку» въ «духовномъ дѣлѣ», по законамъ церковнымъ. Деньги, полученныя Ошанинымъ за дважды проданную женщину—«доправить» на Ошанинѣ и вернуть казакамъ Иванову и Кобылину, если они будутъ о томъ бить челомъ. Письменный голова, наконецъ, долженъ розыскать по дѣлу о столкновеніи Ошанина съ попомъ Тихономъ и проч.

Грамоты объ исполненіи этого строгаго и справедливаго приговора государя и патріарха отправлены какъ тобольскимъ воеводамъ князю Андрею Андреевичу Хованскому съ товарищи, такъ и архіепископу Макарію [1]).

Второй случай относится къ 1643—1645 гг. и касается Нарымскаго воеводы Ивана Чеадаева. Объ этомъ случаѣ разсказываетъ «отписка» тобольскаго архіепископа Герасима [2]). Въ 1643 г., когда Чеадаевъ ѣхалъ на воеводство въ Нарымскій острогъ, дорогою въ Сибирь умерла его жена, а онъ «былъ женатъ третьимъ бракомъ». Послѣ смерти жены Чеадаевъ билъ челомъ архіепископу, чтобы онъ его благословилъ «женитца въ Сибири четвертымъ бракомъ!»... Понятно, архіепископъ отвѣчалъ отказомъ, основываясь на «правилахъ св. апостолъ и св. отецъ». Случившемуся въ Тобольскѣ нарымскому попу Павлу, Герасимъ «приказалъ съ подкрѣпленіемъ и съ великимъ запрещеніемъ», чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ «не молитвилъ» нарымскаго воеводу.

Но въ Нарымѣ власть воеводы была посильнѣе архіепископской... Чеадаевъ познакомился въ Нарымѣ съ «дѣвицею» Анною, дочерью «казачьяго головы» Юрья Данилова и пожелалъ вступить съ нею въ бракъ. Дѣвушка согласилась, хотя трудно допустить, чтобы она и ея родители не знали, что для Чеадаева невозможенъ новый бракъ: попъ Павелъ долженъ былъ предупредить ихъ о томъ. Но Даниловы, которымъ улыбалась возможность породниться съ такимъ высокимъ для ихъ положенія лицомъ, надѣялись, очевидно, на всемогущую въ ихъ глазахъ воеводскую власть. На массѣ ежедневныхъ примѣровъ Юрій Даниловъ, старый сибирскій служака, могъ убѣдиться, что для сибирскихъ воеводъ «законъ не писанъ».

Какъ бы тамъ ни было, бракъ Чеадаева съ Анной Даниловой состоялся, «а молитвилъ тотъ четвертой законопреступной бракъ» тотъ самый попъ Павелъ, которому архіепископъ такъ строго наказывалъ о не вѣнчаніи именно этого брака...

Архіепископъ Герасимъ скоро узналъ о бракѣ Чеадаева и донесъ патріарху Іосифу. Въ 1644 г. получена была Герасимомъ патріаршая грамота, предписывавшая, по приговору государя и патріарха—«розвести» Чеадаева съ его четвертою женою Анною

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 69—74 и 75—79.

[2]) Столбецъ № 136, лл. 180—185.

и взять по Чеадаевѣ «поручную запись, что впредь ему Ивану съ тою своею четвертою женою Анною не жить и не знатца».

Чтобы не допустить сожительства ихъ, велѣно было отправить несчастную Анну изъ Нарыма въ Тобольскъ и отдать на попеченіе живущей тамъ ея бабкѣ, женѣ Черкаса Рукина. О попѣ же Павлѣ велѣно «сыскать накрѣпко»: «самовольствомъ ли» онъ «молитву говорилъ» Чеадаеву, или «по неволѣ»? Въ первомъ случаѣ велѣно съ него «снять скуѳью», а во второмъ—дѣло предоставлялось на «святительское разсмотрѣніе» архіепископа Герасима.

Посланные Герасимомъ въ Нарымъ, для «розвода» брака и «сыска» о немъ—«поповскій староста» Тобольскій Богоявленскій попъ Илья Григорьевъ и Софійскаго дому боярскій сынъ Макарій Голосѣинъ—въ сентябрѣ 1644 г. вернулись изъ Нарыма и подали архіепископу «доѣздную память», гдѣ сообщали, что они «розвели» Чеадаева съ Анною, взяли по Чеадаевѣ «поручную запись въ томъ розводѣ», произвели «сыскъ» о попѣ Павлѣ и Анну доставили въ Тобольскъ, на подводахъ ея мужа. Въ день пріѣзда въ Тобольскъ Анна была передана ея бабкѣ Рукиной.

Въ привезенномъ сыщиками «обыскѣ» о попѣ Павлѣ говорилось, что нарымскіе «всякихъ чиновъ люди» показали «по крестному цѣлованью»: «своею ли охотою» попъ «молитвилъ» Чеадаева съ Анною, или «по неволѣ» — того они не вѣдаютъ». Попъ Павелъ сознался, что «молитвилъ» этотъ бракъ, такъ какъ будто Чеадаевъ не сказалъ попу—«третей ли ему бракъ будетъ, или четвертой, а молитву-де говорилъ второбрачную и молитвилъ спроста, самовольствомъ, а не по неволѣ воеводы Ивана Чеадаева и не изъ посулу». Выходитъ, такимъ образомъ, что попъ не повѣрилъ архіепископу, знавшему отъ самаго Чеадаева о его намѣреніи вступить въ четвертый бракъ и предупреждавшему попа о невѣнчаніи именно этого брака!..

За такое «самовольство» архіепископъ «снялъ скуѳью» съ попа Павла... Чеадаевъ же, повидимому, не понесъ другого наказанія, кромѣ расторженія брака: по крайней мѣрѣ, на архіепископской отпискѣ стоитъ помѣта Сибирскаго приказа—«въ столпъ» (равнозначущая нашему выраженію—сдать дѣло «въ архивъ»).

Если сибирскіе воеводы и другіе служилые люди такъ безцеремонно обращались съ русскими женщинами, все-таки имѣвшими нѣкоторыя права и находившими защиту у другихъ русскихъ властей, то тѣмъ безцеремоннѣе относились они къ безправнымъ и беззащитнымъ инородкамъ... Безчисленное множество разъ гуманное московское правительство XVII в. предписывало сибирскимъ властямъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы служилые, духовные, торговые, промышленные и всякіе др. люди не владѣли «ясыремъ», т. е. рабами изъ инородцевъ, пріобрѣтенными всякими неправыми путями,

главнымъ образомъ во время походовъ служилыхъ людей по мирнымъ и немирнымъ инородческимъ землямъ [1]). На «заставахъ», расположенныхъ на путяхъ сообщенія Сибири съ Русью (главнымъ образомъ на Верхотурской) «заставочнымъ головамъ» приказывалось производить строгіе досмотры всѣхъ проѣзжающихъ изъ Сибири лицъ и отбирать у нихъ ясырь—«сибирскихъ татаръ и остяковъ (и др. инородцевъ) и ихъ женъ и дѣтей—робятъ и дѣвокъ». При этомъ некрещеный ясырь возвращался на родину, а крещеныя—«дѣвки» выдавались замужъ за служилыхъ и др. людей, взрослые «робята» верстались въ службу, а малолѣтніе отдавались до совершеннолѣтія на прокормленіе служилымъ людямъ въ городахъ, а затѣмъ также записывались въ службу.

И однако, не смотря на частое повтореніе указовъ о недержаніи ясыря и не провозѣ его на Русь, сибиряки старались обходить эти указы — такъ легко было добыть въ Сибири ясырь и такъ выгодно владѣть имъ... Понятно, что въ этомъ стремленіи воеводы играли не послѣднюю роль. Напримѣръ, въ 1636 г. Верхотурскій таможенный и заставочный голова Данило Обросьевъ писалъ въ Сибирскій приказъ [2]), что на заставѣ онъ отобралъ 8 человѣкъ крещенаго «ясыря», провозимаго на Русь воеводами и ихъ дѣтьми. Именно у бывшаго тарскаго воеводы кн. Ѳедора Бѣльскаго голова отобралъ «Петрушку калмыка, да дѣву ясырку Овдотьицу калманку (калмычку), лѣтъ по 13-ти»; у Тарскаго же воеводы Неупокоя Кокошкина—калмыка 12 лѣтъ; у воеводскаго сына Алексѣя Ѳедорова Шишкина—остяка 10 лѣтъ и киргиза 8 лѣтъ; у воеводскаго же сына кн. Михаила Никитина Егупова-Черкасскаго—«3 дѣвокъ ясырокъ: Пелагеицу да Овдотьицу, татарокъ, да Ѳедорку, остяцкую, всѣ лѣтъ по 16-ти»...

Изъ росписи ясыря [3]), отобраннаго въ 1636—1637 гг. на Верхотурской и Обдорской заставахъ, узнаемъ, что изъ 3 «ясырокъ» вышеупомянутаго кн. М. Черкассаго 2 выданы замужъ за томскихъ служилыхъ людей, а 3-я заболѣла дорогою и оставлена въ Нарымскомъ острогѣ. Затѣмъ: у воеводы Никиты Карамышева отобраны 2 «дѣвки», одна изъ нихъ умерла, а другая выдана замужъ за «новокрещена»; взятая у одного торговаго человѣка «женка» отпущена, по ея просьбѣ, въ Енисейскій уѣздъ «къ мужю»; изъ отобранныхъ у воеводской жены Племянниковой и у нѣкоторыхъ служилыхъ людей 15 «робятъ и дѣвокъ»—2 дѣвки выданы замужъ за томскихъ конныхъ казаковъ, одна за кузнецкаго служилаго человѣка и проч.

---

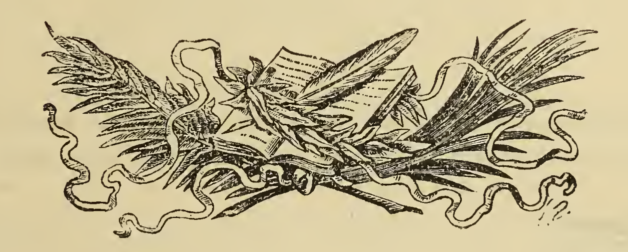
[1]) Иногда, впрочемъ, и сами инородцы продавали своихъ дѣтей русскимъ во время не рѣдкихъ голодовокъ и пр. (см. напр. столб. № 370).

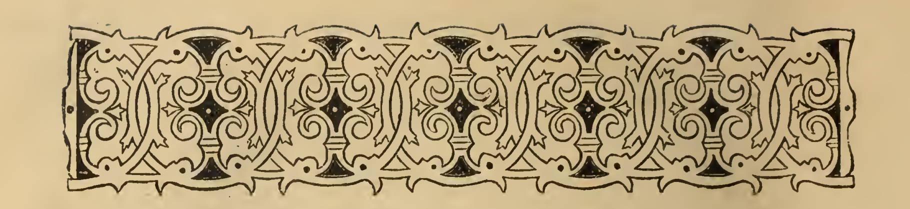
[2]) Сибирскаго приказа столб. № 102, лл. 103—105.

[3]) Столб. № 176, лл. 126—129.

Вообще «женки» и «дѣвки» всего чаще встрѣчались среди «ясыря». Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какую позорную роль приходилось имъ играть у своихъ владѣльцевъ. Инородцы хорошо это понимали и не могли благодушно относиться къ позору своихъ женъ и дочерей. Месть за женщинъ была одною изъ главныхъ причинъ частыхъ бунтовъ инородческихъ. И если русскіе въ борьбѣ съ инородцами гибли въ значительномъ количествѣ, то нельзя не сознаться, что они сами и были главною причиною своей гибели: карающая рука Немизиды дѣлала свое дѣло...

Н. Оглоблинъ.





КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи С. С. Татищева. Спб. 1890.

НОВАЯ, НЕДАВНО вышедшая книга г. Татищева представляетъ собой собраніе историческихъ изслѣдованій и полемическихъ статей. Къ первому отдѣлу относятся: «Русская дипломатія, старая и новая», «Европа наканунѣ войны 1853—1856 годовъ», «Князь Адамъ Чарторыйскій», «Россія и Болгарія, историческая справка»; ко второму: «Дипломатія и печать», полемика съ г. Мартенсомъ, съ бывшимъ дипломатомъ и гражданиномъ, документальная справка, по вопросу объ австро-венгерскомъ занятіи Босніи и Герцоговины. Вышеозначенныя статьи появлялись частью въ изданіяхъ покойнаго М. Н. Каткова, памяти котораго и посвящена книга, частью на столбцахъ «Новаго Времени».

Всѣ онѣ написаны въ тотъ еще недавній періодъ, когда наше отечество только-что начало освобождаться отъ австро-германскаго союза, понемногу и постепенно вступая на путь самостоятельной политики, завѣщанной намъ всей нашей славной исторіей.

Г. Татищевъ своими талантливыми публицистическими статьями, въ которыхъ мастерское изложеніе соединяется съ живымъ знаніемъ людей и, такъ сказать, подкладки современной политики и основательнымъ изученіемъ исторіи дипломатическихъ сношеній въ XIX вѣкѣ, не мало содѣйствовалъ разъясненію и усвоенію русскимъ обществомъ настоящихъ задачъ нашей національной политики.

Такова несомнѣнная заслуга статей собранныхъ вмѣстѣ, въ разсматриваемой нами книгѣ, которая съ интересомъ прочтется всѣми русскими людьми, интересующимися вопросами нашей внѣшней политики.

Русская печать въ лицѣ М. Н. Каткова и С. С. Татищева съ успѣхомъ выполнила свою задачу—освобожденія русской общественной мысли отъ нѣмецкаго плѣна.

Со временъ, печальной памяти, графа Нессельроде наши дипломаты и даже нѣкоторые историческіе писатели смотрѣли на политическія сношенія Россіи съ европейскими державами черезъ иноземныя, преимущественно нѣмецкіе очки, что не мало содѣйствовало оскудѣнію здраваго пониманія нашихъ государственныхъ задачъ людьми къ тому призванными.

Такое положеніе вызвало естественный и горячій протестъ со стороны людей думающихъ и чувствующихъ по-русски; во главѣ этого протеста выступили Катковъ и Татищевъ, вложившіе въ него не мало энергіи, труда, и огня убѣжденія, растопившихъ понемногу толстую кору шаблонной рутины и заскорузлой казенщины, господствовавшихъ взглядовъ и мнѣній въ вопросахъ нашей внѣшней политики.

Въ доброе старое время внѣшняя политика и сопряженные съ ней вопросы мира и войны считались исключительнымъ достояніемъ официіально-призванныхъ къ завѣдыванію ими дипломатовъ. Другое дѣло теперь, при современныхъ экономическихъ условіяхъ и общеобязательной военной службѣ, когда всѣ слои общества лично и матеріально заинтересованы въ ходѣ политическихъ дѣлъ.

Участіе русскаго общества въ дѣлахъ внѣшней политики началось, сравнительно, весьма недавно, именно, впервые оно рельефно выразилось въ 1863 г., т. е. всего четверть вѣка тому назадъ. Польскій мятежъ и наглое вмѣшательство Европы въ наши внутренія дѣла, вызванные этимъ мятежемъ, расшевелили наше, какъ бы дремавшее, національное чувство и создали у насъ политическую печать, до того времени отсутствовавшую. Этнографическая выставка въ Москвѣ, въ 1867 г., и событія 1876 г. были дальнѣйшими видными стадіями ея развитія.

Политическая печать создается годами, зрѣлая политическая мысль является результатомъ упорныхъ и послѣдовательныхъ историческихъ изслѣдованій—она своего рода подвигъ и плодъ народнаго многолѣтняго опыта. Наша политическая печать въ польскомъ вопросѣ, благодаря предшествовавшимъ историческимъ трудамъ Карамзина (его извѣстная «Записка»), Погодина и нѣкоторыхъ другихъ, въ лицѣ такого высокодаровитаго публициста, какимъ былъ М. Н. Катковъ, обнаружила въ 1863 году несомнѣнные признаки зрѣлости и сразу пріобрѣла вѣсъ и значеніе. Но въ другихъ вопросахъ и, преимущественно, внѣшней политикѣ, она явилась крайне зеленой и молодой.

Славянскимъ вопросомъ и Балканскимъ полуостровомъ до 1876 г. у насъ занимались весьма мало и притомъ поверхностно очень немногіе—онъ считался спеціальнымъ достояніемъ такъ называемыхъ славянофиловъ, людей чисто-кабинетнаго склада и притомъ сентиментальныхъ доктринеровъ и мечтателей въ политикѣ, которые, претендуя на полную самобытность своихъ взглядовъ, придерживались заимствованныхъ у европейскихъ писателей идей о свободѣ національностей и безпристрастіи въ политикѣ. Русское общество, печать и дипломатія, усердно сочувствовали и привѣтствовали итальянскую независимость и удаленіе Австріи съ Аппенинскаго полуострова, легкомысленно игнорируя то обстоятельство, что династія Гасбурговъ, отброшенная съ этого усвоеннаго ею пути къ югу, усиленно станетъ напи-

рать на Балканскій полуостровъ и что такое перенесеніе центра тяжести внѣшней политики сосѣдней съ нами Дунайской имперіи для насъ во всякомъ случаѣ невыгодно.

Хотя это обидно, но надо сознаться, что средніе русскіе люди въ дѣлѣ политической подготовки и способности практически понимать, взвѣшивать политическія событія и вообще въ нихъ оріентироваться не только уступаютъ интелигентному Западу, но и болгарамъ, грекамъ и румынамъ, которые съ дѣтства приглядѣлись и навыкли въ борьбѣ народной и вѣроисповѣдной.

Путаница и шаткость взглядовъ—одна изъ главныхъ причинъ неудачъ нашей политики въ Болгарскомъ вопросѣ, которому посвящена одна изъ самыхъ обширныхъ статей С. С. Татищева подъ заглавіемъ: «Россія и Болгарія. Историческая справка».

Въ свое изслѣдованіе этого вопроса авторъ внесъ новые, у насъ недостаточно распространенные пріемы историческаго метода изслѣдованія, основаннаго на документахъ, которые говорятъ гораздо убѣдительнѣе и доказательнѣе лирическихъ изліяній и патріотическихъ чувствъ покойнаго и несомнѣнно краснорѣчиваго московскаго славянофила И. С. Аксакова.

«Историческій методъ,—справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ г. Татищевъ,—не только предостерегаетъ насъ отъ опрометчивыхъ сужденій въ настоящемъ, но до извѣстной степени приподнимаетъ передъ нами и завѣсу будущаго» («Дипломатія и печать», стр. 519).

С. С. Татищевъ весьма ясно и опредѣленно формулируетъ завѣты нашей исторіи, забвеніе которыхъ составляетъ существенный недостатокъ нашей дипломатіи XIX вѣка. «Въ московскій періодъ нашей исторіи,—говоритъ онъ,—отличительныя черты нашего государственнаго строя, своеобразіе и обособленность, всецѣло отразились и въ нашей дипломатіи. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами она руководилась исключительно сознаніемъ нашихъ народныхъ пользъ и нуждъ, строго оберегая при этомъ честь и достоинство государя и государства» («Русская дипломатія, старая и новая», стр. 1). Отличительныя эти черты выражаетъ тріединая формула: православіе, самодержавіе и народность. Сознаніе пользъ и нуждъ побуждало насъ искать выхода къ морю. Отсюда врагами нашими, на Западѣ, являлись Швеція и Польша, на югѣ—Турція. Франція, дружившая съ названными державами, естественно становилась нашимъ противникомъ. Московская политика достигаетъ высшаго своего проявленія при Петрѣ I и съ кратковременными промежутками, удерживается вплоть до кончины Екатерины II. Въ царствованіе ея сына Павла I, Россія впервые выступила защитницей не своихъ интересовъ, а отвлеченныхъ идей права и справедливости. Государственный эгоизмъ, этотъ краеугольный камень здравой политики, уступилъ мѣсто великодушію и безкорыстію (тамъ же, стр. 14 и 16). Вскорѣ во взглядахъ Павла произошли перемѣны, что̀ выразилось въ одобрительныхъ помѣткахъ государя на извѣстной «Запискѣ графа Ѳ. В. Растопчина». При Александрѣ I наша политика еще далѣе отъ московскаго преданія. Всего пагубнѣе оказалось завѣдываніе дипломатическимъ вѣдомствомъ поляка-патріота Чарторыйскаго. Тогда-то и начался приливъ въ него иностранцевъ всѣхъ національностей. Чѣмъ менѣе политика петергскаго двора становилась русскою, тѣмъ болѣе нуждалась она въ преныхъ орудіяхъ, а такими орудіями могли служить ей только чужеземцы,

ибо тѣ самыя цѣли, къ которымъ недовѣрчиво или равнодушно относилась Россія, возбуждали энтузіазмъ цѣлой толпы эмигрантовъ всякаго рода, видѣвшихъ въ торжествѣ удовлетвореніе своихъ страстей и интересовъ (тамъ же, стр. 16 и 17). При императорѣ Николаѣ Павловичѣ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ остался вѣдать графъ Нессельроде. Министръ этотъ, находившійся въ полномъ подчиненіи Меттерниху, дѣлалъ все, чтобы направить усилія Россіи для совершенно ей чуждыхъ интересовъ европейскаго строя. Мнѣнія почтеннаго автора о характерѣ внѣшней нашей политики въ царствованіе Николая Павловича, изложены имъ въ извѣстномъ, обширномъ и спеціальномъ трудѣ, посвященномъ этому предмету. Эта книга, какъ извѣстно, вызвала сильныя и не лишенныя основанія возраженія, будто г. Татищевъ отчасти погрѣшаетъ передъ исторической истиной, увлекаясь желаніемъ выгородить личное участіе Николая въ такомъ антинаціональномъ направленіи нашей политики. Вредъ политической системы, установившейся у насъ послѣ нашего участія въ такъ называемыхъ освободительныхъ войнахъ 1813 и 1814 годовъ, заключался въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ средне-европейскими державами и въ отдаленіи отъ Франціи, какъ державы революціонной. Между тѣмъ разросшаяся Пруссія замѣнила Швецію съ ея притязаніями владычествовать надъ Балтійскимъ моремъ, а къ Австріи перешло значеніе Рѣчи Посполитой—она къ тому же какъ разъ въ то время обнаружила стремленіе все болѣе и болѣе рѣшительное—стать нашимъ соперникомъ на Востокѣ. Франція же, которая, по своему положенію на Рейнѣ, является нашимъ естественнымъ союзникомъ, отвергалась нами по принципу. Такая политическая система, которой мы упорно держались послѣ Вѣнскаго конгресса вплоть до Восточной войны 1853—56 годовъ, привела насъ къ тяжкимъ историческимъ испытаніямъ и къ Парижскому миру.

Отношенія Пруссіи къ Россіи передъ и въ продолженіе этой войны весьма удачно и мѣтко очерчены авторомъ въ статьѣ: «Европа наканунѣ Восточной войны 1853—56 годовъ».

Предпочтеніе, оказываемое г. Татищевымъ Франціи передъ Пруссіей, вызвало его полемику съ «Бывшимъ дипломатомъ», псевдонимъ, подъ которымъ писалъ, нынѣ умершій, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ А. Г. Жомини.

Заключительная (XX) глава исторической справки «Россія и Болгарія» впервые появляется; въ «Новомъ Времени» были напечатаны только первыя девятнадцать главъ. Не вполнѣ соглашаясь съ нѣкоторыми заключеніями и мнѣніями С. С. Татищева въ Болгарскомъ вопросѣ, мы, тѣмъ не менѣе, охотно признаемъ, что статьи его объ отношеніяхъ Россіи къ Болгаріи представляютъ весьма серьезную попытку развязать этотъ Гордіевъ узелъ нашей современной дипломатіи. Изложеніе и анализъ нашихъ отношеній къ Болгаріи послѣ Берлинскаго конгресса написаны авторомъ со свойственнымъ ему талантомъ, ясностью и точностью.

Вообще новая книга г. Татищева весьма цѣнный вкладъ въ нашу довольно бѣдную литературу по вопросамъ внѣшней политики.

П. М.

Исторія русской этнографіи. Т. I: общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. А. Н. Пыпина. Спб. 1890.

Новая книга А. Н. Пыпина составилась изъ многолѣтнихъ работъ по исторіи русской народности, первоначально помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» (1881—1888). «Объединенныя здѣсь въ одно цѣлое, онѣ были вновь пересмотрѣны и въ различныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе значительно дополнены». Все изданіе должно состоять, по плану автора, изъ четырехъ томовъ: I—II—«этнографія великорусская», III—«этнографія малорусская», и IV—«Бѣлоруссія и Сибирь». Пока вышелъ одинъ первый томъ; остальные три авторъ надѣется выпустить въ теченіе года. Когда изданіе будетъ окончено, мы дадимъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» общій очеркъ развитія въ русскомъ обществѣ интереса къ народу, къ его быту, воззрѣніямъ и соціально-экономическому положенію,—интереса, достигшаго своей наибольшей интенсивности въ наше время. Теперь же ограничимся лишь нѣсколькими словами относительно I-го тома.

«Матеріалъ этнографіи — народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея—путь къ опредѣленію «народности». Обзоръ ея исторіи есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія». Такъ, въ краткихъ словахъ, опредѣляетъ г. Пыпинъ содержаніе и значеніе своего капитальнаго труда (Введеніе, стр. 15). Первая глава разсматриваемаго тома представляетъ общій обзоръ изученій народности и результатъ ихъ въ современныхъ понятіяхъ. Прочія главы посвящены разсмотрѣнію русской этнографіи въ томъ періодѣ, который можно назвать подготовительнымъ. Дѣло въ томъ, что русская этнографія лишь въ послѣднія десятилѣтія, почти только съ сороковыхъ годовъ, получила характеръ настоящей научной дисциплины: до тѣхъ поръ можно прослѣдить только ея зародыши, первыя попытки, которыя, однако, во-первыхъ, сохраняютъ даже и донынѣ цѣнность научнаго матеріала и, во-вторыхъ, имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, какъ ступени общественнаго самосознанія, приводившаго постепенно къ болѣе и болѣе глубокому пониманію собственнаго народа и его жизни и, наконецъ, подготовлявшаго самую возможность точной, правильно поставленной науки. Въ это время еще не было этнографіи, какъ науки, но было несомнѣнное, часто глубоко серьезное стремленіе къ изученію народности, отражавшееся и на другихъ отросляхъ знанія, какъ исторіи, и на развитіи литературы поэтической, имѣвшей для русскаго общества важное воспитательное значеніе. «Исторія этихъ стремленій,—говоритъ авторъ,—должна составить необходимое начало исторіи самой науки: въ этомъ смыслѣ исторія русской этнографіи должна быть начата съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка, съ Петровской реформы и съ первыхъ изученій русской территоріи и населенія; здѣсь вообще впервые возникаетъ сознательная мысль объ изученіи народа и народности, развившаяся позднѣе въ общественную дѣятельность для народа и въ правильную науку». Онъ особенно настаиваетъ на послѣднемъ положеніи, и отдѣлъ книги, посвященный XVIII вѣку, отличается полемическимъ характеромъ: имѣя въ виду извѣстное направленіе, авторъ доказываетъ, что Петровская реформа не «оторвала» нашего общества отъ народа. Напротивъ, ея вліянію приписываетъ онъ «одинъ изъ главныхъ толчковъ» къ тому общественному движенію умовъ, которое развивало понятіе нравственной обязанности служенія народу. Но-

вая, европейская (потому что другой и нѣтъ) образованность стремится къ распространенію знаній въ обществѣ, къ изученію страны и народа, болѣе и болѣе сближается съ интересами народной массы, наконецъ, является защитницей ея человѣческихъ и общественныхъ правъ. Если въ наше время потребность къ изученію народа, стремленіе къ распространенію въ его средѣ просвѣщенія, къ его матеріальному, нравственному и умственному освобожденію, становятся сознательной обязанностью всякаго серьезно мыслящаго человѣка, и во имя этой цѣли ведется столько ревностной и плодотворной работы, то въ этомъ сказывается только послѣдній результатъ тѣхъ началъ, которыя положены были реформой, и тѣхъ трудовъ, которые предприняты были впервые образованностью XVIII вѣка и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжались.

Считаемъ излишнимъ говорить о научныхъ достоинствахъ «Исторіи русской этнографіи»: серьезное изученіе предмета, широкія и хорошо обоснованныя обобщенія, прогрессивность воззрѣній—постоянныя свойства трудовъ А. Н. Пыпина, давно уже доставившія ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ ученыхъ. Мы можемъ только пожелать успѣха его книгѣ, а также и скорѣйшаго появленія въ свѣтъ обѣщаемаго имъ дополненія къ ней—«Систематическаго обозрѣнія русской этнографической литературы», въ формѣ библіографическаго указателя. «Это обозрѣніе,—говоритъ онъ,—доставитъ изслѣдователямъ небезполезный подборъ фактовъ и справокъ, какого не могла бы дать собственная исторія науки, а для приступающихъ къ изученію предмета послужитъ руководителемъ въ обширной массѣ разнороднаго матеріала, въ которомъ начинающій обыкновенно только съ трудомъ можетъ осмотрѣться, долго не имѣя возможности составить себѣ отчетливаго понятія о цѣломъ составѣ избранной имъ и полюбившейся науки».

С.

Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. 1890.

Новая книга г. Булгакова, заглавіе которой мы только-что привели, представляетъ изъ себя не ученый трудъ, а популярное сочиненіе, задача котораго заключается въ томъ, чтобы дать публикѣ, говоря словами автора, «сжатое резюме всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи развитія типографскаго искусства съ первыхъ его зачатковъ до нашего времени». Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ изложеніе доведено, впрочемъ, только до конца XVIII вѣка, книгопечатаніе же XIX столѣтія должно послужить предметомъ особаго второго тома. Въ виду полнаго отсутствія подобныхъ общихъ книгъ по исторіи книгопечатанія на русскомъ языкѣ, приходится привѣтствовать всякую попытку въ этомъ родѣ, хотя бы даже она была и не вполнѣ удачна. Г. Булгаковъ въ вышедшей части своего сочиненія указываетъ вкратцѣ ходъ развитія письменъ, матеріала и орудій письма до изобрѣтенія книгопечатанія, разсказываетъ исторію самаго изобрѣтенія и распространенія книгопечатанія до XVI вѣка въ различныхъ странахъ Европы, затѣмъ передаетъ исторію развитія типографскаго искусства съ XVI по XVIII вѣкъ на западѣ Европы, въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи; особый отдѣлъ книги составляетъ русское книгопечатаніе въ XVIII вѣкѣ.

Изложеніе сопровождается громаднымъ количествомъ иллюстрацій, представляющихъ образцы замѣчательныхъ шрифтовъ, первоначальныхъ изданій, типографскихъ украшеній, гравюръ и проч. и дающихъ возможность читателю наглядно представить себѣ первоначальное положеніе типографскаго дѣла и постепенное его развитіе; кромѣ того, въ книгѣ помѣщены портреты наиболѣе замѣчательныхъ типографщиковъ и, наконецъ, текстъ ея украшенъ заставками, инициалами и орнаментами изъ русскихъ рукописей разныхъ вѣковъ, причемъ авторъ въ особомъ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ книги, отмѣчаетъ тѣ изданія, изъ которыхъ онъ заимствовалъ эти рисунки. Вообще внѣшность изданія можно назвать безукоризненной. Что касается до самаго содержанія книги, то здѣсь, не останавливаясь на мелочахъ, не особенно важныхъ въ виду ея популярнаго характера, мы позволили бы себѣ указать на нѣсколько существенныхъ, на нашъ взглядъ, недостатковъ въ изложеніи автора. Первымъ изъ нихъ является нѣкоторая отрывочность въ передачѣ фактовъ, сводящаяся мѣстами къ простому перечисленію типографщиковъ и ихъ изданій въ различныхъ странахъ. Особенно сильно сказывается этотъ недостатокъ въ томъ отдѣлѣ книги, гдѣ идетъ рѣчь о развитіи типографскаго искусства съ XVI по XVIII вѣкъ въ западно-европейскихъ государствахъ: здѣсь авторъ часто упускаетъ изъ виду ту связь, какая существовала за это время между отдѣльными изобрѣтеніями и улучшеніями въ области типографскаго дѣла, и даетъ читателю вмѣсто связной исторіи довольно сухой перечень фактовъ. Еще важнѣе съ точки зрѣнія общей культурной исторіи отсутствіе въ книгѣ систематическихъ и опредѣленныхъ указаній на ту связь, какая существовала между развитіемъ книгопечатанія, съ одной стороны, и тѣмъ общимъ повышеніемъ умственнаго уровня народной массы, какое проявилось въ XVI—XVIII вв.,—съ другой. Авторъ, правда, говоритъ мѣстами объ этомъ, но слишкомъ обще и неопредѣленно. Съ другой стороны, тѣ факты изъ жизни отдѣльныхъ типографщиковъ, приведенные въ книгѣ, которые указываютъ на умственную борьбу, какую они вели съ современными имъ порядками. факты тѣмъ болѣе важные, что въ теченіе наиболѣе значительной части этого періода типографщики являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и издателями, слѣдовательно, лицами вполнѣ сознательно примыкавшими къ извѣстному движенію, недостаточно выдвинуты и освѣщены авторомъ. Въ сочиненіи популярномъ, предназначенномъ для широкой массы публики, эти недостатки пріобрѣтаютъ, конечно, особенно важное значеніе. Можно пожелать еще въ заключеніе, чтобы авторъ во второмъ томѣ своего сочиненія обратилъ нѣсколько болѣе вниманія на языкъ, который подчасъ у него слишкомъ шероховатъ. В. М.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. П. О. Бобровскаго. Спб. 1890.

Труды г. Бобровскаго занимаютъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто въ числѣ появившихся, по поводу прошлогодняго уніатскаго юбилея, статей и изслѣдованій, выясняющихъ значеніе самаго возсоединенія уніатовъ въ политическомъ и религіозномъ смыслѣ, а также роль отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей въ этомъ событіи. Можно спорить противъ относительныхъ мѣстъ,

отводимыхъ авторомъ въ исторіи возсоединенія той или другой личности, напримѣръ, Іосифу Сѣмашкѣ—съ одной стороны, каноникамъ Тупальскому, Сосновскому и профессору Бобровскому—съ другой; ожесточенная полемика по этому поводу, завязавшаяся въ прошломъ году, продолжалась до послѣдняго времени. Но нельзя не признать правильности той строго-исторической точки зрѣнія, какую авторъ устанавливаетъ на самый процесъ постепеннаго разложенія и паденія уніи въ Россіи, независимо отъ собственно-религіозной стороны вопроса. Какъ извѣстно, большинство мнѣній по данному предмету сходится въ томъ, что главными виновниками столь важнаго для русской народности въ Западномъ краѣ событія были имп. Николай и митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, а непосредственный толчокъ къ ускоренію дѣла возсоединенія, въ политическихъ видахъ, сообщило польское возстаніе 1831 года. Матеріаломъ же и средой для дѣйствія въ смыслѣ рѣшительнаго возвращенія уніатской церкви къ православію было новое поколѣніе уніатскаго духовенства, усвоившее себѣ болѣе широкіе взгляды на историческую судьбу русской уніи, которая должна была тѣснѣе сближаться и, наконецъ, слиться либо съ католичествомъ, либо съ православіемъ.

Авторъ разсматриваемой книги избралъ предметомъ своего изслѣдованія внутреннюю борьбу въ нѣдрахъ самой уніи за предшествующій ея паденію періодъ, — борьбу между латинизованнымъ, отшатнувшимся отъ церковно-славянскаго языка, отъ греческихъ обрядовъ базиліанскимъ орденомъ и бѣлымъ духовенствомъ—клиромъ. «Унія на всемъ пространствѣ западныхъ губерній отъ Днѣпра до Западной Двины и Виліи уже давно наклонилась къ упадку и должна была погибнуть вмѣстѣ съ окончаніемъ разложенія базиліанскаго ордена; самый процесъ разложенія этого института угрожалъ подавить русскихъ латинствомъ, но этого не могло, не хотѣло и не должно было допустить бѣлое духовенство. Къ счастію, оно не успѣло еще утратить сознанія о коренномъ русскомъ происхожденіи своемъ и своихъ прихожанъ. Лисовскій и Красовскій, какъ іерархи, Тупальскій, Сосновскій и Бобровскій, какъ представители клира, съ самоотверженіемъ обличали условія гибельнаго для русской церкви разложенія ордена до конца, — съ достоинствомъ пастырей защищали клиръ отъ порчи, погубившей монашество въ уніи,—и исполнили свой долгъ уже и тѣмъ, что сохранили и вновь упрочили греко-славянское богослуженіе, завѣщанное первоучителями славянъ, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, среди полутора милліона бѣлоруссовъ, малороссовъ и черноруссовъ».

Такъ резюмируется взглядъ автора на вопросъ о паденіи уніи. По этому взгляду, наибольшая заслуга въ подготовкѣ событія принадлежитъ перечисленнымъ уніатскимъ дѣятелямъ въ первую четверть текущаго столѣтія, въ связи съ состояніемъ дѣла просвѣщенія народа при имп. Александрѣ I, съ направленіями системы этого просвѣщенія и даже съ тенденціями русской государственной политики въ названное царствованіе. Такой взглядъ даетъ возможность автору нарисовать широкую, чрезвычайно интересную картину духовнаго и общественнаго образованія въ западной Россіи за послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I. Передъ читателемъ проходитъ дѣятельность Адама Чарторыйскаго, кн. Голицына и Новосильцева, библейскихъ комитетовъ и масонскихъ ложъ, тайныхъ обществъ и пропаганды польскихъ идей, которая поддерживалась недоразумѣніемъ въ русской правительственной политикѣ, разсматривавшей западныя губерніи, даже въ дѣлѣ обще-

ственнаго воспитанія, какъ часть Польши. Роль кн. Адама Чарторыйскаго, въ качествѣ попечителя виленскаго учебнаго округа, достаточно извѣстна: вся его дѣятельность была посвящена идеалу возстановленія Польши, съ инкорпорированнымъ въ ней западно-русскимъ краемъ, и въ наше время, послѣ разоблаченія этихъ тенденцій въ литературѣ, новаго и изумительнаго тутъ ничего нѣтъ. Можно только жалѣть, что русскою властью не было своевременно понято это стремленіе.

Нѣкоторое новое освѣщеніе находимъ мы въ книгѣ г. Бобровскаго по затрогивавшемуся также въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ дѣлу о виленскихъ университетскихъ тайныхъ обществахъ двадцатыхъ годовъ, въ которыхъ участвовалъ Мицкевичъ. Предметъ этотъ, благодаря именно эпизодическому своему значенію для біографіи великаго польскаго поэта, достаточно разработывался и продолжаетъ еще служить темой изслѣдованій, какъ въ польской, такъ и въ русской литературѣ. Взаимно-вспомогательныя благотворительныя студенческія общества въ Виленскомъ университетѣ, исходя изъ чисто-нравственныхъ началъ, выставлявшихся впередъ польскими изслѣдователями, имѣли, въ конечныхъ своихъ результатахъ, цѣли политическаго свойства, понятныя во всемъ объемѣ, впрочемъ, только для руководителей. Сами по себѣ эти общества могли только поддерживать въ студентахъ сознаніе польской народности и содѣйствовать между ними извѣстному политическому настроенію, безъ другихъ непосредственно-серьезныхъ послѣдствій, но самая поддержка подобнаго настроенія въ молодомъ поколѣніи составляла часть программы Чарторыйскаго. Послѣдній во-время самъ распорядился закрытіемъ общества такъ называемыхъ филаретовъ, узнавъ о строгихъ правительственныхъ мѣрахъ, «вслѣдствіе полученныхъ въ Петербургѣ извѣстій о ненадежномъ состояніи умовъ въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, особенно же о фанатическомъ настроеніи студентовъ и учащейся молодежи». Дѣло закончилось строгимъ разслѣдованіемъ, возложеннымъ на Новосильцева, который, прибывъ въ Вильну для раскрытія тайныхъ студенческихъ обществъ, замѣнилъ Чарторыйскаго въ должности попечителя. Дѣятельность Новосильцева въ качествѣ попечителя учебнаго округа рельефно очерчена авторомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія историка этого времени. Неудивительно, какъ мы сказали, что кн. Адамъ Чарторыйскій преслѣдовалъ полонизаторскія цѣли, становясь во главѣ управленія учебнымъ дѣломъ въ Западномъ краѣ; онъ пользовался лишь общимъ ослѣпленіемъ многихъ тогдашнихъ русскихъ государственныхъ людей (до Шишкова), считавшихъ западныя губерніи частью Польши. Но ослѣпленіе Новосильцева, воображавшаго служить русскому дѣлу, гораздо менѣе понятно и можетъ объясняться только общею неустойчивостью его воззрѣній, космополитическимъ воспитаніемъ, колебаніемъ отъ одной системы къ другой, при чемъ, благодаря ловкости латинизаторовъ, «онъ отдавалъ явное предпочтеніе школамъ, бывшимъ въ рукахъ латинскихъ монашескихъ сословій».

Чѣмъ были библейскіе комитеты по отношенію вліянія своего на развитіе уніатскаго вопроса? Авторъ, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, рисуетъ это вліяніе въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Должно, впрочемъ, помнить, что при тогдашней борьбѣ партій значеніе библейскаго общества нерѣдко преувеличивалось въ дурную сторону его противниками. Министръ Шишковъ усиленно настаивалъ на закрытіи библейскаго общества и его провинціальныхъ комитетовъ, какъ учрежденій, «сѣющихъ развратъ и воль-

номысліе въ дѣлахъ вѣры». Библейское общество издавало, какъ извѣстно, книги св. писанія въ русскомъ переводѣ. Между тѣмъ, по взгляду Шишкова, книги, распространенныя библейскими обществами, «разрушаютъ священнѣйшую связь между церковью, престоломъ и отечествомъ, вводятъ соблазнъ, развращаютъ нравы и потрясаютъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное». Впрочемъ, Шишковъ правильно смотрѣлъ на закрытіе базиліанскихъ монастырей и кромѣ того сознавалъ необходимость существенной реформы въ гимназіяхъ, уставъ которыхъ былъ обнародованъ уже послѣ его выхода, въ 1828 году. Борьба партій на церковной и воспитательной почвѣ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ страницамъ книги.

Но эти подробности труда г. Бобровскаго, сами по себѣ интересныя, имѣютъ все-таки лишь отдаленную связь съ уніатскимъ дѣломъ. Авторъ старается выяснить тѣ политическія условія, въ силу которыхъ уніатскій вопросъ неминуемо долженъ былъ устремиться къ единственно-возможной для него реальной развязкѣ. Единственно возможнымъ этотъ исходъ сдѣлался съ тѣхъ поръ, какъ постепенное сліяніе уніи съ католичествомъ становится немыслимымъ, вслѣдствіе благопріятнаго поворота во внутренней правительственной политикѣ особенно по отношенію къ дѣлу воспитанія молодежи. Этимъ внѣшнимъ условіямъ, перемѣнѣ во взглядахъ русскихъ правительственныхъ лицъ на западную Россію—не какъ на польскій, но какъ на чисто русскій край, соотвѣтствовали исходъ внутренней борьбы въ уніи, ослабленіе базиліанскаго ордена и его упадокъ, возвышеніе значенія бѣлаго клира соотвѣтственно дѣлавшимся еще съ начала столѣтія усиліямъ достойныхъ іерарховъ Лисовскаго и Красовскаго, — возвышеніе въ богослуженіи славянскаго языка и обрядности.

Характеристика этихъ условій, имѣющая очень почтенную и важную въ историческомъ отношеніи цѣль, сама по себѣ еще не служитъ доказательствомъ, чтобъ и дѣйствительно событіе возсоединенія уніи было обязано своимъ происхожденіемъ именно тѣмъ обстоятельствамъ и людямъ, какіе очерчены авторомъ. Унія могла протянуться еще нѣкоторое и даже продолжительное время, подобно тому, какъ она досуществовала до половины семидесятыхъ годовъ у холмскихъ уніатовъ, еслибы не явилось внѣшнихъ, рѣшительныхъ событій—въ родѣ польскаго мятежа 1831 г., еслибъ не явилось историческихъ дѣятелей, какъ имп. Николай и митроп. Сѣмашко, въ развѣнчиваніи котораго, быть можетъ, и преувеличенно обвиняютъ нынѣ автора его литературные противники.

Самъ авторъ, упоминая о предшествовавшихъ 14 декабря 1825 г. событіяхъ, говоритъ, что «они раскрыли глубокія раны въ общественномъ быту Россіи, дали самый рѣшительный толчекъ къ возстановленію русскихъ началъ для народнаго образованія и воспитанія въ западныхъ губерніяхъ». Самъ авторъ говоритъ, что благодаря «энергіи и неусыпной дѣятельности имп. Николая, въ самомъ непродолжительномъ времени изданы были благопріятныя условія для приведенія въ исполненіе реформъ въ греко-уніатской церкви, которыя затянулись при его предшественникѣ, вслѣдствіе систематическаго противодѣйствія базиліанскаго ордена, безучастія къ нуждамъ своего духовенства епархіальныхъ епископовъ... и безсилія коллегіи, старавшейся угодить и базиліанамъ, и свѣтскому клиру». Отсюда прямой выводъ тотъ, что только дѣятельностью людей новаго царствованія уніатскій вопросъ направленъ былъ къ рѣшительному концу.

Рѣшительной эпохой въ дѣлѣ паденія уніи считается указъ 9 октября 1827 г., о недозволеніи принимать въ греко-уніатское монашество людей другого обряда и объ учрежденіи училищъ для наставленія уніатскаго юношества духовнаго званія въ правилахъ вѣры въ обрядахъ богослуженія на славянскомъ языкѣ. Авторъ считаетъ даже, что этимъ указомъ завершается особый періодъ въ исторіи русской уніи, «періодъ противодѣйствія базиліанскаго ордена стремленіямъ бѣлаго духовенства освободиться отъ латинизаторскихъ цѣпей», т. е. періодъ, въ который возросло сознаніе необходимости реформъ въ уніатской церкви. Но еще раньше этого указа имп. Николай высказалъ гр. Блудову свое желаніе «возсоединить уніатовъ». Государь изъ прежняго своего опыта зналъ многое объ уніатскихъ дѣлахъ. «Еще командуя бригадой, квартировавшей въ Литвѣ (въ 1821—22 г.), великій князь сокрушался о бѣдственномъ состояніи и униженіи сельскаго духовенства и наконецъ узналъ много такого, что не внесено въ лѣтописи исторіи». Въ виду такой подготовленности и рѣшимости государя, нашелся и человѣкъ, «который могъ бы быть орудіемъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ». Это былъ Сѣмашко. Польскій мятежъ 1831 г. довершилъ собою указанія времени о необходимости покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ уніатовъ, представлявшихъ собою благодарный матеріалъ для польскихъ вліяній даже и послѣ пораженія латинизаторской силы базиліанскаго ордена. При сопоставленіи этого съ приведенными словами имп. Николая, оказывается, что внутренней борьбѣ въ русской уніи нельзя придавать, въ дѣлѣ паденія послѣдней, такой исключительной важности, какая приписывается ей въ книгѣ г. Бобровскаго. Борцы противъ латинизаторства уніи дѣлали, безъ сомнѣнія, хорошее дѣло, отстаивая народныя начала въ греко-уніатской церкви, но вовсе еще не доказано, чтобъ они стремились къ возсоединенію съ православіемъ. Заслуга этого событія принадлежитъ въ преобладающей степени все-таки имп. Николаю и избранному имъ «орудію», митрополиту Іосифу Сѣмашкѣ.

За этими оговорками относительно опредѣленія заслугъ тѣхъ или другихъ лицъ въ разрѣшеніи уніатскаго вопроса, изслѣдованіе г. Бобровскаго, въ своихъ объективныхъ частяхъ, является цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу по обрисовкѣ общественныхъ стремленій и партій при Александрѣ I въ примѣненіи къ церковному вопросу. Самый пріемъ автора заслуживаетъ, какъ мы сказали, полнаго сочувствія: перенести изслѣдуемое событіе на строго-историческую почву, показать тѣ вліянія, какія расчистили почву для воздѣйствія непосредственныхъ историческихъ факторовъ въ дѣлѣ разрѣшенія вѣкового вопроса. Такая постановка дѣла, вмѣстѣ съ указанной уже нами интересной групировкой разнородныхъ вліяній въ царствованіе Александра I, сообщаютъ труду г. Бобровскаго безспорное значеніе даже въ глазахъ тѣхъ, которые не раздѣляли бы его воззрѣній на относительную важность въ уніатскомъ вопросѣ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ.

Н. С. К.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. VIII, вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. И. Н. Смирнова. Казань. 1890.

Изученіе различныхъ народностей въ Россіи началось, сравнительно, недавно. Въ 1733—37 гг. Г. Ф. Миллеръ, І. Г. Гмелинъ вмѣстѣ съ Штеллеромъ и Крашенинниковымъ собирали этнографическіе матеріалы въ предѣ-

лахъ Сибири, причемъ Крашенинниковъ составилъ интересное описаніе быта камчадаловъ, которые въ то время переживали еще эпоху каменнаго вѣка. Съ тѣхъ поръ интересъ къ наблюденіямъ надъ народной жизнью ростетъ все больше и больше и мы видимъ цѣлый рядъ изслѣдователей, поставившихъ себѣ задачей собираніе этнографическаго матеріала. Палласъ, Гюльденштедтъ, Лепехинъ, Зуевъ, Рычковъ, Фалькъ—дали богатый матеріалъ, положенный позже въ основаніе своихъ изслѣдованій Снегиревымъ, Терещенкой, Сахаровымъ и др., когда почувствовалась необходимость обобщить собранный матеріалъ, сдѣлать изъ него выводы. Не смотря однако на добросовѣстность, съ какой относились названные изслѣдователи къ своему дѣлу, они не въ силахъ, конечно, были, во-первыхъ, заглянуть во всѣ уголки Россіи, а во вторыхъ, точно охарактеризовать и описать ту или другую народность, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Внутреннюю жизнь почему-то обходили; одни изъ изслѣдователей совершенно не обращали на нее вниманія, или же, если и обращали, то самое небольшое, другіе, относившіеся болѣе внимательно, не могли дѣлиться своими наблюденіями, такъ какъ встрѣчали препятствія со стороны цензуры. Все это показываетъ намъ, какъ необходимо, пока еще есть время, продолжать этнографическія заботы и пополнять пробѣлы въ прежнихъ. Поэтому нельзя не порадоваться тому, что «въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ являются люди, готовые наблюдать окружающую жизнь и дѣлиться своими наблюденіями съ публикою» (стр. I). Однако, чтобы «это движеніе принесло наукѣ всю пользу, какую оно можетъ принести надо придти на помощь наблюдателямъ, надо показать, что уже извѣстно относительно предмета, который они собираются наблюдать, что изъ этого извѣстнаго вытекаетъ, какіе вопросы можно поставить на основаніи наличнаго матеріала» (стр. II). Такія цѣли преслѣдовалъ г. Смирновъ, издавая свой первый очеркъ «Черемисы», тѣ же цѣли преслѣдуетъ онъ и при изданіи настоящей книги.

Сказавши, что документальная исторія вотяковъ, племени Удъ-Мурт'овъ начинается со времени подчиненія Вятки московскому князю Ивану III (1489 г.), г. Смирновъ опредѣляетъ въ первой главѣ своего труда мѣста древнихъ вятскихъ поселеній, говоритъ о древнѣйшей культурѣ пермской группы а также объ отношеніи вотяковъ къ чуди, болгарамъ и татарамъ. Власть послѣднихъ надъ вотяками была очень велика и отразилась въ вятскихъ легендахъ, (изданныхъ Н. Г. Первухинымъ), въ которыхъ между прочимъ, находимъ такія указанія: «когда татаринъ садился на лошадь, вотякъ долженъ былъ становиться на четверенки; ни одна дѣвушка не могла выйти замужъ не пробывши у татарина заложницей дня 4—5» (стр. 52). Заканчивается глава описаніемъ хода русской колонизаціи въ вятскихъ земляхъ и ея культурнаго значенія. Здѣсь впрочемъ автору не удалось сказать ничего новаго. «Исторія колонизацій восточной части Вятской губерніи ждетъ еще своего изслѣдователя», говоритъ онъ. «Имѣя въ виду главнымъ образомъ этнографическую, а не историческую задачу, мы не беремъ на себя труда восполнить этотъ пробѣлъ и ограничиваемся тѣми данными, которыя имѣются въ литературѣ» (стр. 72).

Вторая глава посвящена описанію внѣшняго быта вотяковъ. Здѣсь, между прочимъ, говоря объ ихъ жилищахъ и замѣчая, что названія многихъ частей вятскаго жилья заимствованы у татаръ, г. Смирновъ говоритъ: «Казалось бы, слѣдовало ждать противнаго, вліянія болѣе раннихъ поселен-

цевъ въ краѣ на позднѣйшихъ пришельцевъ и при томъ кочевниковъ. Это противорѣчіе объясняется однако вліяніемъ болгарской культуры на татарскую» (стр. 90). Что касается до насъ, то мы ничего «противнаго» не ждали, да и ждать не могли послѣ той характеристики вотяковъ, которую г. Смирновъ сдѣлалъ на стр. 86: «привыкнувъ, говоритъ онъ, къ пассивной борьбѣ съ природой, вотякъ такъ же держитъ себя и въ столкновеніяхъ съ людьми. Онъ отступалъ передъ русскимъ колонизаторомъ, покуда могъ, отступаетъ, гдѣ можетъ, и теперь. Когда отступленіе становится невозможнымъ, онъ покорно принимаетъ новыя условія и позволяетъ пришельцамъ хозяйничать въ своемъ дому. Знающіе люди говорятъ, что въ смѣшанныхъ селеніяхъ мірскія дѣла рѣшаются русскимъ меньшинствомъ, а не вотскимъ большинствомъ» (стр. 86).

Четыре слѣдующихъ главы посвящены изображенію внутренней жизни вотяковъ и отличаются особеннымъ интересомъ. Здѣсь, прежде всего, авторъ очень подробно останавливается на вопросѣ о развитіи семейной и общественной организаціи, причемъ затрогиваетъ любопытный вопросъ о матернитетѣ у вотяковъ и на основаніи данныхъ языка убѣждается въ существованіи нѣкогда его у вотяковъ, оговариваясь, впрочемъ, что «добытыя данныя не способствуютъ еще окончательному рѣшенію вопроса въ томъ или другомъ направленіи» (стр. 135). Что касается до положенія женщины, то оно довольно сносно. До замужества она пользуется совершенной свободой. Замужество полагаетъ конецъ свободѣ чувства и «распущенная дѣвушка становится вѣрной женой» (стр. 133). Впрочемъ такое положеніе женщины-жены является результатомъ развитія супружескихъ правъ и еще не такъ давно, именно въ прошломъ столѣтіи. Вотякъ совершенно индиферентно относился къ вѣрности жены. Затѣмъ авторъ переходитъ въ область идей, вѣрованій, понятій, обрядовъ и, наконецъ, созданій творчества. Передать хотя вкратцѣ богатое содержаніе этихъ трехъ главъ намъ не позволяютъ размѣры замѣтки и потому мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одинъ интересный вопросъ, затронутый г. Смирновымъ, именно вопросъ о каннибализмѣ у вотяковъ. Уже давно г. Смирновъ пришелъ къ положительному рѣшенію этого вопроса и такъ какъ къ выводамъ его отнеслись съ недовѣріемъ, видя въ нихъ преждевременныя сообщенія, то онъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи сдѣлалъ вторичную попытку разрѣшить этотъ вопросъ, обосновывая свои прежніе выводы новыми, болѣе точными данными.

Что касается до предметовъ творчества вотяковъ, до ихъ поэзіи, то намъ кажется, что авторъ отнесся къ нимъ поверхностно, слегка. Обойденъ и не затронутъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о народной вотяцкой символикѣ. Г. Смирновъ приводитъ нѣсколько параллелизмовъ, выбранныхъ имъ изъ пѣсенъ и говоритъ, что параллелизмы эти далеко не всегда удачны. На первый вглядъ—да: они не только не удачны, но даже какъ будто не имѣютъ никакого смысла. Возьмемъ два изъ приведенныхъ авторомъ:

«Мы встали рано утромъ и посмотрѣли на верхушку зеленаго дуба;
«Хотя я и былъ далеко, но не забылъ твои черныя брови».
«Съ высокой горы бѣжитъ съ шумомъ снѣговая вода;
«Если съ малолѣтства будешь богатъ, то сердце твое никогда не успокоится» (стр. 251 и сл.).

Какой здѣсь смыслъ, какая логическая послѣдовательность—рѣшать не беремся, такъ какъ не знакомы съ произведеніями вотской поэзіи и потому

рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ спеціалистамъ. Внутренняго смысла, нѣсколько лишь затемненнаго народной символикой, мы склонны искать здѣсь на основаніи аналогичныхъ примѣровъ въ малорусской поэзіи. Позволимъ себѣ привести одинъ, два примѣра:

«Ой у полі озерце,
«Там пливае відерце,
«Соснові кленки,
«А дубовэ денце...
«Не цураймося сердце».

Или:

«Тече річка, не величка
«З вышневого саду...
«Клыче козак дівчиноньку
«Собі на пораду».

На первый вглядъ, какъ и въ приведенныхъ выше примѣрахъ вотяцкихъ пѣсенъ, здѣсь смысла нѣтъ. Повидимому нѣтъ ничего общаго между этими двумя идиллическими картинками, пейзажиками и выраженіями чувствъ любви, высказанныхъ, напримѣръ въ словахъ: «не цураймося сердце». Но если обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ народной малорусской поэзіи вода вездѣ является символомъ, тогда смыслъ, это внутреннее общее, открывается само собой.

Въ послѣдней главѣ, г. Смирновъ дѣлаетъ очень подробный обзоръ литературы о вотякахъ, при чемъ разбираетъ не только крупныя или чѣмъ-либо замѣчательныя сочиненія, но и мелкія этнографическія замѣтки, разсѣянныя въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Такой обзоръ, сдѣланный при томъ же спеціалистомъ и знатокомъ своего дѣла, какимъ является г. Смирновъ, имѣетъ большое значеніе и вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ и самый очеркъ.

Въ концѣ тома приложено нѣсколько вотскихъ сказокъ, при чемъ двѣ первыя, записанныя Г. А. Аптіевымъ, приведены на вотскомъ нарѣчіи съ параллельнымъ русскимъ переводомъ, а также «вотскія языческія имена изъ пермской книги 1676 г.,» размѣщенныя въ алфавитномъ порядкѣ, равно какъ и языческія имена, извлеченныя изъ мѣстныхъ патронимическихъ названій списка нас. мѣстъ Вятской губерніи. **В. Б.**

Литературныя встрѣчи и знакомства. А. П. Милюкова. Спб. 1890.

Мысль издать отдѣльной книгой столь интересныя и талантливыя воспоминанія, какъ печатавшіяся раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (въ «Историч. Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ») воспоминанія почтеннаго А. П. Милюкова, столько пережившаго и перевидѣвшаго на своемъ вѣку, должна быть признана безусловно счастливой. Талантливыхъ и объективныхъ литературныхъ воспоминаній у насъ очень немного, и среди нихъ небольшая по объему книжка «Литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ» нашего автора займетъ несомнѣнно одно изъ видныхъ мѣстъ. Прекрасный, образный языкъ, какимъ нынѣ пишутъ только старые литераторы, вѣрные хранители пушкинскихъ традицій, беллетристическая, художественная манера разсказа, сжатость и мѣткость въ характеристикахъ, разлитое повсюду чувство мѣры и наблюдательный умъ, останавливающійся только на существенномъ и важномъ и схватывающій много характернаго, добродушный юморъ и тонкое остроуміе, — вотъ тѣ симпатичныя качества, пре-

красное соединеніе которыхъ дѣлаетъ очерки и портреты г. Милюкова цѣнными въ историко-литературномъ отношеніи и, конечно, привлечетъ къ нимъ многочисленныхъ читателей, ибо они увлекательны, какъ хорошій романъ, и интересны, какъ бесѣда съ наблюдательнымъ человѣкомъ. Особенное вниманіе въ книгѣ г. Милюкова обращаютъ на себя очерки воспоминаній объ А. И. Герценѣ и Ѳ. М. Достоевскомъ, занимающіе почти половину книги. Въ первомъ очеркѣ авторъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ въ 1857 году, въ Лондонѣ; пробывъ тамъ двѣ недѣли, авторъ успѣлъ довольно близко познакомиться «съ блестящими идеями смѣлаго публициста», услышать отъ него много любопытныхъ анекдотовъ и побесѣдовать о разныхъ интересныхъ вопросахъ — о славянофильствѣ и западничествѣ, о Польшѣ, о революціи 1848 года, о Франціи и Англіи, въ которой всѣ удивительно дорожатъ законностью и въ которой поэтому всякому свободномыслящему человѣку живется покойнѣе, чѣмъ на континентѣ, о музыкѣ, поэзіи и поэтахъ, и пр. Столь же интересенъ, если еще не больше, второй очеркъ, посвященный Ѳ. М. Достоевскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ въ продолженіе болѣе чѣмъ 30-ти лѣтъ. Помимо общаго литературнаго значенія, факты сообщаемые г. Милюковымъ въ этомъ очеркѣ имѣютъ большую цѣнность для будущей полной біографіи Ѳ. М. Достоевскаго. Почтенный авторъ познакомился съ послѣднимъ зимою 1848 года, — тяжелаго года для тогдашней образованной молодежи. Авторъ разсказываетъ о своемъ сближеніи съ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, правда, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями; о собраніяхъ этого кружка, въ которомъ видную роль игралъ Ѳ. М. Достоевскій, объ его бесѣдахъ, преніяхъ и занятіяхъ, и, наконецъ, о печальной катастрофѣ 23 апрѣля 1849 года, когда Ѳ. М. былъ арестованъ. Очень тепло и трогательно повѣствуетъ г. Милюковъ о своемъ прощаніи въ крѣпости съ арестантами Достоевскимъ и Дуровымъ, осужденными въ Сибирь на каторгу, и приводитъ, между прочимъ, собственный разсказъ Ѳ. М. объ его арестѣ, написанный имъ уже по возвращеніи изъ ссылки въ альбомѣ дочери г. Милюкова, въ 1860 году. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ сообщаетъ тоже очень много любопытнаго о характерѣ и литературной дѣятельности знаменитаго писателя. Изъ этихъ воспоминаній о немъ дѣйствительно выступаетъ «такая же высокая личность человѣка, какъ и образъ высокоталантливаго писателя». Въ этихъ главахъ обращаетъ на себя особенное вниманіе одинъ разсказъ Ѳ. М., не вошедшій въ «Записки изъ Мертваго Дома» по цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права.

Съ большимъ юморомъ обрисованы Ап. Григорьевъ и Л. А. Мей, которыхъ сближала и родственность художественнаго таланта, и горячая любовь къ искусству, и, наконецъ, одна и та же слабость и необезпеченность въ жизни; точно такъ же съ большой обстоятельностью, хотя и очень сжато, характеризованъ Ир. Ив. Введенскій, извѣстный переводчикъ Диккенса. Весьма мѣтко очерченъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, бывшій директоръ московскаго театра и переводчикъ мольеровскаго «Мизантропа», этотъ семидесятилѣтній молодившійся селадонъ и подъ конецъ жизни задорный спекуляторъ. Интересны воспоминанія о Д. И. Языковѣ, переводчикѣ Шлецерова изслѣдованія Несторовой лѣтописи, издателѣ записокъ Нащокина и Дюка Лирійскаго и непремѣнномъ секретарѣ (въ 1839 году) Академіи Наукъ Съ удовольствіемъ

прочитывается разсказъ о знакомствѣ съ О. И. Сенковскимъ и воспоминанія объ Я. П. Бутковѣ, авторѣ разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Петербургскія вершины», и нѣсколькихъ повѣстей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ сороковыхъ годахъ. Характерные разсказы Буткова о воздвигавшихся на него гоненіяхъ цензуры, въ лицѣ Мусина-Пушкина, занимаютъ большую часть интересныхъ воспоминаній, посвященныхъ одному изъ печально-погибшихъ талантовъ, какими такъ обильны лѣтописи русской литературы. С. Т—чевъ.

Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе А. Сапунова. Изданіе Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Витебскъ. 1890.

Витебскія древности имѣютъ своего дѣльнаго и энергичнаго изслѣдователя, получившаго добрую извѣстность изданіемъ обширнаго, еще не пришедшаго къ окончанію, сборника «Витебская Старина» и другихъ историческихъ сочиненій, касающихся судебъ древняго Полоцкаго княжества. Мы получили новый трудъ почтеннаго витебскаго историка, озаглавленный выше. Это—небольшая брошюра, въ 32 страницы, въ которой авторъ задался цѣлью представить точные снимки съ Двинскихъ или Борисовыхъ камней, переданныхъ въ разныхъ изданіяхъ, по словамъ автора, весьма неточно.

Скромно поставленная авторомъ задача однако расширена имъ и притомъ съ такою добросовѣстностью, какою отличаются предшествующіе его труды. Г. Сапуновъ обозрѣлъ литературу предмета, сдѣлалъ оцѣнку такихъ напр. трудовъ, какъ изслѣдованія Стрыйковскаго, Тышкевича, Плятера, Сементковскаго, Киркора и другихъ лицъ, интересовавшихся Двинскими камнями, наконецъ съ своей точки зрѣнія высказался по неразрѣшенному до сихъ поръ вопросу: кѣмъ, когда и для какой цѣли изсѣчены кресты и надписи на этихъ историческихъ памятникахъ древности? Авторъ напрасно впрочемъ ставитъ такую работу на второй планъ, такъ какъ это—лучшая часть его труда; главная же задача, къ которой онъ стремился—представить «точные» снимки камней, по нашему мнѣнію, не можетъ быть признана совершенно выполненною. Въ девяти таблицахъ г. Сапуновъ воспроизвелъ, съ одной стороны, изображенія Двинскихъ камней прежнихъ изслѣдователей и издателей, а съ другой, какъ предполагаемое исправленіе ихъ,—рисунки, такъ сказать, дѣйствительные, точные, исполненные по изысканіямъ самого автора.

Какъ же это исполнено г. Сапуновымъ?

Возьмемъ для примѣра камень № 2. Представивъ изображенія его, помѣщенныя въ журналѣ «Rubon» за 1842 г., въ соч. Тышкевича «Rzut oka», въ «Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ» за 1855 г., «Всем. Иллюстраціи». «Живописной Россіи» и, наконецъ, въ книгѣ «Бѣлоруссія и Литва», авторъ указываетъ на такія, напр., неточности прежнихъ изображеній, какъ постановка въ надписи на камнѣ буквы *Н* вмѣсто *И,* или *С* вмѣсто *Е,* очертаніе славянской буквы *З,* на подобіе латинскаго *Z,* обозначеніе титла или буквы выше того мѣста, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, и т. д. Подобныя ошибки конечно не должны быть допускаемы; но авторъ закрываетъ глаза предъ тѣмъ фактомъ, что въ упомянутыхъ выше изданіяхъ надписи воспроизведены не отдѣльнымъ изображеніемъ крупныхъ размѣровъ, а на самомъ ри-

сункѣ камня, по большой части въ маломъ размѣрѣ, когда подобныя чисто корректурныя ошибки скорѣе возможны и, слѣдовательно, терпимы, чѣмъ опечатки въ текстѣ. Но у самого г. Сапунова на выдаваемомъ имъ за достовѣрный рисункѣ камня № 2 мы не можемъ хорошенько разобрать, что̀ у него поставлено: *Н* или *И* (вторая буква у креста), а славянская буква *З* тоже скорѣе можетъ быть принята за латинскій *Z*.

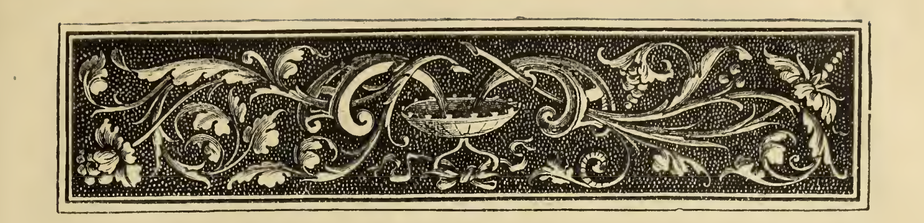
Такой способъ исправленія мнимыхъ прегрѣшеній прежнихъ изслѣдователей, по нашему мнѣнію, не исправленіе. Притомъ, издавая вмѣсто ошибочныхъ, по бо̀льшей части хорошо исполненныхъ въ техническомъ отношеніи, рисунковъ якобы достовѣрныя изображенія, слѣдовало бы позаботиться, чтобы послѣднія были, въ томъ же отношеніи, безукоризненны, чтобы камень дѣйствительно былъ камнемъ, а не какимъ-то пятномъ, небрежно или неумѣло зачерненнымъ и похожимъ на что̀ угодно, только не на камень, какъ это вышло съ «достовѣрными» изображеніями на таблицахъ VII, VIII, IX и XI; такіе рисунки именно могутъ «подать поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и сомнѣніямъ», которыя авторъ имѣлъ въ виду предотвратить и предупредить.

М. Г—цкій.

В. Гошкевичъ. За̀мокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. Кіевъ. 1890.

Въ небольшой брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали, г. Гошкевичъ, на основаніи документовъ, найденныхъ имъ въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи и еще неизданныхъ, попытался дать точное опредѣленіе мѣста, «на которомъ несомнѣнно стоялъ дворъ и за̀мокъ достопамятнаго князя Симеона Олельковича, правившаго Кіевомъ во второй половинѣ XV вѣка, возстановителя соборной церкви Кіево-Печерской Лавры». Съ этой цѣлью онъ приводитъ буквально нѣсколько документовъ, извлекаетъ изъ нихъ точныя географическія данныя для мѣстностей, ближайшихъ къ городищу и, наконецъ, даетъ точное описаніе послѣдняго (стр. 18 сл.). Обвалившійся берегъ р. Гнилуши, протекающей около городища, обнаружилъ на глубинѣ $2^1/_2$ арш. отъ поверхности земли толстый слой угля (6 верш.). Это обстоятельство дало поводъ нашему изслѣдователю предположить, что на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ половинѣ XV в. стоялъ замокъ Симеона Олельковича «существовало болѣе древнее поселеніе, истребленное огнемъ,—а князь Симеонъ Олельковичъ засыпалъ пожарище толстымъ слоемъ глины и самъ поселился на старомъ мѣстѣ». На основаніи цѣлаго ряда лѣтописныхъ датъ, г. Гошкевичъ приходитъ къ весьма вѣроятному заключенію, что именно здѣсь находился тотъ «городецъ», который игралъ большую роль въ исторіи борьбы между Мономаховичами и Ольговичами изъ-за обладанія Кіевомъ и мѣстоположеніе котораго до сихъ поръ не было точно опредѣлено въ трудахъ, посвященныхъ исторической географіи Россіи. Что касается до приложенной въ концѣ карты изслѣдуемой мѣстности, то она сдѣлана не вполнѣ удовлетворительно.

В. Б.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французскіе этюды о русскихъ и славянахъ.—Понятіе о грѣхѣ въ русской литературѣ.—Парадоксы парижскихъ романистовъ.—Поклоненіе русскимъ извѣстностямъ.—Нѣмка, восхищающаяся Надсономъ, и нѣмецъ, видящій апостола въ Л. Н. Толстомъ.—Раздвоившійся Достоевскій.—Брошюры и статьи объ отставкѣ Бисмарка.—До какой степени говоритъ правду опальный канцлеръ.—Торжество печатнаго слова.

ПРОФЕССОРЪ славянскихъ нарѣчій во французской колегіи, Луи Леже, издалъ подъ названіемъ «Русскіе и славяне», томъ политическихъ и литературныхъ этюдовъ. (Russes et Slaves. Etudes politiques et littéraires). Довольно объемистый томъ, въ 346 страницъ, начинается введеніемъ, въ которомъ изслѣдуется роль славянъ въ исторіи цивилизаціи. Затѣмъ слѣдуютъ семь статей, написанныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла, безпристрастіемъ и расположеніемъ къ Россіи, хотя и проникнутыхъ нѣсколько доктринерскимъ тономъ. Въ первой статьѣ говорится о томъ, какъ составилась русская національность. Авторъ излагаетъ сначала, подъ какими вліяніями образовалась мало-по-малу эта національность изъ славянской и финской группы племенъ, населявшихъ Россію. Но финской группѣ онъ придаетъ уже слишкомъ много значенія и считаетъ ее главнымъ центромъ, ядромъ, основаніемъ государства, забывая, что если это вѣрно по отношенію къ центральнымъ и восточнымъ провинціямъ, то преувеличено по отношенію къ сѣвернымъ новгородскимъ и южнымъ кіевскимъ славянамъ. Страна подвергалась послѣдовательно вліянію грековъ, привислянскихъ поляковъ, скандинавовъ или варяговъ, византійской церкви и татаръ. Варяги дали ей названіе Россіи и «играли роль дрожжей въ тѣстѣ или кислотнаго броженія въ нейтральной жидкости». Византія дала странѣ религію, отдѣлившую Русь отъ западной Европы, но сблизившую ее съ дунайскими и балтійскими славянами. Татары вліяли на развитіе въ ней системы упра-

вленія и верховной власти. «Иванъ Грозный опирался на Византію, но онъ былъ бы невозможенъ, если бы до него не существовалъ Чингисъ-ханъ». Второй этюдъ говоритъ о началѣ русской литературы: проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго, завѣщаніи Мономаха, изборникѣ Святослава, лѣтописи Нестора, хожденіи по святымъ мѣстамъ, посланіи Даніила Заточника, отрывки изъ котораго первый разъ являются на французскомъ языкѣ. Тутъ же приведены цитаты изъ «Слова о полку Игоря» и былины владимірова цикла. Третья глава носитъ названіе «Женщина и русское общество въ XVI вѣкѣ». Здѣсь помѣщены обширныя выписки изъ «Домостроя». Въ главѣ «Первыя русскія посольства въ чужіе краи» разсказаны подробности офиціальной миссіи Чемоданова и Лихачева въ Италію со всѣми комическими эпизодами этого путешествія. Въ пятомъ этюдѣ «Неизвѣстная Болгарія» изображенъ характеръ народной жизни этой части Балканскаго полуострова, бытъ и нравы «помаковъ», принявшихъ магометанство, болгарское духовенство и проч. Шестой этюдъ «Сербскій народъ» даетъ такую же полную и любопытную картину этого славянскаго племени. Послѣдній, самый интересный и обширный этюдъ посвященъ Ивану Коллару и содержитъ въ себѣ разборъ произведеній этого писателя. Авторъ разсказываетъ всю жизнь этого славянскаго поэта, его борьбу съ мадьярами Пешта, его любовь къ Вильгельминѣ Шмитъ, представляетъ подробный разборъ его поэмы «Дщерь славы». Леже заканчиваетъ свой этюдъ слѣдующей цитатой изъ стихотвореній Коллара: «Мы народъ молодой; мы знаемъ, что сдѣлали другіе народы, но никто не можетъ угадать, чѣмъ мы будемъ современемъ, черезъ сотню лѣтъ. Нашъ языкъ, который нѣмцы называютъ языкомъ рабовъ, будетъ раздаваться подъ сводами дворцовъ и даже въ устахъ нашихъ враговъ. Славянская наука, одежда, наши нравы, наши пѣсни будутъ господствовать на Эльбѣ и на Сенѣ».

— Какой-то Жанъ Гонсе изслѣдуетъ въ странной статьѣ «Revue bleue» «понятіе о грѣхѣ въ русской литературѣ» (Notion du peché dans la litterature russe). Авторъ начинаетъ съ вопроса: куда обратится теперь французская литература со своимъ натурализмомъ, готовая отдаться Богу, или, какъ Фаустъ, чорту, лишь бы только помолодѣть и обновиться. Современный реализмъ никого не удовлетворяетъ. Школѣ Флобера и его послѣдователямъ недостаетъ «широкаго источника симпатіи, напоминающаго произведенія Толстого и Достоевскаго. Безъ любви и безъ вѣры реализмъ отталкиваетъ: ему необходима вѣра въ человѣческое страданіе. Этимъ отличается славянская натура въ то время, когда французовъ справедливо обвиняютъ въ черствомъ сердцѣ». Поль Бурже попробовалъ въ романѣ «Crime d'amour» извлечь у своихъ читателей «русскія слезы», но это не удалось ему. Гонсе пытается опредѣлить: можетъ ли принципъ русской литературы, принаровленный къ французскому вкусу, оживить реализмъ, склоняющійся къ упадку? Авторъ находитъ, что источникъ страданія главнаго элемента у русскихъ писателей происходитъ отъ фатализма, тяготѣющаго надъ русскою жизнью. Гонсе находитъ у Гоголя цитату, по которой можно заключить, что онъ считаетъ людей за одержимыхъ бѣсомъ или не имѣющихъ ни воли, ни силы противиться своимъ страстямъ. Такими являются всѣ герои и въ разсказахъ его послѣдователей: Раскольниковъ и жильцы «Мертваго дома», которыхъ какая-то посторонняя, непреодолимая воля влекла къ преступленіямъ часто совершенно безумнымъ;

Катерина въ «Грозѣ» Островскаго, у которой также нѣтъ своей воли. Анна Каренина и ея любовникъ также дѣйствуютъ какъ одержимые бѣсомъ. Фатализмъ господствуетъ и въ отношеніяхъ къ героинямъ героевъ натуралистическихъ романовъ. У Флобера, Мопасана и другихъ реалистовъ героини, увлекаясь адюльтеромъ, оправдываютъ его—роковымъ предопредѣленіемъ судьбы—точно «Прекрасная Елена». Онѣ совершаютъ проступокъ почти безъ борьбы, безъ увлеченій, такъ спокойно, что читатель остается совершенно холоденъ къ ихъ грѣху и въ этомъ ихъ разница съ русскими героинями: у тѣхъ всегда говоритъ и пробуждается совѣсть. Сознаніе въ грѣхѣ составляетъ ихъ отличительную характеристику. Совѣсть, хотя и не такъ ясна, потому что не развита воспитаніемъ, говоритъ «въ мужикахъ и бабахъ Островскаго и Писемскаго даже въ каторжныхъ Достоевскаго». Все это вѣрно до извѣстной степени, но французскій авторъ напрасно сравниваетъ персонажей русскихъ романистовъ съ героями Эсхиловыхъ трагедій. Вообще строить выводы о нравственномъ характерѣ всей націи на основаніи поступковъ и мнѣній романтическихъ героевъ—дѣло очень рискованное, но съ чѣмъ уже никакъ нельзя согласиться—это съ мнѣніемъ Гонсе, что развитіе нигилизма происходитъ отъ чувства религіозности развитаго въ русскомъ человѣкѣ: теряя вѣру въ евангельскія истины, онъ не можетъ остаться безъ глубокихъ вѣрованій и создаетъ себѣ религію особаго рода изъ нигилизма. Это чистый парадоксъ, какъ и большая часть статьи французскаго автора.

— Вообще въ своемъ преклоненіи передъ русскимъ творчествомъ иностранцы заходятъ иногда въ оцѣнкѣ его за предѣлы разумной критики и, въ этомъ отношеніи, хладнокровные нѣмцы не уступаютъ увлекающимся французамъ. Въ одномъ и томъ же майскомъ нумерѣ журнала «Magazin für die Litteratur des In—und Auslandes» помѣщены двѣ восторженныя статьи: о Надсонѣ (Simon Jakovlevitch Nadson) и о Л. Н. Толстомъ. Статья о послѣднемъ носитъ напыщенное заглавіе «Тульскій Назареянинъ» (Der Nazarener von Tula) Восхищеніе Надсономъ г-жи Вильгельмины фонъ-Троль еще понятно. И здѣсь находились дамы, увлекавшіяся не только весьма не крупнымъ талантомъ поэта, но и его болѣзненною личностью. Поэтому сотрудницѣ дрезденскаго журнала простительно увѣрять, что никто изъ современныхъ поэтовъ не умѣлъ такъ пламенно одушевлять (so feurig zu begeistern) русскую молодежь, какъ Надсонъ, что «его нація носила по немъ глубокій трауръ» (послѣднее можетъ быть вѣрно только по отношенію къ евреямъ), что въ немъ «слышалось живое, вѣрное эхо пульсоваго біенія его народа». Эти и подобныя тому диковинки въ родѣ утвержденія, что Некрасовъ былъ представителемъ русскаго идеализма, извинительны поклонницѣ поэта, воспользовавшейся въ этой же статьѣ случаемъ выказать и свое поэтическое дарованіе въ переводѣ нѣсколькихъ надсоновскихъ стихотвореній. Но съ чего какому-то Максимиліану Гардену вздумалось въ Л. Н. Толстомъ признавать современнаго апостола—это понять не легко. Нѣмецкій критикъ восхищается не только талантомъ русскаго писателя, но даже его наружностью, «широкимъ, сильно развитымъ, носомъ, проборомъ посреди», даже его «мужицкою блузою», но всего болѣе его апостольскою пропагандою. Это апостольство нѣмецкій критикъ видитъ даже въ послѣдней повѣсти графа «Крейцеровой сонатѣ», вполнѣ отождествляя автора съ героемъ, и прямо называя его «Толстой-Позднышевъ». Нѣмецкій

авторъ восхищается всѣмъ: и мыслью Руссо, анализируемой Толстымъ: «все прекрасно, что выходитъ изъ рукъ творца всѣхъ вещей, все вырождается въ рукахъ человѣка», и собственными выводами тульскаго назарянина, утверждающаго, что въ современной культурѣ господствуютъ женщины, отъ которыхъ міръ страдаетъ. Что у насъ находятся безусловные поклонники не только художественнаго таланта Л. Н. Толстого,—это было бы понятно и естественно — но и его соціально-преобразовательныхъ идей, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и самъ Максимиліанъ Гарденъ приводитъ по этому поводу слова одного француза: «heureuse Russie où ces belles chimères sont encore neuves». Но какъ положительный нѣмецъ, знакомый со всѣми соціальными ученіями, восхищается всѣми подобными химерами, въ которыхъ для него не можетъ быть уже ничего новаго,— этого мы рѣшить не беремся. Думаемъ, однако, что всѣ старанія здѣшнихъ и иностранныхъ сеидовъ гр. Толстого возвеличить его пророческое и проповѣдническое значеніе, въ ущербъ его художественному таланту—будутъ совершенно напрасны.

— Въ слѣдующемъ № того же журнала мы встрѣтились съ любопытнымъ литературнымъ курьезомъ, доказывающимъ, что не одни французы пишутъ всякій вздоръ о Россіи, но что и акуратные нѣмцы зачастую сообщаютъ о ней небылицы. Какой-то Гансъ фон-Базедовъ отыскалъ между современными русскими романистами другого Достоевскаго и въ статьѣ, озаглавленной «Новое о Ѳедорѣ Достоевскомъ» (Neues von Fedor Dostoyewski) съ важностью замѣчаетъ, что не только обыкновенная публика, но и критика часто смѣшиваетъ современнаго Ѳедора Достоевскаго съ классическимъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ, «могучимъ творцомъ Раскольникова.» Гдѣ отыскалъ у насъ нѣмецкій критикъ другого Ѳедора Достоевскаго, въ наше время, когда старшій братъ его Михаилъ умеръ 25 лѣтъ тому назадъ? Это уже его дѣло, но справиться о томъ, дѣйствительно ли существуетъ теперь другой писатель съ тѣмъ же именемъ и тою же фамиліею онъ могъ бы хоть у русскихъ книгопродавцевъ. Въ Берлинѣ вышла, правда, книга, гдѣ помѣщенъ разсказъ «Незнакомка» и романъ «Домъ сумасшедшихъ и палата господъ», и Базедовъ разбираетъ эту книгу, но такъ, что не узнаешь, какое содержаніе этихъ произведеній. Онъ говоритъ только, что между обоими Достоевскими много общаго — оба любятъ прикрывать свои идеи «мистическимъ покрываломъ», оба отличаются психическимъ анализомъ, но у современнаго Достоевскаго нѣтъ широкаго, пророческаго, возвышеннаго міровоззрѣнія покойнаго писателя. Статья критика наполнена только оцѣнкою различія между двумя писателями, изъ которыхъ современный прекрасно изобразилъ помѣшательство: «утонченно реалистически, хотя и не художественно». Критикъ самъ сомнѣвается, однако же, истинно ли русскіе изображены въ разбираемомъ имъ романѣ? и приходитъ къ заключенію, что между героями романа и дѣйствительными людьми такая же разница, какъ между настоящими наѣздниками и волтижерами изъ цирка. Главными элементами русскаго народнаго характера авторъ считаетъ—католическій мистицизмъ и нигилизмъ—и утверждаетъ, что оба часто соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ вздоромъ и увѣреніемъ, что главныя теченія русской литературы—славянофильство, перерождающееся въ панславизмъ, и католицизмъ, нѣмецкій писатель не могъ обойтись и безъ обычныхъ любезностей, по отношенію къ своимъ

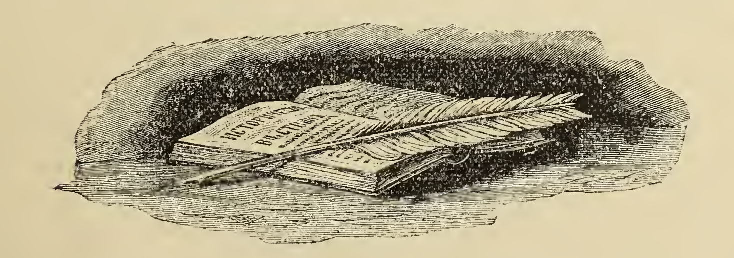
русскимъ собратамъ, говоря, что литературу, «созданную Петромъ въ пособіе его реформамъ, въ русскихъ вгоняли (eingerügelt) кнутомъ, а когда она сдѣлалась свободомыслящей, ее выгоняли кнутомъ же». Другого, болѣе правдиваго и доброжелательнаго отзыва нечего и ждать отъ нашихъ друзей и сосѣдей.

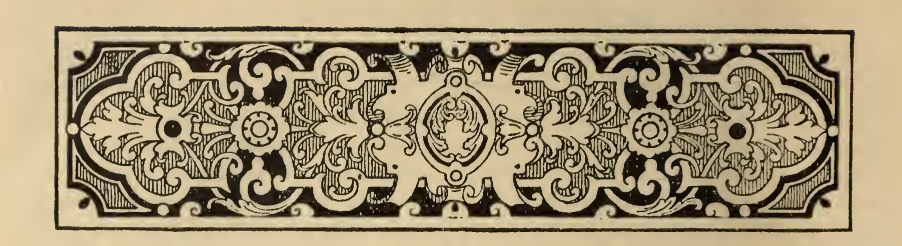
— Политическое событіе громадной важности, измѣняющее весь ходъ современной политики—отставка князя Бисмарка послужила конечно поводомъ множества брошюръ и журнальныхъ статей. Нѣмцы относятся къ ней какъ-то нерѣшительно, незная, къ добру или къ худу удаленіе отъ дѣлъ канцлера, создавшаго конечно единство горманской имперіи, но и раззорившаго ее непомѣрными налогами на военщину и вооруженія. Особенно политикановъ привели въ недоумѣніе бесѣды Бисмарка съ иностранными репортерами, гдѣ онъ выставляетъ себя такимъ горячимъ охранителемъ мира, какъ будто теперь этотъ миръ не такъ уже проченъ и какъ будто не самъ канцлеръ ежеминутно угрожалъ этому миру своей двуличной политикой, сѣявшей вездѣ смуты и грозившей всѣмъ сосѣдямъ миліонами имъ же собранныхъ штыковъ. Французы гораздо откровеннѣе говорятъ объ этой отставкѣ. «Revue bleue», въ большой статьѣ Альфреда Берля «Эмпиризмъ въ политикѣ» (L'empirisme en politique) подробно разбираетъ дѣятельность канцлера и совершенно основательно находитъ, что онъ не создалъ ничего прочнаго, не осуществилъ никакой великой, политической или соціальной идеи. Германская имперія создалась бы и безъ него силою вещей, какая заставила и его самого дѣйствовать энергичнѣе въ пользу новаго порядка идей, которому онъ не особенно сочувствовалъ сначала. Онъ былъ скорѣе упрямъ, чѣмъ твердъ. Далеко не прогресистъ, а чаще всего консерваторъ и даже ретроградъ, онъ упорнѣе всего преслѣдовалъ своихъ личныхъ враговъ, но, побѣдивъ ихъ, не умѣлъ пользоваться плодами своихъ къ побѣдъ. У него никогда не было того, что составляетъ истинное величіе, широкихъ, гуманныхъ идей, твердаго политическаго идеала. Политика, которой онъ держался въ послѣднія двадцать лѣтъ, дѣлала то, что нѣмцы и ихъ союзники изнемогаютъ теперь подъ бременемъ непосильныхъ вооруженій, а враги Германіи и особенно французы не боятся его и даже, благодаря ему, сдѣлали свои средства къ защитѣ почти непреодолимыми. Еще Генрихъ Гейне говорилъ: «французы, друзья мои, вы хорошо знакомы съ божествами Олимпа. Помните же, что между всѣми этими богами и богинями, ведущими такую веселую жизнь, одна изъ богинь является на всѣхъ пирахъ и оргіяхъ неиначе какъ съ копьемъ, въ каскѣ и въ латахъ,—и это богиня мудрости.» Теперь Франція хоть и даетъ веселые пиры, но по примѣру Минервы не покидаетъ своего вооруженія.

— О бесѣдахъ Бисмарка съ иностранными репортерами Альбертъ Мале отзывается не только иронически, но и непочтительно въ статьѣ «Les interviews de M-Bismarck». Французскій публицистъ начинаетъ съ народной поговорки: «когда чортъ старѣется, онъ дѣлается отшельникомъ.» Только въ наше время,—прибавляетъ Мале, онъ не занимается провѣркою часовъ, какъ Карлъ V въ монастырѣ св. Юста, а развлекается разговорами съ публицистами, не желая, чтобы объ немъ перестали говорить въ газетахъ. Послѣ бесѣды съ репортеромъ «Новаго Времени», въ которой отставленный канцлеръ распинался въ своемъ миролюбіи и любви къ Россіи, онъ самъ пригласилъ къ себѣ редактора газеты «Matin» слѣдующей, довольно высоко-

мѣрной запиской, напечатанной въ газетѣ: «его сіятельство спрашиваетъ г. Генриха де-Гу — не желаетъ ли онъ съ нимъ пообѣдать.» И на этомъ обѣдѣ всѣ любезности хозяина относились къ Франціи. За столомъ были только французскія блюда, вина, даже французскіе цвѣты. И здѣсь также шли жаркія увѣренія въ миролюбіи Германіи: она никогда не угрожала и не будетъ угрожать никому. Она никогда не нападетъ на Францію и не будетъ вызывать ее къ нападенію. Никогда не будетъ она прямо или косвенно искать предлоговъ къ войнѣ. Только редакція «Крестовой Газеты» да генералы, «боящіеся опоздать сдѣлаться фельдмаршалами», могутъ толковать о занятіи Голландіи или балтійскихъ провинцій. На берлинскомъ конгресѣ Россія нашла въ канцлерѣ самаго вѣрнаго и честнаго друга и если отношенія между двумя имперіями сдѣлались потомъ не такъ сердечны, въ этомъ вина подозрительнаго и самолюбиваго князя Горчакова. Пруссія теперь конечно сильна, говорилъ канцлеръ и, забывая о Даніи, Гановерѣ, даже Австріи, прибавилъ: «никакой народъ не имѣетъ права нападать на другой народъ только потому, что онъ сильнѣе другого.» Онъ увѣрялъ даже, что избѣгалъ сколько могъ войны съ французами и что его принудилъ къ ней Наполеонъ III. Отчего же, спрашиваетъ Мале, вся Европа говорила, что Бисмаркъ сочинилъ цѣлый романъ по телеграфу объ оскорбленіи, которое французскій посланникъ нанесъ будто бы прусскому королю, а генералъ Лефло, посланникъ въ Петербургѣ, напечаталъ въ «Фигаро» 21 мая 1887 года, что въ 1875 году только вмѣшательство Александра II остановило новое вторженіе нѣмцевъ во Францію? Отчего императоръ Фридрихъ III въ своемъ дневникѣ говоритъ, что канцлеръ угрожалъ рапортомъ выдти въ отставку, если Франціи не будетъ объявлена война? Кто же говорилъ правду: тогда ли князь Бисмаркъ или теперь герцогъ Лауенбургскій? Графъ Бейстъ говорилъ давно, что «совѣсть у канцлера—барометрическая, опускается и поднимается, смотря по погодѣ.» Или, прибавляетъ Мале, напуганный перспективою готовящейся страшной рѣзни, которую онъ самъ же подготовилъ и вызвалъ, онъ хочетъ снять съ себя отвѣтственность за нее? Желая увѣрить другихъ, что не онъ будетъ причиной рѣзни, онъ искажаетъ факты. Но въ бесѣдѣ сквозь маску добродушія невольно прорывается по временамъ всѣмъ знакомый Бисмаркъ, никогда никого не щадившій. Съ ѣдкой ироніей отзывается онъ о своемъ врагѣ, супругѣ Фридриха III, Викторіи и «о безчисленныхъ ресурсахъ англійской медицины», или вспоминая Гладстона, занимающагося рубкою дровъ, прибавляетъ: «вотъ и я долженъ теперь пилить дрова, потому что не могу пилить людей». И во всѣхъ этихъ выходкахъ видно затаенное сожалѣніе, что онъ не можетъ больше управлять Германіей и Европой. Поэтому онъ и не можетъ скрыть своихъ жалобъ. Говоря о своемъ отъѣздѣ изъ Берлина и народныхъ оваціяхъ, онъ замѣчаетъ: «это были прекрасныя похороны перваго класса—а между тѣмъ я еще совершенно живъ. Мнѣ конечно 75 лѣтъ, но я еще очень молодъ для того, чтобы ничего не дѣлать». И потомъ эта изъ сердца вырвавшаяся жалоба, когда гость сказалъ, что опала можетъ еще прекратиться: «о нѣтъ! все кончено, совершенно кончено, болѣе чѣмъ вы думаете, болѣе, чѣмъ вы когда-либо можете предполагать». Но канцлеръ считаетъ самъ свой трудъ объединенія Германіи законченнымъ. Стало быть онъ жалѣетъ теперь только о потерѣ власти, въ немъ страдаетъ самолюбіе, кричитъ эгоизмъ, а это, говоритъ Мале не можетъ внушать къ нему никакого участія. Во всякомъ случаѣ разсказъ

редактора внушаетъ не печаль, а искреннюю радость по справедливому замѣчанію Мале. Во время своего могущества Бисмаркъ презиралъ журналистовъ, напоминавшихъ ему о правѣ, о справедливости, о гуманности. Теперь, при концѣ своей жизни и карьеры, канцлеръ, оправдывавшій свои поступки только правомъ сильнаго, чувствуетъ необходимость опереться на другіе принципы, признаетъ важность общественнаго мнѣнія объ общественномъ дѣятелѣ. Онъ объясняетъ публицисту свои поступки любовью къ отечеству, желаніемъ сдѣлать его великимъ и могучимъ; имъ руководила необходимость общаго блага, устраненія препятствій для объединенія Германіи. Развѣ въ этихъ попыткахъ оправданія не заключается признаніе великаго значенія печатнаго слова? Напрасно только канцлеръ хочетъ увѣрить насъ, что средства, употребленныя имъ для достиженія законной и высокой цѣли, были также хороши и законны. Онъ бесѣдовалъ также съ кореспондентомъ «Petit journal», у котораго болѣе 200,000 подписчиковъ, и съ репортеромъ англійской газеты «Daily-Telegraph». Французскому публицисту канцлеръ говорилъ такъ о причинахъ своей отставки: «молодой императоръ полонъ жажды дѣятельности и вѣритъ въ возможность осчастливить человѣчество, что вполнѣ естественно въ его возрастѣ; я меньше въ нее вѣрю, не скрывалъ этихъ своихъ убѣжденій, и онъ увидѣлъ, что я ему больше не гожусь: нельзя, въ самомъ дѣлѣ, впрягать въ одну телѣгу старую рабочую лошадь и молодого рысака». Англійскому репортеру Бисмаркъ конечно расхваливалъ Англію, твердилъ о пользѣ для нея поддерживать Германію, о выгодѣ для обѣихъ державъ быть въ дружественныхъ отношеніяхъ, даже и потому, что враги у нихъ «общіе». Въ этой бесѣдѣ не было, конечно, и помину о какихъ-нибудь любезностяхъ, адресованныхъ Франціи, а тѣмъ болѣе Россіи.





СМѢСЬ

Выставка Волжско-Камскаго края въ Казани открылась 15-го мая. Значеніе ея преимущественно мѣстное, экономическое, промышленное. Въ историческомъ отношеніи она вноситъ немного новаго. Только археологическія изслѣдованія въ Волжско-Камскомъ краѣ пролили свѣтъ на бытъ достоисторическаго мѣстнаго человѣка и особенно полно обрисовали болгаръ. Богатый матеріалъ, добытый при раскопкахъ ихъ обиталищъ и могилъ, частію представленъ на выставку, гдѣ можно ознакомиться съ отдѣльными частями болгарскихъ построекъ, кирпичемъ, украшеніями домовъ, водопроводными глиняными трубами. Выставлена масса остатковъ каменнаго и желѣзнаго оружія болгаръ въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій, а рядомъ и орудія — топоры, зубила, косы, свидѣтельствующія, что обладатели ихъ были не только воины, но и земледѣльцы. Не мало также незатѣйливыхъ каменныхъ и металическихъ украшеній — бусъ, амулетовъ, колецъ, а на одномъ перстнѣ имѣется даже гербъ Казани. Каковъ былъ человѣкъ, изготовлявшій все это, видно по скелетамъ и черепамъ болгаръ. Подобныя же, хотя и менѣе полныя, колекціи относятся до племенъ чуди, мери, средней Азіи, а обзоръ указанныхъ колекцій приводитъ къ заключенію, что культура этихъ народовъ была одновременна, находилась на одной ступени. Интересно сопоставленіе племенныхъ скелетовъ: русскихъ, татаръ, черемисъ, болгаръ и т. д. наглядно показывающее различіе этихъ народностей.

Столѣтіе Павловскаго полка. Съ особеннымъ торжествомъ, 15-го мая, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ праздновалъ свой столѣтній юбилей. Полкъ былъ составленъ въ царствованіе императрицы Екатерины II изъ батальоновъ Московскаго Гренадерскаго полка и въ первое время назывался Павловскій Гренадерскій полкъ. При общемъ переименованіи армейскихъ полковъ Павломъ I онъ сталъ называться сперва Гренадерскимъ генералъ-маіора Эмме и затѣмъ, съ 1800 г. (апрѣля 8), Гренадерскимъ генералъ-маіора Кербица. Со вступленіемъ на престолъ Александра I полкъ названъ по прежнему Павловскимъ Гренадерскимъ. Въ 1813 г. (апрѣля 13) за мужество и храбрость, оказанныя въ Отечественную войну, полкъ причисленъ къ со-

ставу гвардейскихъ и наименованъ лейбъ-гвардіи Павловскимъ. Съ этого времени гвардія раздѣлилась на старую и новую или молодую; послѣднюю составляли полки: л.-гв. Гренадерскій, Павловскій, Кирасирскій его величества и Конно-Егерскій (теперь л.-гв. Драгунскій). Въ царствованіе Николая I въ 1831 году (декабря 6), въ ознаменованіе подвиговъ отличной храбрости, оказанныхъ противъ польскихъ мятежниковъ, полку предоставлены права и преимущества старой гвардіи. За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году полку даны георгіевскія знамена, а за отличное мужество, храбрость и неустрашимость, оказанныя полкомъ въ 1806 и 1807 годахъ въ сраженіяхъ съ французами, повелѣно сохранить шапки въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ остались по прекращеніи военныхъ дѣйствій. На шапкахъ повелѣно имѣть имена тѣхъ солдатъ, на которыхъ онѣ въ сраженіи находились. Гдѣ стоятъ теперь Павловскія казармы, тамъ нѣкогда былъ дворецъ цесаревны Елисаветы Петровны, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія зданіе стараго ломбарда, въ которомъ и помѣстились батальоны Павловскаго полка по прибытіи въ столицу. Въ 1817 году была сдѣлана капитальная перестройка зданія и въ слѣдующемъ году зданіе названо казармами л.-гв. Павловскаго полка.

Археологическіе грабежи въ Кіевской губерніи. «Кіевлянинъ» горько жалуется на небрежность, съ которою производятся раскопки кургановъ, находящихся въ Кіевской губерніи, вообще на невниманіе къ этимъ свидѣтелямъ прошлаго, предоставленнымъ на расхищеніе крестьянъ. «Большая часть найденныхъ вещей извлекается изъ земли въ изломанномъ видѣ; но если даже и удается добыть вещь цѣлою, то она, побывавши въ крестьянскихъ рукахъ, легко и скоро измѣняетъ свой внѣшній видъ. Всѣ надписи, значки, окись металла и другія отличія, по которымъ обыкновенно судятъ о древности находки, нерѣдко оказываются стертыми кирпичемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что правительство употребляетъ мѣры къ тому, чтобы сосредоточить въ музеяхъ образцы культуры и искусства народовъ, отошедшихъ въ область исторіи и преданія, почти въ каждомъ изъ уѣздовъ Кіевской губерніи появились и скупатели древностей. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ въ интересахъ науки и правительства, но большинство преслѣдуетъ только личную выгоду. Изъ числа послѣднихъ есть и такіе, которые успѣли завести сношенія съ лицами, доставляющими купленныя вещи въ заграничные музеи. И эти скупщики, какъ оказывается, дѣйствуютъ лучше и добросовѣстнѣе относительно находимыхъ вещей и нашедшихъ, чѣмъ мѣстные скупщики; само собою разумѣется, что для Россіи эти вещи пропадаютъ уже безслѣдно. Какія находки попадаются иногда въ этихъ курганахъ, указываетъ, напримѣръ, найденная недавно однимъ изъ крестьянъ у «Княжей горы», близъ Канева, золотая корона съ украшеніями. Большая часть находки досталась евреямъ и лишь только незначительные куски листового золота были куплены профессоромъ В. Б. Антоновичемъ для университета. Жаль, что такія драгоцѣнныя вещи безслѣдно пропадаютъ для науки... Среди никарскихъ крестьянъ упорно держится слухъ, основанный на преданіи, что на одной изъ этихъ горъ есть подземелье, гдѣ хранится княжеское оружіе, посуда, казна и другіе предметы. Нѣкоторые изъ нихъ даже указываютъ на мѣсто расположенія этого подземелья.

Новый портретъ Гоголя. Университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ получилъ весьма цѣнное пожертвованіе отъ своего студента Гр. Соболевскаго. Пожертвованіе заключается въ портретѣ и письмѣ Н. В. Гоголя. Интересъ представляетъ собою портретъ Гоголя, до сихъ поръ остававшійся совершенно неизвѣстнымъ. Портретъ рисованъ масляными красками на картонѣ; вышина его $13^1/_2$ милл., ширины — $11^1/_2$ милл. Гоголь изображенъ на портретѣ по поясъ, въ школьномъ возрастѣ, во время ученія въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, которую онъ кончилъ въ 1828 г. На портретѣ Го-

голь—въ форменномъ сюртукѣ того времени съ синимъ воротникомъ и желтыми пуговицами, въ очкахъ. Портретъ въ профиль. Глаза голубые, прямой носъ, нѣжный цвѣтъ лица, волосы русые. Судя по портрету, Гоголю въ это время было лѣтъ 17. Письмо Гоголя представляетъ два листа пожелтѣвшей бумаги, кругомъ исписанные, въ размѣрѣ почтовой. Писано письмо 19-го марта 1827 года изъ Нѣжина. Къ кому оно адресовано — неизвѣстно, но, несомнѣнно, что къ одному изъ ближайшихъ друзей Гоголя въ Петербургѣ. Содержаніе письма составляетъ интересъ для біографіи Гоголя, такъ какъ въ немъ находятся указанія на гоголевскихъ школьныхъ друзей и пріятелей.

Лепта въ пользу алтайской миссіи. Начальникъ алтайской и киргизской миссіи, епископъ Макарій, доставилъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» библіографическую замѣтку о малоизвѣстномъ у насъ изданіи, съ просьбою ознакомить нашихъ читателей съ авторомъ «Лепты», ея исторіей и содержаніемъ. Вотъ что говорится въ этой запискѣ:

«Вышла изъ печати «Лепта» (первая) въ пользу алтайской миссіи, основателя миссіи архимандрита Макарія. Изданіе четвертое. Духовно-нравственныя пѣснопѣнія съ цифровыми нотами, г. Бійскъ 1890 года. Скромное названіе книжки дано авторомъ ея, архимандритомъ Макаріемъ, основателемъ алтайской миссіи. Справедливѣе было бы этимъ пѣснопѣніямъ дать названіе болѣе цѣнной монеты, чѣмъ та, каковою названа книжица. Нѣкоторыя пѣсни «Лепты» передѣланы о. Макаріемъ изъ народныхъ псальмъ, съ сохраненіемъ отчасти и самыхъ напѣвовъ, такова напримѣръ пѣснь Іосифа цѣломудреннаго въ темницѣ. Пѣснь (VI) покаянная написана авторомъ для сайдыпскихъ казачекъ, надоѣдавшихъ ему на сырной недѣлѣ пѣніемъ не совсѣмъ скромныхъ пѣсенъ. Въ пѣсни о Преображеніи Господнемъ (IV), начинающейся словами «на горѣ святой Ѳаворской» пародирована пѣсня деревенскихъ женщинъ, въ которой упоминаются горки. Есть въ миссіи преданіе, что пріискать мелодію для пѣсни о Преображеніи о. Макарій поручилъ служившей въ миссіи дѣвицѣ Софьѣ Густавовнѣ де-Вальмонъ. Первая мелодія г. де-Вальмонъ оказалась настолько не соотвѣтствующею желанію о. Макарія, что вызвала въ немъ огорченіе и приказаніе пріискать новый напѣвъ. О. Макарій, пріискивая мелодіи духовныхъ пѣсенъ, заботился и объ ихъ гармонизаціи; такъ въ письмѣ къ Н. Д. М. онъ пишетъ: «представляю вамъ одинъ псаломъ Давидовъ съ нотами, по которымъ вы можете догадаться, какъ я распѣваю въ моихъ прогулкахъ и путешествіяхъ по службѣ. Ноты соотвѣтствуютъ еврейскому тексту, который написанъ подъ ними съ переводомъ россійскимъ». Въ письмѣ къ Г. Т. М. о. Макарій пишетъ: «посылаю въ подарокъ псальму, которую пою и самъ повременамъ; сложить ее желаніе возбуждено извѣстною страстною пѣснію западныхъ христіанъ: «Stabat Mater dolorosa». Первое изданіе «Лепты» (1847) было напечатано съ приложеніемъ въ концѣ линейныхъ нотъ и гармонизаціи для фортепіано. Послѣдующія два изданія печатались уже безъ нотъ. Послѣднее 4-е изданіе выпущено съ цифровыми нотами. Употребленіе цифирной нотаціи вызвано неимѣніемъ мѣстныхъ типографскихъ и денежныхъ средствъ миссіи для печатанія линейными нотами. Но за то въ этомъ изданіи всѣ пѣсни положены на ноты, съ гармонизаціею для 4-хъ голосовъ. Мелодія большей части кантъ употребляема была при о. Макаріѣ и сохранилась въ миссіи частію по преданію, частію по нотамъ перваго изданія. Но нѣкоторыя пѣсни, помѣщенныя въ «Лептѣ», при о. Макаріѣ не были пѣты. Мелодіи для нихъ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе. Въ первыхъ изданіяхъ XVII пѣснь «объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ» была печатана особой книжкой съ линейными нотами въ концѣ. Въ настоящее время эта пѣснь сохранилась у насъ въ единственномъ экземплярѣ. Желаніе сохранить ее, какъ дорогой памятникъ труда о. Макарія, побудило насъ присовокупить къ «Лептѣ»

и пѣснь объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ. Цѣна «Лепты» 50 коп. съ пересылкою. «Лепта» можетъ быть пріобрѣтаема изъ канцеляріи начальника алтайской миссіи, въ г. Бійскѣ, а также въ Томскѣ—въ Сибирскомъ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина и у нѣкоторыхъ столичныхъ книгопродавцевъ».

Преміи археологическаго общества. Русское археологическое общество учреждаетъ двѣ преміи, по четыреста рублей каждая, за лучшія сочиненія по нижеуказаннымъ темамъ: 1) «Систематическій обзоръ главныхъ частей большого дворца по сочиненію Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ византійскаго двора». 2) «Ежедневные пріемы византійскихъ царей и праздничные выѣзды ихъ въ храмъ св. Софіи». Срокъ для представленія перваго сочиненія назначается на первое января 1891 года, а второго на первое мая того же года. Каждая рукопись должна имѣть какой-либо девизъ, который находился бы и на особомъ запечатанномъ пакетѣ съ запискою, содержащею въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя. Сочиненіе, удостоенное преміи, издается на счетъ общества въ его запискахъ: сто экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ предоставляются въ распоряженіе автора. Сочинитель имѣетъ право печатать свой трудъ другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1889 годъ. Управленіе библіотеки, находясь подъ наблюденіемъ товарища городского головы, ординарнаго профессора Новороссійскаго университета, В. Н. Лигина, попечителя профессора университета А. И. Кирпичникова и его товарища гласнаго думы Я. А. Новикова, состояло изъ завѣдующаго библіотекою приватъ-доцента того же университета — В. А. Яковлева, двухъ его помощниковъ и письмоводителя. Пополненіе библіотеки происходило главнымъ образомъ посредствомъ пожертвованій,—общее число которыхъ составляетъ почтенную цифру—1,489 названій въ 2,525 томахъ и брошюръ (въ томъ числѣ 250 томовъ дублетовъ) на сумму свыше 3,000 руб. Кромѣ того, по установившемуся обычаю высылались текущія изданія отъ разныхъ обществъ, учрежденій и редакцій: одесскаго учебнаго округа, одесскаго епархіальнаго вѣдомства, Новороссійскаго общества естествоиспытателей, отдѣленія русскаго техническаго общества, русскаго географическаго общества, главной физической обсерваторіи и др., также смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ, будапештскаго общественнаго управленія, мадридскаго общественнаго управленія, національной библіотеки въ Ріо-Жанейро, г. Трюбнера—изъ Лондона; отъ университетовъ: Новороссійскаго, Варшавскаго, св. Владиміра въ Кіевѣ, Московскаго и Дерптскаго, отъ земствъ: Владимірскаго, Екатеринославскаго, Бессарабскаго, Воронежскаго, Херсонскаго, Смоленскаго, отъ четырехъ уѣздныхъ земскихъ управъ и кавказскаго цензурнаго комитета. Въ обмѣнъ на дублеты въ отчетномъ году получено 87 названій въ 176 томахъ на сумму 281 руб. 60 к.; при этомъ отдано книгъ на 217 руб. 85 к. Покупкою пріобрѣтено на сумму 1,299 руб. 71 к. Такимъ образомъ къ 1-му января 1890 г. библіотека состояла изъ 27,566 названій въ 59,291 томѣ, съ дублетами. Сверхъ того, въ городской библіотекѣ хранится еще библіотека славянскаго благотворительнаго общества Кирилла и Меѳодія, въ настоящее время приведенная въ порядокъ и каталогизированная и состоящая изъ 3,500 томовъ. Кромѣ книгъ, въ библіотекѣ находятся: коллекція гравюръ въ 177 экземплярахъ, колекція автографовъ въ 53 экземплярахъ и 11 рукописей. По каталогизаціи въ 1889 г. отпечатано второе прибавленіе къ систематическому каталогу библіотеки, въ которое вошли поступленія съ 1885—1888 гг. включительно, въ числѣ 5,585 названій въ 8,757 томахъ, и отмѣчены въ каталогахъ всѣ сочиненія, относящіяся до Новороссійскаго края. Въ виду усиленныхъ работъ по каталогизаціи въ теченіе года всего посѣщало библіотеку болѣе 1,800 лицъ, а читальныхъ дней было до 310. Читатели библіотеки по-

сѣтили ее въ теченіе года 37,487 разъ (женщины 2,440 разъ). Среднимъ числомъ приходилось по 120 человѣкъ въ день. По праздникамъ всего было 3,435 посѣтителей, въ числѣ которыхъ 200 женщинъ. Замѣчено увеличеніе читателей по правовѣдѣнію, географіи, всеобщей исторіи, медицинѣ, математикѣ, сельскому хозяйству, русской словесности, городскому и земскому хозяйству; напротивъ, уменьшилось по богословію, философіи, естествовѣдѣнію, военнымъ и морскимъ наукамъ, технологіи, искусствамъ, всеобщей литературѣ, энциклопедіи и журналамъ прежнихъ лѣтъ. Иностранные журналы библіотека имѣетъ въ весьма ограниченномъ количествѣ и въ ежемѣсячныхъ требованіяхъ на нихъ не замѣчается особыхъ колебаній. Потребность въ чтеніи иностранныхъ книгъ очень не велика, и выдача ихъ относится къ выдачѣ русскихъ, какъ 1 къ 60. Читатели иностранныхъ книгъ не составляютъ и 2% общаго числа читателей. Воскресное и праздничное чтеніе служило по преимуществу развлеченіемъ, а не серьезнымъ занятіемъ. Этотъ фактъ наблюдается и въ другихъ публичныхъ библіотекахъ и указываетъ, что рабочій (въ широкомъ смыслѣ) людъ пользуется праздникомъ для отдыха и для развлеченія.

† Въ Москвѣ, 5-го апрѣля, скоропостижно, правитель дѣлъ Московскаго отдѣленія русскаго Музыкальнаго Общества и консерваторіи **Николай Прокофьевичъ Ситовскій.** Онъ былъ извѣстенъ не столько своею дѣятельностью въ Москвѣ, сколько на Кавказѣ и въ Петербургѣ. Естественникъ по образованію, Ситовскій началъ службу по министерству финансовъ въ 1853 г., принимая участіе въ трудахъ по разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ и по проведенію лучшихъ реформъ прошлаго царствованія. Въ 60-хъ годахъ онъ долго служилъ на Кавказѣ и пріобрѣлъ извѣстность широкою дѣятельностью по кавказскому обществу естествознанія и акклиматизаціонному саду. За свою дѣятельность на Кавказѣ Ситовскій былъ награжденъ 1,130 десятинами земли въ Ставропольской губерніи. Послѣ службы на Кавказѣ онъ былъ командированъ въ Москву для исполненія обязанностей правителя дѣлъ совѣта торговли и мануфактуръ. Послѣднія обязанности онъ несъ одновременно съ службою по Музыкальному Обществу. Послѣ перехода въ Москву, Ситовскій принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ московскихъ ученыхъ обществъ, завѣдывалъ зоологическимъ садомъ и былъ вице-президентомъ общества аклиматизаціи животныхъ. Находясь въ 1878—89 гг. въ Петербургѣ, Ситовскій издавалъ «Вѣстникъ Общества покровительства животнымъ» и велъ это изданіе настолько хорошо, что далъ ему широкое распространеніе. Скончался Ситовскій, отъ разрыва сердца, во время прогулки по Никитской улицѣ.

† Настоятель православной церкви въ Парижѣ, протоіерей **Арсеній Васильевичъ Тачаловъ,** въ Берлинѣ 7-го апрѣля. Покойный извѣстенъ своими трудами по духовной литературѣ, по преимуществу критическими и переводными. Дѣятельность его прошла всецѣло заграницею. Образованіе Тачаловъ получилъ въ Петербургской духовной академіи, степень магистра которой онъ получилъ въ 1863 г. Тотчасъ по окончаніи академическаго курса, онъ былъ посланъ псаломщикомъ въ висбаденскую православную церковь, а черезъ четыре года посвященъ въ ея священники. Онъ служилъ и въ Эмсѣ, въ свое время бывшемъ наиболѣе любимымъ курортомъ русскихъ. Постройкою русской православной церкви Эмсъ обязанъ Тачалову, съумѣвшему привлечь для нея крупныхъ жертвователей. Съ 1876 г. Тачаловъ также ѣздилъ совершать церковныя службы въ Гомбургъ, Югенгеймъ и Румпенгеймъ. Настоятелемъ православной церкви въ Парижѣ Тачаловъ былъ назначенъ въ 1887 г,, послѣ смерти протоіерея Прилежаева. Изъ богословскихъ трудовъ Тачалова наиболѣе важны его статьи: «Какое впечатлѣніе произвелъ въ Германіи новый догматъ папской непогрѣшимости и какія могутъ быть отъ того послѣдствія» и переработка статьи Гетингера: «О причинахъ

религіознаго сомнѣнія». Покойный принималъ дѣятельное участіе въ шести конгресахъ старо-католиковъ и въ обѣихъ боннскихъ конференціяхъ по вопросу о возсоединеніи церквей.

† Въ Тифлисѣ, 20-го апрѣля, одинъ изъ видныхъ кавказскихъ дѣятелей, директоръ 2-й тифлисской классической гимназіи **Александръ Ильичъ Лиловъ.** Онъ въ теченіе 20 лѣтъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей педагогическаго дѣла на Кавказѣ и постоянною отзывчивостью къ общественнымъ явленіямъ и нуждамъ принесъ большую пользу кавказскому обществу. Воспитывался Лиловъ въ нижегородской духовной семинаріи и въ Казанской духовной академіи, отъ которой въ 1856 г. получилъ степень магистра. Первое время онъ оставался въ академіи бакалавромъ, а въ 1859 г. перешелъ на службу въ министерство Народнаго Просвѣщенія. Съ этой поры началась его педагогическая дѣятельность на Кавказѣ. Директоромъ 2-й тифлисской гимназіи Лиловъ былъ съ 1874 г., со времени ея основанія. Отдавшись непосредственно педагогическому дѣлу, онъ въ то же время внимательно слѣдилъ за общественными вопросами и принималъ участіе въ ихъ разрѣшеніи. Не мало онъ отдавалъ времени и кавказской журналистикѣ. Въ газетѣ «Кавказъ», при изданіи ея Вороновымъ, онъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ и, кромѣ того, работалъ въ «Филологическихъ Запискахъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Лилову же Кавказъ обязанъ многими этнографическими очерками и статьями, которые онъ помѣщалъ въ «Кавказѣ» и въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа».

† 11-го мая, бывшій директоръ Эрмитажа, гофмейстеръ **Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ.** При покойномъ Эрмитажъ обогатился нѣсколькими археологическими коллекціями. Во время его управленія Эрмитажемъ была приведена въ порядокъ коллекція гравированныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей и начато иконографическое и художественное ея изученіе. Также, по его иниціативѣ, были пересмотрѣны и описаны предметы, входящіе въ составъ Петровской галлереи. Одною изъ видныхъ его заслугъ по управленію Эрмитажемъ представляется также начавшееся новое изданіе систематическаго иллюстрированнаго каталога Эрмитажа. А. А. Васильчиковъ родился въ Москвѣ 30-го сентября 1832 г. Образованіе получилъ сперва дома, потомъ въ 1-й московской гимназіи и въ Московскомъ университетѣ. Его отецъ, бывшій новгородскимъ губернаторомъ, слѣдилъ самъ за образованіемъ сына и съумѣлъ развить въ немъ любовь къ искусству. Послѣ окончанія университетскаго курса А. А. Васильчиковъ объѣхалъ всю Западную Европу, гдѣ познакомился со всѣми знаменитыми картинными галлереями и историческими музеями, чѣмъ дополнилъ пробѣлы въ своемъ художественномъ образованіи. Съ 1856 г., около 10 лѣтъ, онъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ посольскихъ миссіяхъ, сперва въ Римѣ, потомъ въ Карлсруэ. Служба заграницею дала ему возможность заняться любимымъ своимъ предметомъ—собираніемъ колекцій гравированныхъ портретовъ. Живя заграницею, А. А. Васильчиковъ собралъ богатыя колекціи этихъ портретовъ, изучилъ массу другихъ, находившихся въ галлереяхъ и музеяхъ. Плодомъ этихъ занятій явился напечатанный имъ въ 2-хъ томахъ трудъ: «Liste alphabêtique des portraits russes». Въ этомъ трудѣ описано всѣхъ лицъ съ ихъ изображеніями 4,004. Въ описаніе вошла вся колекція портретовъ Петра I въ количествѣ 688 снимковъ съ разныхъ гравированныхъ досокъ, описано 60 портретовъ императрицы Анны, 279 портретовъ императрицы Екатерины II, 108 портретовъ Екатерины I и масса портретовъ выдающихся дѣятелей. Кромѣ «Liste alphabêtique», покойный помѣстилъ въ «Русскомъ Архивѣ» монографію о родѣ Разумовскихъ, изданную потомъ отдѣльно, въ четырехъ томахъ. А. А. Васильчиковъ былъ однимъ изъ близкихъ людей при Дворѣ. Съ 1866 г. онъ состоялъ церемоніймейстеромъ, а съ 1879 г. — гофмейстеромъ. Послѣ введенія въ Россіи мирового суда, былъ избранъ почетнымъ

мировымъ судьею по Звенигородскому уѣзду Московской губерніи. Въ Эрмитажѣ А. А. Васильчиковъ былъ преемникомъ С. А. Гедеонова, оставившаго ему обширное поле для улучшеній; замѣнилъ его въ Эрмитажѣ князь Трубецкой.

† Петербургскій университетъ понесъ новую тяжелую, преждевременную утрату: русская наука лишилась одного изъ крупныхъ ея дѣятелей. По возвращеніи изъ-за-границы, гдѣ онъ напрасно искалъ облегченія отъ неизлечимой болѣзни, давно подтачивавшей его физическія силы, 1-го іюня, въ часъ пополудни, 49 лѣтъ, скончался **Иванъ Павловичъ Минаевъ,** профессоръ сравнительнаго языкознанія въ Петербургскомъ университетѣ. И. П. принадлежа по происхожденію къ дворянской семьѣ Тамбовской губерніи, получилъ домашнее воспитаніе и закончилъ образованіе въ одной изъ московскихъ гимназій. Затѣмъ онъ поступилъ на восточный факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ занимался подъ руководствомъ профессоровъ В. П. Васильева и К. А. Коссовича. Студентомъ третьяго курса, онъ написалъ сочиненіе по каѳедрѣ китайскаго и манджурскаго языковъ: «Географическія изслѣдованія о Монголіи», за которое получилъ золотую медаль въ 1861 г. Профессоръ Васильевъ успѣлъ внушить даровитому юношѣ живой интересъ къ изученію буддизма, что послужило точкою отправленія для всей послѣдующей ученой дѣятельности Ивана Павловича. Профессору Коссовичу онъ былъ обязанъ первоначальнымъ знакомствомъ съ санскритскимъ языкомъ. По окончаніи курса въ университетѣ, въ 1862 г., задаваясь вполнѣ сознательно цѣлью изученія первоисточниковъ буддизма, для чего необходимо было основательное и глубокое знакомство съ литературами санскритской и палійской, Иванъ Павловичъ отправился въ Берлинъ и Геттингенъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи Боппа, Вебера и Бенфея. Слѣдующіе зачѣмъ три года И. П. Минаевъ, для приготовленія себя къ преподаванію исторіи Востока, занимался самостоятельно рукописями въ Парижѣ и Лондонѣ и тѣмъ положилъ основаніе отличавшей его обширной и разносторонней начитанности въ неизданныхъ памятникахъ буддійской литературы. Тогда же онъ завязалъ прочныя ученыя связи съ выдающимися представителями западно-европейскаго оріентализма, главнымъ образомъ во Франціи и Англіи. Въ Россію Иванъ Павловичъ воротился въ 1868 г., уже зрѣлымъ ученымъ и, по защищеніи магистерской дисертаціи, подъ заглавіемъ «Пратимокша-сутра, буддійскій служебникъ» утвержденъ, въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ санскритской словесности, но въ 1871 году перешелъ въ историко-филологическій факультетъ, на каѳедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Уже магистерская дисертація Минаева представляла очень цѣнный вкладъ въ весьма мало разработанную научную область; что же касается его докторской дисертаціи «Очеркъ фонетики и морфологіи языка пали» (защищалась 18-го декабря 1872 г.), то она была вообще первымъ въ Европѣ опытомъ систематическаго изложенія грамматики этого священнаго языка буддійскаго вѣроученія. Въ скоромъ времени книга Ивана Павловича была переведена на французскій языкъ (въ печати переводъ появился въ 1875 г.) и вполнѣ оцѣнена также мѣстными индійскими учеными, среди которыхъ Иванъ Павловичъ, послѣ своихъ путешествій въ Индію, также имѣлъ почитателей. Благодаря этимъ трудамъ, Иванъ Павловичъ пріобрѣлъ авторитетное положеніе въ ряду европейскихъ спеціалистовъ данной области, такъ что его труды по изданію и объясненію неизвѣстныхъ или неизданныхъ памятниковъ, стали, между прочимъ, украшать томы извѣстнаго всѣмъ оріенталистамъ центральнаго органа палійской филологіи «Pali text-Society», также и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ изданій. Всѣ эти труды служили какъ бы приготовленіемъ къ задуманному Иваномъ Павловичемъ обширному историко-критическому сочиненію о буддизмѣ. Этому творенію не суждено было появиться въ свѣтъ.

Изданъ былъ только первый томъ (въ 1889 г.), дающій, однако, полную возможность судить, что онъ поставилъ изученіе буддизма на новую, болѣе прочную критическую почву. Не довольствуясь кабинетнымъ изученіемъ индійской древности, Иванъ Павловичъ совершилъ два путешествія въ Индію (въ 1874—76 и 1885 гг.), гдѣ провелъ въ общей сложности около двухъ лѣтъ; оттуда онъ вынесъ богатую научную добычу—въ видѣ рукописей, рѣдкихъ восточныхъ изданій, предметовъ археологической старины, а главное—живое знаніе мѣстныхъ нарѣчій и народнаго быта. Какъ результатъ его наблюденій, въ печати появились весьма живо и увлекательно написанныя «Письма съ львинаго острова» (Цейлона) и «Камаонскія сказки». Этими изданіями далеко не исчерпывался запасъ пріобрѣтенныхъ ученымъ путешественникомъ свѣдѣній о современной индійской жизни; большая часть замѣтокъ и записей Ивана Павловича осталась не обнародованною въ печати. Многое онъ сообщалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, преимущественно въ географическомъ. Онъ былъ несомнѣнно лучшимъ у насъ знатокомъ исторической географіи Средней Азіи. Плодомъ этихъ занятій являются «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи», «Старая Индія» (Хожденіе Аѳанасія Никитина) и неизданный еще, но совершенно готовый къ печатанію переводъ Марко-Поло съ коментаріемъ. Нѣкоторыя изъ названныхъ сочиненій Ивана Павловича, вышедшихъ отдѣльно, печатались первоначально въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; тамъ же онъ помѣстилъ много другихъ самостоятельныхъ изслѣдованій и мелкихъ статей въ видѣ рецензій на вновь выходящія книги, русскія и иностранныя, соприкасающіяся съ тою или другою областью его занятій. Онъ отзывался также и на животрепещущіе вопросы текущей политики по дѣламъ средне-азіатскимъ и помѣщалъ по временамъ статьи въ «Новомъ Времени». Онъ принадлежалъ къ самымъ выдающимся ученымъ не только русскимъ, но и европейскимъ. Имя его пользовалось особеннымъ уваженіемъ въ Англіи и во Франціи. Какъ профессоръ и членъ университетской преподавательской корпораціи, Иванъ Павловичъ Минаевъ всегда стоялъ чрезвычайно высоко во мнѣніи товарищей; всѣ признавали въ немъ не только рѣдкаго ученаго, но и высокую нравственную личность, цѣнили его непреклонную вѣрность убѣжденіямъ, безукоризненную честность, прямоту и строгую правдивость. Всѣ сознавали, что этотъ человѣкъ не въ состояніи покривить душою, никогда и ни за что не скажетъ лживаго или льстиваго слова. Даже тѣ, которые расходились съ нимъ по разнымъ вопросамъ и отношеніямъ, никогда не рѣшались и не думали заподозрить Ивана Павловича въ какихъ-либо недостойныхъ или низменныхъ побужденіяхъ.

† Въ Воронежѣ выдающійся земскій врачъ, докторъ медицины **В. В. Киселевъ**, съ самой студенческой скамьи ушедшій въ провинцію и посвятившій свою дѣятельность исключительно деревнѣ. Покойный представлялъ рѣдкій типъ сердечнаго и отзывчиваго труженика-врача, стремленіе котораго—не популярность, а скромная и честная работа на пользу ближняго. Насколько былъ талантливъ Киселевъ, видно изъ того, что 16-ти лѣтъ онъ уже успѣлъ окончить воронежскую гимназію. Въ Петербургѣ его даже не приняли сразу въ медико-хирургическую академію изъ-за слишкомъ юныхъ лѣтъ и ему пришлось пережидать цѣлый годъ. Академію онъ кончилъ блестяще и на 23-мъ году защитилъ на степень доктора дисертацію на тему: «О физіологіи глаза». Получивъ докторскую степень, Киселевъ тотчасъ возвратился въ родной Воронежъ и здѣсь началъ свою практическую дѣятельность въ Новохоперскомъ уѣздѣ и продолжалъ ее до 1887 г., когда переселился въ Борисоглѣбскій уѣздъ. Своею полезною и энергичною дѣятельностью онъ сразу пріобрѣлъ симпатіи всего уѣзднаго населенія. Молва о немъ, какъ о добромъ врачѣ, разнеслась не только по Новохоперскому уѣзду, но и по всей губерніи, даже за ея предѣлами. Къ нему больные приходили и пріѣзжали изъ даль-

нихъ селъ и деревень. Жизнь въ захолустьи нисколько не мѣшала Киселеву продолжать ученыя занятія и ему удавалось иногда урывать время для поѣздокъ за-границу, гдѣ онъ посѣщалъ извѣстнѣйшія клиники. Благодаря этому, онъ быстро сталъ считаться лучшимъ діагностомъ на югѣ. Дѣятельность Киселева началась въ провинціи въ самое трудное время, тотчасъ послѣ отмѣны крѣпостного права, когда по всей Россіи врачебное дѣло среди народа было еще въ зачаточномъ состояніи. Показать на дѣлѣ еще тогда, что врачъ въ деревнѣ можетъ дѣлать много,—это большая заслуга со стороны Киселева. Покойный скончался на 46-мъ году, надорвавъ свои жизненныя силы упорнымъ, постояннымъ трудомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу библіографической замѣтки г. С. А—ва о сочин. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока».

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ помѣщена библіографическая замѣтка г. С. А—ва о переведенномъ мной соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ» и напечатанномъ въ 1876—79 гг. въ мѣстныхъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Въ настоящее время на книгѣ перемѣнена обложка, заглавіе ея искажено, изданіе приписано книжному магазину М. И. Карповича и отнесено къ двумъ послѣднимъ годамъ. Хотя авторъ замѣтки и не высказываетъ своего предположенія относительно виновника этой дѣйствительно «безцеремонной и возмутительной спекуляціи», вводящей въ обманъ покупателей, тѣмъ не менѣе неоднократно повторяетъ мое имя. Изъ боязни, чтобы читатели не заподозрили меня въ этой оскорбительной для меня продѣлкѣ или, покрайней мѣрѣ, въ соучастіи въ ней, я считаю необходимымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: мой переводъ Ленормана печатался, какъ я уже сказалъ, въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ»: поэтому изданіе его никакому книгопродавцу, и тѣмъ болѣе г. Карповичу, принадлежать не могло; переводъ выходилъ отдѣльными выпусками, которые, за исключеніемъ одного, купленнаго книгопродавцемъ Н. Я. Оглоблинымъ, тотчасъ при появленіи въ свѣтъ пріобрѣтались Л. В. Ильницкимъ, бывшимъ владѣльцемъ магазина, принадлежащаго теперь г. Карповичу; изъ шести выпусковъ переводъ перваго, «Египтяне», принадлежитъ не мнѣ и ложно приписывается мнѣ г. Карповичемъ. Сдавъ изданіе гг. Ильницкому и Оглоблину, я никогда не принималъ и не принимаю никакого участія въ его распространеніи; поэтому въ перемѣнѣ обложекъ и искаженіи заглавія совершенно не участвовалъ и даже вовсе не зналъ объ этомъ. Всю вину въ этой спекуляціи возлагаю на книгопродавца М. И. Карповича, такъ какъ въ его магазинѣ находятся нераспроданные экземпляры «Руководства». Лично г. Карповича вовсе не знаю.

И. Каманинъ.

— Зарѣзана, убита Элеонора? Да кто же ее убилъ?

— Ея мужъ.

— Пьетро? Это невозможно!

— Да, моя добрая синьора, онъ ее убилъ. Вотъ, смотрите, ея кровь.

И горничная указала на брызги крови на своемъ платьѣ.

Изабелла не вѣрила своимъ ушамъ.

Служанку била лихорадка, она вся дрожала и не могла связно разсказать о случившемся. Пришлось уложить ее въ постель и дать ей время оправиться. Прійдя нѣсколько въ себя, оставшись наединѣ съ герцогиней, камеристка, наконецъ, передала подробно объ этомъ страшномъ происшествіи.

— Находясь на своей виллѣ, одна съ служанками, Элеонора собиралась лечь спать,—разсказывала камеристка,—вдругъ совершенно неожиданно вошелъ въ ея спальню мужъ. Грозно смотрѣлъ онъ, лицо его было блѣдно и хмуро. Присутствовавшія камеристки, почтительно откланявшись, поспѣшили удалиться, оставивъ герцога наединѣ съ женой. Мрачный видъ донъ Пьетро возбудилъ подозрѣніе въ камеристкахъ, и онѣ, расположась въ сосѣдней комнатѣ, стали прислушиваться. Въ продолженіе десяти минутъ въ спальнѣ все было тихо и камеристки уже намѣревались удалиться, какъ вдругъ до ихъ слуха донеслись пронзительный крикъ и страшные вопли. Они бросились въ спальню и ихъ глазамъ представилась ужасная картина. Донъ Пьетро, съ кинжаломъ въ рукѣ, наносилъ своей женѣ ударъ за ударомъ; несчастная отчаянно отбивалась и кричала, пока не упала на полъ. При появленіи камеристокъ, убійца остановился, а онѣ бросились поднимать свою госпожу. Но донна Элеонора уже умирала; прерывающимся голосомъ она молила Бога о прощеніи ей грѣховъ. Прекрасное тѣло молодой герцогини было все залито кровью. Чрезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Но тутъ сцена совершенно измѣнилась. Когда мужъ увидалъ, что жена его умерла, онъ точно переродился; его вдругъ охватило страшное раскаяніе. Онъ сталъ на колѣни на полу, облитомъ кровью, молилъ Бога и всѣхъ святыхъ о прощеніи и клялся, что никогда болѣе не женится. Онъ возбуждалъ не состраданіе, а ужасъ и отвращеніе. Я убѣжала оттуда, не оглядываясь, будто въ этомъ проклятомъ домѣ помѣстился демонъ,—добавила разсказчица.

Изабеллу страшно поразило это извѣстіе. Она видѣла въ участи своей несчастной подруги собственную судьбу.

Оставшись одна съ своей компаньонкой, Лукреціей Фрескобальди, она поцѣловала ее и, склонившись къ ней на плечо, проговорила:

— Милая Лукреція, надо и мнѣ готовиться къ смерти.

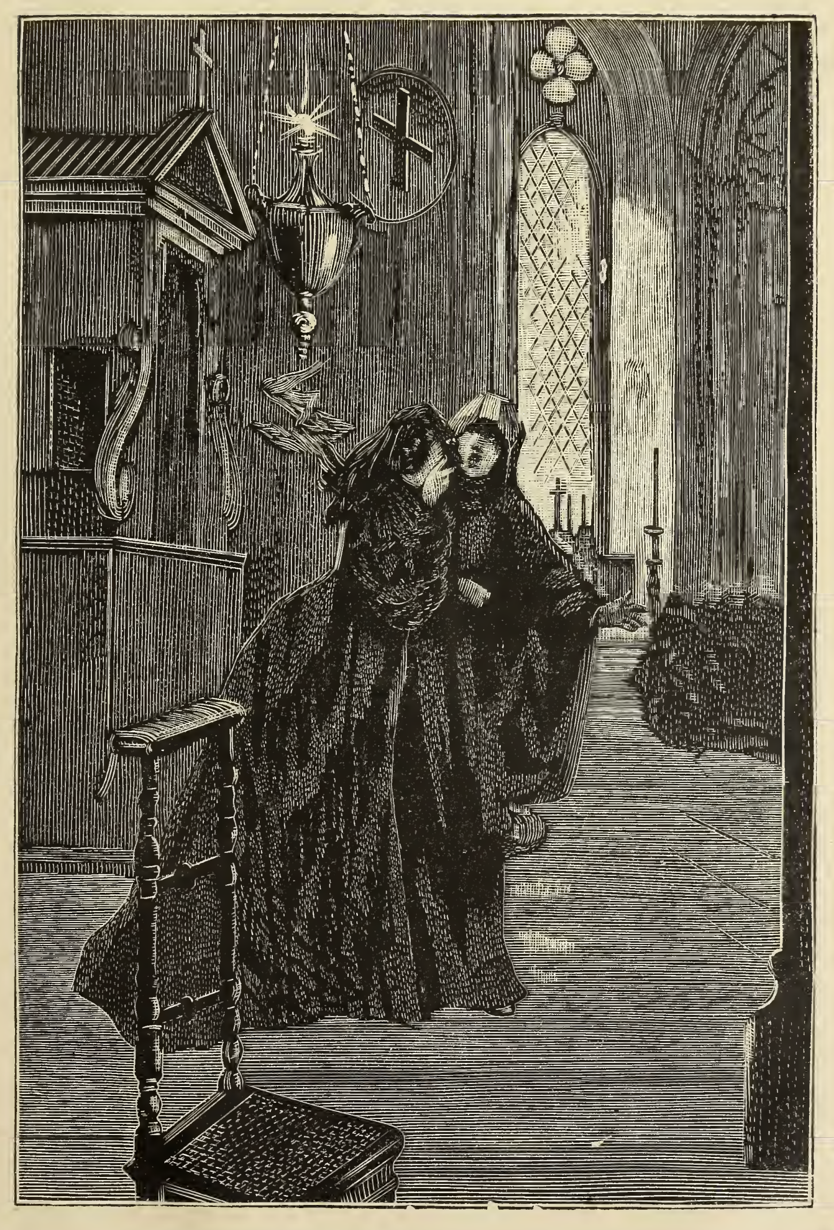
На слѣдующій день донъ Пьетро явился къ герцогу, который по разстроенному виду брата угадалъ, что̀ случилось, и ограничился лишь вопросомъ:

— Исполнено?

Пьетро молча кивнулъ головой. Герцогъ Франческо вполнѣ удовольствовался этимъ, не интересуясь знать подробности, и прямо объявилъ, что онъ готовъ заплатить долги брата. Донъ Пьетро, зная, что получитъ вознагражденіе за пролитую кровь, захватилъ съ собой списокъ долговъ, который и вручилъ Франческо. Послѣдній взялъ списокъ, положилъ его въ свой карманъ и, кромѣ того, далъ еще убійцѣ кошелекъ съ двумя тысячами дукатовъ.

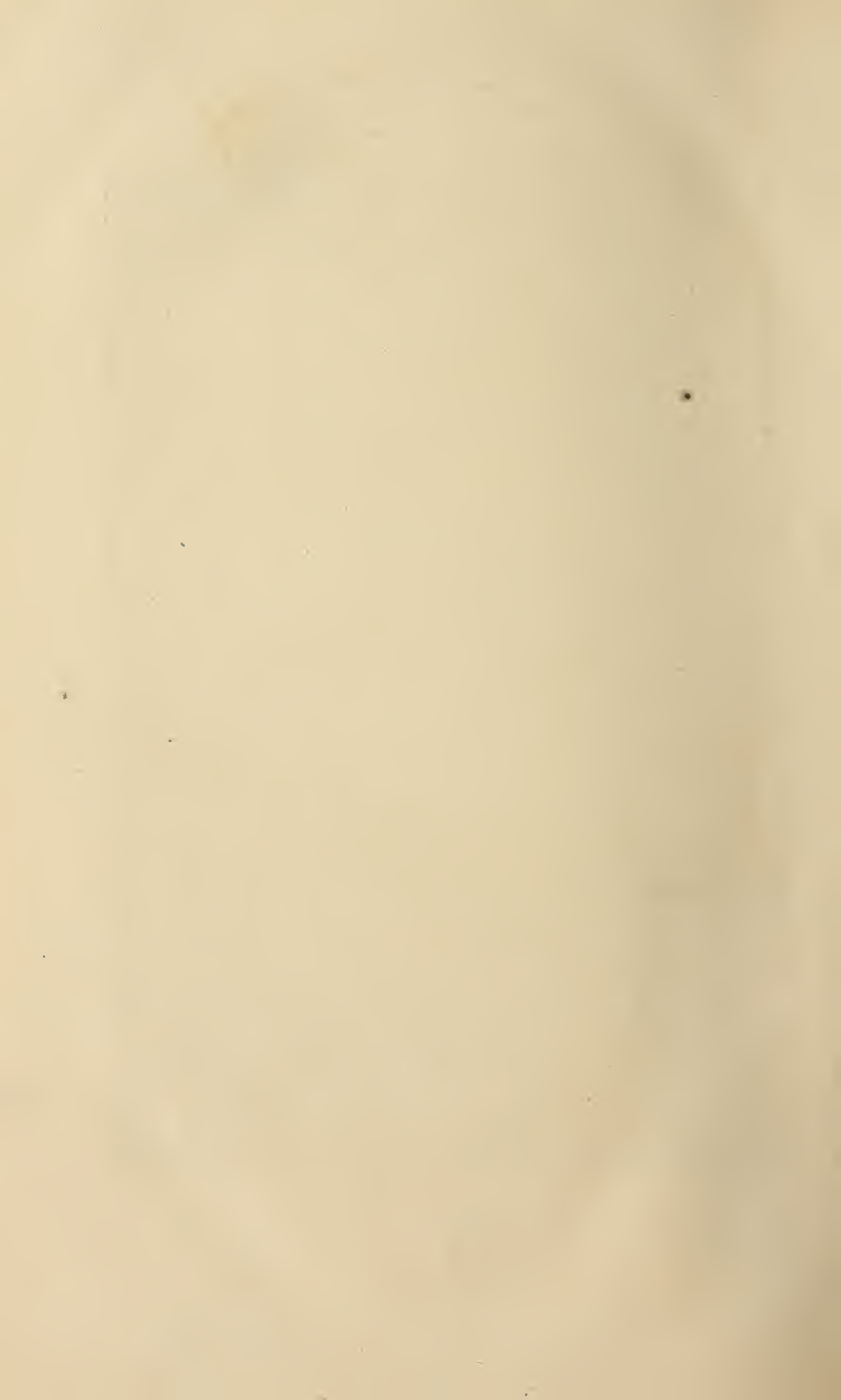
Затѣмъ приняты были мѣры, чтобы скрыть отъ всѣхъ тѣло Элеоноры и заставить молчать придворныхъ дамъ. Потомъ было обнародовано, что принцесса скончалась отъ аневризма сердца, которымъ давно страдала. Но королю испанскому Филиппу, человѣку вполнѣ способному понимать семейныя тайны, Франческо счелъ нужнымъ сообщить правду, въ виду чего и было имъ написано въ Мадридъ къ посланнику письмо слѣдующаго содержанія: «Хотя въ печати и говорится о несчастномъ случаѣ съ донной Элеонорой, тѣмъ не менѣе вы должны сообщить его католическому величеству истину. Донна Элеонора лишена жизни ея мужемъ, нашимъ братомъ, донъ Пьетро, за измѣну и позорящее его имя поведеніе, недостойное высокаго происхожденія покойной, о чемъ и было сообщено донъ Пьетро съ просьбой, чтобы онъ пожаловалъ сюда. Но донъ Пьетро Толедскій не только не исполнилъ этой просьбы, но даже не допустилъ секретаря переговорить съ дономъ-Гарціа (отецъ Элеоноры). Въ виду всего этого мы рѣшили увѣдомить его католическое величество о случившемся, такъ какъ считаемъ себя обязанными извѣщать обо всѣхъ событіяхъ вообще и въ особенности этого дома, ибо сокрытіе истины было бы съ нашей стороны признакомъ не достаточной почтительности къ его католическому величеству. При первой возможности вамъ будетъ присланъ подробный отчетъ объ этомъ событіи, чтобы можно было судить, какими справедливыми мотивами руководствовался донъ Пьетро».

Король Филиппъ остался вполнѣ доволенъ довѣріемъ, оказаннымъ ему великимъ герцогомъ Тосканскимъ, осудилъ поведеніе, которымъ покойная принцесса навлекла на себя справедливую месть мужа, и потребовалъ подробный отчетъ всего дѣла, обѣщая хранить его въ глубокой тайнѣ. Но семья Толедская, и въ особенности герцогъ Альба, узнавъ истину, глубоко возмутились, хотя сдѣлать ничего не могли, потому что самъ король одобрилъ поступокъ мужа несчастной Элеоноры. Кромѣ того, по правиламъ испанскаго рыцарства, перешедшимъ и въ Италію, безчестье смывалось только кровью.



Герцогиня Изабелла идетъ на исповѣдь.

дозв. ценз. спб., 17 апрѣля 1890 г.



XXVI.

Исповѣдь.

«— Padre... una grande
«Peccatrice son io; di grave e antiche
«Colpe a te confessarmi oggi m'imcombe
«Terribile dover.
«— Narra tue colpe
«Toutte le narra e le più gravi prima.
«Molto concede al pentimento Iddio.»

Consigli I. Orsini [1]).

НА СЛѢДУЮЩІЙ день, Джіованнино, довѣренный слуга герцога Браччіано, явился во дворецъ Орсини и просилъ доложить о себѣ свѣтлѣйшей синьорѣ герцогинѣ. Допущенный къ Изабеллѣ, онъ вручилъ ей письмо отъ ея супруга, который сообщалъ ей, что черезъ нѣсколько дней выѣдетъ изъ Рима во Флоренцію, чтобы имѣть счастье видѣться съ любезной супругой и обнять ее.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, Джіованнино помѣстился въ кругу дворцовыхъ слугъ, въ ожиданіи пріѣзда своего господина. Слѣдуя полученнымъ имъ инструкціямъ, слуга герцога Браччіано началъ собирать подробныя свѣдѣнія, касающіяся дома, а главнымъ образомъ привычекъ герцогини. Съ этой цѣлью онъ больше всего искалъ общества болтливыхъ камеристокъ Изабеллы. Вечерами, подъ разными предлогами, онъ уходилъ въ па-

---

[1]) «— Отецъ мой... великая я грѣшница...
«Старые тяжелые грѣхи тебѣ исповѣдывать сегодня
«На мнѣ лежитъ страшная обязанность.
«— Разскажи твои грѣхи,
«Всѣ разскажи и самые тяжелые прежде всего.
«Очень милосердъ къ раскаявающимся Господь Богъ».

лаццо Питти, гдѣ тайно проживалъ его господинъ, и разсказывалъ ему все, что успѣвалъ разузнавать за день.

Извѣстіе о пріѣздѣ мужа во Флоренцію подтвердило мрачныя предчувствія, волновавшія душу тоскующей Изабеллы. Никогда еще смерть не казалась ей такъ близкой. Она сравнивала свое положеніе съ положеніемъ больного, одержимаго неизлечимымъ, смертельнымъ недугомъ, около одра котораго уже читаютъ отходную. Подъ вліяніемъ такого душевнаго настроенія она посѣтила рано утромъ церковь Santa Maria Novella, имѣя намѣреніе исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ отцу Маттео, который былъ извѣстенъ своей святостью и могъ испросить у Бога прощеніе грѣшницѣ. О своемъ намѣреніи Изабелла сообщила компаньонкѣ Лукреціи Фрескобальди и просила проводить ее на другой день утромъ въ церковь.

Едва горизонтъ озарился первыми лучами разсвѣта, какъ герцогиня Изабелла и ея компаньонка, закутанныя въ плащи и вуали, незамѣтно вышли изъ дворца чрезъ маленькую калитку и отправились вдоль стѣнъ полуосвѣщенныхъ домовъ къ церкви Santa Maria Novella.

Церковь была уже открыта, ея обширные своды, погруженные во мракъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабо освѣщались тусклымъ мерцаніемъ лампадъ. Сквозь цвѣтныя стекла еще не проникалъ лучъ свѣта. Фрескобальди спросила у молившихся женщинъ, гдѣ исповѣдальня отца Маттео. И когда ей указали, она подвела къ маленькой часовенкѣ, съ небольшимъ отверстіемъ, Изабеллу. Святой отецъ, по обыкновенію, уже былъ тамъ и ждалъ кающихся. Внутри исповѣдальни былъ совершенный мракъ. Фигура отца Маттео съ капюшономъ, спущеннымъ на голову, походила на едва замѣтную тѣнь. Изабелла, опустившись на колѣни, почувствовала ледяную дрожь. Между тѣмъ Фрескобальди отошла прочь и монахъ открылъ окошечко.

— Отецъ мой,—начала Изабелла,—чувствуя приближеніе смерти, я пришла исповѣдаться въ моихъ грѣхахъ и, прежде чѣмъ предстать предъ судилищемъ Всевышняго, раскаяніемъ облегчить мою душу.

— Говори, дочь моя,—сказалъ монахъ глухимъ, хриплымъ голосомъ, прикрывая свой ротъ платкомъ.

— У меня одинъ грѣхъ, но самый тяжкій. Связанная брачными узами, я нарушила ихъ святость преступной любовью.

Монахъ молчалъ; кающаяся продолжала:

— Отецъ мой, могу ли я надѣяться, что Господь мнѣ проститъ?

— Дочь моя! — отвѣчалъ монахъ — еще болѣе рѣзкимъ и задушеннымъ голосомъ, который едва можно было разслышать,— милость Господня безпредѣльна. Онъ прощаетъ грѣхи всѣмъ истинно кающимся. Но прежде чѣмъ я во имя Высшаго Судьи от-

пущу тебѣ грѣхи, ты должна мнѣ сказать, сколько разъ грѣшила, чтобы я могъ соразмѣрить наказаніе съ виной.

— Отецъ мой...

— Сколько разъ ты грѣшила противъ седьмой заповѣди?

— Отецъ мой, не дайте мнѣ умереть отъ стыда у вашихъ ногъ. Мнѣ не хватитъ памяти сосчитать всѣ мои грѣхи. Довольно, если я вамъ скажу, что грѣшила не разъ.

— Съ однимъ ты грѣшила, дочь моя?

— Къ несчастью, нѣтъ.

— Имена ихъ!—вскричалъ монахъ такимъ страшнымъ голосомъ, что Изабелла задрожала.

— Отецъ мой, я могу винить только себя, не выдавая другихъ.

— Имѣла ли ты незаконныхъ дѣтей?

— Да, отецъ мой,—едва могла вымолвить несчастная женщина.

— Значитъ, у тебя были незаконныя дѣти?

— Да, но только одинъ остался въ живыхъ.

— А гдѣ онъ теперь?

— Отецъ мой!

— Гдѣ онъ?

— Позвольте мнѣ умолчать объ этомъ. Я пришла покаяться въ своихъ грѣхахъ, а убѣжище, найденное мною сыну, не есть грѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ сегодня я не могу дать тебѣ отпущенія. Подумай хорошенько, сосредоточься въ сознаніи своихъ грѣховъ, молись и приходи другой разъ.

Съ этими словами монахъ захлопнулъ окошечко. Изабелла, опустивши голову на руки, глухо зарыдала. Компаньонка съ трудомъ довела ее домой. Придя въ свою комнату, убитая горемъ, молодая женщина упала на полъ и, ломая руки, вскричала:

— Боже великій, не для меня твоя милость!..

Кающіяся грѣшницы въ церкви Santa Maria Novella, ожидавшія очереди подойти къ исповѣдальницѣ отца Маттео, должны были разойтись, такъ какъ монахъ послѣ первой, выслушанной имъ исповѣди, покинулъ свой постъ и ушелъ изъ церкви.

Если бы кто-нибудь прослѣдилъ за монахомъ, то увидѣлъ бы, что онъ шелъ по улицѣ размашистой походкой, похожей болѣе на военную, чѣмъ на монашескую. Такимъ образомъ, онъ еще до восхода солнца пришелъ къ калиткѣ въ оградѣ сада Боболи, отперъ ее ключемъ, который имѣлъ при себѣ, прошелъ черезъ садъ, смежный съ палаццо Питти, и, постучавшись въ дверь небольшого дома, тихо позвалъ:

— Джіованнино!

Джіованнино отперъ дверь и низко поклонился. Войдя въ комнату, мнимый монахъ сбросилъ на полъ плащъ, рясу, капюшонъ и оказался герцогомъ Браччіано.

— Отнеси монаху его одежду,—сказалъ онъ слугѣ,—и выпусти его на волю.

Джіованнино вмѣстѣ съ своимъ господиномъ придумали планъ заговора. Узнавъ на другой же день чрезъ одну изъ камеристокъ, подслушавшую у дверей, что герцогиня собирается на разсвѣтѣ идти на исповѣдь къ отцу Маттео, Джіованнино передалъ это герцогу Браччіано, которому давно приходила мысль выпытать у жены признаніе въ ея грѣхахъ посредствомъ исповѣди, переодѣвшись монахомъ.

Ночью Джіованнино, въ сообществѣ нѣсколькихъ удальцовъ, пригласилъ отца Маттео выйти изъ монастыря, какъ бы для исповѣди умирающаго, заманилъ его въ засаду и, снявъ съ него монашеское одѣяніе, отнесъ своему господину. Герцогъ, переодѣвшись монахомъ, отправился въ церковь Santa Maria Novella и, проникнувъ внутрь храма ни кѣмъ не замѣченный, занялъ исповѣдальню отца Маттео.

На слѣдующій день конскій топотъ пышной кавалькады и трубные звуки возвѣстили о въѣздѣ во Флоренцію герцога Браччіано, зятя великаго герцога Тосканскаго.

Въ палаццо Орсини уже было все приготовлено, чтобы принять почетнаго гостя-хозяина. Пажи, слуги, лакеи суетились; дворъ былъ убранъ трофеями, напоминавшими побѣду при Лепанто, двери и лѣстницы разукрашены. Герцогиня Изабелла въ большомъ залѣ, окруженная фрейлинами, ожидала прибытія супруга на верхней площадкѣ лѣстницы. Когда раздался трубный звукъ на большомъ дворѣ, Изабелла встала и отправилась со всѣмъ своимъ штатомъ къ дверямъ. Герцогъ слѣзъ съ лошади, быстро вбѣжалъ на парадное крыльцо и при всѣхъ нѣжно расцѣловался съ супругой.

Оставшись наединѣ съ Изабеллой, Паоло Джіордано осыпалъ ее комплиментами. Восхищаясь ея красотой, онъ говорилъ, что она стала еще привлекательнѣе. Затѣмъ онъ сѣтовалъ на судьбу, заставившую его жить вдали отъ такой прелестной жены, и т. д. Высокая, стройная, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ блестящими глазами, Изабелла на самомъ дѣлѣ была прекрасна. Мужъ, не смотря на ея невѣрность, не чувствовалъ къ ней отвращенія, напротивъ, она возбуждала въ немъ жгучее, никогда еще не испытанное имъ желаніе обладать этой роскошной красавицей. Но въ то же время, чувство мести въ душѣ ревнивца нисколько не ослабѣвало. Напротивъ, сладострастныя картины, представляемыя развращеннымъ воображеніемъ жестокаго деспота, разжигали его дикую злобу и побуждали къ кровавому насилію. Улыбаясь, онъ ласкалъ жену, и она никакъ не могла разгадать смыслъ этой улыбки, что̀ она выражала: дѣйствительно ли нѣжность, или злую иронію?

— Что вы, Изабелла, подѣлывали все это время,—говорилъ герцогъ,—какъ поживали, были ли вы здоровы, покойны?

— Печально тянулись мои дни съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ,—отвѣчала она.

— Да, онъ васъ любилъ!

— Болѣе чѣмъ кто-либо другой. Только онъ одинъ меня и любилъ.

— Вы меня хотите упрекнуть?

— О, нѣтъ. Какая же любовь можетъ сравниться съ любовью отца?

— Но я всегда жилъ вдали отъ васъ...

— Да, для того, чтобы болѣе прославить наше имя. Я знаю, какъ храбро вы сражались въ битвѣ при Лепанто.

— Не говорите мнѣ о славѣ, Изабелла! Теперь, хотя и поздно, я сознаю, что истинное счастье подлѣ очаровательной и обожаемой жены. Чтò значутъ слава и почести? Все это одни призраки, не болѣе. Человѣкъ гоняется за ними, какъ ребенокъ за мыльными пузырями радужныхъ цвѣтовъ; какъ то, такъ и другое уноситъ вѣтеръ. Между тѣмъ, радости семейнаго очага, постоянное общество любящей вѣрной жены... Безумецъ! Ради чего я такъ долго пренебрегалъ этими сокровищами?

Изабелла молчала, потупя глаза.

— Нѣтъ, отнынѣ я намѣренъ загладить, насколько возможно, свою вину,—продолжалъ герцогъ.—Я навсегда поселюсь во Флоренціи, подлѣ тебя, моя прелестная Изабелла! Большую часть года мы будемъ проводить въ твоемъ зàмкѣ Черрето, въ поэтическомъ уединеніи. Ты артистка въ музыкѣ и поэзіи, ты будешь пѣть мнѣ подъ акомпанементъ лютни пѣсни твоего сочиненія. Я буду разсказывать тебѣ про войну, въ которой принималъ участіе, про побѣды, опасности, мои путешествія и приключенія. Мы еще молоды, можемъ любить другъ друга, и природа усѣетъ путь нашъ розами. Видишь, Изабелла, около тебя и я дѣлаюсь поэтомъ. Но, однако, ты меня ни разу не поцѣловала,—продолжалъ Паоло Джіордано, обнимая жену.

Она отвѣтила на его поцѣлуй, но ея губы были холодны, какъ ледъ.

— А нашъ Троило?—вдругъ спросилъ герцогъ,—я расчитывалъ найти его здѣсь, хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ отпраздновать мой пріѣздъ. Развѣ его нѣтъ во Флоренціи?

— Не знаю,—прошептала Изабелла.

— Какъ не знаешь? Развѣ вы болѣе уже не друзья? Чтò за причина вашей размолвки? Не забылъ ли онъ должнаго къ тебѣ уваженія? Если это такъ, то клянусь Богомъ, онъ заплатитъ мнѣ своею кровью за оскорбленіе, не смотря на то, что онъ мнѣ двоюродный братъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, Джіордано. Ничего подобнаго не произошло между мною и вашимъ родственникомъ. Дѣйствительно, была маленькая непріятность по поводу пустяковъ, не стоющихъ вниманія. Онъ сталъ все рѣже и рѣже приходить къ намъ. Я его не приглашала и онъ совершенно исчезъ. Вотъ и все.

Говоря это, Изабелла безпрестанно краснѣла, такъ что, еслибы Джіордано не зналъ истины въ эту минуту, онъ ее угадалъ бы непремѣнно.

— Но гдѣ же онъ, я его хочу видѣть. Я не вижу причины разрывать старинную родственную дружбу, привязанность, скрѣпленную узами крови. Я надѣюсь, ты позволишь мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы возобновить вашу давнишнюю дружбу? Я желаю, чтобы эта честь принадлежала мнѣ.

— Это безполезно.

— Я хочу!

Герцогъ потребовалъ къ себѣ мажордома и спросилъ, не знаетъ ли онъ, во Флоренціи ли донъ Троило Орсини?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Паоло приказалъ принести себѣ бумаги и, поспѣшно написавъ записку, велѣлъ тотчасъ же отнести ее къ своему двоюродному брату.

Троило Орсини, оставшійся во Флоренціи по просьбѣ герцога, нисколько не подозрѣвалъ его тайнаго замысла и, конечно, не могъ отвѣтить отказомъ на приглашеніе двоюроднаго брата, главы семейства Орсини.

Съ замираніемъ сердца, но съ лицомъ очень спокойнымъ, онъ поневолѣ отправился во дворецъ Орсини.

Войдя въ большую залу и увидавъ своего двоюроднаго брата, Троило Орсини бросился его обнимать, говоря:

— Милый братецъ, какъ я радъ васъ видѣть! Добро пожаловать. Еслибы я зналъ ранѣе о вашемъ пріѣздѣ, я, конечно, пришелъ бы васъ встрѣтить. Но до сегодняшняго дня мнѣ ничего не было извѣстно.

— Неужели Изабелла не говорила вамъ, что получила отъ меня письмо, въ которомъ я извѣщалъ ее о моемъ скоромъ пріѣздѣ?

— Я давно не видался съ вашей супругой.

— Это почему? Развѣ вы болѣе уже не дружны? По какой же причинѣ?

— Между нами не было размолвки, просто маленькое охлажденіе.

— Да почему же? Я никакъ не могу этого понять. Развѣ она не уважала въ васъ славнаго дворянина, моего близкаго родственника? Если вы ею чѣмъ-нибудь недовольны, прошу васъ, скажите прямо. Пожалуйста не думайте, что я ставлю мою любовь къ женѣ выше чести нашего дома.

Мнимый отецъ Маттео.

дозв. ценз. спб., 13 апрѣля 1890 г.

— Напрасно вы все это воображаете: Ничего подобнаго не было.

— Однако, въ чемъ же дѣло?

— Пустяки, о которыхъ не стоитъ и говорить. Изабелла сама вамъ все разскажетъ.

— Если причины вашего охлажденія такъ незначительны, то я надѣюсь, что моего присутствія будетъ достаточно, чтобы безслѣдно разсѣять всякое недоразумѣніе.

Сказавъ это, Паоло Джіордано приказалъ пажу пригласить герцогиню Изабеллу, которой во время объясненій двоюродныхъ братьевъ не было въ большой залѣ.

Пажъ тотчасъ же отправился въ апартаменты герцогини Изабеллы и передалъ ей желаніе ея супруга.

Паоло Джіордано непремѣнно хотѣлъ, чтобы жена и его двоюродный братъ подали другъ другу руки въ знакъ примиренія и возобновленія дружбы.

Изабелла, исполняя приказаніе мужа, опять покраснѣла и вся затрепетала, когда рука убійцы дорогого ей человѣка коснулась ея руки. Троило напротивъ былъ совершенно спокоенъ и безпечно улыбался. Но отъ продолжительнаго взгляда ревниваго мужа не ускользнуло, что подъ маской равнодушія трепетали всѣ фибры Троило и кровь застывала въ его жилахъ.

XXVII.

Послѣдняя ночь.

Въ ТОТЪ ЖЕ самый день Паоло Джіордано Орсини увезъ жену свою съ небольшой свитой приближенныхъ въ виллу Черрето.

Франческо Доменико Гуеррацци посѣщалъ эту виллу и описываетъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Весело красуясь, сіяетъ тамъ природа. Но люди своимъ роковымъ прикосновеніемъ съумѣли вселить ужасъ и въ это очаровательное мѣстечко. Прелестный и живописный холмъ они обнесли кирпичами и камнями, что превратило его въ крѣпость. Четыре круглыя лѣстницы, по двѣ съ каждой стороны, ведутъ на вершину. Первыя, образуя уголъ у подножія горы, идутъ влѣво. Вторыя начинаются тамъ, гдѣ кончаются первыя, и соединяются угломъ на дворцовомъ плацу. Стѣны изъ кирпичей яркаго цвѣта покато спускаются внизъ и даже теперь кажутся окрашенными кровью. Ступени и борты парапетовъ всѣ изъ камня Гонфолины. На первыхъ лѣстницахъ сорокъ двѣ ступени, довольно далеко отстоящія другъ отъ друга. На вторыхъ лѣстницахъ сорокъ три ступени. Снизу, подъ холмомъ, тянется извѣстный подземный ходъ. Иногда среди стѣны вдругъ попадается также высѣченное изъ камня страшное орудіе. Но случайность ли это, или дѣло рукъ человѣческихъ — видѣнъ обвалившійся гербъ Медичи, разбитый, уничтоженный, такъ же какъ палъ родъ Медичи, какъ пало его владычество, какъ сходятъ въ могилу всѣ великіе міра сего.

«Въ первомъ этажѣ дворца обширнѣйшій залъ. Въ глубинѣ его арка, а съ правой стороны этой арки широкія каменныя ступени ведутъ въ слѣдующій этажъ. При входѣ на верхъ, на правой сто-

ронѣ, въ углубленіи, знаменитая угольная комната; одна изъ ея стѣнъ выходитъ на полдень, другая, фасадная, на западъ. Во время нашего разсказа въ ней были два окна, изъ которыхъ одно находилось въ западной стѣнѣ. Въ комнатѣ двѣ двери—одна большая, замѣтная, другая маленькая, потаенная, прикрытая зелеными обоями изъ дамаска. Я смѣрилъ комнату и нашелъ, что въ ширину она имѣетъ семь шаговъ, а въ длину десять. Въ стѣнѣ шкафъ, который безъ внимательнаго осмотра замѣтить нельзя. Посмотрите на высокій потолокъ и вы увидите шесть балокъ, положенныхъ на главную толстую балку. Всмотритесь хорошенько и вы замѣтите подъ главной балкой отверстіе. Запомните эту комнату и отверстіе на верху. Прошло двѣсти шестьдесятъ лѣтъ, а это отверстіе и до сихъ поръ существуетъ.

«Названіе Черрето происходитъ отъ вишневой рощи, осѣнявшей холмъ и занимавшей большую часть этой мѣстности, точно также, какъ Фрассинетто—отъ земляники, Суверето—отъ sughero (пробка)—отъ пробковаго дерева и Роверето—отъ roveri—дубы.

«Куда же дѣвалась вишневая роща? Гуляющій теперь напрасно будетъ искать тѣнистой прохлады отъ жгучаго солнечнаго жара. Нетолько вокругъ Черетто, но и на всемъ протяженіи Тосканы, до каменистыхъ вершинъ Аппенинъ, съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже попадаются деревья. А въ то время весь Черрето былъ покрытъ густой тѣнью отъ вишень, вязовъ, дубовъ и разныхъ другихъ деревьевъ. Въ этихъ лѣсахъ водились рябчики, фазаны и безчисленныя породы другихъ птицъ. Въ кустахъ прыгали козы, лани, олени, зайцы и кабаны; однимъ словомъ, это было мѣсто лучшей охоты для великихъ князей Тосканы».

Супруги прибыли къ вечеру въ очаровательное Черрето. Джіордано хмурился и былъ задумчивъ, хотя и старался не показывать женѣ своего дурного расположенія духа. Изабелла, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ рокового предчувствія, казалась еще грустнѣе мужа. Послѣ небольшого отдыха и перемѣны туалета супруги расположились въ большомъ залѣ, мракъ котораго не могли уничтожить многочисленные факелы.

Сѣли обѣдать. Изабелла молчала, ея супругъ время отъ времени заводилъ разговоръ.

— Какъ ты хороша, моя прелестная супруга,—говорилъ онъ,—какъ я счастливъ, что снова около тебя. Теперь я уже никогда не разстанусь съ тобой, мы будемъ блаженствовать.

На всѣ эти комплименты супруга Изабелла отвѣчала печальной улыбкой, грустно качая своей очаровательной головкой. Она была дивно хороша. Ея волнистые волосы свободно падали локонами на гофрированный бѣлый воротникъ, окаймлявшій нарядное черное платье, которое прекрасно обрисовывало ея красивыя формы и стройный станъ.

Къ чему Паоло Джіордано говоритъ всѣ эти комплименты? Не для того ли, чтобы обмануть, успокоить жертву своего мщенія?

Нѣтъ, слова герцога были вполнѣ искренни. Бывали минуты, когда онъ колебался привести въ исполненіе задуманный имъ адскій планъ. Прелестный образъ жены возбуждалъ въ его суровой душѣ нѣчто въ родѣ раскаянія. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ такъ мало цѣнилъ Изабеллу. Рисуя себѣ картину счастливаго будущаго въ объятіяхъ красавицы жены, герцогъ забывалъ всѣ оскорбленія, которыя она ему нанесла. Онъ желалъ продлить эту дружескую бесѣду, отгоняя отъ себя мысленно все остальное. Между тѣмъ время шло, ночь уже давно настала. Изабелла, страшно утомившись послѣ дороги и всѣхъ треволненій въ продолженіе дня, просила позволенія супруга уйти въ свою комнату.

— Если вы позволите, завтра мы увидимся,—сказала она.

— Завтра?—переспросилъ герцогъ, точно пробудившись отъ сна.

Изабелла простилась съ мужемъ и пошла въ свои апартаменты. Пажи съ зажженными факелами освѣщали ей путь. При входѣ въ свою комнату Изабелла встрѣтила Лукрецію Фрескобальди и камеристокъ, которыя должны были раздѣватъ герцогиню. Но она сдѣлала имъ знакъ и осталась вдвоемъ съ Лукреціей.

— Несчастная я!..—вскричала Изабелла, падая на диванъ.

Фрескобальди старалась успокоить герцогиню, сколько могла. Но ничего не помогало. Убитая горемъ, томимая страшнымъ предчувствіемъ, Изабелла ломала руки, тяжело вздыхала и твердила, что она—несчастная...

Между тѣмъ Паоло Джіордано отправился на свою половину. Медленно шелъ онъ, не поднимая головы, какъ человѣкъ погруженный въ глубокую думу. Въ спальнѣ его встрѣтилъ Джіованнино.

— Я приготовилъ то, что̀ вы мнѣ изволили приказать, синьоръ герцогъ,—сказалъ онъ шопотомъ.

Джіордано при этихъ словахъ вздрогнулъ, какъ уязвленный въ самое больное мѣсто. Всматриваясь въ лицо Джіованнино, онъ будто припоминалъ что̀-то.

— Хорошо,—медленно проговорилъ онъ,—теперь можешь идти.

— Вы, синьоръ герцогъ, будьте совершенно покойны,—рапортовалъ палачъ,—веревка крѣпкая и привязана надежно.

— Пошелъ вонъ, тебѣ говорятъ!—вскричалъ Паоло Джіордано, сверкнувъ глазами на лакея.

Тотъ поспѣшилъ удалиться, но дойдя до порога, обернулся и сказалъ:

— Если вашей свѣтлости что̀-нибудь понадобится, то я буду здѣсь не подалеку, наготовѣ.

— Хорошо!—отвѣчалъ герцогъ, дѣлая нетерпѣливый жестъ.

Затѣмъ притворивъ дверь за уходившимъ слугой, Джіордано

сталъ ходить по комнатѣ, какъ всегда это дѣлалъ, когда въ душѣ его происходила борьба разнородныхъ чувствъ.

Какъ мало онъ походилъ теперь на того, какимъ онъ былъ утромъ!

— Прелестна моя жена, — шепталъ онъ, — и необыкновенно щедро одарена отъ природы, хороша, умна, талантлива! И все это совершенство принадлежитъ мнѣ! Во всякую минуту я могу пользоваться имъ, потому что оно мое.

Далѣе въ головѣ Паоло Джіордано возникъ рядъ вопросовъ. Не лучше ли постоянно пользоваться такимъ сокровищемъ, забывъ прошлое? Стоитъ ли на него обращать вниманіе, когда будущее сулитъ такъ много счастья? Если Изабелла и нарушила свой долгъ, то можно ли въ этомъ винить только ее одну? Онъ, который столько лѣтъ пренебрегалъ ею, подвергалъ соблазну, развѣ онъ не былъ столько же виновенъ, какъ и она? Развѣ для того, чтобы смыть позоръ недостаточно убить Троило, а ее простить?

А что̀ на это скажутъ его шуринъ Франческо, свѣтъ? Но что за дѣло до мнѣнія свѣта, если самому можно быть счастливымъ! Счастливымъ? Да, въ этомъ поэтическомъ убѣжищѣ, въ Черрето, вдали отъ мірскихъ заботъ и треволненій, подлѣ красавицы жены, страстно имъ любимой. Да, страстно любимой, потому что она дастъ ему счастье, за которымъ онъ не перестаетъ гоняться по свѣту.

«Какой я безумецъ, — разсуждалъ Джіордано, — развѣ можетъ быть счастливъ тотъ, кто любитъ чужую жену, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ: горю, мести и многимъ другимъ случайностямъ? Нѣтъ, истинное счастье въ любви собственной жены, въ мирѣ, въ полнотѣ обладанія. А развѣ Изабелла не достаточно прекрасна и обольстительна?»

Къ сожалѣнію, всѣ эти разумныя мысли не были слѣдствіемъ трезваго анализа, а вызваны были раздраженной чувственностью, съ удовлетвореніемъ которой безслѣдно пропадали и разумныя мысли. Это былъ моментъ, когда сладострастье преобладало надъ чувствомъ мести. Джіордано, бѣгая изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, живо представлялъ себѣ изящныя формы красавицы Изабеллы, ея томные и порой сверкающіе глаза, густые черные вьющіеся локоны, бѣлое тѣло; въ душѣ сластолюбца не было другого чувства, кромѣ страстнаго, жгучаго желанія, теперь же, сію же минуту сжать въ своихъ объятіяхъ эту обворожительную женщину...

Джіордано быстро отворилъ дверь своей комнаты, кликнулъ пажа и велѣлъ ему тотчасъ пригласить къ себѣ герцогиню Изабеллу.

Пажъ отправился исполнять приказаніе герцога.

Изабелла въ это время еще не ложилась и сидѣла съ своей компаньонкой Лукреціей.

Разговоръ герцогини Браччіано съ Лукреціей Фрескобальди по

поводу приглашенія Паоло Джіордано въ эту роковую ночь попалъ на страницы исторіи.

Мы оттуда его и заимствуемъ.

— Идти мнѣ спать къ мужу, или нѣтъ, какъ вы думаете?— спрашивала Изабелла свою компаньонку.

— Дѣлайте, что хотите. Но какъ бы тамъ ни было, все же онъ вашъ мужъ.

Изабелла рѣшила идти. Она думала, что если ей суждено умереть, то она не избѣгнетъ смерти, отвѣтивъ отказомъ на приглашеніе.

Мужъ ее встрѣтилъ съ страстью влюбленнаго. Бросившись къ ней, онъ ее обнялъ и осыпалъ поцѣлуями. Его пламенныя ласки возбудили надежду въ душѣ Изабеллы. «Онъ меня простилъ», думала она. Увы! несчастная женщина ошиблась. Послѣ удовлетворенія животнаго чувства, влюбленный Джіордано преобразился въ палача. Утомленная Изабелла не замѣтила этой перемѣны, она заснула. Если бы она увидала его при свѣтѣ лампады, то ужаснулась бы: до такой степени видъ его былъ отвратителенъ. Жажда кровавой мести снова воспалила его мозгъ и участь несчастной женщины была рѣшена. Голова красавицы Изабеллы покоилась на подушкѣ, она тихо спала. Вдругъ что-то охватило ея горло, стало давить, все сильнѣе и сильнѣе поднимая вверхъ...

Но кто же въ состояніи описывать эту ужасную сцену? Кто рѣшится на это? Обойдемъ молчаніемъ подробности преступленія.

Совершивъ страшное злодѣяніе, герцогъ позвалъ Джіованнино и приказалъ немедленно осѣдлать ему лошадь. Пока лакей бѣгалъ исполнить приказаніе, Джіордано одѣлся; онъ чувствовалъ потребность бѣжать отъ этого ужаснаго мѣста. Выйдя на крыльцо, онъ прыгнулъ на лошадь, далъ ей шпоры и понесся въ карьеръ на угадъ, безъ дороги и опредѣленной цѣли, желая свалиться куда-нибудь въ пропасть и размозжить себѣ голову. Но умное животное принесло его къ воротамъ Флоренціи, куда онъ и въѣхалъ еще до разсвѣта.

Изабелла лежала на супружескомъ ложѣ съ шеей, перетянутой веревкой, которая была спущена съ потолка изъ отверстія, замѣченнаго Гуеррацци. Лицо несчастной было страшно искажено. Такъ кончила принцесса, одаренная отъ природы необыкновенной красотой и многими талантами. По мнѣнію историковъ, герцогиня Изабелла могла бы осчастливить многихъ, если бы была «менѣе красива, болѣе добродѣтельна и имѣла бы лучшихъ родителей».

Ужасное происшествіе насколько возможно хранилось въ тайнѣ. Тѣло покойной, съ таинственной поспѣшностью заколоченное въ роскошный гробъ, было торжественно погребено, при чемъ достойные супругъ и братъ облеклись въ траурную одежду.

Слѣдуя обыкновенію своего семейства скрывать домашнія тра-

гедіи, или, вѣрнѣе сказать, злодѣйства, подъ видомъ несчастныхъ случайностей, Франческо Медичи сообщилъ всѣмъ дворамъ, что его сестра, герцогиня Браччіано, внезапно охваченная недугомъ въ то самое время, когда мыла себѣ голову, упала на руки прислужницъ и моментально скончалась, такъ что не успѣли оказать ей медицинской помощи.

Въ награду за убійство жены Паоло Джіордано получилъ еще болѣе щедрую плату, чѣмъ герцогъ Пьетро. Франческо де-Медичи уплатилъ далеко не маленькіе долги герцога Браччіано и, кромѣ того, послѣдній получилъ въ подарокъ виллу Поджіо Барончелли, переименованную впослѣдствіи въ Поджіо Императоре.

Теперь намъ остается сообщить, какъ кончили остальныя главныя лица этого разсказа.

Начнемъ съ Біанки и ея мужа.

Дружба великаго герцога и его супруги съ кардиналомъ Фердинандомъ съ нѣкоторыхъ поръ прекратилась окончательно. Фердинандъ уже не пріѣзжалъ изъ Рима во Флоренцію къ брату погостить, какъ это бывало прежде. Итальянскіе принцы тоже отшатнулись отъ Франческо де-Медичи. Всѣ они жестоко издѣвались надъ женой флорентійскаго деспота. Герцоги Савойскіе, Феррарскіе, Мантуанскіе, Падуанскіе и Пармскіе образовали между собой лигу враждебную тосканскому владыкѣ и рѣшили скрѣпить ее. Герцогъ Феррары уже женился на принцессѣ Маргаритѣ. Герцогъ донъ Винченцо, братъ послѣдней, обручился съ старшею дочерью герцога Пармскаго. Этотъ бракъ былъ оскорбленіемъ для Франческо де-Медичи, такъ какъ раньше донъ Гульельмо Гонзаго, герцогъ Мантуанскій, просилъ для этого же самаго сына донъ Винченцо руку Элеоноры де-Медичи, дочери герцога Франческо, и переговоры о совершеніи брака еще не были окончены. Узнавъ о предстоящей свадьбѣ, Франческо потребовалъ отъ герцога Мантуанскаго рѣшительнаго отвѣта. Герцогъ отвѣчалъ ему чрезъ своего флорентійскаго уполномоченнаго письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Я никогда особенно не стремился къ совершенію этого брака, теперь же мое нежеланіе усилилось въ виду *качествъ* особы, на которой женился великій герцогъ. Если дочери его свѣтлости не вполнѣ поручены *этой особѣ*, то всѣмъ извѣстно, что молодая принцесса прогуливается съ *этой особой* по Флоренціи. Я незнаю, чтобы могло меня расположить къ такому родству, сынъ мой, также не нашелъ бы счастья въ бракѣ, не представляющемъ ни тѣхъ выгодъ, ни той пользы, которыя намъ первоначально обѣщали».

Если послѣ подобнаго оскорбленія Франческо де-Медичи не рѣшился объявить войну герцогу Мантуанскому, то является оче-

виднымъ, что въ немъ погасъ воинственный пылъ отца, или же онъ боялся, чувствуя свою изолированность въ виду союза противъ него четырехъ герцоговъ.

Противники Франческо старались всячески его унизить, потѣшались надъ его супругой Біанкой, указывали на раздоръ его съ братомъ-кардиналомъ; вообще имя Медичи, когда-то почитаемое и внушавшее страхъ, сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ и остротъ.

Единственнымъ средствомъ, при помощи котораго Франческо могъ возстановить потерянный авторитетъ, было примиреніе его съ братомъ-кардиналомъ. Хитрая Біанка взялась за это дѣло. Пустивъ въ ходъ свою обычную систему, лесть, ей удалось примирить братьевъ. Первая вспышка гнѣва Фердинанда уже остыла, къ тому же онъ попрежнему постоянно нуждался въ субсидіи со стороны брата, а потому и высказалъ готовность примириться, даже благодарилъ Біанку за ея посредство. Вскорѣ между Фердинандомъ и его братомъ произошло полное примиреніе въ виллѣ Пратолино, во время сбора винограда и роскошной охоты въ 1580 году. Послѣ этого, кардиналъ провелъ тамъ всю слѣдующую зиму.

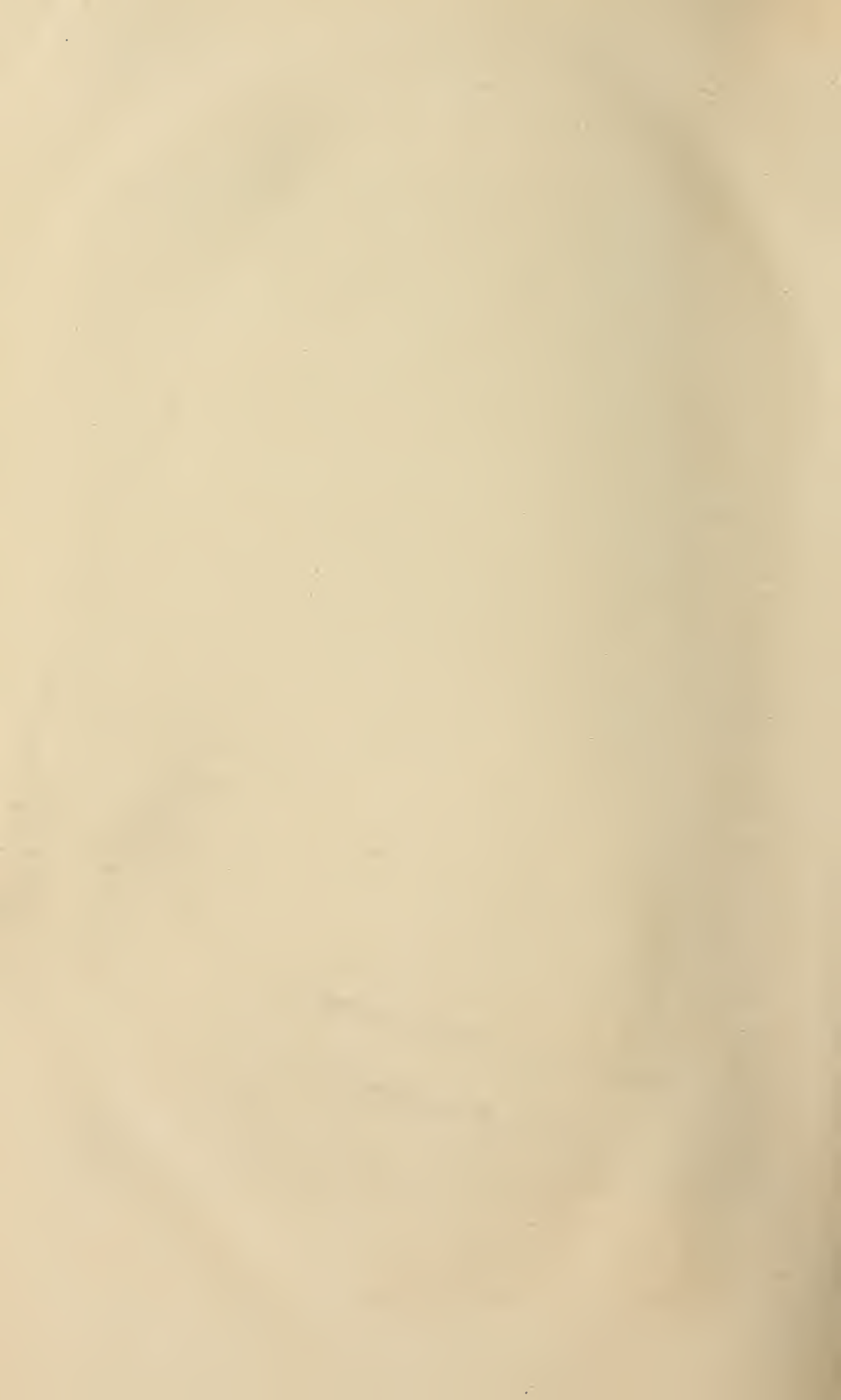
Біанка употребляла неимовѣрныя усилія, чтобы заслужить расположеніе кардинала. Герцогъ Франческо также былъ съ нимъ очень хорошъ, не предпринимая ничего важнаго безъ его совѣта. Подъ вліяніемъ такой любезности Біанки и братской любви герцога, кардиналъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы уничтожить лигу, составленную противъ герцога Франческо де-Медичи. По возвращеніи въ Римъ, онъ воспользовался дружбой кардинала Д'Эсте и Гонзаго и отклонилъ ихъ отъ союза съ Фарнезе, что было достаточно для совершеннаго уничтоженія лиги, противъ дома Медичи.

Біанка была въ восторгѣ отъ благопріятныхъ послѣдствій примиренія, виновницей котораго считала себя. Но эта удача ни мало не способствовала къ возстановленію ея собственной репутаціи среди общества. Флорентійцы попрежнему глубоко ее ненавидѣли и презирали. Они не желали сносить господства женщины дурной репутаціи. Всѣ осуждали Біанку и считали ее причиной смерти великой герцогини. Каждый шагъ бывшей фаворитки осуждался. Граждане приходили въ негодованіе за ея расточительность, припоминая какъ герцогъ Франческо былъ скупъ, по отношенію къ покойной герцогинѣ, лишая ее самаго необходимаго, тогда какъ на Біанку тратились баснословныя суммы денегъ на всѣ ея прихоти и затѣи, какъ, напримѣръ, на украшеніе виллы Пратолино и т. д.

Въ народѣ ходили разные толки про Біанку и ея мужа. Бывшую фаворитку иначе не называли, какъ strega—вѣдьма. Разсказывались безчисленныя исторіи про ея жестокости и звѣрскіе поступки съ подчиненными. Затѣмъ, передавали о ея занятіяхъ

Насильственная смерть Изабеллы.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.



въ любимой виллѣ. До сихъ поръ въ Пратолино показываютъ комнату, названную лабораторіей Біанки, гдѣ она будто бы подвѣшивала маленькихъ дѣтей надъ кипящимъ котломъ и собирала стекавшій при этомъ съ ребенка жиръ, изъ котораго приготовлялась мазь для натиранія тѣла, чтобы оно сохраняло свѣжесть и упругость. Репутацію колдуньи Біанка пріобрѣла вслѣдствіе ея любви къ физическимъ опытамъ и занятіямъ натуральной магіей. Но главная причина народной ненависти къ Біанкѣ заключалась въ томъ, что венеціанка расплодила кругомъ себя безчисленное количество шпіоновъ. Всѣ они были у нея на жалованьи, исполняя должность доносчиковъ. Придворные отличались своей жестокостью и несправедливостью, дѣлали массу преступленій, и все это имъ сходило съ рукъ, благодаря снисходительности ихъ повелительницы.

Болѣе всѣхъ возбуждалъ ненависть братъ Біанки, Витторіо Капелло. Устроившись при флорентійскомъ дворѣ, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ зятя, герцога Франческо, и сталъ заправлять всѣми государственными дѣлами, страшно гордился довѣріемъ къ нему герцога и на каждаго флорентійца смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Наконецъ, въ своей надменности онъ дошелъ до того, что забылъ должное уваженіе къ самому герцогу. Онъ безъ вѣдома послѣдняго сталъ награждать недостойныхъ людей, вымогая у гражданъ деньги, притѣснялъ честныхъ людей и дѣлалъ все, что̀ хотѣлъ. Наконецъ, онъ дошелъ до послѣдней степени нахальства. Видя, что ему все сходитъ съ рукъ, Витторіо попросилъ у зятя три тысячи скуди въ займы. Герцогъ далъ ему письменный приказъ о выдачѣ этой суммы изъ казначейства. Витторіо, получивъ приказъ, передѣлалъ изъ цифры 3 т., 30 т. и предъявилъ казначею. Послѣдній, какъ опытный человѣкъ, видя подлогъ, не выдалъ денегъ, а записку представилъ герцогу Франческо. Низкій поступокъ шурина былъ открытъ. Но Капелло нетолько не раскаялся въ немъ, но даже въ присутствіи казначея, нагло отрицалъ подлогъ.

Герцогъ окончательно вышелъ изъ себя и рѣшилъ совсѣмъ уволить его отъ службы, предварительно переговоривъ съ женой. Хитрая Біанна нашла неудобнымъ на этотъ разъ отстаивать брата, также пришла въ сильное негодованіе и согласилась съ мужемъ, что провинившагося сдѣдуетъ уволить отъ службы немедленно. Такимъ образомъ Витторіо Капелло пришлось черезъ три дня покинуть Флоренцію.

Пылая чувствомъ мщенія къ зятю и сестрѣ, Витторіо Капелло, возвратившись въ Венецію, сталъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы поссорить Республику съ тосканскимъ герцогомъ и его женой. Почва для этого оказалась вполнѣ благопріятною. Венеціанцы были недовольны герцогомъ Франческо, разочаровавшись въ тѣхъ выгодахъ, которыхъ они ожидали отъ брака флорентійскаго

герцога съ Біанкой Капелло. Увольненіе Витторіо Капелло отъ службы, перетолкованное послѣднимъ сообразно его цѣлямъ, было принято гордыми венеціанцами, какъ знакъ оскорбленія и вообще разрушало ихъ планы, такъ какъ черезъ Капелло они знали все происходившее во Флоренціи. Въ виду всего этого, венеціанская знать возстала противъ герцога Франческо и даже старалась повредить его отношеніямъ къ испанскому королю.

Франческо и Біанка, въ свою очередь, возмутились противъ Республики и между обѣими партіями возникла сильная вражда. Таково было положеніе дѣлъ, когда герцогъ Феррары предложилъ венеціанскому дожу женить своего сына, дона Чезаре, на его племянницѣ, которую Республика превозгласила своей дочерью, съ той же торжественностью, какъ это было сдѣлано для Біанки Капелло. Хотя переговоры объ этомъ дѣлѣ велись съ чрезвычайной таинственностью, но великая герцогиня тосканская узнала о немъ. Чрезъ флорентійскаго резидента въ Венеціи Біанка представила сенату протестъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Честь быть дочерью Республики,—писала великая герцогиня,—въ прежнее время такъ высоко цѣнилась, что достигнуть ея могли только коронованныя особы и принцессы, мужья которыхъ по рангамъ или могуществу стояли почти наравнѣ съ королями. Но какъ сильно падетъ этотъ титулъ, если жены князей, ничѣмъ не отличающіяся отъ простыхъ дворянъ, будутъ получать его!»

Далѣе Біанка говорила о вредѣ, нанесенномъ ея правамъ и достоинству, благодаря тому, что мужу ея, герцогу Франческо, было оказано мало уваженія, между тѣмъ, какъ великій герцогъ всегда былъ вѣрнымъ и почтительнымъ сыномъ Республики. И наконецъ, она заявляла, что не дружба и уваженіе заставили Республику пожаловать ей знакъ благоволенія, а жажда власти, ибо она, Біанка, узнала, что мужъ ея былъ оклеветанъ въ Испаніи венеціанскимъ посланникомъ.

Это письмо было прочитано въ Сенатѣ и возбудило всеобщій смѣхъ. Біанкѣ рѣшено было отвѣтить, что мать можетъ предписывать законы дочери, но никакъ не дочь матери. Хотя предполагаемый бракъ и не состоялся, но отношенія герцога Франческо къ венеціанской Республикѣ продолжали быть натянутыми. Ко всему этому флорентійскій герцогъ затѣялъ споръ съ Республикой по поводу взятія Санъ-Стефанскими галерами судна, что послужило къ увеличенію вражды, и венеціанская Республика окончательно отвернулась отъ великаго герцога Тосканы.

Между тѣмъ во Флоренціи стали говорить, что великая герцогиня, укрѣпившись физически, получила способность къ дѣторожденію и забеременѣла. Кардиналъ Фердинандъ не могъ забыть хитростей, употребленныхъ Біанкой для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей и заподозрилъ новый обманъ со стороны невѣстки, что послужило опять къ разладу его съ братомъ. Тутъ же кстати

умеръ и донъ Филиппо, законный наслѣдникъ престола, сынъ покойной герцогини Іоанны. Это послѣднее обстоятельство окончательно побудило кардинала Фердинанда позаботиться о томъ, чтобы не угасъ родъ Медичи. Желая предупредить новую продѣлку со стороны Біанки, онъ написалъ къ брату Пьетро, прося его вернуться во Флоренцію и жениться вторично; а такъ какъ донъ Пьетро отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, то кардиналъ задумалъ снять пурпуровую мантію и самъ жениться.

Опасенія кардинала еще болѣе усилились, когда братъ его, великій герцогъ Франческо, публично объявилъ своимъ законнымъ сыномъ донъ-Антоніо, подставленнаго Біанкой и, какъ было извѣстно всѣмъ, совершенно посторонняго человѣка, не состоявшаго ни въ какомъ родствѣ съ семействомъ де-Медичи. Герцогъ Франческо надѣлилъ Антоніо многими землями, частью конфискованными у обвиняемыхъ въ возмущеніи, частью купленными на казенныя деньги, и выхлопоталъ для него у короля испанскаго титулъ принца Капестрано, назначивъ Антоніо нѣмецкій конвой, такъ что всѣ во Флоренціи стали считать молодого принца наслѣдникомъ престола и вторымъ лицомъ въ государствѣ. Не трудно было угадать, что вся эта продѣлка была устроена Біанкой, которая въ импровизированномъ своемъ сынѣ думала имѣть поддержку въ случаѣ смерти герцога Франческо. Кардиналъ Фердинандъ, уже не стѣсняясь, сталъ открыто выказывать невѣсткѣ свое нерасположеніе. Но хитрая интриганка не желала явнаго разрыва съ кардиналомъ, а продолжала угождать ему еще болѣе прежняго, стараясь при каждомъ удобномъ случаю выказать ему свою преданность.

Въ то же самое время Біанка изощряла свое женское лукавство въ переговорахъ самаго оригинальнаго свойства. Какъ мы уже знаемъ, принцесса Фарнезе Пармская предназначалась въ жены дону Винченцо Гонзаго, сыну донъ Гульельмо, герцога Мантуанскаго. Послѣдній, возлагавшій на сыновей надежды по продленію рода своего, увидавъ будущую невѣстку, сталъ безпокоиться и усомнился въ ея способности быть матерью, такъ какъ принцесса была слабаго здоровья. Вслѣдствіе этого невѣсту, уже прибывшую въ Мантуу, отослали обратно въ Парму къ роднымъ.

Фарнезе крайне оскорбились такой неприличной выходкой и рѣшились отмстить принцу Мантуанскому, приписавъ ему тотъ же самый недостатокъ, въ которомъ была обвинена невѣста, т. е. въ неспособности къ обязанностямъ мужа. Между обѣими сторонами завязался ожесточенный споръ, возбудившій много толковъ при итальянскихъ дворахъ и послужившій матеріаломъ для сатирическихъ сочиненій. Герцогъ Мантуанскій просилъ папу разобрать это дѣло. Его святѣйшество поручилъ его кардиналу Баромео. Этотъ послѣдній, не желая обидѣть ни ту, ни другую сторону, убѣждалъ молодую принцессу поступить въ монастырь и тѣмъ по-

ложить конецъ пререканіямъ и избѣгнуть непріятнаго приговора. Тѣмъ временемъ Гульельмо Гонзаго искалъ для сына другой невѣсты и снова обратился съ предложеніемъ къ Элеонорѣ де-Медичи. Герцогъ Франческо торжествовалъ: онъ теперь имѣлъ возможность отмстить за дерзкое письмо, полученное имъ, какъ мы знаемъ, отъ герцога Мантуанскаго, когда шли первые переговоры по поводу сватовства дона Винченцо. Настроенный Біанкой, герцогъ отвѣчалъ, что охотно приметъ предложеніе, если сынъ герцога донъ Винченцо опровергнетъ взводимое на него семействомъ Фарнезе обвиненіе. «Женихъ,—писалъ Франческо,—долженъ доказать, что соединяетъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для хорошаго мужа». Напрасно кардиналъ Баромео и его товарищи старались увѣрить, что выраженное Фарнезе сомнѣніе было ничто иное, какъ вымыселъ, желаніе отмстить герцогу Мантуанскому—ничто не помогало. Франческо былъ непреклоненъ.

Несчастный юноша, сдѣлавшійся невольно притчей во языцѣхъ, донъ Винченцо, ни за что̀ не соглашался подвергнуть себя этому унизительному испытанію. Біанка же настаивала на своемъ и, наконецъ, обратилась къ папѣ съ просьбой понудить герцога Мантуанскаго исполнить требованіе мужа. Папа, обсудивъ эту просьбу съ теологами и кардиналами, рѣшилъ назначить пробу, такъ какъ этого требовали интересы герцоговъ, но съ тѣмъ, чтобы эксперименты производились не въ пятницу.

Біанка нагло хвасталась, что съумѣла такъ ловко повести столь щекотливое дѣло. Такъ какъ требованіе герцога тосканскаго было исполнено и препятствіе къ свадьбѣ устранено, то бракъ принца Винченцо съ дочерью герцога Франческо Элеонорою и былъ торжественно совершонъ. Въ то же самое время дочь покойнаго герцога Козимо, отъ его второй жены Камиллы Марчеллы, принцесса Вирживія вышла замужъ за феррарскаго принца, донъ Цезаря д'Эсте. Такимъ образомъ домъ Медичи пріобрѣлъ новую силу, породнившись съ двумя владѣтельными принцами, что значительно улучшило положеніе флорентійскаго двора по отношенію къ внѣшней политикѣ.

Между тѣмъ разладъ Франческо съ братомъ усиливался. Министры герцога Франческо, Сергуиди и Аббіозо, креатуры Біанки, какъ нельзя болѣе способствовали враждѣ между герцогомъ Франческо и кардиналомъ Фердинандомъ, увѣряя герцога, что братъ его по своему чрезмѣрному честолюбію мечтаетъ только о власти. Отъ природы подозрительный и недовѣрчивый, какъ его покойный отецъ, герцогъ Франческо охотно вѣрилъ всѣмъ этимъ розсказнямъ, въ сущности исходившимъ отъ Біанки, и все болѣе и болѣе отдалялся отъ брата.

Таково было положеніе дѣлъ, когда донъ Пьетро пріѣхалъ изъ Италіи во Флоренцію. Въ его свитѣ находился нѣкто Довардъ,

человѣкъ фальшивый и наглый, пріобрѣтшій скоро дружбу министра Сергуиди, а съ нею вмѣстѣ, конечно, довѣріе герцога Франческо и его супруги. Этотъ хитрый испанецъ съумѣлъ еще болѣе усилить недовѣріе Франческо и Біанки къ кардиналу Фердинанду. Пріѣхавъ во Флоренцію къ свадьбѣ донны Виржиніи, кардиналъ былъ принять братомъ чрезвычайно холодно, что и побудило его тотчасъ же послѣ брака вернуться въ Римъ.

Не задолго до отъѣзда кардинала въ Римъ, по городу опять стали ходить слухи о беременности Біанки. На этотъ разъ Фердинандъ болѣе чѣмъ когда-нибудь сталъ опасаться обмана со стороны хитрой венеціанки, такъ какъ герцогъ Франческо и его придворные говорили съ полной увѣренностью о беременности великой герцогини. Поэтому, прежде чѣмъ уѣхать въ Римъ, онъ тайно поручилъ брату, донъ Пьетро, слѣдить за Біанкой. Пьетро охотно взялъ на себя это порученіе. Наблюдая за супругой брата, донъ Пьетро, не смотря на свою пустоту, видѣлъ во всѣхъ ея поступкахъ плутни и обманъ; всѣ дѣйствія Біанки внушали ему подозрѣнія, и онъ нерѣдко увлекался, впадалъ въ крайности и дѣлалъ не совсѣмъ основательныя заключенія. Когда изъ Болоньи во Флоренцію пріѣхала графиня Пелегрина Бентивольо (дочь Біанки отъ перваго мужа Бонавентури), донъ Пьетро вообразилъ, что она имѣетъ намѣреніе помогать матери въ ея обманѣ. Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ писалъ брату Фердинанду слѣдующее:

«Я недавно узналъ, изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что Пелегрина беременна. Всѣ, конечно, это тщательно скрываютъ. Рѣшили удалить графа Улисса (мужа Пелегрины) и перевести беременную графиню во дворецъ. Мнѣ также удалось узнать, что комнаты, предназначенныя для графини, имѣютъ сообщеніе чрезъ витыя лѣстницы съ комнатами Біанки. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ является вполнѣ яснымъ намѣреніе этихъ женщинъ. Чтобы привести въ исполненіе свой планъ, онѣ распустили слухъ о болѣзни графини, вѣроятно для того, чтобы скрыть ея беременность. Но это обстоятельство еще болѣе подтвердило мои подозрѣнія. Желая прослѣдить до конца ихъ планъ, я все обдумалъ и вижу, что едва ли мнѣ удастся помѣшать осуществленію ихъ замысла. Въ виду беременности Пелегрины, они имѣютъ возможность привести свой планъ въ исполненіе. И не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что герцогъ охотно согласится объявить своимъ наслѣдникомъ ребенка родной дочери Біанки, чѣмъ кого-либо изъ своихъ родственниковъ».

Фердинандъ отвѣчалъ брату, что его подозрѣнія преувеличены.

«Беременность Пелегрины, — писалъ онъ, — для меня гораздо менѣе подозрительна, чѣмъ всякая другая; тутъ потребуется столько условій, какъ, напримѣръ, время, мѣсто, способъ, качества и число лицъ и т. д. Вообще объ этомъ тревожиться не стоитъ. Хотя я и

очень доволенъ вашими открытіями, но все-таки полагаю, что дѣло задумано иначе, а уловками, на которыя вы указываете, они хотятъ лишь отклонить всеобщее вниманіе: Обыкновенно въ такихъ случаяхъ ищутъ беременную женщину въ народѣ».

Въ заключеніе кардиналъ совѣтовалъ Пьетро быть осмотрительнѣе, не увлекаться мелочами, чтобы не упустить изъ виду важнѣйшихъ обстоятельствъ.

Но всѣ эти благоразумные совѣты осторожнаго Фердинанда ровно ни къ чему не послужили. Донъ Пьетро не обладалъ въ достаточной степени ловкостью и тактомъ для того, чтобы скрыть свои намѣренія. Его продолжительное пребываніе при флорентійскомъ дворѣ уже возбуждало подозрѣнія. Кромѣ этого, онъ самъ себя выдалъ. Разъ, болтая съ прислугой, онъ сказалъ, что имѣетъ намѣреніе оставаться во Флоренціи до родовъ герцогини Біанки. Министръ Сергуиди тотчасъ же узналъ объ этомъ и поспѣшилъ сообщить герцогу Франческо и его супругѣ, которые догадались, что Пьетро слѣдитъ за ними по порученію кардинала Фердинанда. Съ этихъ поръ герцогъ Франческо и Біанка стали открыто высказывать Пьетро, что были бы очень довольны его отъѣздомъ изъ Флоренціи. Герцогъ окончательно лишилъ его всякой возможности бывать въ апартаментахъ Біанки и сталъ обращаться съ нимъ съ самой оскорбительной грубостью. Но, не смотря на все это, донъ Пьетро не уѣзжалъ и поспѣшилъ сообщить обо всемъ кардиналу, прося позволенія покинуть Флоренцію. Кардиналъ упрашивалъ его повременить нѣкоторое время, «такъ какъ истина, говорилъ онъ, должна скоро обнаружиться».

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, разъ утромъ, министръ Сергуиди явился къ донъ Пьетро и сообщилъ ему отъ имени великаго герцога Франческо, что получено изъ Генуи извѣстіе о приготовленіи нѣсколькихъ отличныхъ галеръ для отплытія въ Испанію и что этотъ случай для него, донъ Пьетро, самый благопріятный, и имъ слѣдуетъ воспользоваться. Наконецъ, герцогъ Франческо и его жена выразили желаніе, чтобы донъ Пьетро поскорѣе вернулся къ испанскому двору. Біанка даже пригласила донъ Пьетро къ себѣ и уговаривала воспользоваться удобнымъ случаемъ. Донъ Пьетро отвѣчалъ, что благодаритъ ихъ свѣтлость за совѣты, но не можетъ ими воспользоваться, ибо считаетъ своей обязанностью присутствовать при родахъ великой герцогини. Тогда Біанка, видя, что нѣтъ никакихъ средствъ избавиться отъ назойливости этого человѣка, объявила ему, что вопросъ о ея беременности еще не рѣшонъ, хотя и есть нѣкоторые признаки, но что они крайне преувеличены герцогомъ Франческо, что если она будетъ дѣйствительно беременна, то сообщитъ ему, Пьетро, объ этомъ первому, и въ томъ даетъ честное слово великой герцогини и венеціанской дворянки. Затѣмъ Біанка прибавила, что по всей вѣроятности бу-

детъ въ состояніи положительно сказать, беременна она или нѣтъ, до праздника св. Іоанна, «потому что, говорила Біанка, я рѣшила принимать очистительныя лекарства, такъ какъ чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Теперь пока мнѣ кажется, если я беременна,— добавила она,—то не болѣе трехъ мѣсяцевъ». Весь этотъ разговоръ донъ Пьетро поспѣшилъ сообщить въ Римъ брату Фердинанду, присовокупивъ, что Біанка очень перемѣнилась къ худшему.

Послѣ увѣренія Біанки, что она сообщитъ о своей беременности, донъ Пьетро нашелъ возможнымъ покинуть Флоренцію. Между тѣмъ герцогъ Франческо былъ вполнѣ увѣренъ въ беременности Біанки и даже не терпѣлъ, чтобы кто-нибудь выражалъ сомнѣніе по поводу этого обстоятельства. Онъ писалъ брату Фердинанду, чтобы тотъ пріѣзжалъ присутствовать при родахъ Біанки. На это кардиналъ отвѣчалъ ему, что готовъ пріѣхать, но лишь тогда, когда беременность будетъ несомнѣнно доказана. Герцогъ Франческо разсердился на брата и отвѣтилъ ему дерзкимъ письмомъ, въ которомъ пенялъ за его отказъ. «Я уже достаточно наслушался разныхъ толковъ,—писалъ Франческо,—относительно предметовъ ясныхъ, какъ день. Меня предупреждали, что вы не пріѣдете, но я хотѣлъ очистить мою совѣсть и пригласилъ васъ, но получилъ отказъ. Пришлите по крайней мѣрѣ кого-нибудь къ тому времени, когда Богу будетъ угодно помочь великой герцогинѣ счастливо разрѣшиться отъ бремени». Но кардиналъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить въ беременность невѣстки и въ подобномъ духѣ отвѣчалъ своему брату.

Между тѣмъ Біанка, будто не зная о недоразумѣніяхъ, снова возникшихъ между братьями, постоянно писала кардиналу Фердинанду и увѣряла его въ своей преданности. Относительно же своей беременности выражала неувѣренность и слабую надежду. «Мнѣ было бы крайне прискорбно, — говорила она, — еслибы наши надежды не осуществились; хотя я и замѣчаю въ себѣ нѣкоторые признаки беременности, какъ, напримѣръ, движеніе плода, который уже достигъ довольно значительныхъ размѣровъ».

Другой разъ Біанка писала Фердинанду: «Мой господинъ, великій герцогъ, и я рѣшили позвать ученыхъ спеціалистовъ, чтобы они изслѣдовали меня и сказали свое мнѣніе. Одна акушерка, осмотрѣвъ меня, сказала, что я беременна; другая же утверждала, что нѣтъ. И каждая изъ нихъ научно доказывала свое мнѣніе. Все это очень насъ смутило, а меня въ особенности, потому-что я не могу лечиться, какъ этого требуетъ мое здоровье».

Выражая неувѣренность въ своей беременности, Біанка хотѣла усыпить бдительность надъ ней кардинала. Съ той же самой цѣлью она, какъ мы знаемъ, объявила донъ Пьетро, что сомнѣвается въ своей беременности и, если беременна, то не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Чтобы окончательно отклонить подозрѣніе въ кардиналѣ, что

она опять хочетъ продѣлать ту же хитрую комедію съ беременностью, которую уже разъ продѣлала, Біанка сама очень горячо упрашивала Фердинанда пріѣхать къ ея родамъ.

Но всѣ эти предосторожности и попытки отклонить подозрѣніе ровно ни къ чему не послужили. Біанка увидала, что за ней усиленно слѣдятъ и что второй разъ продѣлать фальшивые рòды и взять чужого ребенка и выдать за своего—опасно. Въ виду такихъ соображеній, она, въ одно прекрасное утро, торжественно объявила, что всѣ признаки беременности исчезли, а увеличеніе живота происходило отъ болѣзни. Такъ и кончилась ничѣмъ эта новая попытка Біанки, и супругъ ея долженъ былъ разочароваться въ своихъ сладкихъ надеждахъ.

Герцогиня, конечно, не замедлила сообщить объ этомъ и въ Римъ. Вотъ что она писала кардиналу:—«Послѣ очистительнаго и піявокъ я почувствовала себя значительно лучше. Животъ мой, кажется, уменьшается. Мы скоро переѣзжаемъ въ Пратолино; тамъ должно окончиться мое леченіе и я надѣюсь поправиться, чего въ особенности желаю, чтобы постоянно имѣть возможность служить вамъ».

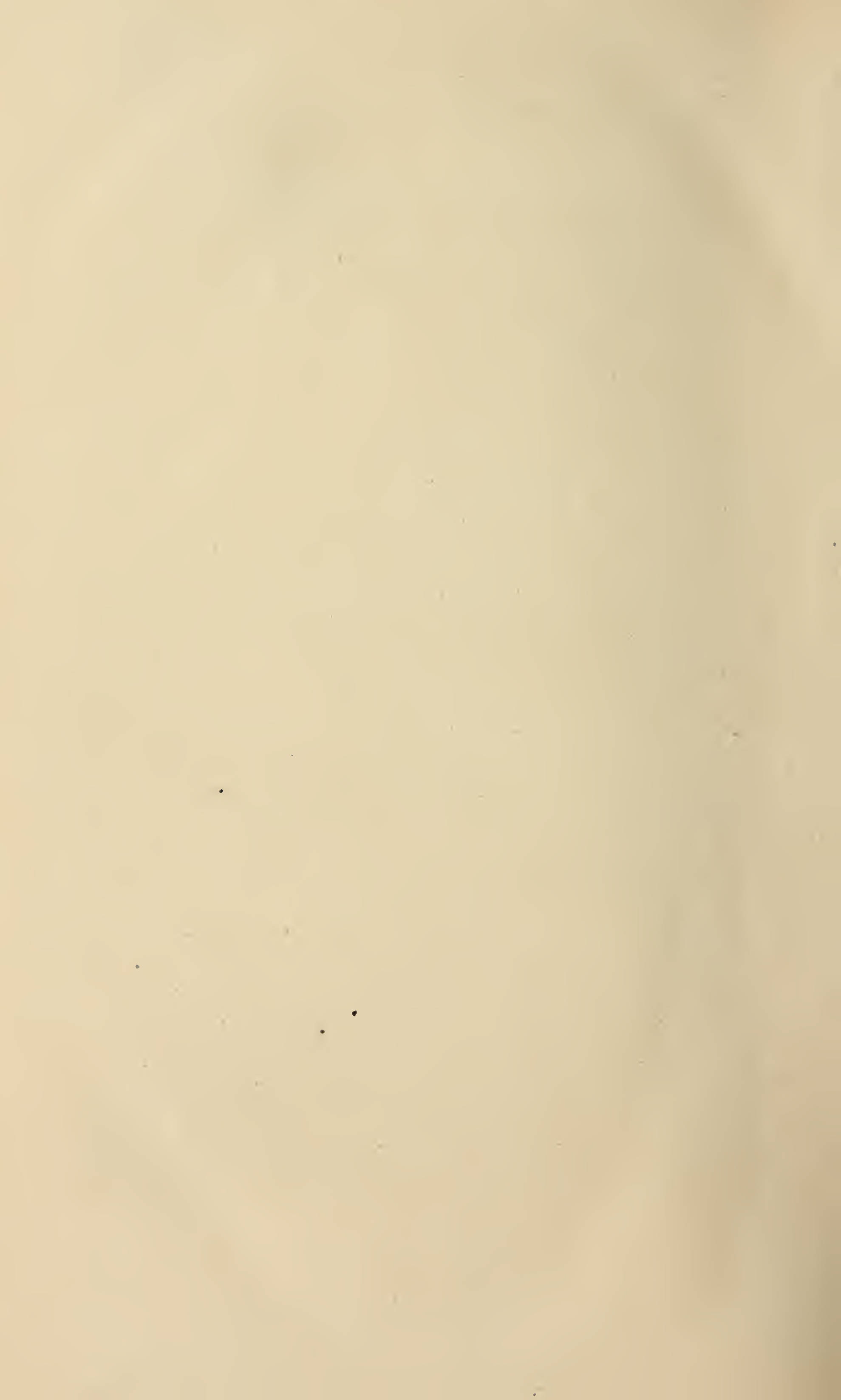
Тѣмъ не менѣе вражда между кардиналомъ и герцогомъ продолжалась, что было одной изъ главныхъ причинъ утраты вліянія и потери престижа обоихъ Медичи при римскомъ дворѣ; враги старались ихъ чернить при всякомъ удобномъ случаѣ. Папа Сикстъ V, тотъ самый, который получилъ тіару, благодаря вліянію кардинала де-Медичи, старался подорвать его авторитетъ. Тогда кардиналъ Фердинандъ увидѣлъ, что ради общихъ семейныхъ интересовъ необходимо примириться съ братомъ, великимъ герцогомъ тосканскимъ. Самой ловкой посредницей въ этомъ дѣлѣ кардиналъ считалъ Біанку. Хотя въ душѣ она глубоко ненавидѣла Фердинанда, но наружно всегда старалась поддерживать съ нимъ добрыя отношенія и нерѣдко оказывала ему услуги. Кардиналъ зналъ это и рѣшился написать невѣсткѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, была слѣдующая фраза:

«Я всегда любилъ и уважалъ вашу свѣтлость за всѣ ваши достоинства, а больше всего за ваше умѣнье поддерживать хорошія семейныя отношенія». Далѣе, указавъ на всю невыгоду семейнаго разлада, кардиналъ просилъ Біанку способствовать примиренію его съ братомъ.

Біанка, въ головѣ которой давно уже созрѣлъ адскій планъ по отношенію къ ея ненавистному врагу, Фердинанду де-Медичи, горячо взялась за это дѣло. Она тотчасъ же поспѣшила отвѣтить кардиналу, что съ особеннымъ удовольствіемъ готова исполнить его желаніе. «Вы можете быть увѣрены, ваше высочество, — писала хитрая интриганка,—что я днемъ и ночью мечтаю лишь объ одномъ (пусть Богъ не дастъ мнѣ радости въ жизни, если

Женоубійца.

дозв. ценз. спб., 21 марта 1890 г.



это не такъ), чтобы между вами и моимъ мужемъ была постоянная братская любовь, чтобы рана вражды закрылась окончательно, чтобы она не только не гноилась, но послѣ нея не оставалось бы даже и слѣдовъ».

Затѣмъ Біанка пустила въ ходъ всю свою ловкость, повліяла на мужа и достигла цѣли. Герцогъ Франческо поручилъ ей написать брату, что онъ готовъ съ нимъ помириться. Въ то же самое время кардиналу была послана крупная сумма денегъ, въ которой онъ давно нуждался. Фердинандъ горячо благодарилъ Біанку и обѣщалъ пріѣхать во Флоренцію будущей осенью. И дѣйствительно, въ октябрѣ 1587 года, кардиналъ пріѣхалъ въ столицу Тосканы и былъ принятъ братомъ и его женой истинно по родственному.

Съ этихъ поръ между братьями Медичи, повидимому, состоялось полное примиреніе. Герцогъ Франческо умолялъ Фердинанда простить ему его рѣзкость и далъ торжественное обѣщаніе изгладить изъ памяти подозрѣнія, внушенныя ему его фаворитами. Фердинандъ благодарилъ герцога и въ свою очередь увѣрялъ его, что онъ его лучшій другъ.

Такимъ образомъ между кардиналомъ, герцогомъ Франческо и его женой установилась самая тѣснѣйшая дружба. Вскорѣ дворъ отправился въ Поджіо, гдѣ осенью всегда устроивалась великолѣпная охота. Здѣсь Біанка употребляла всѣ усилія, чтобы доставить удовольствіе дорогому гостю. Охоты, балы, банкеты, кавалькады и проч. устроивались безпрерывно. Между тѣмъ адскій планъ уже вполнѣ созрѣлъ въ головѣ мстительной венеціанки.

Въ одинъ прекрасный полдень, когда трое друзей шли завтракать, Біанка рекомендовала кардиналу обратить вниманіе на великолѣпный тортъ, красовавшійся среди другихъ блюдъ на столѣ. Любезная герцогиня объявила, что тортъ этотъ приготовленъ ея руками для дорогого гостя, и просила Фердинанда сдѣлать ей честь попробовать ея стряпни. Догадался ли кардиналъ, что тортъ, приготовленный Біанкой, не совсѣмъ удобенъ для пищеваренія, или нѣтъ,—исторія умалчиваетъ, но дѣло въ томъ, что онъ почтительно отказался **первый** пробовать тортъ. Великій герцогъ Франческо, ничего не подозрѣвая, объявилъ, что готовъ показать примѣръ, и съ этими словами взялъ кусокъ торта и съѣлъ. Біанка, при всемъ своемъ умѣньи владѣть собою, затрепетала. Тортъ, приготовленный ею, дѣйствительно не особенно былъ полезенъ для желудка, потому что въ немъ заключался ядъ. Считая смерть мужа неминуемой, и не желая попасть въ зависимость къ своему страшному врагу—Біанка предпочла умереть и также съѣла кусокъ торта. Отъ кардинала не ускользнулъ трепетъ герцогини и онъ отказался попробовать пирожнаго, приготовленнаго руками ея свѣтлости.

На другой день, великій герцогъ Франческо де-Медичи и его супруга Біанка скончались. Фердинандъ сбросилъ кардинальскую пурпуровую мантію и надѣлъ корону великаго герцога Тосканскаго. Брату Франческо онъ устроилъ пышныя похороны. Тѣло же герцогини Біанки было перенесено во Флоренцію и поставлено въ церкви св. Лоренцо, въ сакристіи. Когда спросили Фердинанда, слѣдуетъ ли выставить тѣло покойной герцогини съ короной на головѣ,—онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ?—она и такъ долго носила корону.

Далѣе на вопросъ, гдѣ хоронить Біанку, герцогъ сказалъ:

— Хороните, гдѣ хотите, только не тамъ, гдѣ наши могилы.

Вслѣдствіе такихъ приказаній новаго герцога, Біанку похоронили вдали отъ склепа св. Лоренцо. Затѣмъ, велѣно было снять со всѣхъ зданій гербъ Капелло и замѣнить его гербомъ Іоанны Австрійской.

Исторія убійцы прелестной герцогини Изабеллы также весьма плачевна. Совершивъ страшное преступленіе, Паоло Джіордано вернулся въ Римъ и въ объятіяхъ своей очаровательной Виржиніи Аккорамбони Перетти забылъ весь міръ. Здѣсь необходимо замѣтить, что любовница Орсини была женою Франческо Перетти, племянника кардинала Монтальдо, впослѣдстіи папы Сикста V-го. Современные историки говорятъ, что Виржинія была одною изъ самыхъ обворожительнѣйшихъ женщинъ своей эпохи и возбуждала всеобщій восторгъ; въ особенности къ ней былъ неравнодушенъ кардиналъ Фарнезе, личность чрезвычайно вліятельная. Но такъ какъ Фарнезе имѣлъ болѣе шестидесяти лѣтъ, то и не могъ получить взаимности со стороны прекрасной Виржиніи, а равно и возбудить ревность въ ея любовникѣ. Получивъ право путемъ убійства вновь сочетаться бракомъ, Паоло Джіордано уже не довольствовался прежними отношеніями къ Виржиніи и рѣшилъ покончить съ ея мужемъ Перетти, стѣснявшимъ его свободную любовь.

Нанявъ шайку головорѣзовъ, онъ поручилъ имъ убить Перетти. Злодѣи въ точности исполнили возложенное на нихъ порученіе. Когда, ночью, ничего не подозрѣвавшій Перетти возвращался домой съ веселаго ужина, они подкараулили его и убили. Преступленіе, разумѣется, надѣлало много шума въ Римѣ, всѣ заподозрѣли Паоло Джіордано и его любовницу, которыхъ и посадили въ замокъ св. Ангела, какъ обвиняемыхъ въ предумышленномъ убійствѣ Перетти, но, по недостатку явныхъ уликъ, вскорѣ выпустили, освободивъ отъ суда и слѣдствія. Едва выпущенный изъ тюрьмы, Паоло Джіордано, задумалъ жениться на вдовѣ Перетти. Но этому болѣе всѣхъ воспротивился кардиналъ, Фердинандъ Медичи, бывшій въ то время въ Римѣ, объявляя такой бракъ не благовиднымъ для своего зятя, который какъ бы принималъ на себя тяжесть обвиненія въ убійствѣ, открывшемъ ему путь къ желанному союзу.

Фердинандъ горячо возставалъ противъ намѣренія Паоло Джіордано и даже обратился къ папѣ Григорію съ просьбой запретить бракъ, что папою Григоріемъ и было исполнено. Но онъ вскорѣ умеръ, и на папскій престолъ былъ избранъ дядя убитаго Перетти, кардиналъ Монтальто, подъ именемъ Сикста V-го.

Паоло Джіордано хорошо понималъ, что новый папа не оставитъ неотмщенной смерть своего племянника, тѣмъ не менѣе рѣшился представиться Сиксту V-му, поздравить его съ восшествіемъ на престолъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показать насколько чиста его совѣсть, по отношенію взводимаго на него преступленія. Его святѣйшество принялъ герцога весьма любезно и сказалъ:

— Можете быть увѣрены, что папѣ Сиксту V-му не подобаетъ мстить за обиды, причиненныя кардиналу Монтальто. Тѣмъ не менѣе, я бы совѣтовалъ вамъ быть осторожнѣе въ вашихъ дѣйствіяхъ, чтобы васъ не причислили къ разряду наемныхъ убійцъ и бандитовъ; такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ уже не кардиналу Монтальто, а папѣ Сиксту V-му, пришлось бы вмѣшаться въ дѣло, и не только увѣщевать васъ, но и наказать.

Изъ этихъ словъ страшнаго Сикста V-го Паоло Джіордано увидалъ, что ему нельзя ждать пощады отъ его святѣйшества и поспѣшилъ убраться изъ папскихъ владѣній, предварительно сочетавшись бракомъ съ Виржиніей, вдовою Перетти. Герцогъ Браччіано съ своей молодой женой скрылись въ венеціанскую республику, сначала пріѣхали въ Падую, а оттуда въ Салò, на берегъ озера Гарди. Здѣсь, въ этомъ уединеніи, герцогъ Браччіано считалъ себя вполнѣ безопаснымъ. Но онъ ошибся: мстительная рука страшнаго Сикста V-го и тамъ его нашла. Паоло Джіордано, въ одинъ прекрасный день, внезапно умеръ, какъ современники утверждали, отъ яда. Умирая, горцогъ Браччіано, имѣлъ время закрѣпить всѣ свои имѣнія и богатства за своей женой Виржиніей. Людовикъ Орсини, не признавая завѣщанія покойнаго, предъявилъ свои права на наслѣдство, и между нимъ и герцогиней Виржиніей возникла самая отчаянная борьба. Процессъ еще длился, когда Виржинія переѣхала съ двумя братьями своего перваго мужа въ Падую.

Ночью, 22-го октября 1585 года, Людовикъ Орсини (какъ утверждали, съ разрѣшенія папы) окружилъ съ сорока бандитами домъ герцогини Браччіано и ворвался въ комнаты. Первый палъ подъ ножами убійцъ Фламиній Перетти, потомъ злодѣи чрезъ его трупъ проникли въ спальню къ Виржиніи. Несчастная женщина, услыхавъ шумъ, вскочила въ одномъ бѣльѣ съ кровати и, увидавъ разбойниковъ, въ рукахъ которыхъ блестѣли обнаженные стилеты, вскричала:

— Ради неба прошу объ одномъ: дать мнѣ время помолиться о спасеніи души.

Въ отвѣтъ на эту просьбу одинъ изъ злодѣевъ погрузилъ стилетъ въ лѣвый бокъ молодой женщины и съ ужасающимъ цинизмомъ, издѣваясь надъ умирающей, спрашивалъ ее, хорошо ли онъ ей проткнулъ сердце.

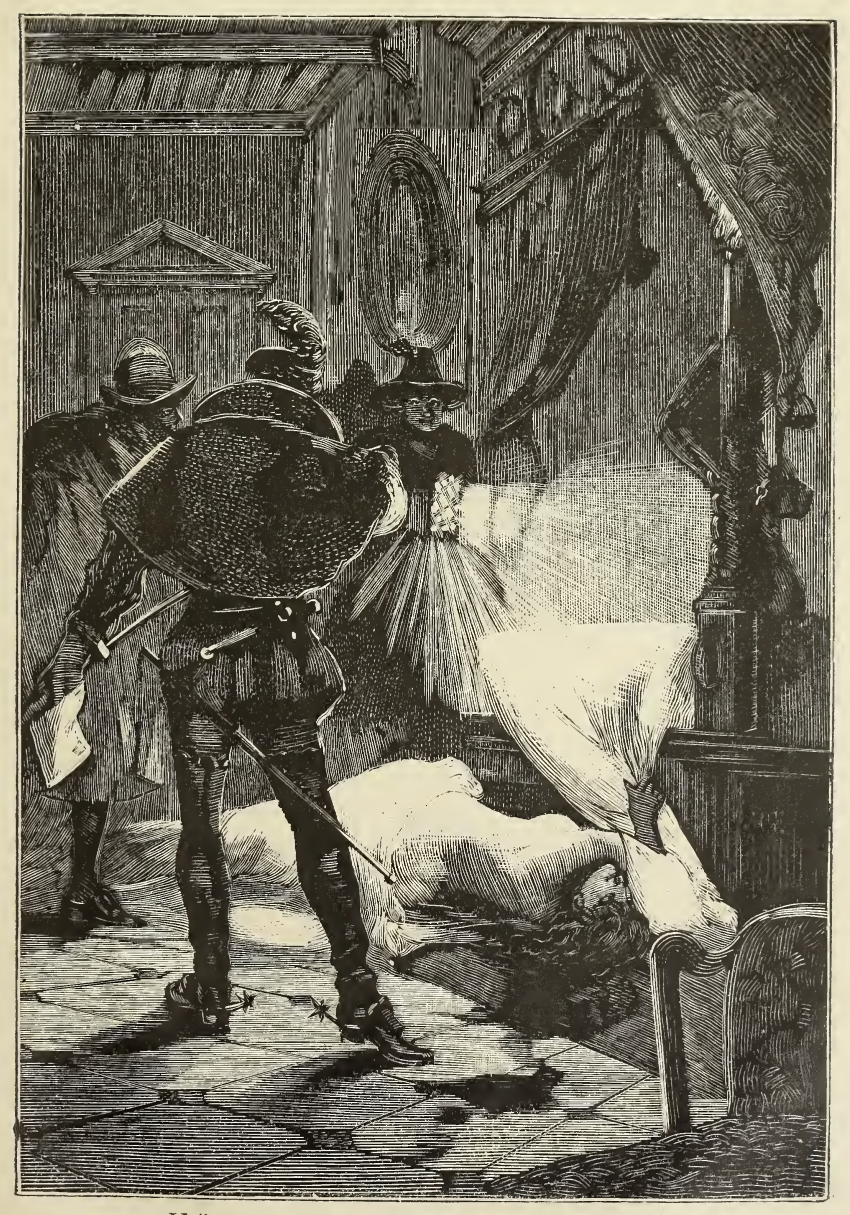
На другой день весь городъ Падуа взволновался, узнавъ объ этомъ страшномъ преступленіи. Тотчасъ же отдано было приказаніе запереть всѣ ворота, никого не выпускать изъ города, объѣхать всѣ дома и непремѣнно поймать убійцу. Изъ Венеціи по этому случаю пріѣхалъ государственный инквизиторъ Брагадино для производства самаго строжайшаго слѣдствія. Вскорѣ оказалось, что убійцей герцогини Браччіано былъ Людовикъ Орсини. Къ большому удовольствію слѣдователей, злодѣй еще не успѣлъ убѣжать изъ города и заперся въ одномъ изъ каменныхъ домовъ. Тщетно его убѣждали сдаться, убійца отвѣчалъ угрозами и такъ барикадировалъ свое убѣжище, что взять его не было никакой возможности. Наконецъ прибѣгли къ помощи пушекъ, разрушили стѣны и Людовика Орсини арестовали. Такъ какъ въ его преступленіи нельзя было сомнѣваться, да и самъ обвиняемый его не отрицалъ, то по приводѣ убійцы въ тюрьму ему дали три часа для написанія письма къ женѣ, а потомъ задушили. Троило Орсини также умеръ насильственной смертью. Избѣгнувъ мести своего двоюроднаго брата, Паоло Джіордано, бѣгствомъ изъ Флоренціи послѣ убійства Изабеллы, онъ имѣлъ намѣреніе скрыться во Франціи; но посланные ему въ слѣдъ бандиты Франческо де-Медичи настигли его и убили.

Въ то время постоянно разыгрывались подобныя трагедіи.

Историческая замѣтка къ I-й главѣ.

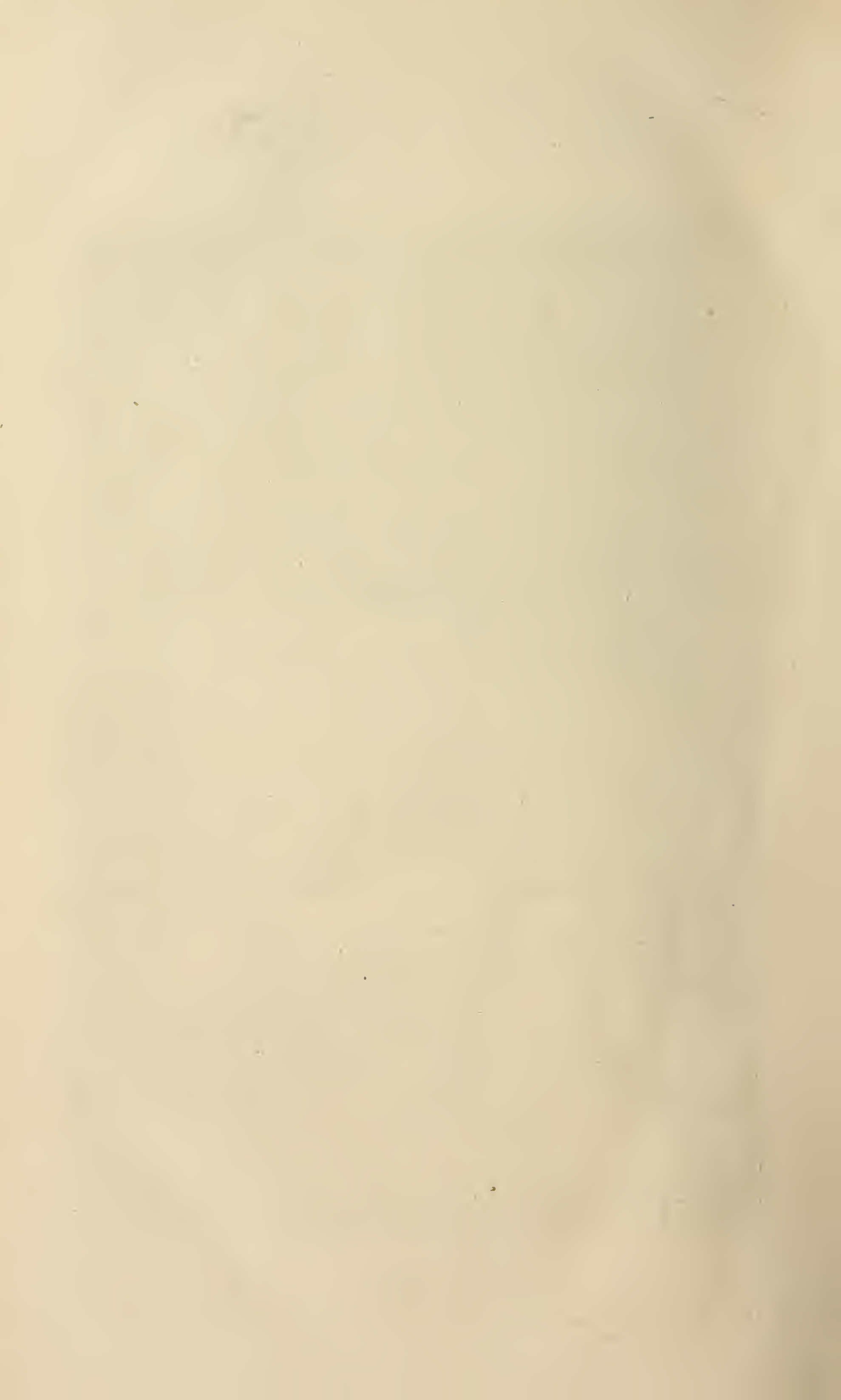
Основаніе средневѣковыхъ княжествъ.

Основаніе власти дома Медичи надъ флорентійской республикой относится къ началу XV столѣтія. Въ эту эпоху всѣ старинныя итальянскія республики преобразовались въ княжества. Республиканское правленіе сохранилось еще во Флоренціи, но и тамъ уже оно не имѣло стойкаго и рѣшительнаго характера. Народная власть не была въ рукахъ выборныхъ судей, она перешла къ богатымъ и вліятельнымъ людямъ, выказавшимъ опытность и ловкость въ общественныхъ дѣлахъ. Въ то время, какъ эти люди поочередно одерживали верхъ одинъ надъ другимъ, ссылая другъ друга въ изгнаніе, флорентійская республика тоже переходила отъ одной семьи къ другой. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одна семья, болѣе искусная, не съумѣла упрочить за собой власть. Съ этой минуты дни флорентійской республики были сочтены. Ари-



Убійство герцогини Виржиніи Орсини.

дозв. ценз. спб., 21 марта 1890 г.



ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

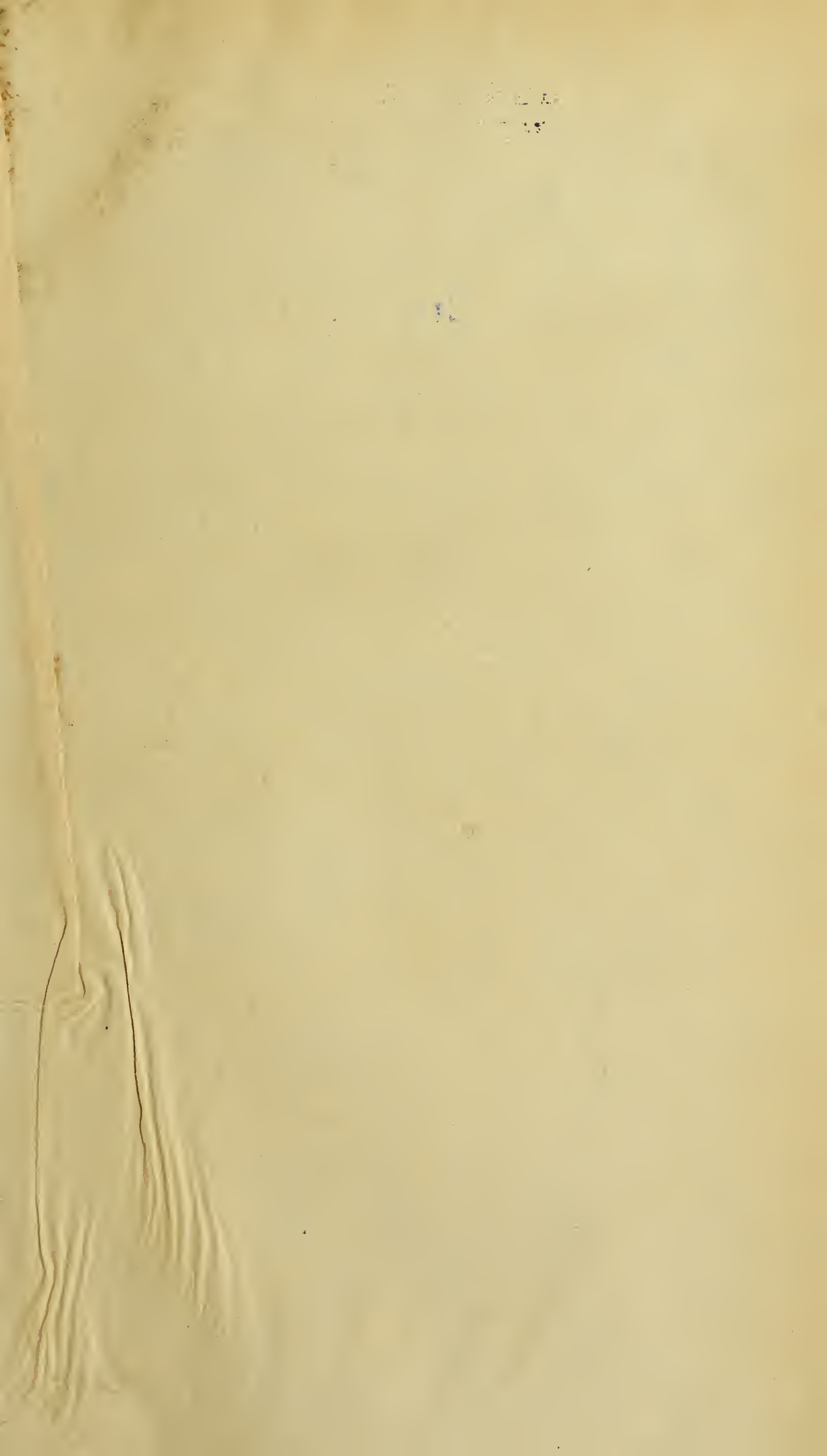
Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

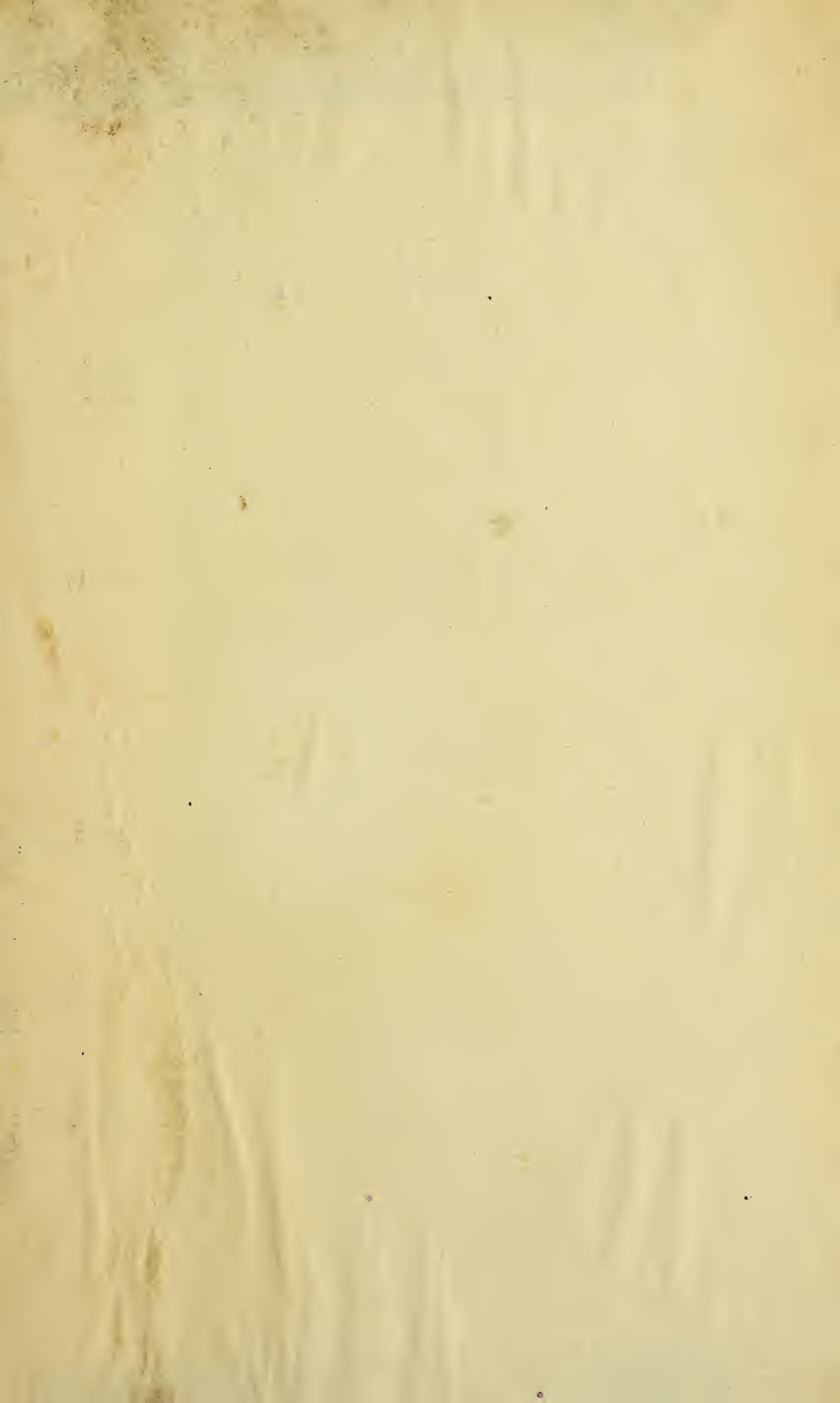
Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13





UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 042226453